

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ПАВЕЛ КОРНЕВ

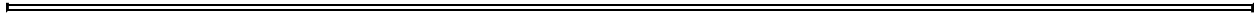
ПУТЬ КЕЙНА

Annotation

Чем может пожертвовать человек, лишь бы только остаться самим собой? Честью, добрым именем, любовью? Кейн рода Лейми поставил на кон все - и теперь ему не остается ничего иного, кроме как добиваться заветной цели любыми средствами. Яд и удавка? Кинжал и арбалет? Кейн пустит в ход что угодно, ведь по пятам уже идут охотники за скальпами, инквизиторы и чернокнижники. Вот только неизвестно, куда заведет его пылающая в душе одержимость...

- [Павел Корнев](#)
 - [Иллюстрации Ильи Воронина](#)
 - [История первая.](#)
 - [История вторая.](#)
 - [Часть первая. ПУЩЕННАЯ СТРЕЛА](#)
 - [Часть вторая. ЧЕРЕЗ ВОЙНУ](#)
 - [История третья.](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)

- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)

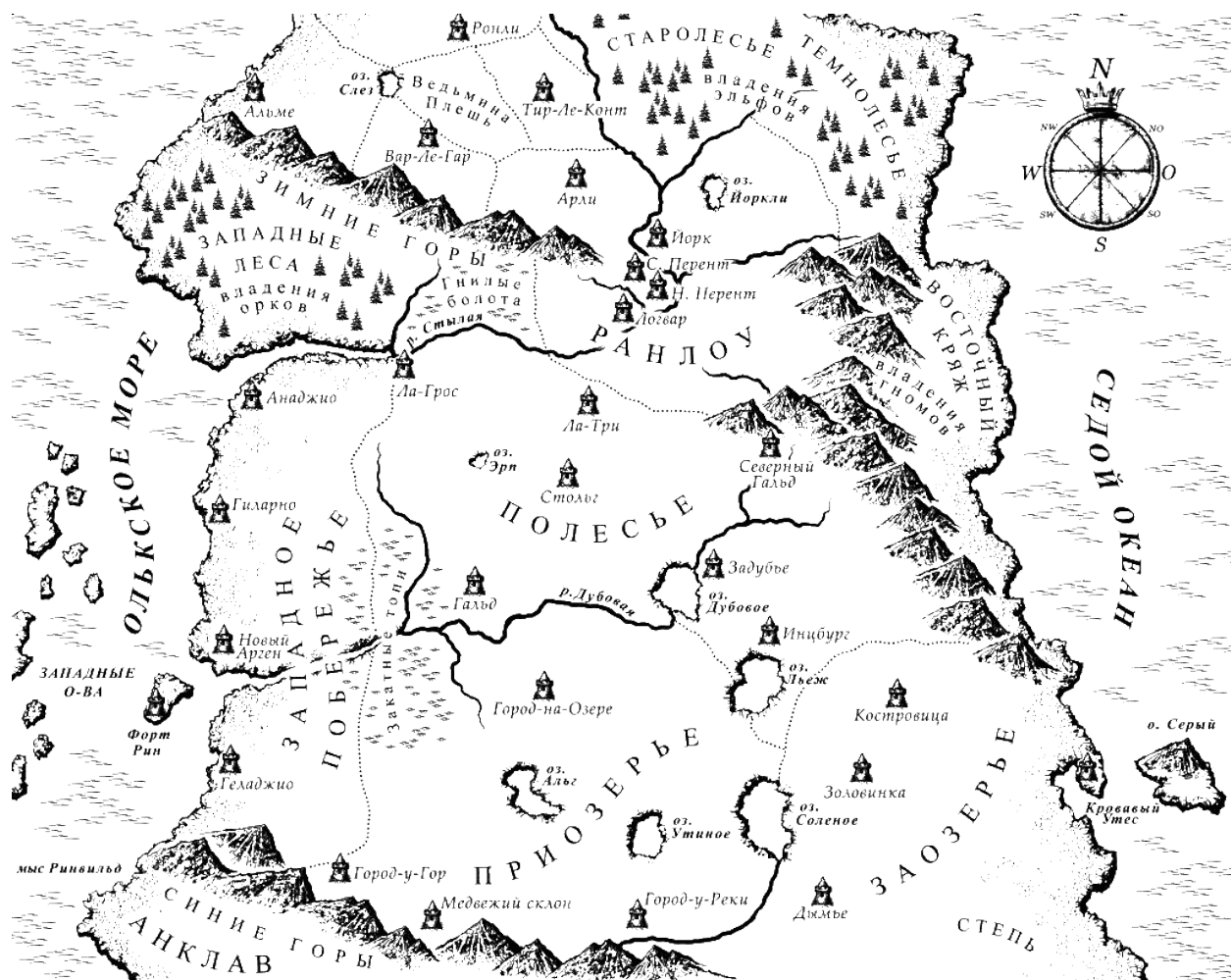
Павел Корнев
Путь Кейна

Иллюстрации Ильи Воронина

Карта Святых Земель

История первая.

ОДЕРЖИМОСТЬ

Высушенный летним зноем терновник полыхал ярким, почти бесцветным пламенем. Почти бесцветным, но от этого ничуть не менее жарким — лепестки огня обвивали сгоравшего заживо демона и танцевали вокруг него хаотический танец очищающего обряда. Вбитые в запястья и лодыжки серебряные гвозди лишили исчадие тьмы всякой надежды на спасение, но оно все же раз за разом проверяло на прочность загнанные в дерево штыри. Обрывки одежды уже занялись пламенем, и, по мере того как начала обугливаться плоть, рывки становились все слабее, а вопли тише и бессвязней.

Изменивший направление ветер снес на меня серые хлопья пепла, яростный жар опалил лицо, но я продолжил наблюдать за конвульсиями одержимого и не подумав отойти на безопасное расстояние.

Гори, тень тебя заberi, гори! Подыхай, тварь!

Впрочем, если разобраться — демон уже сдох, когда арбалетный болт пробил грудь человеку, в которого тот по неосторожности вселился. Вот уж не думал, что сумеречник не учует серебро. Повезло. Мне повезло — не ему. На такой улов, видит тень, я и не рассчитывал.

Кинув на землю ненужный более арбалет, я швырнул в огонь последнюю охапку хвороста и, вытерев полую белой рубахи вспотевшее лицо, повернулся к топтавшимся неподалеку людям. Должно быть, в глазах отразились отблески пламени, все мои спутники почтительно потупились. Все — даже приставленный дедом старый вояка Кевин Свори. Один лишь священник спокойно выдержал мой взгляд.

Ухмыльнувшись, я поднял с кочки чадящий факел и подошел к припиленному к земле кинжалом и двумя ножами косильщику — выбравшейся из Ведьминой плечи на запах крови твари ростом в полтора локтя. Казалось, это кукольный мастер спяну смастерил из корней деревьев на потеху детворе страшилище, но похожие на лезвия серпов длинные когти вполне могли поспорить остротой с клинками работы подгорных мастеров. Оглянувшись на священника, я взмахом руки обдал косильщика каплями горячей смолы, и тот тихонько завыл, опаленный огнем.

— Грешно наслаждаться страданиями других, — приблизился ко мне

святой отец.

— Даже адского создания? — прищурился я, разглядывая незнакомого церковника.

Невысокий, плотный, лет за сорок, широкое лицо по имперской моде выбрито. Не будь на нем коричневый балахон братства Святого Патрика, решил бы, что передо мной мельник или зажиточный лавочник. Вот только глаза...

— Даже так, — уверенно заявил церковник и, сложив на груди руки, прочитал короткую молитву. И столько в его словах было силы, что опаленный каплями горячей смолы демон только раз и дернулся, прежде чем обряд изгнания отправил его сущность обратно в преисподнюю. Тем не менее я вытащил из висевших на поясе ножен короткий меч и несколькими ударами отрубил приплюснутую голову с широкой пастью, полной острых зубов.

От почти прогоревшего куста терновника нестерпимо несло горелой человечины, так что устроенное священником представление меня нисколько не разозлило. В любом случае дольше необходимого задерживаться здесь не стоило — как бы из Ведьминой плеша еще кто на дармовое угощение не явился. Да и ножи давно пора из этого дохлого пугала вытаскивать, пока от ядовитой крови клинки ржавчина не прихватила.

— Какими судьбами вас сюда занесло? — спросил я. — Отец...

— Отец Густав, — правильно понял причину моей заминки церковник. — Я новый настоятель монастыря Святого Патрика.

— Это как раз понятно, — кивнул я и взмахом руки подозвал державшего на поводу мою лошадь Эдвина. — Вопрос был, что вам понадобилось на этой заброшенной дороге.

— Мы решили срезать путь, господин Кейн, — объяснил узнавший меня охранник настоятеля — крупный малый в доходившей до середины бедра кольчуге. К седлу его гнедого жеребца был приторочен стальной шлем.

— По заброшенной дороге? — удивился я, ломая голову, где встречал этого здоровяка раньше. Нет, не припомню. Но он точно из местных: и стрижен по-нашему коротко, и знать меня в лицо приезжий никак не может. Священник вот не знал. — Не думал, что в здравом уме люди так близко к Ведьминой плеша приближаться рискуют.

— А сам как? В здравом уме, нет? — тихонько пробурчал мне на ухо Эдвин и успокаивающе похлопал по крупу мелко дрожавшую Звездочку.

А что я? Подумаешь, у границы прошелся! Да еще не один, а под

охраной старины Свори и двух его оруженосцев. Вон со взведенными арбалетами и сейчас от плечи глаз не отводят. В детстве с братом и то дальше забирались. Куда как дальше...

Я перевел взгляд с заброшенной дороги — наглядного подтверждения, что силы тьмы медленно, но неуклонно расширяют свои владения на землях Тир-Ле-Конта, — на Ведьмину плешь и вновь прищурился из-за кусавшего глаза дыма. Отсюда посмотришь — ничего особенного. Разве что листва пожухлая, да сухостоя больше. Ну и небо в той стороне куда темнее. А вот если приглядеться...

Жесткая серая трава, перекрученные чужеродной силой стволы деревьев, лиловые цветки и длинные загнутые шипы неведомых растений. И тишина... Ни птаха не мелькнет, ни кузнечик на той стороне не застрекочет. А уж что здесь по ночам творится...

Эти проклятые земли нарекли Ведьминой плешью вовсе неспроста. Оттуда в наш мир проникали всяческие потусторонние твари, а эманации infernalного зла изменяли растения и животных и превращали их в нечто невообразимое.

— Исчадия преисподней не страшны тем, в ком вера сильна, — начал перебирать четки отец Густав, помолчал и добавил: — Тем более при свете солнца.

— Это не ответ. — Вытащив из седельной сумки флягу, я сделал добрый глоток вина и, закашлявшись, забрызгал рубиновыми каплями рубаху. Ох тень, не в то горло пошло! Это все из-за Эдвина, не иначе — старый слуга смотрел на меня с немимым упреком в глазах. Ладно, хоть побоялся при чужих с нравоучениями лезть.

— Мы ожидаем преподобного Карла Арнсона — настоятеля монастыря нашего братства в Арли, — переглянулся с охранником священник. — И решили встретить его в Старых Ключах.

— Зачем по этой дороге-то поехали? — не дал я увести разговор в сторону, почувствовав какую-то недосказанность.

— Последний раз в Тир-Ле-Конте преподобный был несколько лет назад и вполне может отправиться короткой дорогой.

— И что с того? — рассмеялся я. — Его вера не так сильна, как ваша?

— Он просто не представляет, как опасен этот путь ночью, — ответил церковник, смиренно пропуская мой смех мимо ушей.

— Как выглядит ваш гость? — направил к нам своего коня легко вскочивший в седло Кевин Свори — седоусый рыцарь, выполнявший особые поручения моего деда.

— Выглядит лет на полсотни, ростом с меня. Лысоват. На подбородке

красное родимое пятно, — перечислив, задумался отец Густав. — Так, Жерар?

— Носит простой серый балахон, на среднем пальце левой руки перстень с вырезанной на рубине печатью ордена, — добавил от себя охранник священника. — Свита в полдюжины человек: слуга и пятеро телохранителей. Путешествуют верхом.

— Не встречали. — Я стянул через голову испачканную гарью, вином и кровью рубаху и кинул ее Эдвину.

Тот, заметив оставленный когтем косильщика след на ребрах, зацокал языком.

Пустое! Поджившая царапина меня уже не беспокоила. Правда, ее все же стоило промыть крепким вином. Хотя серой хворью я в свое время и переболел, но мало ли...

— Точно, никого не было, — закивал мой слуга, доставая из седельной сумки свежую рубаху. — Никак не могли мимо нас проскочить...

— Может, в пути задержался или по объездной дороге отправился, — пробормотал себе под нос священник с плохо скрываемым беспокойством. — Жерар, мы точно засветло до Старых Ключей доберемся?

— Точно, — ответил телохранитель, поправляя висевший в петле обоюдоострый боевой топор. — Только надо поторопиться. Вечереет уже.

— Нас подождите, — неожиданно для себя принял я решение присоединиться к настоятелю монастыря, сделал еще один глоток вина и убрал флягу в седельную суму. — Вместе веселее...

— Нам возвращаться надо, — напомнил мне хмурый Свори, которому уже порядком осточертело со мной нянчиться. А уж тащиться неведомо куда по такому солнцепеку... Он и так весь в своем панцире взопрел.

— Не хочешь совершить богоугодное дело? — скривился я, упорствуя на своем вовсе не из-за особой любви к церковникам. Просто после возвращения в Тир-Ле-Конт разговор с дедом предстоит не из приятных, а до завтра, глядишь, он чуток поостынет. — Поехали, развеемся...

— Хорошо, — кивнул поджавший губы Свори, не решившись оспаривать приказ. — Кольчугу надень.

— Еще чего! — фыркнул я, не собираясь накидывать поверх рубахи даже камзола, и забрался в седло.

Старому рыцарю было поперек горла выполнять приказы мальчишки полутора десятков лет от роду, да только деваться некуда: пусть княжеский перстень рода Лейми и унаследует мой старший брат, я, как ни крути, тоже внук своего деда. Ничего, недолго охране меня терпеть осталось — давно уже пора к отцу в Альме возвращаться.

— Рони! Нож мой принеси! — прикрикнул я на одного из оруженосцев. — Только смотри до листокрута не дотрагивайся. И лезвие не лапай, протри сначала!

— Сам бы забрал... — не отказал себе в удовольствии поворчать Свори, который вовсе не пришел в восторг от того, что парню придется углубиться на десяток шагов в Ведьмину плешь. Да еще вытаскивать метательный нож из излишне любопытной твари, пришпиленной к дереву моим броском.

— Мог бы — забрал бы, — отрезал я, проверяя, насколько хорошо очистилось от крови демона лезвие кинжала.

Сейчас смешно вспомнить, но, когда отец узнал о моих с братом вылазках в Ведьмину плешь, влетело нам изрядно. Тогда он и требовал с нас обещание никогда больше не соваться в это проклятое место. И об этом обещании не преминул мне перед поездкой в Тир-Ле-Конт напомнить.

Свори, вокруг глаз которого залегли глубокие морщины, дождался, пока Рони — долговязый белобрысый парень всего на пару лет постарше меня — высвободит из старого вяза метательный нож и вернется к нам, и принялся придирчиво осматривать снаряжение оруженосцев. Усиленные зеркалами кольчуги, шлемы с бармицами, толстые кожаные штаны и куртки могли пригодиться на случай схватки с разбойниками или демонами из плещи, но в такую жаркую погоду в них можно было запросто свариться заживо в собственном поту.

Я вытер лоб и оглядел пронзительно-голубое небо. В том — ни облачка. И хоть дело уже близилось к вечеру, солнце жарило просто невыносимо. В последний раз окинув взглядом сгоревшее почти до костей тело, я дождался, когда священник заберется на невысокого смиренного конька, и направил Звездочку на заброшенную дорогу, обочины которой заросли высокой травой.

Свори тут же закончил устраивать разнос младшему из оруженосцев — круглолицему и полноватому Анри, не от большого ума расстегнувшему усиленную бронзовыми бляхами куртку, нагнал меня и поехал рядом. Передавший через него нож Рони ускакал вперед проверять дорогу, а его проштрафившийся товарищ плелся сзади, глотая поднятую копытами пыль.

Я убедился, что Эдвин не отстал, собирая мои пожитки, вытащил флягу и отхлебнул немного. Подумал — и протянул вино Свори.

Знавший меня с пеленок рыцарь сделал один глоток, вытер длинные усы и спросил:

— Стоило оно того?

— Да, — без колебаний ответил я и убрал флягу в седельную суму. —

Стоило.

— А по мне, так скормить душу человека демону самое последнее дело, — вздохнул телохранитель, глядя куда-то в сторону.

— Фредерик умирал три седмицы, — сплюнул я в дорожную пыль и оглядел открывшийся по левую сторону дороги широкий луг. — Три седмицы он гнил заживо только из-за того, что этот ублюдок Дункан отравил клинок! А лекари даже не могли унять его боль! Вот тогда я и пообещал устроить так, что смерть этого недоноска ни на тень не будет легче. Я слово сдержал. Кровь за кровь и прах к праху.

— Это детство в тебе играет, сынок, — возразил старый рыцарь и, приложив ладонь ко лбу, осмотрел неровную стену кривых деревьев, отделяющую нас от Ведьминой плеша. — Видят тени, со временем начинаешь понимать, что для человека нет никакой разницы — четвертуешь ты его или без затей снесешь голову. Важен лишь результат.

— Угораздит угодить в ад, скажи об этом Дункану, — хмыкнул я. — Бедному ублюдку, который думал, что умнее всех.

— Не стоило тебе возвращаться в Тир-Ле-Конт, — нахмурился Свори. — Если князь узнает, как ты обошелся с Дунканом, я тебе не завидую.

— Не если, а когда, — скривился я и вновь достал флягу с вином. — Плевать.

— Храбришься? — Седоусый рыцарь посмотрел на меня так пристально, словно собирался сосчитать глотки.

— Учусь отвечать за свои поступки. — На солнцепеке вино моментально ударило в голову и развязало язык. — Будь что будет, и гори оно синим пламенем. Жаль только, святоша с косильщиком все испортил...

— Тень тебя забери, Кейн! — раздраженно хлопнул Свори ладонью по луке седла. — Разве я не учил тебя, что ненависть слишком опасна? Она дурманит голову и мешает... устранить врага наиболее простым способом именно тогда, когда это необходимо. Запомни: простота залог успеха, а своевременность — долгой жизни.

— Знаю, — лишь улыбнулся в ответ я.

— Тогда откуда в тебе это? — понизил голос рыцарь, перехватив украшенные серебряной чеканкой поводья Звездочки. — Откуда? Какой толк охотиться на демонов? Скольких ты сегодня убил? Четверых?

— С сумеречником — пятерых, — обернулся я посмотреть на торчавшую из земли каменную стелу.

Всего шесть лет назад, когда мы с отцом только уезжали в Альме, до Ведьминой плеша отсюда было версты три, не меньше! А теперь вот она — рукой подать.

— Капля в море! Даже разрежь ты на куски и поджарь на медленном огне сотню сумеречников, это ничего не изменит. Имя им — легион. Один тайнознатец чарами или вон — церковник молитвой за день изгонит демонов больше, чем ты сожжешь за всю свою жизнь!

— Изгонит? Обратно в преисподнюю? И что это изменит? — оскалился я. — Подумаешь, домой вышвырнули! Вернутся! Вот сумеречника я навсегда во тьму отправил! Сдох он! И косильщик бы сдох, не помешай мне церковник!

— Да какое тебе дело до этих проклятых созданий?! — взорвался Кевин Свори. — Изгнали, и ладно! Забудь!

— Они принесли серую хворь, — взглянул я в глаза старому рыцарю, которого при упоминании лютовавшей в Северных княжествах дюжину лет назад болезни так и перекоरेжило. И было от чего — зараза эта выкосила почти каждого десятого жителя Тир-Ле-Конта. Мы с братом тоже от нее не убереглись, но смогли выкарабкаться. Мы смогли, а мама — нет.

Ничего не ответив, Свори протянул руку, и я передал ему вытащенную из седельной сумы флягу. Дождлся, пока помрачневший рыцарь вернет ее, и допил плескавшееся на донышке вино. Дальше мы ехали молча.

Конь Рони взвился на дыбы, когда дорога вильнула, огибая неглубокий овраг, и вплотную приблизилась к заросшей высокой травой канаве. С трудом удержавшийся в седле оруженосец слишком поздно заметил трех черных зверей, которые в ярком свете солнца казались стремительными каплями первородной тьмы. Прицелиться он толком не успел, и арбалетный болт впустую прошел намного выше рванувших через овраг к Ведьминой плечи нюхальщиков. Напоминавшие горбатых волков с острыми вытянутыми мордами твари в один миг взобрались на пологий склон и метнулись через небольшое поле к спасительным зарослям терновника.

Не обратив внимания на предостерегающий крик Свори, я пятками направил лошадь наперерез и вытащил седельный меч. Ну же! Быстрой!

Ветер начал раздувать рубаху, и я понесся по лугу, только тень знает каким чудом удерживаясь в седле. Мелькнуло опасение, что на пути может подвернуться кротовья нора, но вино и азарт мигом вышвырнули из головы эти никчемные мыслишки. Замахиваясь мечом, я орал от восторга.

Словно шкурой почуяв опасность, нюхальщик метнулся в сторону, но длинный клинок все же чиркнул его по загривку. Легко рассекшее плоть демонического создания лезвие угодило меж костяных пластин, и в следующий миг рукоять вырвало из моей вспотевшей ладони.

Натянув поводья, я выскочил из седла и вооружился коротким мечом и кинжалом. В глубоко посаженных черных глазах раненого демона вспыхнули багровые огоньки безумия, и он зубами попытался перехватить лезвие. Легко сместившись в сторону, я наотмашь врезал ему по уху витой гардой и сразу же ткнул во впалое брюхо зажатым в правой руке коротким клинком. Завизжав от боли, тварь припала к земле, но подоспевший Свори выстрелил из арбалета ей в голову.

— Кто учит тебя управляться с мечом, мальчик? — с упреком выдохнул он и привстал на стременах, наблюдая за зарослями терновника, в которые нырнули уцелевшие нюхальщики.

— Никто, — ответил я, поднимая с земли седельный меч, а затем на ватных ногах поплелся к отбежавшей к оврагу Звездочке.

— Оно и видно, — язвительно заметил Свори, направив коня вслед за мной.

— Просто рука вспотела, — отмахнулся я, забираясь в седло, и закусил с досады губу.

В голове шумело, сердце колотилось, а в пересохшем рту стоял мерзкий привкус желчи. Тень! Как же неудачно с мечом получилось! Теперь въедливый старикан всю дорогу пилить будет, еще и деду о моей промашке расскажет.

— Конечно-конечно, с кем не бывает, — глумливо кивнул седоусый рыцарь, спускавший за подобную оплошность со своих оруженосцев семь шкур. Он перестал улыбаться и дернул себя за ус. — В Альме что, так сложно хорошего мечника найти? Или Патрик на тебя совсем рукой махнул?

— Предыдущий наставник считал, что без шишек и тумачков его уроки пройдут для меня впустую. — Звездочка тихонько побрела через луг обратно на дорогу, но я не стал ее подгонять. — Пришлось отказаться от его услуг.

— Зря, может, хоть так бы из тебя толк вышел.

Рыцарь взмахом руки вновь отправил Рони вперед, и мы поскакали следом за умчавшимся по дороге оруженосцем.

— Вряд ли, — с сомнением покачал головой я и глотнул из протянутой мне фляги. Холодная вода смыла привкус желчи, но сейчас куда уместней оказался бы глоток вина. — Отцовским лекарям так и не удалось приживить ему пальцы на правой руке.

— Ты сказал — предыдущий наставник? — внимательно глянул на меня Свори. — А что нынешний?

— Пока еще не встречались, — усмехнулся я. — Отец перед самым

отъездом нанял какого-то моряка.

— Оболтус, — с затаенной гордостью — не столько лично за меня, сколько за уроженца Тир-Ле-Конта — усмехнулся Свори в вислые усы.

До Старых Ключей — небольшой деревеньки на самой границе с княжеством Арли — мы добрались уже ближе к вечеру. Дневная жара к этому времени спала, и я накинул поверх запыленной рубахи камзол. Иначе имелся риск быть заживо съеденными комарами, коих в этой болотистой местности водилось просто несметное количество. Немного успокоившийся при виде ограждавшего поселение в полсотни домов частокола Свори разрешил оруженосцам снять шлемы, и те с наслаждением подставили раскрасневшиеся лица посвежевшему за время пути ветру.

Дежурившие на воротах и дозорной вышке караульные при нашем появлении даже усом не повели — прямо за околицей остановился на ночлег идущий в Тир-Ле-Конт имперский караван. Несколько десятков работников споро разбивали шатры и палатки, а дюжина стражников следила, как бы местные оборванцы не прокрались к фургонам, из которых уже выпрягли лошадей. Надутый от собственной важности тип — не иначе староста или еще какой прыщ на ровном месте — в компании с купцом ходил по пятам за ставившим защитные чары тайнознатцем.

— Остановимся на ночь? — предложил я, заметив нескольких симпатичных и не очень девиц, с интересом посматривавших на обозников.

Прожаживавшиеся поблизости крепкие парни только подтвердили мою догадку о причинах такого интереса. Все верно: почти все торговые обозы из Империи, что направлялись в Тир-Ле-Конт через Арли, останавливались на ночевку именно здесь. А народец у нас ушлый, давно сообразил, на чем лишнюю монетку заработать.

— Нет! — рявкнул перехвативший мой взгляд Свори.

— А вы, святой отец, что скажете? — повернулся я к настоятелю монастыря. — А завтра вместе с караваном поутру в путь двинетесь.

— Если нашего гостя нет в Старых Ключах, мы все же попробуем его нагнать, — вздохнул отец Густав. — Иначе, боюсь, может сложиться не самое лучшее мнение о нашем гостеприимстве.

— С проверкой едет? — догадался Свори и, усмехнувшись, оглушительно засвистел.

Сопровождавший обозного тайнознатца мужичок, на колпаке которого серебряной нитью был вышит герб Старых Ключей, развернулся, открыл рот для гневного окрика и... мигом растерял весь свой гонор, узнав моего телохранителя.

— Живо сюда! — рывкнул седоусый рыцарь, грозно похлопывая кожаными перчатками по луке седла.

— Чем могу служить, господин Свори? — заискивающе заглянул ему в глаза помощник старосты и принялся теребить сдернутый с головы колпак. На широком поясе с чеканной медной пряжкой висел здоровенный тесак, но, судя по украшенным серебряными клепками ножнам, нацепляли его исключительно перед приездом важных гостей.

— Патриканцы у вас остановились?

— Нет, господин Свори, — искоса глянув на коричневый балахон святого отца, опустил глаза помощник старосты, постная морда которого прямо-таки напрашивалась на добрый пинок сапогом.

— Мимо они проехали, — подсказал пожилой стражник в выгоревшем на солнце и застиранном до серости дублете с распушенной почти до пупа шнуровкой. На перекинутом через плечо ремне, с которого свисал в потертых ножнах пехотный меч, вместо обычной застёжки темнела княжеская черная роза. Выходит, за порядком сюда приглядывать направили.

— Давно проехали? — уточнил рыцарь, потеряв всякий интерес к переминавшемуся с ноги на ногу помощнику старосты.

— Часа с два назад. До «Наковальни» засветло успеть рассчитывали, — ответил стражник, задумчиво погладил короткую бородку и слегка поклонился настоятелю монастыря. Даже не поклонился — так, наметил поклон. Оно и понятно: не в Империи, чай. Пусть спасибо скажут, что дед их монастырь вообще не закрыл. Из Ронли вон давно всех церковников вашей выгнали.

— Благодарю, — кивнул ветерану рыцарь и повернулся к отцу Густаву: — Вас проводить?

— Будем очень признательны, — не стал скромничать священник. — Как бы ночь в дороге не застала.

— Зачем? — усмехнулся я. — Разве страшны исчадия преисподней тем, в ком вера сильна?

— А разбойники? — вздохнул отец Густав. — Не всякого безбожника удастся вразумить молитвой и проповедью. А как говорил святой Патрик: нет никакой доблести сложить голову из-за пустого бахвальства.

— Тогда в путь! — скомандовал Свори, не дав мне придумать хоть какую-нибудь причину для ночевки в Старых Ключах.

Я привстал на стременах, собираясь приказать поворачивать обратно, но поймал укоризненный взгляд Эдвина, передумал и направил Звездочку вслед за остальными. Все равно до Тир-Ле-Конта сегодня добраться уже не

успеем, а что Старые Ключи, что «Наковальня»... одна тень.

За оградой «Наковальни» — постоялого двора, выстроенного на месте заброшенной кузницы, — выл пес. Выл, выл и выл. Не смолкавший ни на мгновение собачий плач действовал на нервы, и насторожившийся Свори велел оруженосцам проверить оружие, надеть шлемы и держать ухо востро.

— Кейн, кольчуга! — напомнил мне рыцарь.

— Забудь, — буркнул я, хоть и понимал, что дело, скорее всего, действительно нечисто. Будь на постоялом дворе все в порядке — пес давно бы уже получил поленом по хребту. С другой стороны — лиходеи этот вой тоже бы терпеть не стали.

И все же что там стряслось? Места здесь глухие, может, и вправду стоит кольчугу надеть?

— Мальчишка... — прошипел седоусый рыцарь и скомандовал: — Не отставать!

— Старый пердун, — не остался в долгу я, но Свори, к счастью, ничего не расслышал.

Когда мы подъехали к высокому бревенчатому забору, из-за которого торчала островерхая крыша двухэтажного постоялого двора, тоскливый собачий вой сменился яростным лаем и лязгом цепи носившегося по двору пса. Свори соскочил из седла на землю, обнажил меч и велел вооружившимся арбалетами оруженосцам следовать за ним и не лезть вперед.

Жерар, настороженно озираясь по сторонам, вытащил из петли боевой топор, настоятель, бормоча себе под нос молитву, начал перебирать четки.

— Жди здесь! — Я кинул поводья Звездочки Эдвину, и тот попытался всучить мне свой взведенный арбалет.

— Оставь себе! — отказался я и, достав пару метательных ножей, отправился вдогонку за шагнувшим в распахнутые ворота рыцарем.

— Эй ты! Брось меч! — рявкнул на кого-то Свори, когда хриплый лай цепного пса резко оборвался и послышался жалобный скулеж. — Живо!

Молодой парень в накинутом поверх кольчужной безрукавки плаще разжал руку и уронил тяжелый полесский меч рядом с затихшим кобелем.

Свори указал Рони на конюшню и начал медленно приближаться к бойцу таким образом, чтобы не перекрыть линию стрельбы второму своему оруженосцу.

— Что здесь происходит?! — потребовал он объяснений.

Рыжеволосый крепыш промолчал, по его веснушчатому лицу покатались крупные капли пота. Я решил, что на местного уроженца тот не

похож. Скорее уж это подданный герцога Йорка. Там все через одного рыжие и конопатые.

— Вы кто такие?! — вдруг заверещал выскочивший на крыльцо постоянного двора худой старик в серой хламиде, подпоясанной обрывком простой веревки. За его спиной в двери появился еще один вооруженный человек — плечистый детина, заросший длинной черной щетиной.

— Что здесь происходит? — уже спокойней повторил вопрос Свори, который моментально приметил и красноватую кляксу родимого пятна на подбородке старика, и печатку с крупным рубином. Приметил, но команду опустить арбалеты оруженосцам так и не дал.

— Ваше преподобие! — замахал руками отец Густав. — Все в порядке, это мы!

— О! Дорогой друг! — обрадовался старикан, но как-то не очень уверенно, будто был немного пьян.

— Это преподобный Карл Арнсон! — сообщил нам священник.

— И все же, что здесь происходит? — совсем спокойно, тихо и скучно поинтересовался седоусый рыцарь в третий и, видимо, последний раз.

Что обычно следует дальше, мне было прекрасно известно, а потому я отступил к забору и перевел взгляд на дверной проем. Как бы сейчас заварушка не началась. Тем более что охранник настоятеля арлийского монастыря уже поднял с земли свой меч.

— Разбойники напали на постоянный двор, — впервые удостоил нас ответом преподобный Арнсон. — К сожалению, мы опоздали и смогли спасти только дочку хозяина.

Свори взбежал на крыльцо и спросил:

— Где она?

— В доме, — ответил церковник, жестом велел второму своему охраннику освободить рыцарю дорогу и отвернулся от подскочившего к нему отца Густава. — Только прошу, не мучайте ее расспросами, у девочки небольшое помутнение рассудка и она почти не говорит.

— Хорошо, — кивнул Свори и зашел в дом.

Я спрятал метательные ножи и поспешил за ним. Гнало вперед не столько любопытство, сколько трезвый расчет — на постоялом дворе наверняка полно снеди, а у меня во рту с утра маковой росинки не было.

Впрочем, все мысли о еде испарились, стоило ударить в нос тяжелому запаху смерти. Первый труп лежал прямо за порогом: одному из охранников церковника разmozжили голову чем-то тяжелым. Крови было столько, что пропитавшийся ею серый плащ показался в тусклом освещении черным.

Дальше в обеденном зале вповалку валялось еще несколько тел: меж перевернутых и порубленных столов замерли два охранника и четверка плохо одетых мужиков с дубинками и топорами.

Залетные разбойники? Скорее всего. Местные смерды тоже, конечно, пошаливают, но напасть на постоянный двор у них кишка тонка.

Свори прошел к ведущей на второй этаж лестнице и за волосы приподнял голову лежавшего на ступеньках парня с перерезанным горлом.

— Вышибала, — узнал мертвеца рыцарь, отпустил волосы и вытер ладонь о штанину. — Девочка где?

— Она там, — указал рукой на одну из комнат зашедший с улицы Карл Арнсон. — Я прошу вас, будьте помягче с бедным дитятей...

Свори молча распахнул указанную дверь, и оттуда тотчас выскочила светловолосая девчонка лет десяти. Невысокая, с двумя длинными косицами, в доходившем до колен ситцевом сарафане. Бледная как мел. Обхватив руками церковника, дочь трактирщика уткнулась в его балахон и затряслась в беззвучном приступе плача.

Свори понял, что из девчонки сейчас и слова не вытянешь, и спросил у подпиравшего стену охранника:

— Как все произошло?

Вместо громы ответил настоятель арлийского монастыря.

— Мы зашли с улицы, и на нас сразу же накнулись, — сообщил он и усадил захлебывавшуюся слезами девчонку на стул.

Та, спрятав заплаканное лицо в ладонях, тихонько заскулила.

Отец Густав сунулся было на постоянный двор, но тут же зажал рукой рот и выскочил наружу. Его телохранитель оказался слеппен из другого теста и на свежий воздух выходить не стал. Как и Эдвин. Мой старый слуга всякого повидал на своем веку.

Решив не терять время попусту, я отправился прямиком на кухню. Вот там-то меня и проняло по-настоящему. И хоть в портовых кабаках Альме частенько доводилось наблюдать весьма неприглядные последствия пьяных поножовщин, здесь все было много-много жутче: именно на кухне налетчики расправились с семьей и прислугой хозяина постоянного двора. И сделали они это с какой-то нечеловеческой жестокостью, не пощадив ни женщин, ни детей.

Ухватив первый попавшийся под руку жбан с пивом, я сделал несколько глотков и, лишь когда крепкий хмельной напиток ударил в голову, перевел дух. Зачем же всех убивать было?

Женщин — жену и старшую дочь содержателя постоянного двора — разбойники задушили, двух сыновей зарезали кухонными ножами, а

самому хозяину разmozжили голову обухом валявшегося тут же колуна. Непонятно зачем притащенному сюда же человеку из свиты Арнсона, опознанному мной по серому плащу, как и вышибале, перерезали горло, а одетому в какие-то обноски старику сожгли лицо, засунув головой в растопленную печь.

Стараясь успокоить дыхание, я отвернулся к окну и вновь присосался к жбану с пивом. Тень! Теперь ночью кошмары сниться будут. И аппетит надолго пропадет — залитая кровью кухня постоялого двора больше всего напоминала пыточную какого-то весьма неряшливого палача.

И все же что-то меня здесь удерживало, мешало уйти в обеденный зал или просто закрыть глаза. Заставляло раз за разом разглядывать распростертые на полу тела. Что-то во всем этом настораживало, но что именно — понять никак не получалось.

Да и тень с ним!

Я направился к двери, и под ногами влажно зачавкала кровь, протянулись по доскам алые отпечатки подошв. И что интересно — других следов на кухне не было. Такое впечатление, что всех этих людей убили здесь и никуда после смерти не перетаскивали: лужи крови не смазаны и натекали рядом с телами. А это уже кое о чем говорит...

Опустившись на корточки рядом со слугой Арнсона, я внимательно осмотрел его перерезанное горло, не углядел ничего подозрительного и перешел к старику с сожженным лицом. А вот с ним все оказалось совсем непросто: обноски точно с чужого плеча, при этом ногти аккуратно подстрижены, а на ладонях ни одной мозоли. Да еще и на среднем пальце левой руки белела отметина от недавно снятого кольца.

И что бы это все значило?

Выпрямившись, я покачулся от ударившего в голову хмеля и выглянул в обеденный зал. Отказавшийся от безуспешных попыток разговорить дочку хозяина Свори отошел к открытому окну и что-то втолковывал остававшимся во дворе оруженосцам.

На глаза попался предназначенный для чистки и разделки рыбы узкий нож, я взял его со стола и ногтем проверил заточку. Потом шагнул в обеденный зал. Учувший свежий запах пива Эдвин с укором покачал головой, но я прошел мимо старого слуги, даже не взглянув в его сторону.

— Кейн? — отвернулся от окна насторожившийся Свори.

Настоятель арлийского монастыря тоже не спускал с меня глаз.

И чего, тень заberi, он вылупился? Смотреть больше не на что?

— Пойду проветрюсь, — сообщил я рыцарю и, нарочито пьяно покачиваясь, направился на выход. На полпути остановился и повернулся к

охраннику Арнсона, словно собираясь что-то спросить. Спрашивать, впрочем, ничего не стал и молча воткнул в шею детины разделочный нож. Выпучивший глаза парень схватился за торчащую из горла рукоять и сполз по стене на пол.

— Кевин, бей! — крикнул я и едва успел сигануть за перевернутый стол, когда фальшивый настоятель арлийского монастыря швырнул в меня молнию. Та ударила в стену и брызнула каскадом жгучих искр. Доски облицовки тут же посерели и осыпались невесомыми струйками пепла.

Окрик позволил Кевину Свори вовремя среагировать на угрозу и отвести замах второго охранника кованым наручем. В следующий миг он загнал выхваченный из ножен кинжал в глазницу не успевшему отпрыгнуть бойцу и выдернул из ножен меч.

А вот Жерар на миг просто опешил от изумления, за что и поплатился. Небольшой огненный шарик, сорвавшийся со сложенных ладоней чернокнижника, угодил ему в грудь и взорвался, разметав по залу клочья окровавленной плоти, обрывки одежды и раскаленные звенья кольчуги.

Я выхватил метательный нож, но тайнознатец одним неуловимым движением оказался рядом с дочкой хозяина постоянного двора, приставил к шее девочки изогнутый клинок, прижался спиной к стене. Лицо Карла Арнсона стекло с него, словно слепленная из необожженной глины и размокшая маска. Превращение заняло доли мгновения, и уже через миг перед нами предстал совершенно другой человек. Куда более худой, горбоносый, с тонкими бледными губами и мелькавшими в глазах огонечками сумасшествия.

— Бросайте оружие или она умрет! — с решимостью загнанной в угол крысы заорал оскалившийся чернокнижник.

Кевин Свори многозначительно взглянул на Эдвина и с выполнением приказа спешить не стал. Останься у заклинателя колдовские силы, он бы всех по стенам размазал. За нож чернокнижник схватился исключительно от безысходности. И это давало нам неплохой шанс уцелеть. Но что тайнознатец в таком состоянии в голову взбредет — одним теням известно.

— Быстро! Оружие на пол! — поторопил нас колдун, на лице которого выступили капли кровавого пота. — И тех, что во дворе, зовите!

— Зачем? — пьяно усмехнулся я.

— Зовите! Или я ее... — Для большей убедительности тайнознатец слегка уколол клинком девичью шею, из-под острия потекла тоненькая струйка крови. Глаза девочки закатились, но колдун удержал ее на ногах.

— А нам-то что? — удивился я, оперся о стол и развернулся к

заклинателю боком, скрывая зажатый во второй руке метательный нож. — Режь, мы потом тебя порежем. На куски. Медленно.

— Загубите невинную душу? — тяжело выдохнул не поверивший моей угрозе чернокнижник. Все верно — нелегко всерьез выслушивать такое от подвыпившего сопляка полутора десятков лет от роду.

Прав ли он? Да только тень знает...

— Это ты ее загубишь. А мы тебя. Вот сдашься, чин по чину княжескому правосудию предадим. Поверь, сожжение на костре вовсе не самое худшее, что может приключиться с вашим братом. — Я специально говорил медленно и размеренно, и от этого заклинатель нервничал все больше.

— Заткните его! Быстро мечи на пол! — вновь сорвался на крик он и стрельнул глазами на замершего с обнаженным клинком в руке Свори.

Перенеся весь свой вес на стол, я подался вперед и бросил в чернокнижника метательный нож. Заклинатель даже пикнуть не успел, как клинок вонзился ему в горло, перебил хрящи и засел в шее по самую рукоять. Дочь хозяина взвизгнула и рванула от него прочь. Я шагнул ей навстречу.

Какая-то часть сознания отметила, что рывок девчушки слишком уж стремителен, а в следующий миг из пальцев выскочили длинные когти. Отдергивая голову, я начал отмахиваться ножом и заваливаться назад, но уйти из-под удара успел лишь благодаря угодившему в грудь одержимой арбалетному болту.

Отбросив разряженный самострел, Эдвин выхватил из-за голенища сапога складной нож с лезвием почти вполлоктя длиной и кинулся мне на помощь. Когда-то он был неплохим мастером ножа, но давно растерял былую форму и едва ли мог что-то противопоставить выходцу из Ведьминой плешки. Я решил отвлечь демона на себя — и не смог сдвинуться с места. Ноги не слушались, в голове звенело, залитая кровью левая щека горела огнем. Один из когтей одержимой все-таки успел рассечь кожу, и от раны по телу расходилось лишающее сил онемение.

К счастью, тварь замешкалась вырвать из грудины болт, Кевин Свори успел загородить собой старого слугу и сбить рывок твари ударом меча. Из раны не пролилось ни капли крови, и рыцарю пришлось бы туго, не заскочи в этот момент с улицы его оруженосцы. Щелкнули струны арбалетов, и пара тяжелых болтов сбила одержимую с ног.

И все же, несмотря на смертельные для обычного человека ранения, девчонка никак не умирала. Она легко поднялась с пола и вновь шагнула к седуусому рыцарю. Эдвин в длинном выпаде со спины попытался

перерезать ей сухожилия, но сам едва увернулся от стремительного броска твари, которая все больше теряла человеческий облик, превращаясь в настоящее исчадие тьмы.

И тут вошедший с улицы отец Густав выкрикнул слова изгоняющей демонов молитвы! Вера священника действительно оказалась крепка: тварь в судорогах забилась на полу, и, по мере того как слабела власть создания тьмы над телом девушки, из ран начала все сильнее струиться темная, почти черная кровь. А потом потустороннее присутствие ослабло, и девчонка умерла. На этот раз окончательно и бесповоротно.

— Аминь, — тяжело вздохнув, завершил молитву священник и обессиленно опустил на стул.

— Как догадался, Кейн? — кинув мне чистую тряпицу, спросил Свори и двумя ударами меча снес чернокнижнику голову с плеч.

— У настоящего церковника на пальце отметина от кольца осталась. — Я приложил к располосованной щеке тряпку и поморщился от боли. — Твою тень!

— В следующий раз умнее будешь, — усмехнулся, глядя на мои мучения, седоусый рыцарь, вспотевшее лицо которого сейчас как никогда напоминало вырезанную из дубовой доски маску. — Так сложно нас предупредить было?

— Чернокнижник с меня глаз не спускал. Хитрый, сволочь. Толькодохлый какой-то...

— Если бы демон из него силы не тянул, этот задохлик всех нас к теням отправил бы, — покачал головой Свори, вытирая клинок.

— Что за демон, кстати?

— Вельнский наездник, — просветил нас священник и опустил на колени рядом с разорванным напополам телом Жерара.

— Ты не знал, что девчонка одержима? — спросил Свори.

— Откуда? — вздохнул я. — Если б только знал...

Я вновь поднялся на ноги и побрел к выходу, пожалуй впервые в жизни не испытывая удовольствия от вида отправленного во тьму демона. Наоборот, замершее на полу девичье тело вызывало лишь желание обо всем забыть. Забыть и поскорее отсюда убратся. Куда глаза глядят. Пусть даже ночью, только бы выкинуть из головы вновь ставшие голубыми девичьи глаза.

И ведь можно было ее спасти, можно! Всего-то и требовалось — не махать ножом, а сперва позвать отца Густава. Да только задним умом все мы крепки. Если бы да кабы...

Но где-то в глубине души хуже собственного бессилия что-либо

изменить меня грызло совсем другое. На одной чаше внутренних весов там качалось стремление уничтожить демона. На другой — желание спасти чем-то зацепившую за живое девчонку. И если быть честным хоть с самим собой, этот благородный порыв никак не мог перевесить заветное — мрачное, отдающее горьковатым привкусом слез и до одури пахнущее дымом и кровью — желание собственными руками порвать на куски всякую вышедшую из Ведьминой плечи тварь. Желание, которое преследовало меня большую часть жизни и которое умрет только вместе со мной...

— Эдвин! Пива тащи! — И, захлопнув за собой дверь, я вышел во двор.

История вторая.
ПОВЯЗАННЫЙ КРОВЬЮ

Часть первая. ПУЩЕННАЯ СТРЕЛА

*Жили тут двое — горячая кровь,
Неосторожно играли в любовь,
Что-то следов их никак не найти,
Видно, с живыми не по пути.*

«Пикник»

*Я — пущенная стрела,
И нет зла в моем сердце, но
Кто-то должен будет упасть все равно.*

«Пикник»

Трактир

По-осеннему холодные серые струи дождя срывались с низких туч и пузырились на раскисшей дороге. Редкие порывы ветра швыряли брызги в лицо, и от их колючих уколов нестерпимо ломило уши. Надежды на скорое окончание ливня уже не осталось — наоборот, затянутое облаками небо темнело прямо на глазах. И хотя окончательно дорогу пока еще не развезло, грязь весьма неохотно выпускала ноги из липкого плена.

Поскользнувшись, я прошипел проклятие, вырвал увязший почти по щиколотку сапог и побрел дальше. Да где этот чертов трактир?! Или это была неудачная шутка? Если так — не поленюсь вернуться и выпотрошить указавшего дорогу мерзавца.

К моему немалому облегчению, возвращаться не пришлось: сначала из-за стены дождя темным пятном выплыла остроконечная крыша, а мгновением позже вспышка молнии высветила закрытые тяжелыми деревянными ставнями окна. «Хромой кузнец». Наконец-то! А то уже начал опасаться, что в темноте прошел мимо.

Чтобы добраться до крыльца постоянного двора, пришлось свернуть на раскисшую от дождя тропинку, и грязь жадно зачавкала, пытаясь стянуть с ног сапоги. Да, зря решил напрямик срезать, надо было дойти до поворота дороги. Все не так бы вымазался.

Как же мне все это надоело! Дождь, холод, грязь... Все! А ведь станцуй тени судьбы немного иначе, давно бы уже сидел с кружкой пива в

тепле и сухости...

Кое-как счистив о деревянную решетку у крыльца комья налипшей на сапоги грязи, я распахнул дверь и вошел внутрь. В трактире, к моему удивлению, оказалось полным-полно народу. Не так чтобы битком, но свободных мест совсем немного. А вечер-то уже довольно поздний. Впрочем, ничего странного: царившая на улице собачья погода желания покинуть теплое и сухое помещение не вызывала. Вот местные и сидят. Да и из проезжих немногие отчаянные головы решатся сегодня отправиться в путь: по такой непогоде далеко не уедешь. И полнолуние, опять-таки. Зачем судьбу лишний раз искушать?

Быстро освоившись в полумраке трактира, я выбрал место прямо напротив входа: приглянувшийся мне стол прятался под ведущей на второй этаж лестницей. Пока дошел, от густого запаха стряпни заурчало в животе. Ох, быстрее бы чем-нибудь перекусить, а то сейчас слюной захлебнусь.

Скинув промокший плащ на скамью у стены, я уселся на стул и убрал пару коротких клинков с пояса под плащ. Хотя бумаги нужные на границе и выправил, но ни к чему сейчас лишнее внимание привлекать: отряд церковных стражников в дальнем углу зала я приметил еще с порога.

Вот ведь защитнички! Голову об заклад даю — должны сейчас дорогу патрулировать, путников от лихих людей оберегать. Ан нет — сидят, пиво дуют да служанок тискают. Хотя, с другой стороны, какой тать в такую погоду на промысел выйдет? Да и гарнизон под боком. Не должны здесь лихие люди шалить.

Откинувшись на высокую спинку стула, я незаметно сунул руку под камзол и провел ею по повязке на левом боку. Ну и что там? Слава теньям, следов крови не видно. Надеюсь, рана закрылась окончательно. Нет, все-таки грех на судьбу жаловаться, пусть и пришлось пешком под дождем ковылять. Мог вообще на дороге с ножом в брюхе остаться.

Никто не спешил принять от меня заказ, да и сам я не торопил события, неспешно рассматривая набившийся в трактир люд. Денег в обрез и, если не удастся сойтись с трактирщиком на приемлемой для меня плате за ночлег, придется отправляться в путь. А в дорогу лучше пускаться отдохнувшим. И хоть немного просохшим...

Народ в трактире подобрался пестрый, и невольно я начал прикидывать, не может ли кто направляться в Геладжио. В хорошей компании путешествовать — оно веселее будет. А в моем случае так еще и быстрее.

Селяне за одним из двух центральных столов отпадали сразу. Сейчас нарубят тяпку и расползутся по хатам. Расположившимся неподалеку

бородастым коротышкам тоже, думаю, со мной не по пути. Гномы вообще в этих местах гости нечастые: если мне не изменяет память, Анклав^[1] в двух днях пути к югу. Но, поскольку никто из местных на них особо не таращился, наверняка они тут по концессии разрабатывают одну из затопленных во время медного бунта серебряных шахт. Сюда могли заехать за припасами, и в Геладжио им явно делать нечего.

Да и не возьмут они человека в компанию. Не в их это обычаях. Пусть у Империи с гномами отношения и неплохие складываются, карлики предпочитают держаться друг друга и людям не доверяют. А чтобы никто не стал навязывать им свое общество, у всех бородачей имелось по увесистому молоту на длинной рукояти. Впрочем, связываться с гномами желающих было немного: и сами коротышки отличались просто невероятной живучестью, и посольство их на вознаграждение для карателей^[2] никогда не скупилось.

Нет, гномы тоже отпадают.

Стол в небольшой нише занял молодой дворянчик с челядью. Несмотря на непогоду, дорогая одежда паренька была сухой и чистой. Остановился до начала дождя или уже здесь переоделся? А что, мог и переодеться. С такого станется. Спеси-то вон, будто цельный эрл, а то и маркграф, но последний медяк^[3] на кон ставлю: парнишка — простой эсквайр. Вот и с мечами у него только двое из слуг. Может, попробовать к ним в попутчики напроситься? Нет, не выгорит.

Разместившимся за соседним столом уроженцам Заозерья вполне могло оказаться со мной по пути, но я бы скорее предпочел путешествовать один, нежели в их обществе. Слишком уж вид у них подозрительный: загорелые лица, бритые головы, длинные усы, одежда хоть и добротная, но весьма потертая, движения уверенные и неторопливые, как у привыкших к оружию ветеранов. Все вооружены: длинный меч, две сабли, боевой топор, прислоненное к стене короткое копье с широким листообразным наконечником. Даже подумать страшно, сколько заозерцам пришлось отвалить в церковную казну золота за патенты. Или они на службе у кого из лендлордов состоят? Нет, вряд ли, больно уж рожи бандитские. Или вольные наемники, или еще какие искатели приключений на свою голову. Ни то, ни другое меня не устраивало.

Странно, и чего их из своих степей аж к Западному побережью занесло? Сразу видно, они здесь гости нечастые — местные на них чуть все zenки не проглядели. Никак на шаровары и короткие жилетки с украшенными сложной вышивкой воротничками насмотреться не могут.

Тоже развлечение.

Нет, к зазерцам я даже подходить не стану. Вон неведомо как затесавшийся к ним в компанию горец так весь и извертелся на месте, в сторону гномов поглядывая. Все знают: Медвежий склон с карликами кровники, им даже просто находиться в одной комнате друг с другом все равно, что шило в известном месте терпеть. Неровен час, какая заварушка начнется, а у меня и своих неприятностей хватает.

У противоположной стены за тройкой сдвинутых к камину столов расслаблялась ватага крепких парней. Судя по нашитым на плащи и куртки эмблемам — копье и топор на золотом щите, — ребята были из Гильдии охранников. Вот это уже интересней. Раз они пиво трескают и им за это головы не поотрывали, значит, заказ выполнили и должны искать новый. А лучшего места для этого, чем порт, поблизости не найти. Глядишь, чего и получится.

В этот момент от наблюдений меня отвлек хриплый простуженный голос:

— Чего изволите?

Смотри-ка, сам трактирщик выполз из-за стойки, не стал дожидаться, пока служанки освободятся.

— Похлебать чего-нибудь. И вина горячего.

— Вина не держим.

— Тогда пива кружку. — Не держат они. А дворянчик что сидит лакает? Или он с собой привез?

Чернявый трактирщик, лицо которого, несмотря на обвисшие щеки, напоминало острую крысиную морду, кивнул и, не проронив ни слова, направился к стойке. Видок у меня, наверное. Уж если хозяин захудалого трактира парой слов не перекинулся...

Вернулся толстяк, надо сказать, весьма быстро. Выставил с подноса на стол щербатую миску с густым луковым супом, кружку темного пива и ломоть намазанного куриным паштетом хлеба и, потирая волосатое запястье левой руки, выжидательно посмотрел на меня.

Ишь ты, как торопится! Не иначе, побыстрее избавиться хочет. И рядом ведь встал, не уходит. Сопит. Пялится. Денег ждет. Вот сволочь!

Ничего не оставалось, как расплатиться. Серебряная монета прокатилась через весь стол и исчезла меж пальцев трактирщика. Все, последний шлем^[4] разменял.

Теперь настал мой черед сверлить хозяина взглядом. Ну, давай, попробуй только сдачу зажать.

Покопавшись в кармане фартука, трактирщик небрежным движением

бросил на стол несколько серебряных монеток. Нет, он точно издевается! Эх, не было бы стражников, набил бы морду и на вышибалу не посмотрел.

Ладно, что он там швырнул? На столешнице лежали три щита и еще три монетки помельче — в полщита каждая. Получается, трапеза обошлась мне в серебряк^[5]. Дороговато. Да ну и тень с ним. Не устраивать же скандал из-за пары медяков.

Еда несколько улучшила испорченное настроение. Суп оказался сытным и вкусным. А вот паштет подкачал. Гадость редкостная. Специй переложили? Какой-то вкус подозрительный. Впрочем, горькое и густое пиво быстро заглушило неприятный привкус.

Отставив пустую кружку, я облокотился локтями на стол и уставился на лежащие передо мной деньги. Шесть монет — это много или мало? Серебро, конечно, не медь, но если заплатить за ночлег и завтрак, то на дорогу останется не так уж и много.

Точнее — почти ничего и не останется. И что делать? Не ночевать же в такую непогоду под открытым небом. Дождь как из ведра льет, и холод собачий.

От невеселых раздумий меня оторвал стук входной двери. Надо же, еще кто-то кроме меня в такую погоду по улице шляется!

Вошедшим оказался один из селян, который перебрал и, видимо, выходил на улицу освежиться. Помогло ему это мало: на ногах он держался нетвердо, да и мотало его из стороны в сторону, как матроса во время шторма. Один из зигзагов привел пьяницу к столу гномов, и сидевший с краю коротышка брезгливо отпихнул его в сторону. Крестьяне заворчали, но в драку не полезли.

Врезавшийся в стену пьянчужка повис на перилах ведущей на второй этаж лестницы, перевел дыхание и вдруг, покачнувшись, чуть не свалился ко мне за стол. Вцепившись обеими руками в край столешницы, он замер, восстанавливая равновесие. Как ни странно, пивом от мужика не пахло. Может, дыма дурман-травы надышался? Подняв взгляд от монет, я увидел его глаза и замер: точки зрачков начали медленно расползаться в две узкие вертикальные щели.

— Кровь... — еле слышно прошептал мужик.

Вена на виске у него бешено пульсировала, а кожа туго обтянула лицо.

Оборотень, тень его! Да как его сюда занесло? И рану мою учуял, теперь просто так не отвяжется. Что делать? В голове лихорадочно замелькали мысли. До лежащих под плащом мечей дотянуться не успею. До кинжала на поясе или пары метательных ножей тоже. Да и не помогут они — даже не посеребрены. Заорать? Пока народ поймет, в чем дело,

оборотень мне глотку вырвет. Стараясь не делать резких движений, я опустил ладони на столешницу. Может, обойдется?

Куда там! Морда — теперь уже морда! — оборотня вытянулась, из-под растянутых в оскале губ показались кончики клыков, и послышался треск расползающейся по швам одежды. Ногти начали удлиняться — теперь они больше походили на когти — и с едва слышным скрипом вонзались в дерево столешницы.

Я прижал ладони к столу и напряженно следил за происходившими изменениями. Реакция оборотня намного превосходит скорость движения обычного человека, но когда начнет корезить хребет, у меня появится шанс. Надо только правильно выбрать момент.

Спину мужика выгнуло, и я, резко выбросив вперед правую руку, воткнул большой палец ему в глаз. Он рванулся через стол, но мне удалось левым предплечьем заблокировать нацеленный в горло удар и вовремя отшатнуться назад. Острые когти только захватили кожаный обшлаг камзола, а уже в следующее мгновение перевертыш рухнул на пол и закрутился, прижимая лапы к окровавленной морде.

Сообразив наконец, что происходит нечто из ряда вон, посетители трактира загалдели и повскакивали с мест. Не обращая внимания на поднимающуюся суматоху, я первым делом сгреб со стола пять монет и смел их в кошель.

Оборотень дернулся еще пару раз, процарапал когтями доски пола и затих. Все, похоже, издох. Вокруг тела начала растекаться лужа черной крови, завоняло мочой.

К моему столу сразу же набежала порядочная толпа, но вплотную подойти никто не решался: зеваки оживленно болтали и пихались, пытаясь с некоторого отдаления получше рассмотреть скорченное тело оборотня. Боязливо протиснувшийся сквозь толпу один из церковных стражников замялся в двух шагах от оборотня, но, поймав грозный взгляд десятника, все же ткнул его под ребра древком короткого копья.

— Эта... Дак вроде того, — сипло выдохнул он и вытер стекавшую из-под скособоченного шлема струйку пота, — помер он...

Толпа сразу же качнулась вперед.

— Разойдись! А ну разойдись, кому сказано! — рыкнул десятник. — Сто плетей вам под хвост!

Грозный тон и тяжелая дубинка сделали свое дело — люди начали возвращаться за свои столы. Остались только непонятно откуда появившийся дьяк, усатый краснолицый десятник и заламывавший руки трактирщик. Стражники тоже далеко отходить не стали и топтались

поблизости.

— Ты когда последний раз трактир святой водой окроплял, сучий потрох? — Вытерев с усов пивную пену, десятник ткнул дубинкой в фартук трактирщика и, не обращая внимания на его причитания, повернулся ко мне. — А как это ты его, паря, а?

Я неопределенно пожал плечами.

— Кто такой? — сразу посуровел стражник, с одного взгляда определив во мне чужака.

— Путник.

— Подорожная где? — дыхнул перегаром и запахом чесночной колбасы десятник. — Мечи твои? Собирайся в управу.

И когда только мечи заметить успел? Вздохнув, я очень медленно вытащил нож — сзади послышались быстрые шаги и шорох высвобождаемого из ножен клинка, — распорол камзол и протянул стражнику влажные листы: подорожную и патент на ношение мечей. Не зря сбор заплатил, совсем не зря.

— Так, так... С клинком не длиннее локтя^[6], значит, — пожевал губы тот, взял один из мечей и, вытащив веревку с завязанными узелками, приложил ее к мечу. — Не длиннее... Что ж, бумаги в порядке. Не цапнул он тебя, нет? Ну, ты, паря, в рубашке родился. Сходи в церковь, свечку поставь.

— Надо в Инквизицию сообщить. — Слова дьяка напугали трактирщика до полусмерти. — Мало ли где этот раб Божий заразился. И соседние деревни проверить лишним не будет.

— Дак, он и натворить-то ничего не успел, — залепетал вмиг посеревший хозяин.

— А это уж мы решать будем, натворил он чего или нет. — Десятник многозначительно посмотрел на дьяка.

— Вы, уважаемые, конечно, решайте, а мне как быть? — Я выставил на всеобщее обозрение порванный рукав камзола.

— Ты здесь ночевать собрался? Вот хозяин тебе комнату и выделит. Без-воз-мез-дно. — С трудом выговорив сложное слово, десятник хитро прищурился. Все понятно, мне комнату, а мзду, чтобы в Инквизицию не сообщали, они с дьяком на двоих поделят. — Ведь выделишь, Роберто?

— Выделю, конечно, выделю! — часто-часто закивал головой Роберто.

Удовлетворенный его ответом, десятник махнул рукой двум стражникам, которые еще не успели вернуться за стол, и заорал:

— Людвиг, Антонио! Хватайте эту пададь и тащите во двор. Людям еще ужинать здесь.

Я с досадой проводил взглядом тело оборотня, в глазнице которого осталась моя серебряная монета. Но не выковыривать же ее сейчас оттуда у всех на виду? Десятник сразу на нее лапу наложит. Для передачи отцам-инквизиторам, само собой. А с другой стороны, чего мне переживать? Вряд ли трактирщик сдал бы комнату всего лишь за полщита.

Да и вообще, что помешает мне вытащить монету завтра утром?

Храм Серебряной Луны

Маленький костерок горел в круге, сложенном из крупных речных голышей. Языки огня лениво пожирали хворост и лишь иногда, когда попадалась особенно смолистая ветка, вверх взвивались длинные лепестки зеленоватого или ярко-желтого пламени. Да еще изредка раздавался глухой щелчок, и пылающий уголек исчезал в ночном полумраке.

Костер не давал много света и почти не грел, но этого и не требовалось: ночь была теплой, а полная луна в безоблачном небе заливала лесную опушку ярким серебристым сиянием. Служил он совсем для другого: игра огня помогала не задремать. И хоть особой необходимости в ночном дежурстве не было — охранное заклинание охватывало всю поляну, — но немного осторожности никогда не помешает.

Нет, жизнь все-таки странная штука. Еще ведь вчера утром твердо уверен был: этот вечер встречу в Геладжио. Но кто мог предположить, что к обеду я получу удар ножом и вдобавок лишусь лошади? А теперь вместо поиска направляющихся в порт попутчиков в компании профессиональных бродяг и любителей легкой наживы тащусь то ли к руинам оставшегося от эльфов или еще каких нелюдей храма, то ли к заброшенному убежищу еретиков — здесь, на границе Приозерья и Западного побережья, в восстание Серебряных плащей^[7] кто только схроны не устраивал.

И чем дальше, тем больше это путешествие казалось мне откровенной авантюрой.

Непонятно, о чем вообще я думал, когда принимал предложение Анджея Дубравы — предводителя этой ватаги. Да нет, конечно, понятно о чем. Чего там особо думать-то? От постоянного двора «Хромой кузнец» до Геладжио два дня пути пешим ходом, а денег осталось — кот наплакал. Да и подходящих попутчиков найти, чует мое сердце, не получилось бы. К тому же все чаще начинала закрадываться пугающая мысль, что на поиски нужного человека в городе понадобится не один день. И — что самое важное — не одна серебряная корона.

Поэтому вчера утром я не особо и колебался, принимая приглашение

присоединиться к дружке^[8] и пошурудить в весьма перспективных с точки зрения быстрого обогащения развалинах. Тогда Анджей Дубрава произвел на меня самое благоприятное впечатление. Это теперь я немного к нему присмотрелся и понял, что широкоплечий, всегда подтянутый и обаятельный эсквайр может при необходимости запудрить мозги кому угодно. Вот только большинством дел в дружке заправлял его помощник — пожилой здоровяк Марк Брага. А из этого битого волка выжать пару лишних монет будет ох как непросто.

Один из темных силуэтов зашевелился, и из кучи тряпья вылез Янек Змейка — долговязый паренек лет восемнадцати. Нетвердой походкой он направился ко мне и плюхнулся на землю около костра. Я подкинул в огонь еще несколько хворостин. Удачно он проснулся: как раз его очередь дежурить подошла.

— Полнолуние, — ежась, пробормотал Змейка. — Как бы на оборотней не нарваться.

— Не поминай лихо. — Я едва удержался, чтобы не сплунуть при упоминании этих тварей.

— Да ладно, Кейн. Тебе-то что? Ты ж их голыми руками на куски рвешь. — Янек зевнул, вытер хлюпающий нос рукавом рубахи и продолжил: — Тебя Дубрава поэтому и взял.

Ага, голыми руками, как же. К сожалению, не все такие наивные: когда утром я уже собрался достать серебряную монету из глазницы оборотня, оказалось, что меня кто-то опередил.

— Слушай, тепло ж, чего костер зря палишь? — Длинный заозерец растянулся во весь свой немаленький рост на траве рядом с огнем.

— А чем еще заняться? Так хоть не усну. — Я подбросил в костер еще хвороста. — Не слышал разве, что человек может бесконечно смотреть на две вещи — горящий огонь и бегущую воду?

— Да ну, ерунда. Я только на пену в пивной кружке бесконечно смотреть могу, — хохотнул парнишка.

— Это точно.

Ян снова сел, достал какую-то темную деревяшку и начал аккуратно обстругивать ее ножом на широкий кленовый лист. Мне почудился тяжелый приторный запах чертова корня, рот моментально наполнился слюной, и невольно я сплюнул себе под ноги.

Заметив мою реакцию, Змейка протянул деревяшку:

— Будешь?

— Не... — отрицательно мотнул я головой.

— А чего так? У нас его даже солдатам выдают. — Он спрятал корень

и начал накаливать над костром широкое лезвие ножа. — А вообще дело твое, мне больше останется.

— Смотри, не переборщи, — хмыкнул я. Солдатам его дают... Солдатам чего только не дают. Если все употреблять, никакого здоровья не хватит. Да и нельзя мне... — Огребешь от Браги.

— Не, я норму знаю, — заверил меня парень.

Знает он. Будто кто-то не знает. Нешто я чертов корень первый раз вижу? Пусть в первую очередь он действует на реакцию и болевой порог человека, но и голову дурманит будь здоров.

А в одурманенном состоянии переборщить с этой отравой ничего не стоит. До сих пор ведь ходят байки про роту Красных Енотов, командир которой не ограничивался чертовым корнем и дурман-травой, а вместе со своими солдатами перепробовал почти все, начиная с мухоморов и заканчивая ведьминой паутиной. И однажды, окруженный орками, он сварил такую адскую смесь, что его рота почти без потерь прорвала окружение и ушла в степь. Вот только никто их больше после этого не видел.

Тем временем лезвие накалилось докрасна, и Янек Змейка начал, потихоньку посыпая стружку на лезвие, вдыхать ароматный дым. Через пару минут корень закончился, и заозерец воткнул нож в землю:

— Ништяк! Ух, сразу голову прочистило. — Он потянулся, хрустнул суставами, посмотрел на меня и замер. — А чего это у тебя зрачки вертикальные?

— А ночью так удобней, видно лучше, — пожал я плечами.

— Удобней?! Ну, Кейн, ты даешь! — Янек повалился на землю и зашелся в беззвучном приступе хохота. — Знаешь, а у тебя еще и с клыками что-то не то, — сообщил он, немного отдышавшись. — Ты ж вампир! Да нет, похлебку чесночную вместе со всеми хлебал, сам видел. И тень у тебя есть. Даже две. И у меня две... И луны две... А костер один. Да, давно меня так не цепляло!

— Слушай, Янек. Я тут вот чего подумал: дружинники в Заозерье обычно конные, а вы чего?

— Да, была одна история... — смутился парень. — Мы сюда и подались... Ладно, забудь, ни к чему тебе оно...

— Как знаешь... Ну, ты карауль, а мне спать давно пора. — Я бросил в огонь остававшийся хворост, подхватил плащ и пошел искать место для ночевки. Судя по количеству употребленного зелья, бодрить Янека перестанет только к рассвету, и, значит, можно не опасаться, что он уснет на посту. Только бы больше не дымил.

Вместе с рассветом пришел и туман. Густая пелена медленно поднялась от реки и постепенно добралась до лесной опушки. Сразу похолодало, и дружина начала собираться в дорогу. Завтракать пришлось на ходу, но никто по этому поводу не ворчал: до заветных развалин оставалось полдня пути, и предвкушение скорой добычи гнало вперед лучше всяких понуканий. К тому же все прекрасно понимали, что лучше пройти сколько получится поутру, чем заживо запекаться в полуденную жару — яркая синева утреннего неба ясно показывала, что день будет знойным.

Первое время мы шли по широкой лесной тропе, которая петляла меж толстых стволов высоченных сосен. Протоптали ее то ли ходившие на водопой животные, то ли местные промысловики: места здесь глухие, самое раздолье для браконьеров. Как бы то ни было, высывающиеся из ковра утоптанной хвои толстые корни лезли под ноги, а сухие ветви так и пытались обломанными концами пропороть лицо.

Отряд растянулся, и невольно я оказался в самом хвосте колонны. Рядом шумно сопел толстоватый коротышка, светло-русые волосы которого свалились в грязно-серые лохмы. Представился он Габриелем, но иначе как Шутником в дружине его никто не называл. Росту в нем было четыре локтя с хвостиком, а из-под бригандины — короткой кожаной куртки, усеянной заклепками, которые удерживали проложенные изнутри стальные пластины — выпирал немаленький пивной животик. Навскидку я дал бы ему лет сорок, но, несмотря на кажущуюся неуклюжесть, с кистенем он обращался весьма уверенно. Да и само оружие — шипованный шар в полтора кулака на длинной тонкой цепи — выглядело весьма устрашающе.

Слева плелся Язва. И, учитывая его испещренное оспинами лицо, было совершенно непонятно, прозвище это или родовое имя. Только вот, думаю, называли его так больше из-за склочного характера, а не из-за внешности или столь говорящей фамилии. Одет заозерец был в застиранные шаровары, просторную рубаху и короткую жилетку, из-под которой выглядывали звенья легкой кольчужной безрукавки. На ногах красовались новенькие сапоги, пошитые из великолепно обработанной кожи. Вооружился Язва коротким копьем с широким листовидным лезвием и парой изогнутых кинжалов. Да еще на кожаных ремнях, пересекавших крест-накрест грудь, болтались метательные ножи.

Замыкал колонну Арчи — темноволосый, коротко стриженный здоровяк почти в пять локтей ростом с честным и открытым лицом. Свисавший за его спиной двуручный меч едва ли не с Шутника длиной на каждом шаге слегка полязгивал о доходившую парню до середины бедра пластинчатую

кольчугу. По всему клинку меча вился сложный посеребренный узор, сверкавший в лучах утреннего солнца даже ярче начищенной стали. Очень предусмотрительно — оборотни вовсе не будут рады, получив удар таким клинком. Да и на большую часть нечисти серебро действует вполне убийственно.

Помимо меча, вооружение Арчи составлял насаженный на короткое дубовое топорище молот, который тот постоянно перебрасывал из руки в руку. Перекидывал его он очень даже легко, хотя, по моим прикидкам, весил молот никак не меньше половины пуда.

В отличие от Шутника, Арчи больше помалкивал, и при взгляде на безмятежное выражение его лица было совершенно непонятно, то ли он в самом деле немного туповатый, то ли просто умело прикидывается.

Я хотел, пока есть время, выспросить, как они оказались в дружине — мои спутники на уроженцев Заозерья ничуть не походили, — но, подумав, решил не лезть не в свое дело. Захотят — сами расскажут. Не захотят — мне, в принципе, не очень-то и интересно.

Еще с нами шел тайнознатец^[9] — худой отшельник в длинном сером плаще с накинутым на голову капюшоном, который, как и я, присоединился к отряду только вчера утром в трактире «Хромой кузнец».

Как мне удалось выяснить, разговорив Шутника, у дружины уже был колдун — высушенный годами и жарким солнцем Заозерья старикан Захар Осока, а этого взяли только из-за Браги, который прямо заявил, что в таком деле два тайнознатца лучше, чем один. Анджей долго мялся, несколько раз проверил выданный инквизицией жетон, но в конце концов все же согласился принять отшельника в отряд. Согласился, как считал Шутник, только потому, что обитал тайнознатец неподалеку от северной оконечности болот и в случае необходимости мог послужить проводником.

Как ни старался я, разглядеть скрытое тенью капюшона лицо так и не смог. Единственное, что получилось заметить, — затейливую татуировку, украшавшую левую щеку тайнознатца. И татуировка эта меня насторожила — как бы наколотый в несколько цветов дракон какое клеймо не скрывал. А что? Запросто. С тайнознатцами ухо надо держать востро.

И все же думаю, этот тип местный — ни дьяк, ни десятник церковных стражников даже и не подумали проверить бумаги у столь подозрительной личности. Да тень с ним, с тайнознатцем. Главное, что в отряде к произошедшему пополнению отнеслись без особого восторга: прибавление претендентов на долю в добыче никого особенно не радовало. Меня-то хоть в деле видели, а этот тип как бельмо на глазу.

А тут еще Язва...

— Поналетели, понимаешь, как мухи на коровью лепешку. На все готовенькое... — Давненько уже бурчавший что-то себе под нос Язва последнюю фразу произнес достаточно громко и при этом скосился в мою сторону.

Конечно, можно было промолчать, но вот только при разделе добычи это мне наверняка аукнется. И полученная доля едва ли окупит изношенные за время пути сапоги.

— Как я понимаю, это плевок на мою тень? — повернулся я к Язве, левой рукой почесывая спину. По странному стечению обстоятельств теперь моя ладонь почти касалась рукояти заткнутого сзади за пояс кинжала. Тот гнусно скривился, но ничего ответить не успел — незаметно для нас рядом оказался чем-то весьма недовольный Марк Брага.

— А ну пошевеливайтесь! — рывкнул он и поправил сбившийся ремень кирасы. — А то ползете как ишаки беременные!

Мы замолчали и начали нагонять остальной отряд. Пререкался с Марком желающих не нашлось. Да и не думаю, что кто-нибудь в дружине решится на это без очень и очень весомых причин. Посмотрев на утреннюю разминку Браги с тяжеленным бастардом, который в его руках порхал как бабочка, я тоже этого делать не собирался. По крайней мере, из-за таких пустяков.

Давно уже разменявший пятый десяток лет, помощник Анджея производил впечатление древнего дуба. Пересекавшие его лицо и шею морщины и шрамы только усиливали это впечатление. Темно-рыжие волосы и короткая бородка были обильно украшены сединой, которая придавала им оттенок смешанного с солью молотого перца. Чуть пониже меня ростом, он был такой же широкоплечий, как и Арчи.

Язва и колдун поспешили вперед, теперь мы шли втроем.

— Не нравится мне этот лес, — неожиданно ни с того ни с сего произнес Арчи.

— Понятно дело, кабаки тебе нравятся больше, — тут же подколот его Габриель.

— Не в этом дело, Шутник, не в этом. Эх, Кира жалко, он бы меня понял, — не обратил на подначку внимания здоровяк и, достав из дорожного мешка легкий шлем, начал расправлять стеганый подшлемник. — Пойдемте быстрее. Надо остальных догнать.

Я тоже почувствовал какое-то смутное беспокойство, но, в чем дело, понять так и не смог. Может, горец и разобрался бы в происходящем. Вот только вчера он не удержался и все же ввязался в драку с одним из гномов. Карлик отделался отрубленными пальцами левой руки, а Киру не повезло

гораздо больше: тяжелый молот проломил ему череп.

Мы начали огибать заросший деревьями крутой холм, когда Арчи резко остановился, а из кустарника на тропинку высыпали вооруженные люди. Раздался звон оружия и крики раненых. С холма полетели стрелы, и я с ходу нырнул с тропы в кусты: лучников не должно быть много, иначе не было никакого смысла в лоб атаковать хорошо вооруженный отряд.

Продравшись сквозь ветви кустов, я оказался в тени деревьев и сразу же припал к земле. Лучи солнца почти не проникали сквозь густые кроны, и здесь царил полумрак. Впрочем, это даже к лучшему: с тенями и темнотой отношения у меня неплохие.

Вытащив кинжал и по возможности стараясь не шуметь, я направился туда, где, по моим прикидкам, должны были располагаться стрелки. И действительно, почти сразу же в темно-зеленой стене орешника мелькнуло светлое пятно — похоже, именно там кто-то заранее обломал ветки, расчистив бойницу для лука.

Увлеченный стрельбой лучник не расслышал моих шагов, и узкое лезвие кинжала, пропоров кожаную безрукавку, легко вошло ему под левую лопатку. Сведенное предсмертной судорогой тело выгнулось дугой, но почти сразу же обмякло. Я медленно опустил его на землю, тихо выдохнул сквозь сжатые зубы воздух и потянул на себя рукоять. Клинок выскочил неожиданно легко, и мне невольно пришлось отступить на шаг назад.

Под ногой хрустнула одна из воткнутых лучником в землю стрел, и я замер на месте, озираясь по сторонам. Легкий шорох над головой предупредил об опасности и заставил отпрыгнуть в сторону за мгновение до того, как в прелую листву рядом с покойником воткнулась выпущенная с соседнего дерева стрела.

Промахнувшийся стрелок отбросил лук и, на лету замахнувшись короткой саблей, спрыгнул с насеста — острое клинка, едва не разрубив мне скулу, мелькнуло прямо перед лицом. Зло выругавшийся бандит с трудом устоял после приземления на ногах, но тут же, не оставив мне времени выхватить мечи, снова атаковал. Увернувшись от просвистевшей по широкой дуге сабли, я ткнул кинжалом в лохматую голову, но, не завершая удара, резко повел лезвие вниз. Хорошо заточенное острие полоснуло по незащищенному кожаной рубахой предплечью, и, зашипев от боли, разбойник перекинул саблю в левую руку.левой рукой он владел ничуть не хуже, и мне снова пришлось отпрыгнуть, уклоняясь от нового замаха. Сабля впустую рассекла воздух, и на землю полетели срубленные листья.

Рисковать жизнью и состязаться с ним в фехтовании теперь было

просто-напросто глупо. Сам кровью истечет. Ну что, поиграем в догонялки? Поняв, что я просто выжидаю, пока он обессилеет, разбойник заорал и, подняв саблю над головой, рванул ко мне.

Прыжок в сторону, укол кинжалом.

Лезвие сабли засело в толстой ветви, кинжал вошел лучнику меж ребер. Не удержавшийся на подкосившихся ногах разбойник растянулся на земле, и от сильного рывка рукоять кинжала выскользнула из моей вспотевшей ладони. Скорее всего, лучник был уже мертв, но я не стал искушать судьбу: сначала, оттянув голову за длинные засаленные волосы, перерезал ему засапожным ножом горло и только потом перевернул на спину и вытащил засевший в боку клинок.

Когда я, продравшись сквозь кусты, вернулся на тропу, схватка уже закончилась и тела нападавших стащили на небольшую полянку. Мертвецов было десятка полтора. Одеты в какое-то рванье, нормальных доспехов нет ни у кого, разве что на одном бородаче прорубленная в нескольких местах ржавая кольчуга, да у парня с рассеченной головой добротная стеганая куртка. Оружие тоже не ахти: на тропе остались валяться в основном зазубренные топоры и окованные железом дубины.

Мы потеряли троих, еще несколько человек отделались ушибами и порезами. Из убитых я знал только отрядного тайнознатца Захара Осоку. Хреново.

— Кейн, сучий потрох, чтоб тебя разорвало! — Судя по тону, настроение у Дубравы было отвратительней некуда. — Где тебя черти носили?!

— Там двое лучников было.

— Ну и чего так долго? — У Марка настроение было еще хуже, и тому имелось весомое основание: его дубленую шкуру украсил свежий порез, протянувшийся по шее от уха до ключицы. Неужели стрелой так кожу распорол?

Я только пожал плечами. Не говорить же, в самом деле, что, прежде чем вернуться, я обшарил трупы? Ничего особо ценного найти не удалось, но теперь мой кошелек потяжелел на пару медных корон и пяток щитов. Мелочь, а приятно.

Позади зашуршали кусты, из них с метательным топориком в руке вылез отрядный следопыт Петр Травинка — жилистый и совершенно лысый заозерец лет тридцати. Я еще ни разу не слышал, чтобы Травинка сказал хоть пару слов, вот и теперь он только поднял ладонь с двумя выставленными вверх пальцами. Анджей его прекрасно понял и

повернулся ко мне:

— Неплохо, Кейн. Эти гады Захара подстрелили.

Я молча кивнул. Да уж, нехорошо с Осокой получилось — теперь у нас остался только один колдун, способностей которого никто толком не знал.

— Совсем разбойники в лесу одичали. Нас же три человека против их двух было! — придерживая забинтованную руку, подошел ко мне Янек.

— Попадись им промысловики или контрабандисты, может, чего и выгорело бы, — пожал плечами Арчи.

— Я так думаю, им в «Хромом кузнеце» на нас наводку дали, — настороженно зыркнул в сторону кустов Язва. — Трепанул кто по пьяни языком, куда идем, вот и подкараулили.

— А место для засады они как выбрали? Никто не знал, что мы этой дорогой пойдем. — Змейка подобрал валявшийся на земле выщербленный нож и метнул в дерево. Нож ударился о ствол рукоятью и отлетел в траву.

Язва только пожал плечами и потер перебитый нос.

— Я вчера со стражниками поговорил — они отряд карателей со дня на день ждали, — остановился рядом с нами Семен Лебеда — высокий, коротко стриженный мечник, длинные светлые усы которого слиплись от пота, а кованный наплечник пересекала свежая царапина. — Эта шваль могла нас за них принять.

— И что, они на карателей накинуться не побоялись? — удивился я.

— Лучше уж самим напасть, чем ждать, пока тебя из норы выкурят. Хотя какой-то шанс есть. — Арчи вытер заляпанный кровью носок сапога о траву и пошел к махнувшему ему рукой Анджею. Язва направился следом.

— Смотри, Янек. — Я огляделся по сторонам и, убедившись, что поблизости никого нет, продолжил: — До храма уже рукой подать, а тут всякая шваль ошивается. Уж не почистил ли кто до нас развалины?

— Да кто в здравом уме в топи полезет? Без карты там делать нечего. Гиблое место. Можно год плутать и ничего не найти. И говорят еще, морок там наведен.

— А откуда у Браги карта?

— Чего не знаю, того не знаю, — ухмыльнулся Янек. — Хочешь — сам у него спроси.

— Да ладно, забудь... — махнул я рукой, но предчувствия у меня были самые безрадостные. Морок наведен... Навести — не проблема. Но его же постоянно поддерживать надо.

— Да все будет нормально! Кстати, ты зачем столько зубочисток с собой таскаешь? Ножей одних вон сколько. Купил бы себе лучше меч

нормальный.

— Обычай у нас на севере такой, — соврал я.

На самом деле вместо уроков фехтования мне больше нравилось пить пиво. Да и отношения с учителями не заладились с самого начала... Поэтому с длинными клинками обращаться по-настоящему так и не научился. Вот с ножами и кинжалами у меня проблем не было — с ними приходилось практиковаться с самого детства. Семейная традиция, забери ее тень.

А интересно, что бы сказал Янек, узнай он про припрятанные стилет, удавку и зачарованную метательную звезду?

Решив больше ничего не объяснять, я развернулся и чуть не наткнулся на подошедшего Шутника, который задумчиво рассматривал свой кистень. Заметив проявленный интерес, тот сунул шипованный шар мне под нос:

— Почистить не поможешь?

Шар полностью был заляпан кровью, лоскутами кожи и чем-то еще не менее отвратительным на вид.

— Не, ты уж как-нибудь сам, — отказался я.

Вскоре Анджей и Марк начали наводить порядок, и вся дружина, за исключением трех дозорных, выстроилась на небольшой полянке. Раненых наскоро перевязали, более-менее ценные вещи с убитых поделили между оставшимися в живых.

Арчи предложил было закопать трупы дружинников, но, кроме темноволосого худощавого и жилистого усача Ежи Петельки по прозвищу Висельник, его никто не поддержал: все стремились поскорее добраться до храмовых сокровищ. Да и с каменистой почвой, пронизанной корнями деревьев, никому возиться не хотелось. Наскоро завалив трупы камнями и срезанным дерном, мы отправились дальше.

Вскоре тропа начала уходить в сторону, и нам пришлось пробираться по лесу напрямик. Сверяясь с картой, Брага постоянно поглядывал на мелькавшее сквозь ветви деревьев солнце и высматривал одному ему известные приметы. Ближе к полудню лес начал редеть, то и дело стали попадаться заросшие мхом поваленные деревья, а густая темно-зеленая трава, наоборот, вымахала почти до пояса. Под ногами захлюпала пропитанная водой земля. Выходит, до болот осталось всего ничего.

Так оно и оказалось. Сначала потянулись густые заросли невысоких ив, а за ними заблестела окнами открытой воды заросшая высокой травой и камышом топь. Зависшее в зените солнце нещадно палило, и от болота поднималась густая пелена испарений.

И — никого. Ни людей, ни животных. Разве что неподалеку медленно

вышагивала высматривавшая лягушек цапля, да какая-то пичуга при нашем появлении упорхнула в камыши. Ну и непременно стрекозы стремительно сновали над высокой травой. Из всех обитателей болот внимание на нас обратили лишь слепни и оводы. Хорошо хоть мошкары и гнуса нет.

— Пошли! Пошли! Чего встали?! — прорычал Марк и первым ступил на покачивающийся под ногами и пропитанный мутной вонючей водой ковер болотных трав.

— По сторонам смотрите, местные болтали, болотных гоблинов не всех еще вырезали. — Анджей внимательно оглядел дружинников и пошел к ожидавшемуся нас Браге. — Да и живность здесь даже беспокойная.

Пришлось растянуться в цепочку и двинуться вслед за ними. Марк, проверяя путь срезанным в лесу посохом, прыгал с кочки на кочку и лишь иногда посматривал на карту. И хотя никаких приметных ориентиров, даже сухих деревьев, в округе не наблюдалось, но в топь помощник Анджея нас ни разу не завел, пусть и пришлось порядком пропетлять в зарослях камышей. В одном месте так и вовсе, ища путь в обход трясины, вернулись на две сотни шагов назад.

Уж не знаю, каким чудом Марку удавалось выбирать безопасную дорогу — не иначе тени на ушко нашептывали, — но самые гиблые места мы обошли стороной. И это было просто здорово, а то постоянно кто-то соскальзывал с кочек и проваливался в болото. Самые невезучие погружались в мутную холодную воду по грудь, просто сделав один неверный шаг. В такие моменты обычно спокойно дремавшие в осоке лягушки бросались врассыпную, а гревшиеся на солнце ужи торопились уползти в камыши. К сожалению, заранее срубить посох мне в голову не пришло, и вскоре у меня в сапогах заплескалась жижа, а штаны оказались до середины бедра заляпаны болотной грязью.

Когда через несколько часов этих издевательств в дымке поднимающегося от болота марева показался силуэт пологого кургана, Брага удовлетворенно хмыкнул, спрятал карту в кожаный чехол и, вытерев вспотевшее лицо, побрел к холму.

Неужели дошли? Похоже на то.

Без особых сложностей добравшись до кургана, мы первым делом принялись выливать воду из сапог, срезать толстых черных пиявок и очищать одежду от налипшей болотной жижи. Толку, честно говоря, от этой возни было немного. В конце концов пришлось смириться с тем, что ближайшие несколько дней мы будем вонять болотом, а одежда станет скрипеть и хрустеть при каждом движении.

Первым не выдержал Язва — он упер руки в бока и уставился на

Брагу:

— Ну и где этот долбанный храм? Или мы сюда приперлись, чтобы в грязи изваляться?

— Грязь можно было и поближе найти, — поддержал его Шутник.

— Заткнитесь оба, — отмахнулся от них Марк и начал вполголоса что-то объяснять ни на шаг от него не отходившему тайнознатцу.

Тот, внимательно его слушая, время от времени кивал, потом на несколько минут задумался и, присев на корточки, начал вырывать густую траву. Кое-как очистив небольшой пяточок, тайнознатец вытащил из рукава остро заточенную деревяшку и принялся чертить на земле какие-то символы. Много времени приготовления не заняли, да и сама волшба прошла весьма буднично: разрисованная колдовскими символами земля моментально высохла и растрескалась, а остатки невырванной травы принялись тлеть и куриться легким дымком. Заклинатель выпрямился и что-то тихонько сказал Марку. Стоявший неподалеку Анджей, видимо не расслышав слов, нахмурился, но переспрашивать не стал.

— Ищите проход, — распорядился Брага и вытащил из заплечной сумы связку просмоленных факелов. — Внутри не лезьте, если жизнь дорога!

Я покосился на Анджея, но тот оставил самоуправство помощника без внимания. Странно. Очень странно. Слишком много на себя Брага берет. Надолго ли у командира терпения хватит? И вот еще что непонятно: у Дубравы на клинке я клеймо с хорьком приметил — знак цеха оружейников Северного Гальда, а у Марка на бастарде крылатый волк скалится. И есть у меня ощущение, что это не подделка и полуторник на самом деле работы мастера Ран-Лира из Медвежьего склона. А его работы, считай, самое меньшее раза в полтора-два дороже ценятся, чем гальдское оружие.

Темный провал в кургане обнаружился почти с противоположной стороны, и вскоре вся дружина собралась там, разглядывая уходящие во тьму ступени. Судя по всему, спускаться придется очень глубоко. Тут главное, чтобы проход затоплен не был. Да нет, ступени хоть и влажные, но воды не видно.

Змейка метнул в провал камушек, и тот зацокал в темноте. Плеска не послышалось.

— Сдурел?! — Дубрава отвесил Янеку подзатыльник, и парень, втянув голову в плечи, быстренько ретировался от провала.

— Ты б еще подудел туда! — Висельник вытащил из мешка и принялся расправлять подшлемник.

— Да ну вас, — потер затылок Змейка и, опустившись на корточки,

заялся ремнями небольшого, обтянутого кожей щита.

Пока все проверяли оружие и доспехи, я присел рядом с ведущими вниз ступенями. Ни черта не видать! Темно, как у теней за пазухой. От грубо отесанных каменных плит тянуло сырой стылостью, и, чем больше я всматривался во тьму, тем меньше мне хотелось туда спускаться. С чего бы это? Никогда раньше темноты не боялся. Вытащенные из ножен мечи прогнали непонятное ощущение беспомощности, но неприятный осадок все же никуда не делся, и от этого было немного не по себе.

— Ну что, выступаем? — проверив, легко ли выходит из ножен бастард, повернулся Марк к Анджею, который еще возился со шлемом.

— А кто наверху останется? — Командир поправил кольчужную бармицу и натянул латную перчатку.

— Зачем? Никто сюда не сунется...

— Арчи, ты остаешься, — не изменил своего мнения Дубрава и обнажил меч. — Проход широкий, так что идем по три человека. Двинули.

Я оказался во второй тройке вместе с Ежи Петелькой и Лехом Зарницей. Висельник недовольно вертел головой по сторонам и то и дело проверял ногтем заточку длинной сабли. Лех — высокий парень на пару лет постарше меня — спокойно шагал, клацая о ступени железными набойками сапог.

— Лех!.. — прошипел шедший за нами Язва. — Тише ты...

— Угу, — хмыкнул тот, переложил в левую руку увесистую булаву и поправил кольчужный ворот.

Подосва сапога едва не соскользнула со стертой ступени, и, глубоко вздохнув, я прогнал из головы посторонние мысли и дурные предчувствия. Не до того сейчас.

Отблески факела спускавшегося первым Петра Травинки едва разгоняли поджидавшую отряд тьму, и на грубо отесанных стенах танцевали наши странно искривленные тени. Следопыт шел не торопясь, напряженно вглядывался в темноту и постоянно, словно убирая затянувшую проход паутину, водил перед собой из стороны в сторону коротким топориком.

Немного потеснив Язvu, сзади спускался тайнознатец, и от его тихого монотонного бормотания на затылке зашевелились волосы. Никогда в жизни не боялся закрытых помещений и пещер, но сейчас, по мере продвижения вниз, меня начинало все больше охватывать какое-то непонятное чувство обреченности. Сырые и осклизлые ступени так и норовили вывернуться из-под ног, а камень потолка давил, словно уже положенное на могилу надгробие.

Не останавливаясь, я сунул один из мечей в ножны и вытащил метательную звезду. Большой палец привычно скользнул по покрывающим все четыре лезвия рунам, и холодная тяжесть черного металла, как обычно, подействовала успокаивающе. Смысл выбитой на железе тарабарщины был мне неизвестен, но отдавший звезду за долги человек клялся и божился, что отклонить ее бросок невозможно никакими чарами. Сейчас мне это показалось весьма кстати: подземелье было просто пропитано непонятной магией. В самом деле, спустились-то мы уже прилично, а вода в проходе так и не появилась. Разве что в нескольких местах капало с потолка.

Наконец лестница закончилась, и мы вошли в темное помещение. Света двух факелов не хватало, дальние стены и потолок терялись во тьме. Несший второй факел Висельник прошел вглубь, и отблески огня заиграли на пронизывающих каменные стены жилках горного хрусталя. Я даже невольно засмотрелся. Красиво. А в сочетании с нашими тенями — жутко.

— Простой хрусталь, — подтвердил мое предположение Янек, отколупнувший от стены камешек.

— А ты чего ждал, рубиновых россыпей? — съязвил Шутник.

— Заткнитесь вы, — насторожился вдруг Ежи Петелька.

Мне почудилось какое-то движение в дальнем от нас углу, и я незамедлительно сместился в сторону от оставшейся позади лестницы. Есть там кто, нет? Или почудилось? Дружинники тоже замолчали и, выставив вперед оружие, напряженно вглядывались во тьму.

Отблески на стенах мешали что-либо рассмотреть, и человека в длинном светлом балахоне удалось заметить, только когда тот сам вышел на освещенное факелами пространство. Лицо скрывала тень капюшона, но что-то в его фигуре показалось мне смутно знакомым. Еще б понять — что именно...

Первым среагировал Петр. Видимо, резонно рассудив, что ничего хорошего от незнакомца в таком месте ожидать не приходится, он, не говоря ни слова, метнул в него свой топорик. Не долетев до цели нескольких шагов, топор осыпался на пол ржавчиной и древесной трухой.

Жрец — а кто еще может обитать в этом тенями забытом месте? — поднял руки над головой, и меж его сжатых кулаков сгустилось туманное облако. Мгновенье, и оно начало наливаться лунной желтизной.

Сделав шаг вперед, я кистевым броском швырнул метательную звезду из-под руки державшего факел Петра Травинки. Не успевший завершить волшбу жрец покачнулся и упал навзничь: мой бросок оказался удачным, и звездочка угодила ему в горло. В тот же миг туман развеялся, будто обычный дым.

И тут я наконец понял, что именно меня насторожило — покроем балахона заклинателя один в один повторял покрой плаща присоединившегося к отряду тайнознатца. Простое совпадение? Ага, как же...

Не колеблясь ни мгновения, я резко развернулся и локтем левой руки заехал в маячивший сбоку капюшон колдуна. Его нос хрустнул, постепенно усиливающееся бормотанье разом оборвалось, и тайнознатец мешком повалился на пол.

После удара меня развернуло, и я краем глаза заметил, как в отражавшемся от хрусталя призрачном сиянии факелов в руке стоявшего на ступенях Марка Браги сверкнул стеклянный шар. Возникший позади него Арчи правой рукой зажал ладонь с шаром, а левой крутанул голову помощника Дубравы вбок. Хрустнули позвонки, завалившийся на спину Брага съехал по ступеням вниз.

Что за чертовщина?!

Вот только выяснять, что происходит, времени уже не оставалось: из скрывавшегося во мраке подземелья прохода к нам выскочили смутно различимые в темноте люди в светлых балахонах. Полыхнувшие вспышки молний полоснули по глазам, нескольких попавших под удар боевых чар дружинников сбило с ног, и в нос ударила вонь паленых волос и горелого мяса.

Не собираясь разделять участь сгоревших заживо дружинников, я перекатился по полу и, ухватив направленный на меня посох, задрал его вверх. Из наверх посоха ударила молния, с потолка хлынул дождь раскаленной каменной крошки, несколько осколков обожгли шею.

Тень! Не вижу почти ничего — сплошные блики перед глазами.

Худой как щепка жрец рванул посох на себя, но зажатый в левой руке мечом я ткнул его в низ живота и сразу же рухнул на колени, уклоняясь от удара сбоку. Переливавшийся мутной белизной жезл прошел над головой и врезался в стену. На пол рухнул целый пласт размякшего камня. Мгновенно откатившись вбок, я чудом избежал повторного замаха: искрившийся от смертоносных заклятий жезл провел по полу длинную глубокую черту. Жрец перехватил посох двумя руками, замахнулся, но вдруг застыл на месте — ртом у него хлынула кровь, а из груди проклюнулся наконечник воткнутого в спину копья.

Схватка закончилась так же неожиданно, как и началась. Двое оставшихся в живых жрецов попытались скрыться в темном проходе, но далеко убежать не успели: несколько точно брошенных метательных ножей навсегда отправили их в край теней.

Снявший шлем Анджей не стал терять время и разбил дружину на две части: одна под предводительством Лебеды бросилась обыскивать подземелье, вторая занялась оказанием первой помощи раненым. Янек, зажав в охапку вытащенные из сумы Марка факелы, закреплял их в ржавых держателях, а добровольно вызвавшийся Висельник переходил от одного распростертого на полу тела жреца к другому и методично отрубал головы. Клинок своей сабли он портить не решился и орудовал одолженным у кого-то топором. Это Анджей правильно придумал — с тайнознатцами по-другому никак нельзя...

И все же какая чертовщина творится в отряде? Арчи свернул шею Браге, а теперь, как ни в чем не бывало стоит и разговаривает с Анджеем, который все это прекрасно видел. Другие дружинники тоже настороженно нет-нет да и косились на труп помощника Дубравы, но с расспросами никто не лез.

Наплевав на приличия, я отправился напрямик к тихо спорящим Анджею и Арчи. Прежде чем они меня заметили и замолчали, расслышать удалось всего два слова: «говорил» и «засада».

— У нашего нового колдуна балахон, как у этих выроdkов, только серый. Я ему, похоже, нос сломал, но он скоро очнуться должен...

Дубрава, даже не дослушав меня, крикнул во тьму:

— Эй, Петр! Тащи сюда тайнознатца!

— Это что? — немедленно поинтересовался я, заметив стеклянный шар в руке Арчи.

— Да так, зелье сонное, — пожав плечами, ответил тот и спрятал переливающуюся всеми цветами радуги сферу в висевший на поясе кошель.

Еще не пришедшего в себя колдуна притащил Язва. Увидев вопросительный взгляд Анджея, он поспешно объяснил свое появление:

— Нету больше Петра. Поджарили его.

— Тогда оставайся. А ты, Кейн, давай помоги остальным подземелье обыскать.

Хмыкнув, я отправился выполнять приказ, но первым делом вытащил из шеи уже обезглавленного жреца свою метательную звезду. Потом оглядел освещенное колеблющимся светом чадающих факелов подземелье и только крикнул: вот ведь, все уже разбежаться успели!

Даже замотанные в пропитанные целебными мазями бинты Влас Чарка и Лех Зарница куда-то поплелись, хоть и едва держались на ногах после зацепившего их краем разряда молнии.

Мозолить глаза Анджею не хотелось, а посему пришлось последовать

примеру дружинников. С обнаженными мечами в руках я побродил по темным коридорам и на всякий случай заглянул в несколько келий. Но везде уже успели побывать до меня, так что ничего интересного, а самое главное — ценного обнаружить не удалось.

Как оказалось, в кургане жила небольшая община. Человек в десять, не больше. И, хоть убитых я не пересчитывал, думаю, примерно столько мы и порубили. И чего они на нас накинулись? Да тень с ними, и без этого слишком много непонятного в последнее время творится.

Убедившись, что никто живой от нас не схоронился, дружинники уже вовсю шарили по сундукам и мешкам, но добыча выходила весьма скудной: пяток золотых щитов, десятков серебряных корон и россыпь медяков. И никаких сокровищ. Даже несколько вырезанных из нефрита и лунного камня подсвечников положения не спасали.

Пока остальные продолжали шерстить кельи, я решил вернуться обратно: честно говоря, мне не давало покоя обыкновенное любопытство.

Что же рассказал тайнознатец? Почему убили Марка? Какую игру затеяли Дубрава и Арчи?

Дружинники о чем-то между собой втихаря перешептывались, но со мной откровенничать не стали.

К тому времени, когда я вернулся в помещение, где оставались Дубрава и Арчи, тело колдуна уже накрыли плащом, а Язва молча вытирал нож. На сером полотнище лезвие ножа оставляло темные полосы.

Нахмурившийся Анджей хотел мне что-то сказать, но в этот момент в зал выскочил Змейка и, заикаясь, заорал:

— Там, это... Выход во двор нашли, а там... Да идите вы быстрее!

Анджей и Арчи переглянулись и, забыв про труп тайнознатца, тут же отправились за Янеком. Я поспешил следом и всю дорогу пытался разговорить здоровяка, пока тот, не выдержав наконец, не рывкнул:

— Да чего непонятного? Чернокнижников здесь логово было. Усыпили бы нас и в жертву принесли. А Брага, ублюдок, чтоб его в аду черти на вертеле поджаривали, с ними в сговоре был. Не первых нас сюда завел. Да заигрался — слухи пошли...

— А зачем сюда кого-то заманивать? Не могли, что ли, крестьян или бродяг наловить? Всяко меньше риска. — В самом деле, зачем связываться с хорошо вооруженным отрядом, когда здесь неподалеку тракт проходит, а по нему кто только не шатается? И искать никого в болотах точно не стали бы.

— Не все так просто. Темные души им зачем-то нужны были. Темные. И чем больше на человеке крови, тем лучше. А как еще сюда душегубов

заманить, кроме как рассказнями о сокровищах? Не выкупать же с каторги.

— Твою тень!

— Не то слово. Поживиться здесь наверняка нечем. Хотя... Все куда хуже обернуться могло.

— Куда хуже-то? И так чуть всех не поджарили.

— Если б еще и Дубраву зацепили — вообще туши свет...

— Почему? — Я не понял, чем это могло существенно ухудшить ситуацию.

— Так патенты только на него и на Марка выправлены. Без них мы для здешних стражников кто? Правильно, голь перекатная.

Тут уж и до меня дошло. Это у нас на севере каждый таскает с собой столько железа, сколько считает необходимым, а на церковных землях стража за этим следит строго. Без патента с клинком длиной больше чем пол-локтя на людях появишься — сразу в кутузку загремишь. Дружинникам стародавний императорский эдикт даровал право свободного ношения оружия только в Заозерье, а общеимперские патенты полагались лишь Дубраве и Браге, которые входили в тамошний совет Дружин.

Решив, что сказал достаточно, Арчи убежал догонять Дубраву, а я вслед за ними вошел во внутренний дворик, стены которого были сложены из массивных гранитных плит. По верху девяти колонн лежало собранное из каменных блоков кольцо, верхнюю грань которого усеивали многочисленные сколы. Избороздившие колонны трещины перечерчивали небрежно высеченные узоры и смутно знакомые рунические письмена.

Где-то я нечто подобное уже видел. Но где? Не помню. Вот только всплывает в памяти Ведьмина Плешь, и все тут. Не к добру это, ох, не к добру!..

Ко всему прочему посреди двора располагался круглый бассейн, заполненный затхлой темно-зеленой водой. Причем бордюры его были вырезаны из того же светлого камня с хрустальными прожилками, что и колонны, а в центре возвышался пьедестал, на котором лежал отсвечивающий серебром металлический шар размером с голову взрослого мужчины.

Но сейчас серебряный шар никого не интересовал, все молча смотрели на тринадцать лежавших вокруг пруда тел. Руки мертвецов были сцеплены между собой пронзившими кисти железными штырями, ноги закованы в приклепанные к каменным плитам пола цепи. И лежали мертвецы так уже довольно давно: вздувшиеся животы, лопнувшая кожа, синюшные пятна и гниющая плоть недвусмысленно об этом свидетельствовали. А еще запах. Запах здесь стоял такой, что позеленел не только я, но и ко всему

привычные дружинники.

— Живыми сцепляли. — Единственным, кого все это нисколько не задело, оказался Семен Лебеда, который без неуместной сейчас брезгливости опустил на корточки и поскреб ногтем подернутый ржавчиной штырь. — Гляньте! Это же дружина Крапивы!

Меня чуть не вывернуло. И, думаю, не меня одного. Да еще некстати царапнула неприятная мысль, что, окажись Марк Брага с подельниками чуть расторопней, и мы поменялись бы местами с этими полуразложившимися трупами.

Наверное, дружинники так бы и стояли, пораженные жуткой картиной, но тут Язва наконец вспомнил, зачем мы сюда заявились, и, без колебаний переступив через ближайший труп, шагнул в бассейн. По колено погрузившись в затхлую воду, он добрал до пьедестала, не без труда приподнял шар и притащил его к нам.

— Серебро, почти чистое, — мгновенно определил Змейка. Поскольку все знали о двух его братьях, отправленных на каторгу за чеканку фальшивых монет, слова Янека никто подвергать сомнению не стал.

Выходит, нам привалил неплохой куш. Корон так на двадцать золотом.

Все уже мысленно подсчитывали, сколько составит их доля, когда Шутник, ни к кому конкретно не обращаясь, задал весьма злободневный вопрос:

— Ну и кому мы эту чушку загоним? Не пилить же ее...

Топь

Колеблющаяся над болотом пелена в лучах восходящего солнца выглядела невероятно красиво и романтично. Под легкими дуновениями ветерка завитки тумана теряли свою молочную белизну и переливались всеми оттенками розового и алого. Было бы время — просто стоял бы и любовался. Но сейчас эта красота уже успела встать поперек горла. Тут приходится выбирать, куда следующий шаг сделать, а ничего не видно уже на расстоянии вытянутой руки! И это при том, что любая ошибка может привести к стремительному погружению в вонючую черную жижу. Не удивительно, что время от времени рядом раздавался свидетельствующий о чьем-то промахе всплеск. Если бы не связывавшая всех в одну цепочку веревка, половина отряда давно бы уже была на дне.

Вдобавок ко всему от холода стыли уши и пальцы, а оседавшие на волосах капли ледяными струйками сбегали за шиворот. Ноги давно онемели, с каждым шагом передвигать их становилось все трудней. Конечно, жарь сейчас в полную силу солнце и летай в поисках пропитания

болотная мошкара, было бы несравненно хуже. Только вот думаю, через пару-тройку часов мы и это удовольствие в полной мере испытаем на своих шкурах. Как говорится, всему свое время.

А еще говорят: прямая дорога — дорога в ад. И к нашему случаю эта поговорка подходила как нельзя более кстати. Решив сократить путь, мы не стали возвращаться дорогой, по которому пришли к храму, а отправились напрямик через болото. Вообще меня это вполне устраивало — чем раньше дружина доберется до Геладжио, тем лучше. Вот только было одно «но»: согласно карте, топь кончилась еще вчера вечером.

И теперь мы уже добрую половину суток тащились по болоту, с ужасом ожидая наступления пышущего зноем дня. Удушающие испарения, тучи кровососов и палящие лучи солнца запросто могли свести с ума даже привычных к жаре заозерцев. К тому же помимо собственных пожитков приходилось тащить нашу добычу — серебряный шар, весивший никак не меньше пуда. А то и все полтора. Пожалуй, впервые близость богатства никого не вдохновляла, и, чья бы очередь тащить серебро ни подходила, звучали одни и те же проклятия. Исключения составляли только Анджей и Шутник. Первый как командир отряда переносил тяготы пути молча, второй далеко опередил всех по части сквернословии и богохульств.

И мало того что нести котомку с серебряным шаром было само по себе весьма утомительно, так еще от врезавшейся в плечо лямки моментально затекала рука, а от тяжести ноши постоянно заносило вбок. Хорошо еще вчера мне пришла в голову замечательная мысль прихватить с собой посох одного из жрецов. Без него, думаю, давно бы уже упустил в топь нашу добычу. А тогда проще всего было бы утопиться самому.

— Долго нам еще по этому болоту ползти? — спросил я, передавая котомку бредущему впереди Арчи.

— Да мы его уже почти прошли. — Удивительно, но дополнительная ноша, казалось, не причинила Арчи никакого-то неудобства. Крякнул только, и все. — Не чувствуешь, что ли, как болото изменилось?

А ведь действительно, вязкая жижа, кое-как затянутая ковром травы и камышом, сменилась открытой водой, покрывавшей неглубоким слоем илистое дно. Вода пока доходила до колен, но ее глубина постепенно уменьшалась. На карте Браги, если не ошибаюсь, лес, через который проходит тракт на Геладжио, начинался сразу после небольшой заводи. Неужели дошли?

— Пройти, может, и прошли, да только непонятно, зачем мы вообще в топь полезли? — смачно сплюнул себе под ноги Язва.

Вот так он и ворчал почти всю дорогу. Понятно дело: его шикарные

новые сапожки за время путешествия по болоту превратились в полуразвалившиеся обноски. Тут не только ворчать, тут взвыть в самую пору. Честно говоря, мои сапоги были в ненамного лучшем состоянии. Левая подошва вообще могла оторваться в любой момент. И ведь снять обувь никак нельзя: попадавшие обломки камыша хоть и были полусгнившими, но пропороть ногу могли запросто.

— Не нравится — можешь вернуться и пойти правильным путем. — Хромавшему замыкающим Власу Чарке давно уже осточертело слушать это нытье.

Язва ничего не ответил, только снова сплюнул. И, словно в ответ на его плевки, вода вспенилась, из нее взметнулась тварь, отдаленно напоминавшая гигантскую лягушку. Черную лягушку размером с собаку с пастью, полной острых зубов.

Как бы я ни относился к Язве, реакцией он обладал отменной: его копые моментально описало дугу и ударило прямо в раскрытую пасть. Зубы лязгнули о лезвие, и лягушка напоролась небом на острие.

Но радоваться удаче было некогда: со всех сторон на нас накинута еще десятка болотных отродий. Шагнувший вперед Арчи успел взмахом двуручника перехватить выпрыгнувшую из воды тварь, но лезвие меча, вместо того чтобы рассечь ее напополам, жалобно звякнуло и отскочило в сторону. Не ожидавший подобного поворота событий здоровяк не удержал рукоять в ладонях, и меч, булькнув, исчез во взбаламученной воде.

Из железа у нее шкура, что ли?

— Твою мать! — с досады рявкнул здоровяк и принялся на шаривать что-то у себя на поясе.

Я заметил, как неподалеку упал в воду сбитый с ног дружинник, но помочь ему уже не успевал: одна из черных лягушек попыталась вырвать мне глотку. Вовремя подставленный посох отбросил тварь в сторону, но при этом его конец зацепился за связывавшую меня с Язвой веревку, и импровизированная дубинка шлепнулась в воду. Ничего не оставалось, как выхватить меч и рассечь связку, делавшую меня слишком неповоротливым.

Лягушка вновь вынырнула из воды, но я ошибку Арчи повторять не стал и, дождавшись прыжка, воткнул клинок прямо в открытую пасть. От удара кисть чуть не вывернуло, и клинок глубоко вошел в глотку. Даже слишком глубоко: из всех сил рванул меч на себя, но освободить его у меня не получилось. И что теперь делать?! Не оставлять же здесь?

Арчи наконец вытащил из кошелья шар Браги и с силой швырнул его в воду. А потом еще и потоптался по месту его падения ногами. Вода забурлила, по ней во все стороны начало расползаться пятно бледно-синего

цвета. Попадавшие в окрашенную воду лягушки сразу же цепенели и начинали медленно покачиваться на волнах.

Вот и сонное зелье пригодилось.

— Быстро, за мной! Бегом! — Крик Дубравы застал меня за попыткой найти оброненный посох.

— Чего это... — начал было я, но Арчи не дал договорить и, схватив за плечо, почти швырнул вперед.

— Беги! — прорычал здоровяк и понесся вслед за Анджеем. Что самое удивительное — он даже не попытался подобрать свой меч.

Солнце уже поднялось над горизонтом, туман почти рассеялся, и сразу стало ясно, куда устремился Дубрава: на небольшом островке возвышалось здание, сложенное из покрытых мхом и лишайником камней. Крыша в нескольких местах обвалилась, но покосившиеся от времени стены еще стояли, а с нашей стороны в фасаде чернел провал выломанной двери. Если других проходов нет, то держать оборону там можно будет, пока не сдохнем от голода.

Только от кого нам обороняться? Не от лягушек же?

Бежать по доходившей до колен воде было нелегко, но меч я бросать не собирался и так и тащил за собой увесистую тушку мертвой лягушки. А некоторым приходилось еще хуже: в середине отряда Шутник и Висельник, подхватив под руки, волочили между собой Леха Зарницу.

— А чего случилось-то? — прохрипел я.

— Охотничья стая, — размеренно задышал почти не запыхавшийся Арчи.

— Чья?

— Гоблинов.

Словно в подтверждение его слов, из тумана вылетели несколько дротиков и, перелетев нас, почти без всплеска исчезли в мутной воде.

До острова оставалось всего с полсотни шагов, когда бежавший сбоку от меня Янек взмахнул руками и с головой ушел под воду. Чертыхнувшись, я левой рукой ухватил его за кисть и, чувствуя, как осыпается под ногами песчаный край ямы, потянул на себя. Парень, едва не утащив меня на дно, вынырнул из воды, хлебнул воздуха и, отплеываясь, выполз на мелкое место. Бежавший за нами Семен Лебеда помог поставить его на ноги, и мы рванули за остальными. Причин для такой спешки было предостаточно, и с каждым мгновением количество их только прибавлялось: вылетающие из тумана дротики уходили под воду все ближе к нам.

Мы успели. Я одним из последних заскочил в дом, и тут же в проход и узкие бойницы начали залетать короткие дротики. Хрупкий обсидиан

наконечников разлетался на мелкие острые осколки, и несколько человек даже заполучили глубокие кровоточащие царапины, прежде чем догадались убратъся подальше от опасных мест.

Едва переставляя онемевшие ноги, я отошел подальше от пролома в стене и повалился на каменный пол, который сейчас показался мне мягче перины. Фу-у-у, чуть не сдох. Ничего не скажешь, вляпались. Все племя на охоту за нами вышло, что ли? Хорошо хоть с убежищем повезло: вход в развалины был только один.

— Арчи, Язва и Петелька на входе. Змейка и Лебеда, проверьте второй этаж. Шутник и Кейн к пролому в полу. — Анджей успел оценить ситуацию и начал отдавать распоряжения. — Остальные могут отдыхать, вряд ли гоблины сюда днем полезут. У кого что посуше есть — подложите под Леха, я им сам займусь.

Я подхватил все еще торчавший из пасти лягушки меч и поволок его вместе с тушкой к пролому. Когда-то здесь была ведущая в подвал лестница, но сейчас от нее осталась только куча каменных обломков да полусгнившие перила.

— Знаешь, Шутник, что мне нравится в нашем положении? — Клинок застрял намертво, и я принялся его осторожно расшатывать.

— Что? — Габриель никак не мог отдышаться. Не удивительно при его-то животике.

— То, что мы внутри, а гоблины, наоборот, снаружи. — К моему немалому облегчению, меч начал понемногу высвобождаться.

— Да? А ты никогда не слышал историю о мальчике, который спрятался от солнца в тени тролля?

— Это ты к чему?

— А ты принюхайся, — предложил Шутник, который напряженно вглядывался в темень провала, но, похоже, ничего кроме обломков лестницы разглядеть внизу не мог.

Я и принюхался. Болотная вонь притупила мое обоняние, но исходявшее снизу зловоние не почувствовать было невозможно. К горлу моментально подкатил комок тошноты, и меня чуть не вырвало.

— Воняет так, будто что-то большое залезло туда и сдохло, — предположил я, вытащив из лягушачьей пасти меч, и едва успел убрать ногу от хлынувшей желчи и черной со сгустками крови.

— Ага, или кто-то ему там сдохнуть помог. — Шутник отошел от края пролома и уселся у стены. — Видел, что с Лехом?

— Не-а, а что? — Я хотел было выкинуть тушку лягушки вниз, но заинтересовался ее шкурой. К моему удивлению, на ощупь она оказалась

достаточно мягкой.

— Да вот такая зверюга ему ногу прокусила, так и волокли его вместе с ней. Зубы разжать не смогли.

— Да ты что? Так и притащили ее сюда? — Я задумался. А ведь как раз мне на сапог хватит. Только шкуру снять надо аккуратней.

— Угу. Кара это нам, — неожиданно заявил Габриель. — За то, что в детстве лягушек через соломинку надували.

— Иди ты, — даже не улыбнулся я.

— Наверху все чисто, крыша, правда, почти везде обвалилась, — доложил вернувшийся со второго этажа Лебеда. Дубрава сразу же отправил его и Янека в помощь Язве, а Арчи велел двигать к нам.

— Внизу никто не шебуршит? — спросил Арчи, выбирая более-менее сухое место рядом с проломом. — Или это вы уже туда нагадить успели?

— Да вроде ничего не слышно, — пробормотал поевшийся Шутник.

Я был полностью занят снятием шкуры и только поэтому не посоветовал Арчи спуститься вниз и проверить самому.

— А кормить нас сегодня будут? — Габриель похлопал себя по животу, туго обтянутому бригадиной. — А то у меня уже в животе бурчит.

— Анджей вроде распорядился насчет кормежки. — Арчи наконец выбрал место и устроился на полу. — Вон, костер уже развели.

— Ах ты! — Нож соскользнул со шкуры и едва не располосовал мне палец. — Да тень с ней, с кормежкой. Скажите лучше, как мы отсюда выбираться будем?

— Ну, есть два варианта: или гоблины сами уйдут, когда нас караулить надоест, или через них прорываться придется. — Шутник поднялся на ноги. — Пойду, уголек возьму, а то мы закоченеем тут.

— Ага, уйдут они, как же.

— Да ты не забивай голову всякой ерундой. У нас командир есть, вот пусть он и думает, — кивнул Арчи в сторону Дубравы и тихонько вздохнул. — Гадство, как же я так лопухнулся?

— Ты о чем?

— Да меч жалко. Теперь такую ковку и не найти.

— Молот-то не потерял? Нет? Вот и радуйся. А меч еще лучше найдешь. Если отсюда выберемся, конечно.

— Не если, а когда, — поправил меня здоровяк и похлопал рукой по рукояти молота. — Надо было эту гадину им долбануть. Но кто ж знал?

— Это точно.

— Слушай, а ты куда после Геладжио направиться думаешь?

— Не знаю. Если все нормально будет, то обратно на север. — Раньше я об этом действительно даже не задумывался. А надо бы. Но он-то чего этим заинтересовался? — А что?

— Да так, ничего. Я б тоже на север двинул. Там, говорят, нехилая заварушка намечается, так что наемники в цене будут, — пожал плечами Арчи и начал расщеплять ножом уцелевшие остатки перил. Правильно, вон Шутник уже с углями возвращается, растопка в самый раз будет.

— У нас никогда спокойно не было. Привыкли. — Я еще раз окинул взглядом дружинников и неожиданно впервые для себя отметил, что, кроме Арчи и Габриеля, все остальные в отряде — уроженцы Заозерья.

— Ха! На этот раз худые герцоги всерьез решили друг другу глотки перегрызть.

Худые герцоги. Может быть, очень даже может быть. У них между собой старые счеты. Одна Долина Кедров чего стоит. Только вот силы герцогств примерно равны и первым начать войну никто не рискнет. Хотя и ходят слухи, что Йорк слишком уж со своими северными соседями-эльфами сблизился. Там вроде даже собирались уравнивать полукровок в правах с людьми. Церкви это нравиться не может, и понятно, что она более благосклонно относится к великому герцогству Ранлоу, через земли которого к тому же проходит императорский тракт. А это, между прочим, единственная возможность добраться в Северные княжества посуху.

— Ну так и шел бы на север, в чем проблема? — Я наконец-то закончил со шкурой и принялся очищать от зеленой слизи нож.

— Хорошо бы, но я все же вместе со всеми обратно в Заозерье двину. — Арчи нахмурился и потер переносицу. — Там степной поход намечается, нас в Золовинке к началу осени ждут. Из Костровицы, Дымья отряды подойдут. Золото рекой течь будет. Может, ты с нами? Дубраве люди в дружину сейчас как раз нужны.

— Против кого поход-то? — Я почесал затылок. — В степи у вас кто? Орки? Золота у них отродясь не было.

— Орки, разбойники, контрабандисты. Вампиры с Кровавого Утеса чего-то в последнее время зашевелились. Да какая нам разница? — Арчи расплылся в улыбке. — Церковь платит.

— Да зачем Церкви наемники? У нее и своих войск хватает.

— Какие там войска-то? — Подошедший Шутник пристроил пару горящих веток меж камней и принялся подкидывать наструганные Арчи лучины. — Благородные рыцари из ордена «Пламенеющего меча» на такие дела не годятся. Ручки пачкать не захотят. Да и жарко в степи в латах, а они потеть не любят...

Арчи дернулся было что-то сказать, но промолчал, и Шутник продолжил:

— Гарнизоны никто снимать и гнать в степь не станет, как бы еще подкрепление в северные марки Полесья или на побережье отправлять не пришлось. И кто остается? «Заблудшие» и «Раскаявшиеся». Но для них и на церковных землях работы хватает. И на границе с Восточным Норлингом опять беспокойно. Да и вообще...

Что «вообще» — узнать не удалось. Закончив с Зарницей, к нам подошел Дубрава с явным намерением выкинуть в провал мертвую лягушку.

— А вот этого делать не стоит, — перехватил его Арчи. — Мало ли кто там внизу может быть? К чему лихо будить?

— Это точно, да и мне на второй сапог кожа не мешает. — Я подхватил выброшенную задумавшимся Анджеем лягушку и примерился к ней ножом. Второй раз снимать шкуру выходило гораздо сподручней.

— Ага, и жрать нам тоже что-то надо. — Шутник достал из-за голенища нож, откромсал от первой тушки лапку и принялся пристраивать ее над разгоревшимся костерком.

Это он правильно придумал: неизвестно, сколько нам здесь еще торчать. Как бы ремни и сапоги варить не пришлось.

— Вот что ребята, надо бы вниз спуститься посмотреть, что там и как. Здание старое, может, ход подземный есть. Глядишь, мы через него и уйдем потихоньку. А то и гоблины снизу полезут... — Дубрава не закончил фразу и посмотрел на нас, — Кейн и Арчи, займитесь.

— Дак высокогато будет. Ноги запросто переломаем, да и не выбраться оттуда потом. — Я заглянул в темный пролом, и меня передернуло. Не хочу вниз. Может, обойдется?

— Лебеда! — крикнул Анджей. — Живо тащи сюда веревку!

— И темно там. Не видать ни черта. — Арчи тоже не горел желанием спускаться в провал.

— Это как раз не проблема. — Командир порылся в сумке и достал серебристую бутылочку с горлышком в ладонь длиной. Вот оно как! Магический светильник. Вернее, алхимический. Хоть и из тех, что подешевле, но все же стоит кучу золота. Никак, Браги наследство.

Все, приплыли. Теперь не отвертишься. Откажешься выполнять приказ — скинут в пролом без всякой веревки, и хорошо, если перед этим нож под ребра не загонят. Или все-таки вниз спустят с веревкой, но только с веревкой уже на шее.

Да уж, ситуация. Придется лезть. Интересно, глубоко там? Не хотелось

бы искупаться — и так не просох еще. Да и мало ли кто на глубине скрываться может.

Веревку, длины которой с лихвой хватило, чтобы достать до воды, закрепили в пять минут. Арчи поплевал на ладони, дернул пару раз ее за конец, проверяя узлы, неразборчиво пробормотал себе под нос то ли ругательство, то ли короткую молитву и перекинул ноги через край пролома. Я присел рядом с ним.

— Ну, с богом! — Здоровяк глубоко вздохнул, обхватил ногами веревку и, сжимая в одной руке молот, заскользил вниз.

Я не решился повторять его трюк и спустился, зажав нож в зубах. Когда мои ноги коснулись залитого водой пола, Арчи уже успел отойти на пару шагов в глубь подвала и теперь напряженно вглядывался во тьму.

— Ноги не переломай, тут обломки какие-то под водой, — прошептал он мне.

Что значит какие-то? Лестницы это обломки, понятное дело.

Сжимая в правой руке меч, а в левой нож, я последовал за ним. Ну и воняет здесь! Потемневшие от влаги каменные стены покрывал какой-то белесый грибок. Создавалось впечатление, что он немного светится. Или это мне только кажется?

Мы медленно побрели в глубь подземелья, где, к моему удивлению, уровень воды понизился и теперь даже не доходил до середины щиколотки. Темно было — хоть глаз выколи: проникавшего сверху света едва хватало, чтобы кое-как разогнать мрак. Я бросил взгляд назад, но сумел различить лишь смутное пятно пролома в потолке. Ну и где светильник? Я-то вижу в темноте очень неплохо, но еще пара шагов во тьму, и мне не удастся даже Арчи различить. У него самого кошачьи глаза, что ли?

Заскрипела кожа — это Арчи достал из-за пояса светильник, выдернул зубами пробку и выплюнул в воду. Бутылочка засветилась мягким серебристым сиянием, на стенах подвала и ровной глади воды заметались оранжевые отблески. Подземелье оказался гораздо меньше по размерам, чем помещение наверху. До дальней стены оставалось пройти еще шагов десять, не больше.

И никаких проходов. Нет, через подвал не выбраться. И что, ждать, пока гоблинам надоест снаружи торчать? С другой стороны, никаких голодных тварей здесь не наблюдается. И то хлеб.

— Ну что, возвращаемся? — осторожно нащупывая носками сапог дно, подошел я к Арчи.

— Обожди.

Обожди? Неужели ему охота здесь мерзнуть? Да и от запаха плесени

потом не избавиться. Какого рожна он тут забыл? Но, проследив за взглядом здоровяка, я увидел, что именно привлекло его внимание — там, где каменные плиты пола выступали из воды, в сиянии светильника блеснула сталь.

Арчи засунул молот в петлю и осторожно наклонился. Когда он выпрямился, отблески светильника вспыхнули на извилистом лезвии фламберга. Клинок чуть ли не в четыре локтя длиной оказался без малейших следов ржавчины. Ничего себе! Не знаю, каково качествоковки, но, по моему мнению, это весьма неплохая замена потерянному двуручнику.

— Здесь что, кто-то был недавно? — спросил я, убирая оружие в ножны и внимательно осматривая пол.

А ну как и мне улыбнется удача? Если оставили такой меч, то и еще что-нибудь ценное завалиться могло. Так, а это что за хлам? Нет, ничего интересного — ржавый шлем, череп с раскрошившимися желтыми зубами, рассыпавшаяся на отдельные звенья кольчужная рукавица, позеленевшая от сырости медная пряжка ремня, панцирь с торчащими из него обломками костей... И никакого намека на кошель. Видно, не судьба.

— Не думаю — кожа на рукояти совсем сгнила. Ты только посмотри! Лезвие будто в воде и не лежало. Гномья работа.

— Гномы и двуручник? Ни разу не слышал.

— На севере — да. А в Анклаве, если хорошо заплатишь, они тебе и церковный колокол отольют. Только кому он такой нужен? Ладно, давай выбираться отсюда — светильник уже гаснет.

Я развернулся вслед за Арчи и со всего размаха налетел на панцирь, который от сильного пинка даже перевернулся. Несмотря на меркнувший свет, мне сразу бросилась в глаза черная рукоять всаженного в бок клинка.

Короткий широкий нож без труда выскользнул из доспехов, и, как ни странно, ни его рукоять, ни лезвие ничуть не пострадали от долгого нахождения в воде. Я сунул нож за голенище сапога и побежал к Арчи, который уже начал карабкаться по веревке наверх.

Выбравшись из подвала, я первым делом уселся греться у разведенного Шутником костра и, не дожидаясь приглашения, снял с вертела лягушачью лапку. Пахло неплохо, и на вкус было тоже очень даже ничего. Или это мне с голодухи кажется? Как бы то ни было — голод отступил. Надеюсь, желудок и дальше будет относиться к столь странному угощению благосклонно.

Закончив отчитываться перед Дубравой, Арчи вернулся к костру и тоже получил от Шутника лягушачью ножку. Расправившись за пару

укусов с мясом, здоровяк вытер руки и начал внимательно разглядывать найденный в подвале меч. Свободные от дежурства дружинники тут же собрались вокруг и принялись обсуждать непривычную форму клинка.

— Ну и что там воняет? — любопытствовал Шутник, которого фламберг несколько не заинтересовал.

— Да, похоже, эта плесень и воняет. — Я попытался вытереть о стену заляпанный рукав камзола, но только еще больше размазал блеклое пятно плесени.

Потом вспомнил о найденном ноже и вытащил его из-за голенища. Станный клинок. Режущие кромки и острие матово-серебристые, а ближе к середине начинали попадаться прожилки черного металла, похожего на тот, из которого изготовлена рукоять. Стараясь получше рассмотреть свою находку, я подошел к одной из бойниц, и внезапно сильно раскалившийся металл обжег ладонь. Выроненный клинок тихо зашипел на сыром полу.

— Ни хрена себе! — затряс я рукой.

Подошедший Янек накрыл нож краем плаща, поднял и отошел в тень.

— Фу-у, — разочарованно протянул он и скорчил гримасу. — А я-то думал...

— Чего это с ним? — поинтересовался я, забирая клинок.

— Да просто какой-то недоучка металл загубил. Сплав до ума не довел или просто поторопился. Видишь: лезвие светлое — это гномово серебро. Что за черная ерунда, не скажу, но это из-за нее нож на свету нагревается, можешь не сомневаться. Вытащишь на солнце — запросто без руки останешься.

Станный ножичек. Ничего, хорошему оружию и ночью применение найдется. Клинок, завернутый в лоскут ткани, отправился в потайной карман камзола. Благо размеры позволяли.

— Как думаешь, мы надолго здесь застряли? — поинтересовался я у Змейки, проверяя, не давит ли рукоять ножа под ребра.

— Да вроде нет. Анджей с Лехом что-то придумали, — мотнул кудрявой головой Янек в сторону костра и, закатав шаровары, принялся рассматривать здоровенный кровоподтек под левой коленкой.

Что они там могли придумать? Вон как Зарницу лихорадка трясет. Он и ходит-то еле-еле. Или мы без него прорываться будем? А уходить отсюда, кровь из носа, до заката надо. Эти выродки зеленые в темноте видят куда лучше нашего брата, как стемнеет — сразу на штурм пойдут.

— Хэй, слушайте сюда. — Опершись одной рукой о стену, Зарница поднялся на ноги, на его бледном лице выступили крупные капли пота. — Я с вами уйти не смогу, не угнаться мне за вами. Один пойду. Пока от

гоблинов драпать буду, глядишь, и вам оторваться удастся.

— После того как выйдет Зарница, прорываемся к северному берегу. Ты, Лех, не тяни и сразу уходи на глубину... — Дубрава начал распределять обязанности, но я его уже не слушал. Не оторваться Леху от гоблинов, с прокушенной-то ногой. И сам пропадет, и нам не поможет. Хотя, если...

— Янек, слушай, у тебя еще чертов корень есть?

— Есть, но он размок весь.

— Это ничего. Сможешь его растереть, как для бесова зелья надо?

— Смогу, а зачем тебе?

— Ты делай, потом объясню. — Я направился к Дубраве, на ходу вспарывая подкладку камзола и доставая зашитый туда мешочек пылицы фей^[10]. Замотанный в просмоленную ткань порошок не промок и вполне годился для приготовления нужной мне смеси. Чертов корень вообще-то у меня тоже был, но зачем тратить свои запасы, если есть возможность прошерстить чужие?

— Анджей, я для Леха одно зелье укрепляющее могу приготовить.

— Какое еще зелье? — уставился на меня Дубрава. — Зачем?

— Нога болеть перестанет, двигаться быстрее будет. Шансов до глубины добраться всяко прибавится.

— И долго, Кейн, твоё зелье действует? — Зарница закончил проверять пропитавшуюся кровью повязку и, опершись о стену, выпрямился.

— Минут десять.

— Не, с вами уйти не смогу, — переглянулся с командиром Лех. — Ладно, северянин, готовь свою отраву. Нога ноет — сил нет. Может, хоть полегчает.

— Янек, иди сюда. — Я забрал растертый в ложке корень и начал осторожно смешивать его с пылью фей.

— Чего бодяжишь? — принялся с интересом следивший за моими действиями Язва.

— Чертов корень и пылцу фей. — Отвечать не хотелось жутко, но деваться было некуда. Слышал кто про пылцу фей, нет? А если слышал, то все ли?

— А! Перхоть эльфов, знаю, пробовал, — с видом знатока кивнул Язва. — Ведьмина паутина получше будет.

— На вкус и цвет... — Вскоре зелье было готово, и я с облегчением протянул ложку Зарнице. — Не глотай, пальцем в десны вотри. Подействует не сразу, немного подождать придется.

— Живо все сюда! Язва и Арчи впереди, потом я и Семен. Кейн и Влас замыкающими. — Анджей начал отдавать распоряжения, и мы выстроились по обе стороны проема в стене. — Ну как, Лех, готов? Тогда пошли!

Зарница выскочил наружу первым. Переставшая на время болеть раненая нога не помешала ему уклониться от брошенных гоблинами дротиков и вырваться из кольца слишком поздно кинувшихся наперерез караульных. Через пару мгновений он уже достиг берега острова и, поднимая высокие брызги, скрылся из виду. Что ж, будем надеяться на зелье...

Выждав некоторое время, мы тоже выскочили из руин. И вот тут-то и выяснилось, что далеко не все гоблины бросились в погоню за Лехом. Притаившиеся за углом болотные выродки сразу же осыпали нас градом дротиков, и выскочившим первыми дружинникам пришлось вновь укрыться в доме. Серьезных ранений, к счастью, ни у кого не оказалось, только Лебеде бритвенно-острым обсидиановым лезвием отсекло половину уха, и теперь он безуспешно пытался, заматывая рану обрывком рубахи, остановить хлеставшую кровь.

— Ну и что делать будем? — Уставившийся на лезвие своего копья Язва старательно пытался не смотреть на Дубраву.

— Сейчас отдыхать будем. — Анджей вздохнул и продолжил: — Зеленые раньше ночи не полезут. Будем надеяться, Зарница кого-нибудь приведет.

Да, ситуация. Самим нам не прорваться. Там этих тварей дюжины четыре наберется. Черных лягушек не видно, но это утешение слабое: нас и без них дротиками утыкают, что твоего ежика. И ведь не сблизиться с гоблинами быстро по такой трясине-то...

Надеждам Анджея сбыться не довелось. Не прошло и получаса, как снаружи раздались издевательские завывания и в дверной проем влетела жутко изуродованная голова Леха. Глаза, губы и язык были вырезаны, череп раскроен. Лично мне с рвотными позывами удалось справиться с трудом. Да и остальные пригорюнились.

Первым опомнился Арчи:

— Не убежал, значит. Что ж, пойду хоть голову похороню.

Я только покачал головой, удивляясь его выдержке. Все здоровяку нипочем. Может, от ограниченности умственной, а может, он и не такое видывал.

— А мозги-то они зачем вытащили? — Вот Янеку удержать в себе скудный завтрак не удалось.

— Жрать будут. — Пригнувшись, Шутник осторожно выглянул из бойницы. — Вон и костер запалили.

Действительно, группа зеленых недомерков уже суежилась вокруг костра, разведенного шагах в ста от приютивших нас развалин. Дозоры тем не менее они выставить не забыли: поочередно наблюдатели отбегали к костру, но на это место тут же направлялся кто-нибудь другой. Так что о повторении попытки прорыва пока не могло быть и речи.

Некоторое время спустя до нас донесся запах жареной человечины, и меня снова замутило. Интересно, там на всех мяса хватит?

Я отошел подальше от двери, присел у стены и, задумавшись, сам не заметил, как задремал.

— Кейн! Иди сюда! — вырвал меня из полудремы голос Дубравы.

— Что случилось?

— Смотри!

Вид у командира был на редкость озадаченный. С чего бы это? Выглянув в бойницу, я сразу понял причину его удивления: вокруг костра вповалку валялись гоблины, и лишь иногда скрюченные тела людоедов дергали короткие судороги. И что самое важное — всех часовых постигла та же участь.

— Не похоже, что они притворяются. Не додуматься им до такого. — Анджей нахмурился. — Не знаешь, что с ними приключилось?

— Может, съели чего-нибудь не то? — ляпнул я и тут же об этом пожалел.

— Выходим! Быстро! — не получив вразумительного ответа, Дубрава перестал обращать на меня внимание и, на ходу надевая шлем, бегом бросился к двери. — Живей, пока новая стая не появилась. До заката надо успеть до дороги на Геладжио добраться.

Дружинники похватали оружие, в момент проверили снаряжение и бросились наружу. Нет, точно не ловушка: покрытые мелкой зеленоватой чешуей тела продолжали все так же неподвижно валяться на земле. Кожаные обноски и обсидиановое оружие не представляли никакой ценности, и мы не стали тратить время на поиск стоящих трофеев. Мне бы, конечно, новая обувь совсем не помешала, только вот гоблины все как один босые, а сшитые из листьев гигантских кувшинок болотоступы мой вес не выдержат.

— Слушай, Кейн, а это не из-за твоего зелья приключилось? Съели они беднягу Леха и отравились, — поинтересовался некоторое время спустя уже давненько с подозрением поглядывавший на меня Арчи.

— Не знаю, не знаю. Вот вампиры от чертова корнядохнут, это точно.

Может, и гоблины тоже?

— С вампирами не все так просто. Там на кровь завязано. А гоблины... Хотя... все, конечно, может быть. — Арчи о чем-то задумался и больше с расспросами не лез.

Я с облегчением вздохнул. Не рассказывать же, в самом деле, что ни один понимающий человек в здравом уме не смешает чертов корень с пылью фей. Только в крайнем случае. В самом крайнем.

Смесь выходила настолько мощной и ядовитой, что в Северных княжествах ее прозвали «Поцелуем тьмы». Принявшие это дьявольское зелье умирали не позднее, чем через полчаса, но за это время обычно успевали натворить столько дел, сколько не под силу и дюжине головорезов. И что самое паскудное — отравы настолько пропитывала их тела, что иногда даже травились люди, занимавшиеся подготовкой этих покойников к погребению.

На это, собственно, я и рассчитывал, но стоит ли откровенничать с Арчи? Вряд ли хоть кто-нибудь в дружине оценит мой поступок.

Нет, думаю, лучше держать язык за зубами. Так оно спокойней как-то...

Ярмарка

Выстиранная и просушенная одежда мягко шуршала и слегка отдавала полевыми травами. Как же, тень побери, приятно впервые за несколько дней, смыв болотную грязь, вновь почувствовать себя чистым!

Я ухмыльнулся, припомнив выражение лица содержателя постоянного двора, когда к нему завалилась орава грязных дружинников, от которых так и несло болотной вонью и гниющей тиной. К его чести, сориентировался он быстро и не упустил возможность неплохо заработать на приведении нас в божеский вид. Бадья с горячей водой, цирюльник, выстиранная и просушенная одежда — что еще надо измученным тяготами пути странникам для полного счастья? Разве что чем-нибудь набить живот, так за этим тоже дело не станет. И если за все это великолепие придется выложить немного монет, кто станет скупиться?

После того как мы привели себя в порядок, а Дубрава договорился с хозяином о ночлеге и кормежке, дружинники, оставив оружие и пожитки под охраной весьма недовольного выпавшей ему ролью сторожа Янека, отправились поглазеть на ярмарку. Все правильно — когда еще такой случай подвернется?

Я тоже решил прогуляться, но вскоре незаметно отстал от заозерцев и, на всякий случай придерживая рукой кошель, внимательно осмотрел

разбитые прямо на центральной площади села шатры. Честно говоря, меня больше интересовали не они, а снующие у лотков зеваки. Впрочем — зеваки как зеваки. Все как обычно: кто за покупками приехал, кто просто себя показать, на других посмотреть.

Спину словно уколол чей-то взгляд, и я резко развернулся на месте. Показалось, что ли? Должно быть. Внимания на меня никто не обращал, и я немного успокоился. Вот ведь как нервы расшалились! Надо бы чего для успокоения выпить.

Выскочивший из лавки лекаря Арчи, не заметив меня, исчез за соседним шатром. Что-то вид у него больно хмурый. Зубы разболелись? Да ну и тень с ним.

Ярмарочные суэта и веселье легко прогнали подступившую было хандру. Прикрыв глаза, мне на мгновение даже удалось ощутить беззаботный дух праздника. Не так ведь много лет минуло с тех пор, как и на нашу ярмарку собирался люд со всех окрестных деревень, а купцы — те и вовсе приезжали аж из северных марок Полесья и Худых герцогств.

— Пирожки! Горячие пирожки! Только что из печи! С капустой, мясом, ливером!

— Квас! Лучший на Западном побережье квас!

— Подходи, шевелись! Почти задарма отдаю!

— Точу ножи!

— Пряжа, ситец, лен!

— Держи!.. Держи его!..

— Посуда!

— Точу ножи!

— Пряжа, ситец, лен!

— Серебряную корону?! Окстись!

— Чудо чудное, диво дивное! Денег не жалея, подходи, не робей!

— Пиво, пиво!

— Раки, вареные раки! С укропчиком, пальчики оближете!

— Попытай счастья! Плати медяк, выиграй серебряк!

— Ах ты, подлец!

— Рыба, свежая рыба! Форель, щука, лещ! Только выловленные, специально к вашему столу!

— Яблоки! Яблоки спелые! Яблоки моченые! С бочки уступлю медную корону!

Крики и гомон толпы прогнали хрупкое очарование праздника, но настроение от этого не испортилось — прошлого не вернуть, зато можно изменить будущее. По крайней мере — попытаться.

Я немного постоял у дававших представление кукольников, потом поглазел на пару перекидывавшихся горящими факелами жонглеров и отшил привязавшегося хироманта. Попрошайки, те и сами, глядя на мой потертый камзол, держались поодаль и надоедать не решались.

Не забывая оборачиваться и посматривать по сторонам, я подошел к лотку со сладостями и оглядел выложенные на него лакомства. Засахаренные орехи, леденцы, печенье, сдоба и медовые пряники меня интересовали мало, но требовалось убедиться, что никто не встал на мою тень. Разумеется, умелого соглядатая так не выявить, но знакомых рож поблизости точно не видать.

Купив на медяк пару печеных яблок, я отправился дальше, стараясь не обкапаться сладким соком. И хоть наблюдатель решил бы, что мне просто интересно поглазеть по сторонам, теперь мое внимание приковал к себе серый шатер, весь изрисованный черными символами и надписями на никому не ведомых языках. Кое-что из написанного удалось разобрать, но, по большому счету, тайного смысла в чудных словах было не больше, чем в отпечатках куриных лап на птичьем дворе.

Оно и правильно — зачем выставлять на всеобщее обозрение тайны ремесла? Главное — произвести впечатление на простаков. Вот только, судя по черным потекам и старым полустершимся линиям, рисовали на шатре скорее всего обычным углем. А стало быть, дела у ярмарочного тайнознатца идут не лучшим образом. Мне, честно говоря, это только на руку — не думаю, что в таком положении он заломит слишком уж высокую плату.

— Заходи, и Риккардо Закатный откроет перед тобой тайны прошлого и секреты будущего! — поприветствовал меня закутанный в серую хламиду тайнознатец и провел рукой поверх стоявшего на раскладном столике хрустального шара. Внутри камня замелькали серебристые искорки.

— Нужны они мне, — буркнул себе под нос я и уселся на выставленный перед столиком складной стульчик.

А здесь ничего так — вполне логову колдуна обстановка соответствует. По стенам развешены зловещего вида амулеты, из-под потолка свисает чучело филина, а в пустых глазницах стоящего на столике пожелтевшего черепа мигают желтые огоньки. Под потолком что-то зашуршало, тени по углам шатра сгустились и закружились, заглушая доносящиеся с улицы крики.

— Чего желаете? — замогильным голосом поинтересовался Риккардо, стараясь соответствовать мрачно-торжественной обстановке, и

прикоснулся к медальону со сверкавшим хрусталем значка серебряным глазом — эмблемой Дома Судьбы^[11]. Безделушка была выполнена настолько бездарно, что не спутать ее с настоящей хватит ума и у самого распоследнего церковного стражника. На это, думаю, и расчет. — Отринуть покров со зловещих тайн древних мистиков? Или вас интересуют более приземленные материи? Сглаз и порчу может обнаружить любая гадалка, но только от хрустального шара не скроется ни одно даже самое темное проклятие.

— Мистика — это не совсем то, что мне нужно, — усмехнулся я. — Меня скорее интересует практическая сторона вашего дара...

— Порчу не навожу, — отрезал хозяин шатра, моментально оценив мою внешность. — Ведьминой паутиной и чертовым корнем не торгую.

— Послушайте, уважаемый, мне надо найти одного человека, — начал я и, успокаивая еще более встревожившегося тайнознатца, наверняка принявшего меня за шпика, добавил: — Вот для этого и понадобится ваше умение.

— Поисковые заклинания относятся к разряду самых сложных, — осторожно начал набивать себе цену Риккардо.

— Уверен, для столь знающего человека, как Риккардо Закатный, это просто ерунда, — не дал договорить ему я. — К тому же у меня есть волос.

— Волос?.. — задумался тайнознатец. — Это упрощает дело. А уж если вы располагаете золотым шлемом...

— Вы, вероятно, хотели сказать — медной короной... — очень мягко поправил ярмарочного шарлатана я.

— Я сказал то, что хотел сказать. — Риккардо вновь взмахнул рукой, и в шатре сразу же посветлело. — Это будет стоить золотой шлем и ни медяком меньше.

— Это несерьезно. Я могу предложить шлем, но серебром.

— Да даже серебряной короны и той на уплату церковной пошрины не хватит!

— Думаю, стоит поискать другого специалиста в этой области, — начал приподниматься со стула я.

— Долго искать придется.

— Я не тороплюсь.

— Два щита золотом, — дал слабину колдун.

— Один. — Тяжело вздохнув, я выложил на столик свой единственный золотой. Расставаться с монеткой, только утром полученной от Дубравы, которому удалось выгодно продать меч и доспехи Браги, было невыносимо жалко, но в Геладжио за это же самое заклинание с меня сдерут на пару

золотых щитов больше. — Оплата только в случае успеха.

— До свидания, — демонстративно скрестил на груди руки тайнознатец. — Или плати или проваливай.

Я щелчком отправил монетку на другой край стола.

— Волос давай. — Риккардо скинул капюшон, оказавшись совсем молодым парнем, и решительно убрал на пол подставку с хрустальным шаром. Взамен достал потертое фарфоровое блюдо, украшенное по краю переплетающимся золотым и лазурным орнаментом. На узоре серебрились едва различимые смутно-знакомые руны.

Я подцепил завязанный на запястье длинный черный волос, аккуратно надорвал и протянул тайнознатцу. Осторожно приняв его, тот убрал закрывающий свечу череп, и, вспыхнув, волос закружился в воздухе невесомым пеплом, который медленно опустился на блюдо. Риккардо достал из лежавшего на полу мешка маленькое зеленое яблоко, прочертил острием ножа у него на боку несколько символов и катнул по блюду. Словно удерживаемое невидимой тетивой, яблоко начало все быстрее кружиться по краю посуды, серебряные руны налились ослепительным сиянием, а белый фарфор почернел. В центре блюда проявилось отдаленно напоминавшее силуэт человека размытое изображение, но тут руны померкли, а яблоко слетело с тарелки и скатилось со стола на пол.

— И что? — поторопил я пытавшегося отдышаться колдуна.

— Тот, кого ты ищешь, мертв. — Риккардо поднял яблоко с пола, надкусил и, скривившись, выкинул в темный угол.

Мертв? И это все? Вот уж не думаю, что за такой ответ стоило платить золотом.

— Да ну? — подался я вперед.

— Мертв или защищен мощными чарами, — пошел на попятную тайнознатец, покосившись на мои сжавшиеся кулаки.

— И даже примерно нельзя определить, где... он находится?

— Нет. — На этот раз отрицательный ответ прозвучал куда более твердо.

Сплюнув на пол, я поднялся со стула, вышел из шатра и успокоился, лишь выпив подряд две кружки пива. Отпустило. И чего расстроился? Золото жалко? Тень с ним, легко пришло, легко ушло. Да и глупо было надеяться решить все свои проблемы одним махом. Ладно, пора возвращаться на постоянный двор, а то без меня все съедят.

Обеденное время давно прошло, до ужина тоже оставалось ждать не так уж и мало, но в общей зале постоянного двора царило оживление. По-

праздничному разряженные девушки лавировали между столами и разносили постояльцам снедь и выпивку. Распродавшие товар купцы и съехавшиеся с окрестных поселений на ярмарку за покупками почтенные отцы семейств не скупились и звенели медью и серебром. Да и местные гуляки старались им ни в чем не уступать.

Разместившийся у камина менестрель отстраненно перебирал струны гитары, и по залу неторопливо текла медленная мелодия. Внимания на нее никто не обращал, время для музыки и танцев начнется ближе к закрытию ярмарки.

Вытерев со лба пот, я подивился стоявшей в обеденной зале жаре. А впрочем, ничего удивительного: тонкие занавески на распахнутых настежь окнах едва колебались под легкими дуновениями теплого ветра.

Нашу компанию разместили за длинным столом, втиснутым между дальней от входа стеной и ведущей на второй этаж лестницей. Скупиться Дубрава не стал, и вольготно развалившимся на лавках дружинникам таскали блюда, выглядевшие и пахнувшие ничуть не менее аппетитно, чем заказы других гостей. Про пиво и вино я вообще молчу. По количеству кувшинов, бутылок и жбанов наш стол заметно опережал остальные.

А вот веселья особого не было. Нет, дружинники уже изрядно захмелели, но пока тихонько переговаривались между собой и даже на симпатичных разносчиц смотрели без особого интереса. Да и песня, которую только что закончили напевать заозерцы, очень уж походила на поминальную. Слов на их тягучем наречии разобрать не удалось, но звучащая в голосах тоска говорила сама за себя.

Осмотревшись, я уселся на лавку между Шутником и Арчи, пододвинул поближе блюдо с вареными раками и вылил из кувшина себе в кружку остатки пива. Хлебнул отдававшего легкой горчинкой напитка и только тогда уже начал разделявать покрасневший от варки панцирь.

— Бери чего посущественней, — смачно откусил от выломанной куриной ножки Шутник. — Куру вон или пирог.

Тушка целиком запеченной курицы была покрыта нежной корочкой, но особого аппетита у меня она не вызвала. Оглядев стол — запеченные в сыре булки соседствовали с мясной нарезкой, блюдом с прожаренной мелкой рыбешкой и пышущим жаром пирогом, а горка копченых колбасок возвышалась между ржаной булкой, чашкой с острым соусом и подносом с фаршированной щукой, — я решил все же ограничиться раками.

И под эту немудреную закуску кружка опустела как-то очень уж незаметно.

— Пиво? — потянулся я к вытянутому кувшину, стоявшему на столе

рядом с Габриелем.

— Нужна мне эта ослиная моча. — Шутник резко наклонил кувшин и кружкой поймал хлынувшую из горлышка рубиновую струю. — Вино! Кровь земли...

— Там пиво есть? — повернулся я к Арчи, игнорируя не самые лестные замечания Шутника о северянах.

— Может, сидр? — осторожно накренив бочонок, наполнил себе кружку Янек.

— Лучше пиво.

— Держи. — Передав мне запотевший жбан, Арчи подцепил двузубой вилкой запеченную форель и переложил к себе на деревянную доску. — Уху будешь?

— Лучше выпью, — отказался я и заинтересовался стоящей перед здоровяком стеклянной бутылкой с коричневато-золотистой жидкостью. — А это что?

— Бренди, — ответил Арчи, но налить не предложил.

Да я бы и отказался. Бренди хорош промозглым вечером, а не когда солнце жарит как сумасшедшее, пропотевшая рубаха липнет к спине, а воздух такой густой, что еще чуть-чуть и его можно будет черпать ложкой, как сметану. И чего так припекает? Вроде осень скоро.

— Ты смотри, смотри, — толкнул Змейку под локоть загорелый до черноты Ежи Петелька, и тот облился сидром. — Да вон туда, вон пошла!

— Какая цыпочка! — присвистнул парень и сделал попытку подняться со стола.

— Сиди, — хлопнул его по плечу спустившийся со второго этажа Семен Лебеда и осторожно поправил повязку, которой было замотано рассеченное ухо. — Не про тебя девица, купцова дочка.

Язва засмеялся и что-то зашептал на ухо уже прилично набравшемуся Власу.

— И чего? — Висельник потер шрам на шее, из-за которого, должно быть, и получил свое прозвище. Думаю, на самом деле след остался вовсе не от петли палача, но Ежи на эту тему предпочитал не распространяться.

— А того, что никаких драк. Анджей вернется, голову оторвет.

— Да какие драки? — сразу успокоился Висельник. — А где Дубрава, кстати?

— Насчет серебра пошел договариваться. — Семен потеснил Власа Чарку и уселся на скамью.

— Это хорошо, — обрадовался Влас, уже снявший с обожженного запястья бинты, и вынул из руки Шутника кувшин с вином. — Эр-торское?

Дай-ка пригублю.

— А мамашка-то купцу рога наставила, — прищурился Петелька. — В девке эльфийская кровь сразу видна.

— Ты на мамку не греши, ослиной крови в этой крале и четвертушки не наберется. — Шутник забрал кувшин обратно и вновь наполнил свою кружку.

Я чуть пивом не подавился. Когда успел рассмотреть? Он же к ней спиной сидел.

— Ты почему знаешь? — засомневался в его словах Висельник.

— Браслетик на запястье видел? — Габриель выломал у курицы вторую лапу. — Печать сургучная на нем синяя, не красная.

Ежи вскочил, присмотрелся и медленно сел обратно на лавку:

— Глазастый...

— Я вот чего понять не могу: орки заезжие да гномы податями отделяются, а эльфам еще зачем-то церковные печати шлепают, — Янек покачал головой и наколот на нож ломоть мясной нарезки. — И вообще в Империю остроухих не шибко-то и пускают. Боятся, что слишком на людей похожи?

— А ты сам подумай. — Шутник вылебал остатки вина прямо из горлышка и закатил кувшин под стол. — Ублюдков от орков или гномов мне еще видеть не доводилось, а вот эльфийских полукровок...

— Ерунда. — Висельник швырнул в Шутника рыбью кость, но тот увернулся. — Просто на гномиху или орку даже у тебя не встанет.

— Что верно в одну сторону, не всегда верно в другую, — как-то слишком туманно выразился Чарка.

— Чего? — не понял Ежи Петелька и, немного подумав, предположил: — Но вообще церковникам про превосходство человека легко рассуждать, а вот пройдет мимо такая красotka...

— Хватит языком трепать. На дыбу захотелось? — легонько хлопнул по столу Арчи. — И с чего вы взяли, что эльфов в Империю не пускают? Нет никаких запретов, милости просим! А лесным оркам, между прочим, только на ярмарку в Ла-Грос дорога открыта. Про степных и сами все знаете.

— Мне дед рассказывал, — я глотнул пива, — эльфы только в своих лесах вечную молодость сохраняют. А среди людей так же, как и мы, стареют. Будто бы им деревья силу дают.

— А наши леса как же? — удивился Янек.

— Да разве ж это леса? — хмыкнул я и налил еще пива. — У нас в княжествах и то нетронутые чащобы только на севере остались.

Незаметно на улице стемнело, и в зале зажгли светильники. Менестрель быстренько перекусил и заиграл что-то более веселое. За многими столами гуляки в такт мелодии затопали ногами по полу, и музыкант запел песню о вдове винодела и мельнике. Шутник тяжело вздохнул и завистливо покосился на компанию обозников, пустивших по кругу набитую дымным зельем трубку. Дюжие парни с уходом хозяина расслабились и теперь соревновались в выдувании колец дыма. Ишь, как Шутника скрутило-то. Это зелье привозили с самого юга Норлинга, продавали только в аптеках, и нечего было надеяться найти его в селе, пусть даже и большом. Интересно, Габриель-то где к нему пристрастился?

Служанки принесли новые жбаны с пивом и бочонок с яблочным сидром, унесли пустые блюда и протерли забрызганный вином, жиром и соусом стол. Непривычно мрачный Арчи почти допил бутылку бренди и теперь задумчиво вертел в пальцах оловянную кружку.

Что-то Дубрава припозднился. Не может в цене с купцами сойтись?

Долго уже молчавший Габриель неожиданно отставил кружку с вином и, покачиваясь, поднялся со скамьи. Прежде чем кто-либо успел его остановить, он оказался рядом с менестрелем и выхватил гитару. Народ в зале недовольно зашумел, музыкант вскочил на ноги, но Шутник ладонью отодвинул его в сторону и уверенно заиграл. Немного успокоившийся менестрель, не спуская глаз с гитары, присел обратно на табуретку, а Габриель, несколько раз сбившись, начал незнакомую мелодию, и подгулявшие посетители притихли.

— Выпей и снова налей, коли в кувшине вино... — Хрипловатый голос Шутника неожиданно легко перекрыл царивший в зале шум. — Коли тебе все равно, сколько осталось монет...

Обозники радостно загомонили и с шумом сдвинули кружки с пивом. Песня им явно пришлась по душе. Для дружины певческие способности Шутника тоже оказались неожиданными. Да, за это стоит выпить.

Если рядом друзья, а в камине огонь — выпей и снова налей.
И не думай о том, что на юге опять молнии бьют в обелиск,
Тот, под которым лежит последний норлингский принц, —

увлекшийся пением Габриель не обратил внимания на моментально стихшие разговоры. А зря — не стоит некоторые имена на людях поминать.

Не в Империи.

Выпей и позабудь про тех, кто спастись не сумел,
Про тех, для кого обелиск — дверь в последний предел...

Опомнившийся менестрель вырвал у Шутника гитару и тут же покатился кубарем, получив кулаком в скулу. На защиту певца бросился парень из компании обозников, но неожиданно резко заскочивший на лестницу толстяк пинком в грудь отшвырнул его назад. Приятели растянувшегося на полу бедолаги вскочили на ноги и бросились к нашему столу, но самый шустрый из них тут же упал на колени, заполучив в лоб разлетевшийся вдребезги кувшин. А потом обозникам стало уже не до нас: Ежи Петелька и Влас Чарка недолго думая приподняли и метнули в них тяжеленную скамью.

Не разобравшийся, в чем дело, вышибала сдуру сунулся к обозленным обозникам, но его схватили сразу несколько человек и вышвырнули в окно, попутно перевернув соседний стол. Едва успевшие выскочить из-под массивной деревянной столешницы крестьяне кинулись на обидчиков с кулаками, и только вовремя заглянувший в зал дородный старшина охранников не дал разгореться потасовке.

Мы сами тоже в драку не полезли — с улицы в корчму вбежал взбешенный Дубрава. Лебеда сразу же поспешил утащить упиравшегося Шутника в комнату на втором этаже, все остальные вновь уселись за стол.

— Угомонитесь! — рявкнул на разгоряченных парней старшина и, подойдя к нашему углу, моментально определил в Анджее главного. — Пойдем, потолкуем.

— Пошли. — Показавший дружинникам кулак Дубрава был мрачнее тучи.

Хорошо хоть никого лавкой не зашибло, может, любовно договориться получится. Дубрава и старшина обозников отошли к кухне, где к ним немедленно присоединился визгливо перечислявший причиненный заведению ущерб хозяин постоянного двора.

— В общем, так, — вернулся вскоре к столу Анджей, вздохнул и медленно смерил нас тяжелым взглядом. — Будет поединок. Кто проиграет, с того деньги менестрелю и хозяину. Арчи — ты судья. Пошли, правила оговорим.

— Не понял, что за поединок? — повернулся я к Змейке.

— Кто жребий вытянет, тот и будет драться. Традиция такая кабацкая, — флегматично ответил тот и хрустнул суставами пальцев. — Упадешь али за круг вылетишь — проиграл.

— Какой круг? — не понял я.

— Вон, чертят уже, — ткнул меня в бок почесавший шрам на шее Ежи Петелька.

И правда, Арчи и не уступающий ему сложением обозник что-то тщательно вымеряли свернутой в несколько раз веревкой и обугленной деревяшкой прямо в центре зала чертили по доскам пола круг.

А ведь и мне от жребия не отвертеться. Все-таки за одним столом с дружинниками сидел, пиво с ними пил. Не поймут. А с моей удачей вытащить короткую соломинку — как на собственную тень помочиться.

Испуганный дракой люд потихоньку возвращался в зал, и, думаю, хозяин внакладе за сегодняшний вечер не останется. А уж если еще и ставки принимать будет...

— Кулачный бой? — решил все же уточнить я.

— Само собой, — кивнул Ежи Петелька.

— А почему Арчи в судьи определили? — нахмурился я. — Да и у тех судья тоже самый здоровый.

— Если что не так пойдет — тогда судьи схватятся. — С беспечной улыбкой Висельник первым протиснулся к вернувшемуся в сопровождении представителя обозников Арчи и потянул у него из кулака соломинку. Длинная.

Я тоже отсиживаться не стал и пошел вслед за ним. Тянувшие жребий до меня Янек Змейка и Семен Лебеда, улыбаясь — первый облегченно, второй кисло, — отошли в сторону. Что ж, моя очередь. Когда выбранная мной соломинка легко выскользнула из крепко сжатого кулака Арчи, я нисколько не удивился. Везет мне в последнее время, смотрю, как утопленнику. Короткая.

Арчи скомканно улыбнулся и быстренько протараторил правила. Оба правила. Те самые, насчет которых меня уже просветил Янек, — все остальное оставалось на усмотрение бойцов. Убедившись, что ничего больше объяснять не требуется, Арчи направился наблюдать за начавшими тянуть жребий обозниками.

Как обычно перед дракой, накатило легкое волнение. Дыхание участилось, ноги подрагивали. Ничего, сейчас пройдет. Вот только пьяный я, тень этих обозников заberi. Слишком пьяный. Знал бы, что так выйдет, хоть бы пивом не увлекался...

Пропустив большую часть советов обступивших меня дружинников мимо ушей, я снял камзол, кинул его на лавку и вошел в круг, где уже топтался выставленный обозниками боец — судя по заплетенным в две косицы черным волосам и смуглой коже, уроженец Медвежьего склона. Горец был чуть пониже меня, но гораздо более плотного сложения. Не могу сказать, что толстый, нет — жилистый. На лбу у него поблескивали капельки пота, но это скорее не от волнения, а от духоты. Костяшки сбиты, нос немного приплюснут. Послали же тени кулачного бойца! Сам я все больше на ножах горазд...

— Рем! Рем! — начали скандировать обозники.

— Давай, Кейн, вмажь ему! — перекрывая их голоса, весело заорал Янек, и к нему тут же присоединились другие дружинники. — Не подведи! Бей!

Подводить я никого не собирался, но от первого же нацеленного мне в челюсть удара увернулся с большим трудом — парнишка не стал тянуть время и сразу же перешел в наступление. Лишь на мгновение опережая соперника, я уклонялся и пытался не заступить за прочерченный по полу круг. В зале раздались смешки.

Отбив летевший в висок кулак, мне удалось пнуть Рема в колено. В предплечье словно ударила свинцовая чушка, рука моментально занемела. Даже не заметив пинка, парень прыгнул вперед и ребром кисти рубанул воздух, едва не угодив мне по горлу. Я ушел вбок и моментально получил левой в скулу. В глазах засверкали звезды.

Твою тень! Ну ты у меня сейчас дождешься!

Сплюнув кровь, я решил схитрить, но руку с растопыренными пальцами, нацеленную ему в глаза, Рем легко отвел в сторону и открытой ладонью толкнул меня в грудь.

Несильный вроде бы удар выбил из легких воздух и заставил вспомнить об осторожности. Слишком уж этот пацан быстр. Слишком. И потеет чересчур сильно. Неужели каким зельем перед схваткой накачался? Затягивать драку не хотелось, но иного выхода не оставалось, и пришлось уйти в глухую оборону в надежде подловить противника на какой-нибудь ошибке.

Вот тут и началась настоящая игра в кошки-мышки. Рем пытался меня достать, я уклонялся и искал малейшие возможности для контратаки. Но чем дольше продолжалась схватка, тем тревожней становилось у меня на душе. Желай горец выиграть чисто, просто бы вытолкнул меня за круг. Но почему-то ни одной имевшейся возможностью не воспользовался, зато всячески пытался попасть в горло, висок, глаза и переносицу.

Уж не намеревается ли он меня покалечить или вовсе отправить во тьму? Очень на то похоже — до сих пор серьезных увечий удавалось избегать только за счет ускорившейся от волнения реакции. Пока движения Рема запаздывали на какие-то доли мгновений, но вот только долго так продолжаться не могло. Рано или поздно я ошибусь, и тогда мне придется худо. Хорошо, если жив останусь.

Как же быть? Остановить бой, просто выскочив за прочерченный по полу круг? Только лишь из-за беспочвенных подозрений? Боюсь, тогда у меня появятся другие, куда более серьезные проблемы. Нет, мы еще побарахтаемся.

Стараясь, чтобы со стороны никто ничего не заметил, я попытался воспользоваться несколькими безусловно запрещенными приемами. Рем легко раскусил мои ловушки, и в глазах у него заплясали огоньки злого веселья. Вскоре бой полностью вошел в навязанную им канву, и стало понятно, что вот-вот — он меня достанет. Подловит и достанет. И будет выглядеть это последствием нанесенного в пылу драки неосторожного удара. Проломленный висок, раздавленные хрящи горла, выдавленный глаз...

И что делать? Рисковать и рвать жилы незнамо ради чего? Или выйти из боя с наименьшими потерями?

Времени на раздумья не оставалось, и, качнувшись вбок, я неожиданно прыгнул вперед в безнадежной попытке дотянуться до Рема. Обозник среагировать не успел, и его кулак врезался мне точно в солнечное сплетение. Даже не попытавшись устоять на ногах, я отлетел назад и, покотившись по полу, вылетел за пределы круга. Перед глазами мелькнуло донельзя удивленное лицо Арчи, а потом моя голова врезалась во что-то твердое... Звезды и темнота...

Очнулся я уже в комнате с приложенной к затылку мокрой тряпкой. Помимо терзавшей голову тупой боли ныли руки и рассеченная бровь. Принюхавшись, прикоснулся к лицу и поднес пальцы к носу. Надо же, мазью какой-то намазали. Позаботились...

Неяркий огонек ночника заливал помещение тусклым желтоватым светом. На соседней кровати храпел Шутник. Больше в комнате никого не было. Внизу пируют? Не колеблясь, я перевернулся на другой бок, натянул свалившееся на пол одеяло и постарался уснуть.

Вниз спускаться не буду. Завтра все новости узнаю. И с Ремом тоже завтра потолкую. А сейчас горячку пороть незачем. Да и голова раскалывается. И пусть только кто-нибудь вякнет, что я не пытался победить. Еще как пытался. Вот если б на ножах...

Геладжио. День первый

Выстроившаяся к восточным воротам Геладжио вереница телег двигалась медленно. Нет, даже не так — она двигалась чертовски медленно. Мы уже битый час глотали вылетающую из-под колес обгонявших нас обозов Торговой гильдии и копыт дворянских коней дорожную пыль, а замощенный булыжниками пятак перед городскими стенами так и продолжал маячить в отдалении.

И чего они там волынку тянут? Понятно, что стражники на воротах в надежде прицепиться к чему-нибудь и выжать из путника мзду перетряхивают багаж сверху донизу. Но все же — что-то слишком уж долго мы здесь торчим.

Я украдкой потер припухшую шишку на лбу, вздохнул и огляделся. Стоять нам здесь еще час — и это в лучшем случае. А в худшем... Ну, вообще к полудню даже при самом паскудном раскладе в порту должны быть. Если еще на воротах ни к чему не прискребутся.

С моря подул холодный ветер, и я поежился. Тоска зеленая. И настроение дрянь. Самое досадное, с этим резким обозником Ремом по душам потолковать так и не получилось. Точнее, конечно, не по душам потолковать, а душу из выродка вытрясти. Вот уж не повезло так не повезло: с постоянного двора обоз с самого ранья уехал. Я все надеялся, что по дороге дружина их нагонит, да не срослось. Хотя они точно в порт направлялись — хозяин постоянного двора скрытничать не стал. Что ж, видно, не судьба.

Ладно еще дружинники мне в упрек проигрыш в поединке не ставят. Все же люди бывалые и мастерство Рема по достоинству оценили. Ну а ворчание Язвы не в счет, этот недоносок всегда чем-то недоволен.

Городские стены приближались медленно. Как я уже говорил — чертовски медленно. Но все же приближались. Уже стали различимы черные щели бойниц, длинные тени падали от выступающих фортвов, а лучи восходящего солнца явственно высвечивали отличающиеся по цвету пятна свежей кладки недавно обновленных стен.

На стенах, несмотря на уже взошедшее солнце, поблескивали шлемы и наконечники копий городской стражи. Все верно: больно у прибрежных городов соседи беспокойные. Того и гляди, или пираты, или островитяне нагрянут. Вон и хибары выросшего вокруг дороги на Геладжио поселка нигде к городской стене ближе, чем на три полета стрелы, не располагаются, а на перепаханном и обильно политом соленой морской водой пустыре, начинавшемся сразу за рвом, не растут даже сорняки. Да,

это уже спокойные земли Приозерья! Но, с другой стороны, и до лихого Заозерья им далеко.

Зябко ежившийся под порывами промозглого ветра Шутник натянул на уши неведомо где раздобытую войлочную шапчонку и повернулся ко мне:

— Мерзкая погодка.

— И не говори. — Я запнулся о торчащий из дороги камень и зашипел от боли. Мне-то к холоду и сырости не привыкать, а южанам совсем паскудно должно быть. — И не говори.

— А сапог-то твой того, каши просит, — не особо весело усмехнулся Габриель, перехватив мой взгляд на полуоторванную подошву.

— Если б каши, — вздохнул я. Надо сегодня же обувью заняться, а то скоро босиком ходить придется. — Слушай, Шутник, вот говорят: Геладжио — самый крупный порт на Западном побережье, а посмотри кругом — халупы почище, чем у нас в Альме на южной окраине.

— Это же Горелый. — Увидев ясно проявившееся на моем лице непонимание, Шутник прокашлялся и соизволил объяснить: — Этот поселок при каждой осаде дотла сжигают. Сами же горожане и сжигают.

— Зачем? — не понял я.

— А ты подумай! До ближайшего леса — хорошо, если не день пути, не корабли же на осадные лестницы и шиты разбирать?

— И что, каждый раз отстраиваются? — Я отмахнулся от бежавшего по обочине водоноса — чумазого пацана лет тринадцати и огляделся по сторонам.

— А куда деваться? Отстраиваются. Не одни, так другие. Свято место пусто не бывает. — Габриель вытер нос, на конце которого уже довольно давно покачивалась капля, и, высморкавшись в пальцы, стряхнул соплю на дорогу. — Как бы до дождя в город попасть.

— Какой дождь? — Я посмотрел на небо. Не сказать, что там ни облачка, но насчет дождя Шутник явно загул.

— Поверь моему опыту, Кейн, — подмигнул мне Габриель. — У меня на такие дела нюх. Я как-то раз к оркам в плен попал, так вот их шаман мне и говорит: «Хочешь жить...»

Вполуха слушая очередную байку Шутника, я медленно переставлял ноги в едином ритме вяло бредущей к воротам колонны. Сам не заметил, как получилось, но после дебоша на постоялом дворе мы с Габриелем... не то чтобы сдружились, так, сошлись. А куда деваться? Все же не так тошно, когда поговорить есть с кем. Заозерцы, те больше друг друга держатся.

Настроение, надо сказать, у всех было несколько пришибленное. А как иначе? Денег из общака оставить в трактире пришлось изрядно. Теперь

одна надежда — выгодно трофеей из Храма Серебряной Луны пристроить. А это оказалось вовсе не просто, по крайней мере, купцы на ярмарке с серебряным шаром, от которого так и несет непонятной волшбой, связываться побоялись. Надеюсь, в Геладжио нам улыбнется удача, и местные скупщики окажутся менее пугливыми. Очень на это надеюсь, тень их заberi! Дальше мне с дружиной будет не по пути, а отправляться в дорогу без медного щита за душой не очень весело.

Задумавшись, я конечно же пропустил байку Шутника мимо ушей, но тот уже начал новую, к которой стали прислушиваться не только шедшие неподалеку Семен Лебеда, Влас Чарка и Арчи, но и вовсе случайные попутчики. Плюнув на дурные предчувствия, я выкинул из головы мрачные мысли и начал похохатывать вместе со всеми. Нет, все же Шутник — прирожденный рассказчик. Ему б, вместо того чтобы кистенем махать, с циркачами гастролировать и байки травить — озолотился бы.

И погоду он действительно будь здоров чует: когда мы наконец добрались до ворот, начал накрапывать мелкий противный дождичек.

— А ну, куда прете! Заворачивайте! Заворачивайте! Кому сказано? — размахивая руками, заорал на нас старший стражник — пожилой ветеран лет сорока с располосованной ножевыми шрамами щекой. — Куда с оружием прете?!

— А в чем дело, любезный? — вальяжно поинтересовался Дубрава, доставая из украшенного серебряным шитьем футляра для бумаг мелко исписанные листы с синими церковными печатями и красными «орлами» совета дружин. — Все бумаги оформлены.

— Не положено! — даже не взглянув на патенты, уперся ветеран. — В сторону! В сторону отходите!

Молодые стражники за его спиной в ожидании скандала поудобней перехватили короткие копья, из окна сторожевой будки выглянул писец.

— С какой стати? — не сдвинулся с места Дубрава и расправил и без того неузкие плечи. Позади нас недовольно заворчали, но стоило Язве обернуться, как бормотанье моментально стихло. — Вот эти церковные патенты...

— Господин... — Словно почувствовав, что отступать мы не собираемся, из сторожевой будки выскочил худющий писец с перепачканными чернилами пальцами.

— Анджей Арк-Дубрава^[12], эсквайр, — шагнул к нему навстречу наш предводитель. — Почему нас не пропускают?

— Господин Арк-Дубрава, магистрат Геладжио временно приостановил действие церковных патентов на ношение оружия в пределах

городских стен. — Субтильный писец, наряженный в какую-то серую невыразительную хламиду, ничуть не стушевался, когда к нему вплотную придвинулся куда как более физически развитый Дубрава. — Но, разумеется, вам и двум вашим оруженосцам никто не воспрепятствует оставить оружие при себе.

— Отменили? Какого ляда? — нахмурился вставший рядом с Дубравой Арчи. — А церковные эдикты ваш магистрат отменять еще не начал?

Старший охранник смерил здоровяка возмущенным взглядом, но сдержался: одно дело — простым бродягам нахамить, другое дело — челяди благородного господина, пусть даже и всего лишь эсквайра.

— У вольных городов есть такое право, — напомнил нам писец.

— И во сколько нам обойдется ваше разрешение на ношение оружия? — поинтересовался, выделив слово «ваше», Арчи, который пришел к выводу, что речь идет о всего-навсего новом поборе.

— Что вы, что вы, никаких исключений, — замотал головой писец. — Мы таких патентов не выдаем.

— Моряки — народ горячий, чуть что — сразу за сабли хватались, ну и приезжие им под стать, — поддакнул ветеран, проигнорировав весело фыркнувшего Висельника. — Горожане жаловались...

— Вы хотите сказать, мы вообще не сможем попасть в Геладжио? — обмозговав полученную информацию, пришел к выводу, что лезть напролом не стоит, Анджей.

— Оружие с клинками более двух ладоней длиной подлежит сдаче в хранилища, — объяснил писец. — Сбор за охрану — медный шлем с каждого клинка за седмицу хранения.

— Обдираловка! — возмутился Язва. — Ты, чернильная душа...

— Помолчи, — шикнул на него Дубрава. — Медяки готовьте. Лебеда, Чарка, оружие оставляйте.

— А нам бы поклажу еще досмотреть, — заикнулся было старший стражник, но поймал столь красноречивый взгляд Дубравы, что сразу стушевался и даже подался назад. Стражник-то он стражник, но с благородным связываться себе дороже. Тем более, никаким барышом здесь и не пахнет: только слепой не увидит, что наша дружина за последнее время, мягко говоря, поиздержалась.

Твою тень! Медяки готовьте! А они есть, эти медяки? Мне ж за два меча платить придется. Ладно, пару шлемов я наскребу, но если с продажей серебряного шара заминка выйдет — останусь на мели.

— Сколько мы в городе пробудем? — спросил у Дубравы Арчи, явно

задетый тем, что оставить оружие приказали не ему. И чего гоношится? Ясно ведь — сабли в городе более эффективны, чем длиннющий фламберг. Да и молот никто сдать не потребует.

— Платите за седмицу. — Дубрава ухватил писца за рукав хламиды и потянул в сторону. — А скажите, любезный, таверну «Морской змей» еще не спалили?

С таверной «Морской змей» за прошедшее с последнего визита Дубравы в Геладжио время ничего непоправимого не произошло. И не могу сказать, что меня это сильно обрадовало: предоставленные нам комнатки в мансарде были тесными, темными и весьма обветшалыми. После прошедшего дождичка с потолка капала вода, а воздух был сырым и, мягко говоря, прохладным. Думаю, город немного бы потерял, реши кто спалить это злачное место — уж больно бандитские рожи были у завсегдатаев. Так и вертится на языке слово «пираты». Только бороздят эти пираты не волны Олькского моря, а подворотни и темные улочки Геладжио.

Неужели нельзя было найти более приличное заведение? Или общак дружины находится в столь плачевном состоянии, что такие расходы уже не потянет?

— Клоповник, — пробурчал я, возвращая толстую иглу и катушку просмоленных ниток Шутнику, который развалился на соседней кровати. Сапог с горем пополам удалось привести в порядок, но долго подошва не продержится.

— Видали и хуже. — Габриель стянул лохмы кожаным зажимом и посмотрел на потолок. — Ты даже не представляешь, насколько хуже.

— Да я разве спорю? — вздохнул я, подставил ладонь под мерно капавшие с потолка капли воды и с тоской огляделся по сторонам.

И хуже, конечно, бывало, куда без этого. Спать в чистом поле тоже не сахар, но там хоть клопов нет. А «Морской змей» — самый натуральный клоповник.

Дощатые стены не оштукатурены и даже толком не зашпаклеваны — ветер по комнате так и гуляет. На грязном полу подозрительного вида пятна, меж рассохшихся досок ставен щели в палец толщиной. Одна радость — белье свежее постелили, да подушки сухой соломой набиты.

А Шутнику хоть бы хны, вообще все как с гуся вода. А чего ему, с другой стороны, расстраиваться? Даже цеп в хранилище сдавать не пришлось — отбрехался. Только за кинжал раскошелился. А я три медных шлема выложил, почти последних, между прочим. Теперь о новых сапогах можно и не мечтать.

— Как думаешь, сдаст сегодня серебро Дубрава? — задумался я.

— Сегодня? Сомнительно это. Но тут уж как Ильга-торговец решит.

— Ты бы это, поаккуратней с еретическими святыми, — невольно поежился я. — Не поминай, как говорится, все.

— Да ладно, ты ж на меня не донесешь, — хохотнул Шутник.

— Вот именно — не донесу. Поэтому и осторожней: как-то нет желания потом рядом с тобой на соседней дыбе болтаться.

— Прямо уж на дыбе!

— А в церковном подвале жизнь тоже не сахар. — Я развалился на заскрипевшей кровати. — Так думаешь, сегодня шар продать не получится?

— Не-а. — Габриель натянул сапоги и подошел к окну. — Нам бы за седмицу покупателя найти. И то это вилами по воде писано.

— А за каким лядом мы тогда в Геладжио приперлись? — Удивился я столь безрадостной перспективе.

Нет, мне сюда в любом случае пришлось бы тащиться, но другим-то мало радости здесь целую седмицу куковать.

— Ну сам посуди... — Шутник отвернулся от окна и присел на перекошенный подоконник. — Что на серебре следы темной волшбы остались, слышал? И плавь ты его, распиливай — не избавиться от них, хоть тресни. А попробуй продать — любой законопослушный торговец первым делом в Инквизицию донесет. Что дальше будет, догадываешься?

— Плакали наши денежки. — Я поправил подушку под головой.

— Ладно бы денежки, Кейн. Тут и без головы остаться можно. Это если на кол не посадят.

— Добрый ты, Шутник.

— Да уж, не злой. — Габриель соскочил с подоконника, заложил руки за спину и, скрипя половицами, прошелся по комнате. — Скупщики краденного тоже не вариант — тут и нужных людей знать надо, и хорошо, если треть цены дадут.

— Выходит, приплыли?

— Почему — приплыли? У вас в Северных княжествах серебро в цене.

— Так серебро и золото туда только Церковь вывозить может, — уселся я на кровати. — Да и при чем здесь Геладжио?

— А Геладжио здесь при том, что корабли отсюда в Альме заходят. И покажи мне капитана, который контрабандой не балуется. Остается только на нужных людей выйти. Они, конечно, свою выгоду поимеют, но и мы в накладе не останемся.

— Может быть, может быть, — задумался я. — А почему бы нам самим в княжества не отправиться? В тот же Тир-Ле-Конт? Я там несколько

не самых щепетильных торговцев знаю. Провезли бы уж как-нибудь через границу — всяко выгодней серебряный шар пристроили.

— Не, тогда в Заозерье к началу похода на орков обернуться не успеем. Да и не стоит овчинка выделки, по большому счету.

— Дался Дубраве этот поход, — фыркнул я.

— Кто там горланит? — присушиваясь к доносящимся из коридора голосам, наклонил голову набок Габриель. — Семен?

— По голосу Арчи, — предположил я, протирая промасленной тряпицей метательные ножи.

Мне б клинками по-серьезному заняться, но времени нет: Дубрава общий сбор в четыре пополудни назначил, а еще по городу пробежаться надо.

— Арчи? Он же по делам в город умотал? С чего бы так скоро вернулся?

— Да он это, я тебе говорю.

— Он так он, — не стал спорить Шутник. Достав из дорожной сумы еще с постоялого двора припрятанную бутылку с вином, он вытащил пробку и отхлебнул из горла. — Будешь?

— Не-е, — отказался я и поднялся с кровати.

— Как знаешь, — не стал настаивать Габриель. — Ну что, по бабам? Я тут одно заведение поблизости знаю — «Распутная русалка», там такие девахи...

— Если только вечером. Мне сначала кое-кого навестить надо. — Я толкнул заскрипевшую дверь и выглянул в коридор.

— Смотри, я в «Русалке» буду! Если что, как в Селедочный переулок пройти, тебе кто угодно объяснит. — Шутник отложил кистень на разошедшийся стул и, развязав кошель, высыпал монеты на застеленную одеялом кровать.

— Угу, — выходя, промычал я, уверенный, впрочем, что так скоро не освобожусь. И пусть мне всего одного человека найти надо, но город незнакомый, да и вряд ли тот дома сидит, меня дожидается.

Я уже подошел к лестнице, когда мое внимание привлекли громкие голоса, доносившиеся из-за двери в самом конце коридора. До крика дело не дошло, и слов разобрать не удалось, но разговор шел на весьма и весьма повышенных тонах. Никак Арчи с кем-то ругается? Точно, он. Странно, в эту комнату вроде бы Анджей Дубрава въехал.

На улице было по-прежнему мерзко: дождь уже стих, но в воздухе висела противная морось. По узеньким улочкам текли стремительные

ручьи, бурлящие потоки которых несли дохлых крыс, конский помет, солому, щепки и совсем уж непонятный мусор. Вскоре все это окажется в одном из каналов, чтобы немного позже навсегда исчезнуть в море.

На улице было немногочленно: жители города старались пережить последствия непогоды дома, но в переулок к «Морскому змею» то и дело заворачивали насквозь промокшие подозрительные личности.

Пропустив ватагу подвыпивших матросов, я вздохнул, поднял воротник и осторожно сошел с крыльца. Впрочем, осторожность оказалась тщетной — дырявые сапоги сразу же хлебнули воды и размокшей дряни, толстый слой которой покрывал подгнившие доски мостовой.

Стараясь держаться поближе к стенам домов, крыши которых почти смыкались над улицами, я вышел из переулочка и начал пробираться против течения стремительно мчавшегося мне навстречу потока. Насквозь промокшие ноги моментально заоченели, а пальцы потеряли чувствительность, но, к счастью, вскоре уровень воды снизился, и бурлящим ручьям стало хватать ливневых стоков. Или это мостовая стала выше?

Скорее, конечно, второе — все это время я поднимался в горку. Вот и улочки уже пошире стали и домики поаккуратней, да и под ногами не осклизлые доски, а грубо обработанные булыжники. Все правильно — это у порта, в самой низине, городская беднота селится, да всякое отребье в злых местах ошивается. Те, кому достаток позволяет, комнаты, а то и дома в более престижных районах подальше от порта присматривают.

С соседней улицы вывернули три стражника в одинаковых синих камзолах с зелеными обшлагами. Широкие поля шляп от дождя обвисли, промокшая до последней нитки одежда липла к телу. Сразу видно, что не в кабаке во время дождя отсиживались, а улицы патрулировали. Странно. Неужели спрятаться не успели?

Воспользовавшись подвернувшимся случаем — последнее время навстречу никто не попадался, — я поинтересовался у них, как пройти на улицу Кожевников. Плотного сложения усатый стражник лет сорока с явственно выпирающим животиком внимательно меня оглядел и что-то неразборчиво пробурчал насчет третьего поворота налево.

Дорогу мне пришлось спрашивать еще четыре раза. Запутанные улочки начали действовать на нервы, и, не выдержав, я согласился на предложение остановленного мной курьера за медный щит провести к нужному дому. По пути постоянно поправлявший съезжающую на лицо шапочку парнишка пересказал мне все городские сплетни, так что расстались мы вполне довольные друг другом. Он с честно заработанным

медяком, я с кое-какой информацией для размышления.

Остановившись неподалеку от нужного дома, я огляделся по сторонам, по привычке проверил ножи и перебежал на другую сторону улицы. На первый взгляд, все спокойно. Разве что людей не видать, но это нормально: кто от непогоды по домам и кабакам попрятался, кто в поте лица на хлеб насущный зарабатывает. Только стража да нищие под дождем мокнули. Но попрошаек отсюда, пожалуй что, с палками погонят, а стражники на одном месте торчать не могут, им закрепленный участок обходить надобно.

Хм... Район-то этот хоть и не самый престижный, но улица смотрится весьма даже ничего себе. И пусть застроена не особняками, но двух— и трехэтажные дома, некоторые даже с огороженными высокими заборами двориками, производили самое благоприятное впечатление. Видно, что с определенным достатком люди живут. Мастеровые, средней руки торгаши, может, даже портовые служащие и занимавшие не самые высокие должности в городском магистрате чиновники.

Нужный мне человек ни мастеровым, ни служащим не был. И хоть состоял он в весьма уважаемой в Геладжио Гильдии корабелов, не думаю, что на его ладонях отыщется хоть одна мозоль от рубанка или топора. Соседи считали Гаспара Мерини, в определенных кругах известного как Плотник, мелким торгашом-перекупщиком, частенько прогуливающимся по самой кромке закона, но никто из них даже предположить не мог, что этот всегда спокойный и уравновешенный человек последние пару десятков лет являлся не последним деятелем преступного сообщества города.

Последний раз окинув взглядом пустынную улицу, я зашел в распахнутые ворота двора и остановился перед скопившейся в подворотне лужей. Вот ведь! Тут и утонуть можно запросто.

— Чего тебе? — Сидевший во дворе под навесом здоровяк, и сложением, и одеждой напоминавший ученика молотобойца, положил на лавку мешочек, в котором шуршали мелкие — всего в фалангу указательного пальца длиной — жареные рыбешки, и уставился на меня.

— Мне бы мастера Гаспара, который Плотник. — Внимательно приглядевшись к молодому парню, я заметил выглядывавшую из-под края широкой рубахи наколку, несколько неуместную для законопослушного молотобойца, и смахнул с волос осевшую морось. И так уж вышло — мой безымянный палец при этом оказался согнут.

— Мастера Гаспара сегодня уже не будет, — прищурился здоровяк, от которого не укрылся мой жест. — Подходи завтра до полудня.

— Договорились, — кивнул я и не торопясь пошел к Подгорной улице,

той самой, где мне повстречались городские стражники.

Что ж, с наскоку найти нужного человека не удалось. Это не беда. Главное — он никуда не уехал, не попал в тюрьму, просто не простудился и не умер, в конце концов. А что? С моим везением запросто. Но ждать до завтра — это терять целый день. А я и так упустил слишком много времени.

Помянув недобрым словом тень шляющегося невесть где Гаспара, я тяжело вздохнул, но все же решил, что без визита на городское дно обойтись никак не получится. И откладывать это дело в долгий ящик тоже нельзя — вечером бесследно исчезнуть в темных закоулках припортовых районов Геладжио шанс куда как выше. Об этом меня предупреждали знающие люди, а к их словам имело смысл прислушаться. Да и собственный опыт о том же говорит.

На этот раз служивые на улице не околачивались, а спешившие по своим делам горожане оказались на редкость неразговорчивыми. Так что минут через пятнадцать бесплодных усилий выяснить дорогу до площади Ворон мне ничего не оставалось, как окликнуть возницу, правившего медленно объезжавшей залитые водой выбоины телегой.

— Эх, ваша милость, никак, приезжий? — вздохнул седоусый дедок, огляделся по сторонам и, понизив голос, продолжил: — Воронья та площадь, Воронья, а площадью Ворон ее токмо душегубы промеж собой и зовут. Ну так, стал быть, сейчас по Корабельной до казармы городской стражи дойдешь, там развилка на бульвар Гравюр будет, но тебе не туда, а дальше до самой Чумной...

Я стоял, кивал и, в конце концов, даже уверился, что смогу найти нужную площадь, но самостоятельно добраться получилось только до казармы городской стражи — запутанные улочки города сбивали с толку и заставляли кружиться на одном и том же месте. Дежуривший у ворот казармы стражник скептически оглядел мой помятый камзол, но цепляться не стал и, криво усмехнувшись, все же показал, в какую сторону следует идти. Как ни странно, именно там площадь Ворон и оказалась. Правда, от казармы до нее пришлось топтать и топтать.

Остановившись на краю площади, я огляделся и сам себя поздравил с принятым решением не откладывать до вечера свой визит сюда. Даже район «Морского змея» смотрелся куда приличней, чем скопище хлипких трехэтажных хибар, которые окружили площадь Ворон так тесно, как жмутся к костру в холодную ночь озябшие путники. Да и сама площадь оказалась всего-навсего свободным от застройки пятачком, посреди которого стоял постамент солнечных часов с выломанным стержнем.

Я оглядел дома, потом, запрокинув голову, посмотрел на едва проглядывающее сквозь пелену облаков тусклое пятно солнца и хмыкнул. По всему выходило, что солнечные часы почти весь день находятся в тени. Интересно, это сразу так было или дома потом понастроили?

Как ни странно, в окрестностях площади было куда многолюдней, чем в более благополучных районах Геладжио: с криками и пронзительными воплями бегали клянчившие милостыню босые дети, рылись в наваленной куче мусора бродяги, нетвердой походкой прошаркал одетый в засаленные обноски пьяница, два явно поиздержавшихся морячка пытались снять уличную шлюху. И никто никуда не спешил. Даже распродававшая подозрительного вида пирожки торговка меланхолично провожала взглядами проходящих мимо людей и не пыталась привлечь внимание к своему залежалому товару.

Почувствовав чей-то взгляд, я положил ладонь на рукоять ножа, но прислонившийся к стене дома оборванец, от которого так и несло едким ароматом дурман-травы, решил не испытывать судьбу и отвернулся.

А вот тебя-то мне, пожалуй, и надо. А то так еще полдня вокруг площади кружить придется.

Едва не провалившись, наступив на прогнившую доску мостовой, я подошел к старательно отворачивавшемуся парнишке и кашлянул.

— Чего тебе, баклан? А? — Оборванец ссутулился и отступил на шаг назад. — Чего надо, говорю?

— Родня твоя бакланы, — я провел под глазом костяшкой большого пальца, — а я вольный человек, по городам хожу, с людьми знакомства завожу.

— Ну и иди дальше. — Парнишка совсем разнервничался и сунул руки под рваную и неоднократно заштопанную куртку.

— Обязательно пойду. Только сначала с Лордом поговорю.

— Лорд? Не знаю никакого лорда. Может, тебе еще и герцог нужен?

— Нет, только Лорд.

— Не знаю такого. Понял, да?

— Да ну?

— Не нукай! Сказал: не знаю! — чуть ли не завизжал оборванец.

— А я думаю, знаешь. — Не особо резко, но так, что парень не успел отдернуться, я ухватил его за кадык и слегка сдавил. Из ладони оборванца выскользнула заточка и утонула в чавкнувшей грязи. — Проводи меня.

Парнишка попытался снова выдавить из себя, что ничего не знает, но лишь невнятно засипел. Широко распахнув глаза, оборванец ждал, когда ослабнет хватка, и по мере осознания того, что этого не произойдет, его

глаза открывались все шире и шире. Вцепившись руками в мое запястье, он попытался освободиться, но, получив левой в скулу, обмяк и начал оседать на колени.

— Неприятности? — остановились рядом морячки, которые так и не смогли договориться со шлюхой.

— Земелю встретил, век не виделись, — специально растягивая слова, чтобы стал не так заметен мой северный акцент, ответил я и приобнял готового упасть в грязь парнишку.

— А, тогда ладно. — Удовлетворившись ответом, моряки отправились дальше.

— У тебя есть выбор. — Я немного усилил хватку, и оборванец тихонько захрипел. — Или ты прямо сейчас отведешь меня к Лорду, или отведешь после того, как я тебе что-нибудь отрежу.

— Отведу, отведу, только отпусти, — захрипел сразу поверивший в угрозу парень.

— Вот и ладно. — Одной рукой я перехватил его под локоть, второй дружески похлопал по спине и широко улыбнулся: — Дернешься — изувечу.

Оборванец побледнел и на подгибающихся ногах потащился по улице. Выйдя с площади, мы свернули в какой-то проулок, миновали заваленную мусором помойку — несколько грызущихся из-за кости собак, поджав хвосты, бросились наутек — и остановились перед спуском в городскую канализацию. В обложенном тесаными камнями темном провале журчала вода, и как я туда ни вглядывался, так и не смог различить никакого намека на лестницу.

— Туда, — покосился на меня парень и добавил: — Там выемки.

— Спускайся первым, — распорядился я.

Оборванец постарался скрыть кривую ухмылку, но, увидев вытащенный мной метательный нож, сразу поскучнел.

— И не думай, — на всякий случай предупредил его я.

Со спуском никаких сложностей не возникло: выемки в камнях сами ложились под руки и ноги, — а вот внизу захлестнувший чуть выше колена поток сточных вод едва не сбил с ног. Еще и темно, как у теней за пазухой.

Путь по длинным туннелям городской канализации в памяти отложился плохо. Попытка запоминать очередность поворотов оказалась тщетной — все внимание уходило на то, чтобы не оказаться смытым мутным потоком. И хоть ориентируюсь я в темноте весьма неплохо, парнишка мог дать мне в этом деле сто очков вперед. Или он просто маршрут наизусть помнит?

После десяти минут блуждания по канализации мы свернули в одно из боковых ответвлений, и впереди наконец замелькали отблески света. Ощутимо потянуло чадом факелов, вонью подгоревшей еды и горьковатым запахом дурман-травы, к которой примешивался приторный аромат ведьминой паутины.

Мы поднялись по покосившейся лестнице и оказались в просторном помещении, больше всего напоминавшем подвал заброшенного дома. Под высоким потолком висели гамаки, над огнем в очаге булькал котел с похлебкой, а дальняя часть подземелья была отгорожена ковром с выцветшим рисунком. Освещали помещение факелы, укрепленные в держателях на стенах.

Людей в подвале было немало. Кто-то кашеварил, кто-то дремал в гамаках, а за длинным столом разместилась компания обтрепанных подростков, самому старшему из которых не было и полутора десятков лет. Пацаны по очереди прикладывались к кальяну, задерживали дыхание и, немного погодя выпустив длинную струю ароматного дыма, заходились в приступе дикого хохота. Особняком у дальнего края стола вольготно развалились несколько человек постарше.

— Рано ты, Клузо. — Карауливший вход щуплый парнишка увлеченно раскуривал трубку и меня не приметил.

А вот сидевший за углом стола обритый налысо парень в украшенном серебряным шитьем колете и коричневых штанах с кожаными заплатами на коленях оказался куда более наблюдательным.

— Ты кого это, Клузо, привел?

Шитье колета и тонкого плетения золотая цепь прекрасно сочетались друг с другом, но еще лучше они смотрелись бы на каком-нибудь зажиточном горожанине, а не на этом крысеныше. И пусть все почтительно зовут его Лордом, пронзительный взгляд желтых глаз, длинный, неоднократно ломанный нос и впалые щеки делали парня похожим на злобную крысу. Ну храни меня тень...

Завизжав, Клузо со всех сил рванулся вперед, но буквально за мгновение до этого я перестал держать его за шиворот, и, не удержавшись на ногах, он растянулся на полу. На этот раз в хохоте зашлись даже те, кто к кальяну не прикладывался, серьезным остался только парень в колете.

— Ты кто? Обзовись. — Тонкие пальцы Лорда нервно прошлились по рукояти лежавшего на столе кинжала.

— Меня зовут Кейн, — представился я и слегка поклонился, приложив правую руку к груди так, чтобы указательный и средний пальцы коснулись третьей сверху пуговицы камзола. — Привет тебе, Лорд, от Нежи Громкого

из славного города Альме.

— И что на сей раз понадобилось от меня теньям севера? — Лорд указал на скамью рядом с собой, но остался все таким же настороженным и собранным.

Словно почувствовав его настроение, сидевшие за столом парни перетащили кальян в угол к костру, и рядом с предводителем этой шайки остались лишь два человека: невысокий крепыш с длинной косицей, заплетенной за левым ухом, и скорчивший кислую мину красавчик в заношенном камзоле городского стражника, надетом прямо на голое тело.

— Да сущие пустяки. — Я уселся на предложенное мне место, достал из-за обшлага камзола мелкую медную монетку с пробитой гвоздем дыркой и катнул Лорду.

Тот осмотрел заточенное ребро и бросил медяк красавчику:

— Посмотри, Сержио.

— Да что тут смотреть? — Крепыш с косичкой выхватил монету у Сержио и, проведя краем по столешнице, потер пальцем царапину. — Как там Нежи поживает?

— Нормально поживает, что с ним станется. — Я прикрыл рот ладонью и широко зевнул. — Разве что пузо еще больше отъел.

— У него к нам дело? — Красавчик вытащил из ножен прямой кинжал со вставленным в навершие крупным аметистом и принялся вычищать острием из-под ногтей грязь. — Или ты полпобережья проехал, чтобы просто привет передать?

— Обожди, Сержио. — Лорд, на самом деле оказавшийся куда старше, чем решил я сначала, поднял руку и щелкнул пальцами. — Наш гость сейчас сам все расскажет.

Видимо, щелчок был сигналом, и из-за отгороженной одеялами ширмы почти без заминки выскочил растрепанный мальчишка с кувшином вина, следом такой же сопляк тащил поднос с оловянными кружками.

— Угощайся. — Лорд принял протянутую ему кружку и первым отхлебнул вина.

— Благодарю. — Я тоже пригубил рубиновую жидкость и только хмыкнул: не большой ценитель вина, но, думаю, на севере за вот такой кувшинчик вполне можно было выручить полдюжины серебряных шлемов.

— Ты пей, пей, — одним глотком выдув половину вовсе не маленькой кружки, крикнул крепыш. — И рассказывай.

— Карло, не торопи гостя. — Лорд поправил золотую цепь и, прищурившись, потер левое веко. — Ни к чему это.

— Ничего, много времени я у вас не отниму. — Я сделал второй глоток

и поставил кружку на стол.

— Ну время — единственное, чего у нас вдоволь, да только пытаться отнять его — дохлый номер. — Сержио понюхал вино в своей кружке и, сморщившись, отставил ее на край стола. — Говори уже, чего Нежи надо.

— Я к Нежи в курьеры не нанимался, — спокойно ответил я, хоть тон красавчика мне совершенно не понравился. И все же придется это проглотить — ссориться с хозяевами подвала неразумно. — Просто когда мне понадобилось найти одного человека, он по старой памяти посоветовал обратиться к вам.

— Найти человека?! — хрюкнул от смеха Карло и так грохнул кружкой об доски стола, что во все стороны полетели брызги вина. — Что может быть проще?! Геладжио — деревенька небольшая, все друг друга знают...

В углу у костра слышались смешки, но хмуро посмотревший на пролитое вино Лорд остался серьезен, и веселье сразу же стихло. Сержио с досадой скривился из-за появившихся на камзоле новых пятен и начал быстро втыкать острие кинжала меж растопыренных пальцев лежавшей на столе левой кисти. Надо признать, выходило это у него весьма ловко: лезвие так и мелькало, вонзаясь в столешницу каждый раз между другими пальцами. Что самое интересное — смотрел он в это время вовсе не на руку, а мне в глаза.

— Заткнись, Карло. — Лорд почесал подбородок и уставился в потолок. — Кого надо найти?

— Молодая женщина, выглядит лет на двадцать. Волосы черные до плеч, глаза зеленые. Рост около четырех локтей. Может носить мужское платье. На правой руке кольцо с крупным брильянтом. Серьги с черным жемчугом. Прибыла в Геладжио не раньше седмицы назад. Наверняка остановилась не на постоялом дворе, но в очень надежном месте, возможно, с не самой лучшей репутацией. Днем на людях предпочитает не появляться, выходит в свет по вечерам. Скорее всего, ее представляют как дочь лендлорда из северных марок Полесья.

— Бриллиант как огранен? — непонятно с чего заинтересовался Карло.

— Розой. А что?

— Да так, ничего, — начал выбивать дробь пальцами по столу задумавшийся Лорд. — Мы попробуем ее найти, но это будет непросто.

— Никто и не сомневался.

Если это не удастся Лорду — главе самой крупной шайки малолетних попрошаек и воров Геладжио, то и Плотник, скорее всего, окажется

бессилен помочь.

— Имя у нее есть? — Карло отвесил подзатыльник подбежавшему протереть грязной тряпкой стол пацану и перелил вино из кружки Сержио в свою. Увлеченный игрой с кинжалом, тот на это не обратил внимания.

— Последнее известное мне — Катарина Арк-Берг.

— Дворянка?

— Да кто ее знает? — пожал я плечами. — Может, и так...

— Убивать будешь? — вдруг ни с того ни с сего огорошил меня неожиданным вопросом Лорд.

— Это важно? — Мне показалось разумным воздержаться от однозначного ответа.

— Просто скажу тогда своим, чтобы не светились.

— Скажи.

— А чего тогда Нежи более серьезных людей не посоветовал? Он же знает — мы с мокрыми делами не связываемся.

— Никто никого пока не убивает. А Гаспара Плотника дома не оказалось.

— Вот оно что, — как-то непонятно протянул Лорд, хотел что-то добавить, но лишь сморщился, отчего его сломанный нос еще больше перекосялся набок. — Сержио, потолкуй со сборщиками, пусть своих расспросят.

— Я занят. — Лезвие кинжала Сержио ни на мгновение не перестало втыкаться в доски столешницы. — Освобожусь — схожу.

— Ты не занят, ты стол портишь, — пробурчал допивший вино Карло, видимо, забеспокоившийся, как бы вместо красавчика не послали его. — Иди давай.

— Ну значит, как освободишься, потолкуешь, — только хмыкнув, неожиданно легко оставил в покое красавчика Лорд. — Подождешь, Кейн?

— Сколько ждать?

— Пока Сержио сходит, пока пацаны по улицам пробегутся.

— И долго он может так? — кивнул я на красавчика, кинжал которого все так же, перескакивая через пальцы, монотонно втыкался в стол.

— Да хоть до вечера, — обрадовал меня Карло и намотал косичку на указательный палец. — А то и утра.

— Замечательно. — Я попытался посмотреть Сержио в глаза, но тот отвел взгляд, уставившись на свою левую ладонь. Это что, тень их, испытание такое? Ждут, насколько меня хватит? Или Лорд для чего-то время выгадывает? Ну-ну.

Недолго думая я ухватился за ножку и резко двинул стол на себя:

— А если так?

— Ты... — Красавчик выругался и, выронив кинжал, засунул порезанный палец в рот. — Да я!..

— Сержио. — От тона, каким выдавил из себя это слово Лорд, даже у меня по спине пробежали мурашки, поэтому неудивительно, что вмиг заткнувшийся красавчик хоть и швырнул подхваченный со стола кинжал в стену, но безропотно отправился выполнять распоряжение главаря. Нетвердо стоявший на ногах подросток, от которого так и шибало кислой вонью «Ангельских слезок», подобрал едва не угодивший ему в голову клинок и поплелся вслед за ним.

— Карло, полуденная касса на тебе. — Главарь шайки попрошаек поднялся из-за стола и окинул взглядом подвал. — Располагайся, Кейн, а у меня дела...

— Благодарю. — Я проводил взглядом отправившегося по своим делам Лорда и повернулся к доставшему стаканчик с игральными костями Карло.

— Сыграем? — предложил тот.

— Почему бы и нет? — не стал отказываться я.

Часы на башне крытого красной черепицей здания городского магистрата еще только начали отбивать три часа пополудни, когда я подошел к неприметному домику, в котором один из попрошаек несколько дней назад приметил подходившую под данное мной описание девицу. Точнее, приметил даже не ее саму, а дорогое кольцо и редкий в здешних местах черный жемчуг. Может, конечно, это и простое совпадение, но как-то не очень верится в такие выверты судьбы.

Надо бы Нежи пару бутылок хорошего вина поставить, порадовать старика: без его советов и помощи Лорда я мог бы и год на поиски впустую потратить.

Не останавливаясь, я прошел мимо нужного дома, свернул на соседнюю улочку и, едва разминувшись с двумя монахами ордена Святого Патрика, вышел к городской площади. В кошельке бренчали выигранные у Карло медяки — выигрыш был бы куда больше, не просади я в самом конце игры два серебряных щита, но зато расстались мы вполне приятельски. И это хорошо: нужные знакомства никогда не помешают.

Оглядевшись по сторонам, я задумался. Хоть дождь закончился не так давно и почти везде еще бурлили ручьи, в этом районе на брусчатке не было и малейших следов грязи: проживавшие по соседству с магистратом чиновники, портовое начальство и купцы из тех, что побогаче,

позаботились об округе и провели нормальную ливневую канализацию. Я с грязными сапогами и промокшими штанами смотрелся здесь несколько неуместно. Тем не менее, дежурившие на площади стражники цепляться не стали — видать, привыкли что после ливней с удаленных от центра города районов такие вот чучела являются.

Выходившие на площадь фасадами дома поблескивали в лучах выглянувшего из-за туч солнышка начисто вымытыми стеклами окон и начищенной медью флюгеров. Даже с первого взгляда становилось ясно, что поддержание владений в таком состоянии вылетает их хозяевам в весьма кругленькую сумму. Да и по мере удаления от площади двух— и трехэтажные особняки поначалу выглядели ничуть не хуже, но вот дальше...

Как ни удивительно, но всего в пяти минутах ходьбы от главной городской площади расположился квартал с не самой лучшей репутацией. Впрочем, Карло рассказал, что до войны^[13] там селились купцы и аристократы из Норлинга, а в послевоенной неразберихе дома прибрали к рукам те, у кого карманы пухли от шального золота: спекулянты, контрабандисты, удачливые каперы и сделавшие состояния на армейских поставках торговцы-скоробогачи. Не самая респектабельная публика, надо сказать. Да и удача — девица капризная: не у всех получилось и в мирной жизни хорошо устроиться.

Купив у коробейника луценых лесных орехов, я повернул обратно. Ну и что делать? Вломиться внаглую в это безымянное игорное заведение только для «своих»? Или найти укромное местечко и сперва за ним понаблюдать? Лучше, конечно, понаблюдать, вот только укромного местечка здесь днем с огнем не сыщешь, а еще раз мимо пройду, и на меня уже начнут внимание обращать. Не стражники, так торговцы и прочая уличная шушера. А вломиться... Была бы уверенность, что Катарина там, — тогда да, а так...

Горячку пороть в таком щекотливом деле резона нет. Тут хорошенько сперва все обмозговать надо, тем более что неизвестно, по какому делу Катарина туда заходила.

Можно, конечно, забраться втихую: крыша соседнего дома подходит почти вплотную, но если меня за этим застукают... Тогда либо гребцом на галеры, либо в канал с камнем на шее. Это смотря кто застукает.

Или все же рискнуть?

Как поступить, что выбрать? Потратить день на разведку или попытаться решить все проблемы с одного наскоку? Ждать или лезть напролом? Первое в этой ситуации было бы, без сомнения, умнее, но я и

так слишком долго ждал. И теперь, когда цель так невыносимо близка...

Усилием воли мне удалось заставить себя выбросить из головы мысли о Катарине, но помогло это мало. Чувствуя, как начинают горячить кровь и дурманить разум ставшее нестерпимым ожидание, ярость и... — и страх? — я вытер вспотевшие ладони о штанины, подошел к усиленной железными полосами двери с узкой прорезью смотровой щели и несколько раз стукнул закрепленным молоточком. Подождал и ударил еще.

Мне почудился едва слышный шорох, но к двери так никто и не подошел. Неужели прав оказался Карло, предположивший, что днем в заведении никого не будет, и советовавший заглянуть сюда ближе к вечеру? Не знаю, не знаю... Будь кто из obsługi на месте, хоть бы поинтересовался, какого ляда мне надо. А тут — тишина. Шорох? Шорох мог и почудиться.

Почесав взмокший затылок, я отошел от крыльца и зашагал обратно к магистрату. Зайти вечером? Еще чего! Вечером со мной и разговаривать никто не станет — вышвырнут, как кутенка. Да и игроки уже соберутся, а шуметь слишком опасно — казармы городской стражи в десяти минутах ходьбы. Если от вышибал и получится отбиться, стражников на хвост сажать никак нельзя.

На первом же перекрестке я свернул налево, прошел десятка два шагов и, остановившись у забора заднего двора примыкавшего к игорному заведению дома, огляделся. Никого. Быстро протиснувшись в небольшой загаженный закуток между забором и глухой стеной, я выдавил плечом прогнившую от постоянной сырости доску и выбрался в задний дворик, который оказался завален всяким хламом и зарос вымахавшими по колено сорняками. Крупный рыжий кот, сердито фыркнув, желтой молнией взлетел на забор и спрыгнул на улицу.

Подняться на крышу проблем не составило — приставленная к дому лестница, которой, видимо, пользовался трубочист, оказалась как нельзя более кстати. Правда, заросшие мхом нижние перекладыны доверия не внушали, но тут уж выбирать не из чего — и так хорошо, что по водосточной трубе карабкаться не пришлось. Теперь бы только никому на глаза не попасться. Да нет, вряд ли заметит кто: и у стражников, и у простых обывателей слишком много дел на грешной земле, чтобы глазеть на крыши.

Притаившись за кирпичной дымовой трубой, я перевел дух и огляделся. От дождевого желоба до соседней крыши не больше двух локтей, но влажная и скользкая после дождя черепица могла сыграть злую шутку. И свернутая шея — далеко не самый худший вариант. Вот со сломанным хребтом, когда ни рукой, ни ногой...

Плюнув на нехорошие предчувствия и зажав в зубах нож, я на четвереньках подобрался к краю крыши, вытянул руку и ухватился за балку соседнего дома. Качнулся, оттолкнулся и... едва не сорвался, когда сырое дерево чуть не выскользнуло из пальцев. Сердце застучало как бешеное, но ноги уже нашли опору, и, ослабив хватку, я начал перебираться к ближайшему окну.

И как узнать, есть кто в комнате? Забери меня тень, ничего через щель в ставне разглядеть не получается! Но — тихо. Рискнуть? А есть выбор?

Засунутое в щель между ставнями лезвие ножа подцепило крючок, и, перемахнув через подоконник, я мгновение спустя очутился в комнате. Никого. Просто замечательно. Облизнув порезанный лезвием ножа краешек губы и сглотнув слюну с привкусом крови, я вытащил из потайного кармашка скатанный из сосновой смолы шарик, внутри которого алела капелька «Ветра севера» — весьма, надо сказать, специфичного зелья. Катышек надкусывать не стал и просто засунул между зубами и щекой. Если вдруг появятся хозяева — что ж, спасите тени их души. Сами виноваты, что дверь не открыли.

Мебели в небольшой комнатухе было всего ничего — широкая кровать с набитым соломой тюфяком, два стула и трюмо, так что осмотр много времени не занял. Ничего интересного обнаружить не удалось — обычное сдаваемое на короткий срок внаем жилье, на котором просто не успевает отразиться индивидуальность постояльца. Царапины на полу и порезанная мебель — не в счет.

Подошел к двери, прислушался и, слегка приоткрыв ее, выглянул наружу — никого. Выскользнул в темный коридор, прокрался к соседней комнате и с ножом в руке заскочил внутрь. И снова та же картина: пустое помещение, минимум мебели, окно закрыто тяжелыми ставнями.

Следующей решил проверить комнату напротив и, потянув за дверную ручку, я чуть не замер на пороге — ноздри уловили прекрасно знакомый запах. Справившись с волнением, прикрыл за собой дверь и принялся. Так и есть — почти неразличимый аромат любимых духов Катарины мне не почудился. Разумеется, такие духи не редкость, но... Я потер зачесавшуюся шею и приступил к осмотру комнаты.

Ни-че-го. Тень побери мою задержку в пути! Судя по всему, постоялица из этой комнаты съехала самое раннее вчера, и при невеликой удаче ее вполне можно было успеть перехватить! Ну а теперь мне что делать?

Я проверил комнату по второму разу, выдвинул и осмотрел все ящики, перетряс постельное белье, но так и не смог обнаружить ничего, что

подказало бы мне хоть какое-нибудь направление для дальнейших поисков. Единственная находка — застрявший в щели под кроватью серебряный талер с профилем Георга Йоркского на аверсе и гербом герцогства на реверсе. Но это еще ни о чем не говорило: талеры охотно принимали не только в Йорке и Северных княжествах, но и в Империи. Мало ли кто мог монету обронить?

Сунув талер в кошель — считай на два, а то и три серебряных шлема стал богаче, — я подошел к двери и вздрогнул от раздавшегося где-то на первом этаже стука. Пока не сообразил, что это стучат во входную дверь, — взмок. А потом взмок еще больше, когда послышался лязг запоров. В доме все это время кто-то был?!

Успокоив дыхание и стараясь ступать как можно тише, я прокрался к ведущей на первый этаж лестнице и, опершись спиной о стену, присел в неглубокой нише рядом с перилами. Беседа внизу шла на повышенных тонах, но из-за странного акцента одного собеседника и шепелявости второго мне пришлось чуть ли не просунуть голову меж резных стоек, чтобы понять, о чем идет разговор.

— Успокойся! — Высокий мужчина в темно-синем плаще снял широкополую шляпу с длинным зеленым пером и отдернул штору, закрывавшую окно. Совершенно неожиданно для меня его бесцветно-серые волосы в свете проникших в комнату солнечных лучей оказались желто-песочными.

— Да как успокоиться, монсеньор? — Сгорбленный старик потерябил украшенный вышивкой воротничок халата и судорожно вздохнул. — Это вы... А я ж в городе останусь... Как мне?..

— Держите себя в руках, наша гостья скоро покинет город. — Тот, кого называли монсеньором, брезгливо отвернулся от старика, и на мгновение мелькнул нашитый на плащ герб. — И вообще, господин Роберто, чего вы так нервничаете?

— Да приходил тут один, чистый шпик. — Старик налил из стоявшего на невысоком столике хрустального графина бокал вина и одним махом его выпил. — Не к добру это.

— Когда приходил? Что ему было надо? — насторожился монсеньор.

— Прямо перед вами и приходил. — В отличие от гостя Роберто начал успокаиваться. — А что ему надо было — не скажу. Не впустил я его.

— Зря. Я бы с ним поговорил. — Монсеньор положил руку на высовывавшуюся из-под плаща рукоять сабли. — Выглядел он как?

— Молодой, лет под двадцать. Темноволосый, глаза — зеленые. Нос с горбинкой. Видно, что после перелома сросся немного неровно. Лицо...

Лицо даже не скажу. Острое, что ли? Ну вы северян видели, они все на одно лицо. Росту локтя четыре с половиной, не меньше. И бледный как смерть.

— Одет во что?

— Камзол на нем был, темно-зеленый.

— Какие-нибудь приметы?

— Шрам на левой щеке. Тонкий, почти незаметный. У мочки начинается. А больше и не разглядел ничего. В щель же смотрел, а через нее разве ж это обзор?

Вот сволочь старая, и когда только столько всего высмотреть успел?

— Нас о нем предупреждали, но точного описания дать не смогли. Или не посчитали нужным... — Монсеньор задумался и нахлобучил шляпу. — Вот что, господин Роберто, пришлю-ка я к вам Паоло и художника одного надежного.

— Зачем это? — насторожился старик.

— Паоло вашу память освежит, а художник портрет этого типа набросает. И смею вас уверить, что больше он нас не потревожит. Сказать по правде, он уже никого потревожить не сможет. Вы ведь не против?

— Я только за, — мерзко хихикнул Роберто. — А кто он таков?

— Насколько я понял, он как-то связан с Тенями^[14].

— С Тенями?! Охотник за скальпами^[15]? — Плешивый старик покачал головой. — Боюсь, у нашей гостьи могут выйти из этого большие неприятности.

— Не думаю, скорее, здесь что-то личное. Но вы ведь знаете — наши партнеры не любят делиться своими секретами. — Монсеньор подошел к двери и обернулся. — Мои люди остались на площади, я пришлю двоих на случай, если этот северянин все же вернется.

— Буду премного благодарен.

— Да, и на всякий случай проверьте, чтобы после нашей гостьи ничего лишнего не осталось. Если что-то найдете — пришлите мне сегодня же. Завтра меня в Геладжио уже не будет.

— Так вы все же решили вернуться в Йорк? Неужели из Эр-Торы уже товар пришел?

— Пришел. Да и людей надежных, которым охрану нашей гостьи поручить можно, как назло, в городе сейчас нет. А вообще, оно и к лучшему — за нашими друзьями глаз да глаз нужен.

Монсеньор вышел на улицу, старик запер за ним дверь и, шаркая тапочками, начал подниматься на второй этаж. Я отпрянул в темную нишу,

но Роберто повернул в другую сторону и, что-то тихо бормоча себе под нос, поплелся по своим делам.

В два прыжка я оказался у него за спиной и, зажав одной ладонью подбородок, а второй затылок, резким движением свернул ему шею. Старческие позвонки тихо хрустнули, и труп Роберто, обмякнув, повалился на пол. Не дав ему упасть, я оттащил тело к лестнице, перевалил через перила головой вниз и отпустил.

Грубая работа, конечно, — любой опытный стражник сразу заподозрит неладное, — но ни на что более продуманное времени уже не оставалось. Да может, и пронесет — дедушка старенький, выпил вина, голова закружилась, вот и свалился, болезный. Зато теперь этот монсеньор мой портрет не заполучит. А ради этого можно свернуть шеи и десяти Роберто.

Выбравшись из дома через крышу, я поспешил к магистрату и едва не опоздал: тот, кого ныне покойный Роберто звал монсеньором, в сопровождении двух телохранителей — у этих в расцветке плащей преобладали красные и синие тона — уже выезжал с площади. Мне и заметить-то его удалось только благодаря шляпе с шикарным пером.

Твою тень!

Проскочив прямо перед мордами лошадей, впряженных в карету с гербами Геладжио — тремя серебряными дельфинами на изумрудном поле, — я бросился в погоню. Шансы сравняться в скорости с лошадьми были невелики, но сегодня мне улыбалась удача: наездники опасались гнать скакунов по влажным булыжникам мостовой, да к тому же телохранители вели за собой на поводу еще двух свободных лошадей, чьи хозяева отправились охранять Роберто.

Как бы то ни было, мне удалось не упустить всадников из виду и даже почти не запыхаться от быстрого бега, когда вскоре монсеньор и его спутники въехали в распахнутые ворота особняка в самом центре Геладжио. Герб на воротах был прекрасно знаком не только мне, но и любому человеку, хоть раз державшему в руке Йоркский талер, — три золотых звезды на темно-синей верхней половине и красный коронованный лев на желтой нижней.

Торговое представительство герцогства Йорк в Геладжио.

И кто мне объяснит, что все это значит?

Геладжио. День второй

— Кейн, Кейн...

— Чего?

— Вставай.

— Зачем?

— Пора уже, вставай быстрее!

— Сейчас. — Я перевернулся на другой бок и попытался натянуть на голову одеяло, но его безжалостно стащили.

— Вставай, — продолжил нудить Янек. — Да просыпайся ты!

— Зачем? — Я оторвал голову от подушки и оглядел комнату. Кроме долговязого зануды, в комнате был только прислонившийся к стене Шутник. Этот выглядел не лучшим образом и, мельком взглянув на меня, вновь приложил ко лбу глиняный кувшин.

— Дубрава велел за час до полудня вернуться.

— Вернуться куда? — прохрипел пересохшим горлом я.

— Не тупи, Кейн, — оторвал ото лба кувшин Габриель. — Вернуться в таверну.

— А мы где? — Я осторожно уселся на низенькую кровать, и понявший без слов мою просьбу Шутник вложил в протянутую руку кувшин.

Я хлебнул и поежился, когда за шиворот потекла холодная струйка — в кувшине оказалась вода. Лучше бы, конечно, пиво...

— В «Распутной русалке».

— А-а! — Я вспомнил окончание вчерашнего вечера.

— Мари где? — Габриель поднял валявшийся на полу перевернутый стул и поставил его к стене.

— А он ее выгнал. — Змейка ладонью пригладил взлохмаченные вихры и отошел к двери. — Помнишь, Шутник, он вчера все девку какую-то искал? Кроме нее, кричал, никто не нужен. А Мари, значит, из комнаты взащей вытолкал. Она потом Семену жаловаться приходила.

— Зеленый ты, Кейн, — покачал головой Шутник. — Любовь любовью, но если из-за такого пустяка целибат принимать...

— Заткнулись бы вы оба, — не особо вежливо попросил я, пытаюсь вспомнить, что из их рассказней соответствовало действительности. Выходило, что почти все. Надо ж было так напиться...

— Ты идешь или нет?

— Иду. — Я осторожно поднялся на ноги — в голове немного зашумело, но почти сразу же сознание прояснилось.

Ага, а чего это я полностью одетый на кровать завалился? А тень его знает. Хоть убейте, не помню. Скорее всего, просто сил раздеться не осталось.

— Да выкинь ты его. — Шутник отшвырнул протянутый мной пустой кувшин на кровать, распахнул дверь и вышел из комнаты.

Янек Змейка тяжело вздохнул и направился следом. Я еще раз внимательно осмотрелся, но, не углядев ничего, что могло бы оказаться забытым мной имуществом, поплелся за ними.

— Чего так долго? — пихнул Янека в бок Висельник, когда мы покинули гостеприимное заведение и вышли на улицу. Прохладный воздух тут же забрался под камзол, да и дышать стало намного легче.

— А Кейн никак встать не хотел. Пока вина, говорит, не принесут, никуда не пойду, — хихикнул Янек и отошел к Семену Лебеде.

В темной подворотне собралась добрая половина отряда, и при нашем появлении дружинники потянулись к выходу из проулка. Потемневшие от сырости стены домов почти сходились над головами, и от этого становилось как-то очень уж неуютно. Думаю, не у одного меня возникло желание поскорее выйти на открытое пространство, и даже чудом увернувшийся от выплеснутого из окна содержимого ночного горшка Язва лишь вполголоса выругался и прибавил шаг.

— Правда, что ли? — заулыбался Ежи Петелька.

— Свистит, — пожал я плечами и поморщился от стрельнувшей в голову боли.

— Ты как, живой? — хлопнул меня по плечу дружинник, от которого не укрылась эта страдальческая гримаса.

— Почти, — набрал полную грудь воздуха и медленно выдохнул я.

— Тогда пошли. — Ежи развернулся и зашагал вслед за остальными.

— погоди, Кейн, — придержал меня за рукав Шутник и, оглядевшись по сторонам, понизил голос: — Ты насчет предложения Арчи что думаешь?

— Какого предложения? — не припомнив ничего такого, нахмурился я.

Неужели по пьяному делу что-то забыл?

— Эх, молодежь... И пить-то толком не умеете. Сам же первый кричал, что обратно на север собрался, — вздохнул Габриель. — Вот Арчи и предложил в Ранлоу идти серебро сдавать.

— А туда-то зачем? — ничего не понял я. — Тогда уж сразу в княжества.

— У церковников с Ранлоу отношения неплохие, через границу серебро провезти труда не составит, а в Северные княжества самим серебром пытаться вывезти слишком рискованно. Он так сказал...

— А смысл тогда туда тащиться?

— Ты совсем, что ли, ничего не помнишь? — фыркнул Шутник. — Тамошние контрабандисты серебро раза в полтора дороже здешних примут.

— Не стоит овчинка выделки, — задумался я.

— Это если за свой счет туда-обратно топать. А если в охрану кому наняться... А там вообще к Ранлоу на службу поступить можно...

— Ну... Тогда другое дело. — Я взвесил все «за» и «против» и решил, что раз мне все равно в скором времени придется возвращаться на север, то в компании путешествовать и веселей, и безопасней. — Только Дубрава на такую авантюру не пойдет.

— Вот и я так думаю, — тяжело вздохнул Габриель. — Да и остальные уперлись как бараны: на орков пойдем, на орков пойдем. А я думаю: Арчи дело предлагает...

— Может, и дело. Но ты-то чего походом на степняков недоволен? Церковь платит...

— Ха! Платит она! — фыркнул Шутник и задумался. — Нет, она, конечно, платит, и платит очень неплохо, но пока эти денежки до дружины дойдут... А тому, кто в степи сгинет, золото так и вообще без надобности. А тут дело вроде верное...

— Так-то оно так... — нейтрально пробурчал я.

— Вот видишь, — кивнул Шутник. — Ты, кстати, как — подлечиться не желаешь?

— Да мне и так нормально, — ничуть не покривив душой, отказался я.

И действительно: за время прогулки на свежем воздухе головная боль незаметно улетучилась, тяжесть и резь в желудке прошли и даже пересохшее горло почти не раздражало. Что ни говори — в моем теперешнем положении есть определенные преимущества...

В «Морском змее» нас встретил только злой с похмелья и недосыпа Арчи, а Анджей Дубрава с утра пораньше уже опять ушел договариваться о продаже серебра — вчера ни с кем сторговаться так и не удалось. Покрутившись на первом этаже таверны, я вышел на задний двор, умылся и, наскоро умяв предложенный хозяином завтрак, потихоньку выскользнул на улицу.

Пусть голова с перепоя и кружится, но нечего штаны просиживать — день уже в самом разгаре. Пойду к Гаспару Плотнику заскочу. Надеюсь, он еще никуда убежать не успел. Очень на это надеюсь — почему-то меня сегодня с утра не покидает чувство, будто начинаю безнадежно опаздывать.

На этот раз найти нужный дом труда не составило. Несколько минут я топтался на перекрестке, доедая купленную у лотошника шаньгу, но ничего подозрительного так и не углядел. Пробежало несколько подмастерьев, проехала карета с гербом Гильдии корабелов, да жены живущих в этом районе плотников и мастеровых уже начали в сопровождении слуг

возвращаться с рынков с полными корзинами припасов.

Вытерев жирные руки о штанины, я подошел к дому Гаспара и, заглянув во двор, поздоровался с давешним мордоворотом, который сегодня оказался не один — скучавший рядом с ним на скамейке парень был на несколько лет помладше, но на вид ничуть не хлипче.

— К Гаспару? — прищурился вчерашний здоровяк. — Как мастеру доложить?

— Кейн из Альме.

— Малыш, — мордоворот ткнул локтем под ребра своего подельника, — топай, доложи.

— Лады. — Малыш вытер ладонью с губ налипшие крошки жареных рыбешек, которых они лузгали вместо семечек, и поднялся со стоявшей под навесом скамейки.

— Джованни, придет Марио, пусть меня в заведении Доминика ждет... — Неторопливо спускавшийся по лестнице со второго этажа мужчина лет сорока, заметив меня, замолчал и остановился.

— Это к вам, мастер, — вскочил Джованни. — Если не соврал, Кейном кличут.

— Чем обязан? — остановившийся на последней ступеньке Гаспар положил затянутую в перчатку из оленьей кожи ладонь левой руки на широкие перила лестницы. Правая рука как бы невзначай опустилась к поясу.

— Мне к вам знакомые из Альме порекомендовали обратиться.

Я внимательно осмотрел насторожившегося мужчину. Широкополая шляпа без каких-либо украшений, длинный темно-синий плащ, высокие кожаные сапоги. Росту среднего, сложения плотного, можно даже сказать, грузного. Лицо видно плохо, но ясно, что кожа сильно обветрена и покраснела, а густые усы немного неровно подстрижены.

— Кто именно? — Плотник поправил роговую пряжку плаща у горла и подошел к топтавшемуся посреди двора Малышу.

— Нежи. — Я потерял мочку правого уха. — Он сказал, к вам по поводу розыска одного человека обратиться можно.

— Хм... — хмыкнул правильно истолковавший мой жест Гаспар и пригладил усы. — Малыш, сходи предупреди Доминика, что я задержусь, пусть объяснит постояльцам, как добраться до старого склада семьи Ритонео, там с ними встречусь. Только скажи, чтобы не опаздывали, — это им, а не мне надо. Я их ждать не буду. Все понял?

— Все, — кивнул Малыш, который на две головы был выше хозяина.

— Тогда ступай. — Потеряв интерес к слуге, Гаспар осторожно

обошел лужу и указал мне на выход со двора. — Как дела у Нежи? Все так в «Морском волке» и прозябает?

— Мне бы так прозябать, — криво улыбнулся я, припомнив одно из своих самых любимых зланных мест Альме. — Мне бы так...

— Что ж, рад, что со старым пройдохой все в порядке. — Плотник резко остановился и развернулся ко мне. — Остается узнать, с чего это он вдруг обо мне вспомнил.

— Ну... — Я подождал, пока отчитывавшая молоденькую служанку тощая старуха удалится на достаточное расстояние, и взглянул Гаспар в глаза. — Нежи мне кое-чем обязан.

— А я обязан Нежи?

— Выходит, что так. — Я вздохнул и отвел взгляд. — Он просил передать, что забудет о глазах змеи.

— Вот даже как. — Гаспар неожиданно расхохотался и хлопнул меня по плечу. — А ты парень не промах, коли так Нежи за мошонку держишь.

— Мы просто друзья. — Я давно перестал ломать голову насчет смысла фразы о глазах змеи, но, судя по реакции собеседника, старый пройдоха действительно подкинул козырную карту. — И, когда мне понадобилось отыскать одного человека, он по-дружески посоветовал обратиться к вам.

— Запомни, Кейн, у Нежи есть только один друг — это он сам. — В словах широко улыбавшегося Гаспара не было и намека на веселье.

— Вам виднее. — У меня имелось собственное мнение на этот счет, но делиться им с Гаспаром было ни к чему.

— Ладно, кого ищешь? Только сразу предупреждаю, я не волшебник и возможности мои весьма ограничены. Так что не обессудь — луну с неба не достану. Если человека нет в Геладжио, ничем помочь не смогу.

— Луну не надо. — Я слишком засмотрелся на загаженную мостовую, стараясь не вляпаться в выплеснутое из окон содержимое ночных горшков, и Гаспар придержал меня за локоть, пропуская выехавшую с соседней улицы карету.

— Вот и замечательно. Кого надо отыскать?

— Некую Катарину Арк-Берг... — Понимая, что от детального описания внешности во многом зависит результат поисков, я попытался вспомнить все мало-мальски существенные приметы девушки.

Не умолчал и о ее последнем месте пребывания.

Гаспар внимательно слушал, лишь изредка задавая наводящие вопросы. Наконец, убедившись, что больше ничего существенного из меня не вытянет, он остановился на перекрестке, задумчиво огляделся и

повернул в сторону портовых районов. Я мешать его раздумьям не стал и, отстав на полшага, молча поплелся следом. Заселенный зажиточными горожанами квартал остался позади, и народу на узеньких улицах заметно прибавилось. Причем основной поток двигался в одном с нами направлении. Попадавшиеся навстречу горожане тащились с увесистыми свертками и под завязку набитыми котомками. Некоторых сопровождали слуги с тележками, другие воспользовались услугами наемных грузчиков. Рынок там, что ли?

— Это якобы торговое представительство герцогства Йорк — то еще осиное гнездо. Совать туда руку — все равно что пытаться вырвать кусок мяса из глотки акулы. — Гаспар поправил полу шляпы, пропустил городского стражника с нашивками капрала на форменном камзоле и раскланялся с хмурым типом, из-под плаща у которого выглядывали ножны длинной сабли. — Я бы посоветовал просто забыть обо всем и вернуться домой, но тебе ведь мои советы не нужны?

— Нужны, — не согласился с ним я. — Но этот я принять не могу.

— Почему-то я так и думал, — не удивился Плотник. — Что ж, тогда придется познакомить тебя с людьми, которые давно не прочь наступить красным кошкам^[16] на хвост. Надеюсь, ты ничего не имеешь против небольшой прогулки по городу?

— Ничего. Куда идем?

— В порт. Запомни: все серьезные вопросы у нас решаются не в магистрате, а именно там. Что бы об этом кто ни думал.

— А что, кто-то еще думает иначе? — усмехнулся я, по жизни в Альме прекрасно представляя, какие деньги крутятся в портах Западного побережья.

— Думают, а как же. Только вот с тех пор, как камнееды^[17] за проезд по Тан-Норльскому ущелью^[18] плату вдвое подняли, таких поубавилось. — Плотник свернул к массивным воротам рынка, рядом с которыми переминались с ноги на ногу солидные дядьки в возрасте, все как один с лазурными перевязями через левое плечо.

— А это еще кто? — удивился я. — Неужто ополченцы? Разве в Геладжио стражников не хватает?

— Хватает, даже перебор, на мой взгляд. — Плотник махнул рукой десятнику ополченцев и, не дожидаясь ответного приветствия, прошел в ворота. — Но их на рынок добрым людям пускать не с руки. Это все равно, что козла в огород запустить. Нет, цеха сами очередность караулов установили. Своими силами оно надежней. И мзду не берут.

— Магистрат не против? — Мне показалось, что с соседней улицы в сопровождении двух монахов-патриканцев вывернул хмурый Арчи, но остановиться и убедиться в этом я не рискнул — не ровен час, Плотника в толчее из виду потеряю.

— А им-то что? Эти пройдохи никогда внакладе не останутся.

Гаспар уверенно втиснулся в снующую по рынку толпу, и я, оставив при себе поднакопившиеся вопросы, приложил все усилия, чтобы от него не отстать. А это оказалось совсем не просто. Мой спутник чувствовал себя в сутолоке как рыба в воде, и пришлось поднапрячься, протискиваясь между тележками, коробами, сваленными в кучу мешками и суетившимися вокруг всего этого безобразия покупателями и торговцами.

Шум, гам толчея. Крики продавцов, тычки локтями, протянутые руки. Заваленные свежей морской рыбой длинные ряды, скользкая от чешуи земля. И тут же рыба — соленая, вяленая, копченая. Все ничего, но — аромат...

К счастью, вскоре Гаспар перешел в мясные ряды, где народу было гораздо меньше. Рубчики мяса в заляпанных кровью дерюгах разделявали коровьи и овечьи туши прямо на глазах у немногочисленных покупателей. Стук тесаков о кости и деревянные чушки, свернувшаяся кровь на иссеченных ножами прилавках, жужжание жирных зеленых мух. Одинокие крики водоноса перекрывала хриплая грызня сошедшейся в схватке за мосол стаи дворняг.

Мясные ряды вскоре закончились, и, оглянувшийся Плотник, махнув мне рукой, свернул к торговцам овощами. Дальше шла бойкая торговля сырами и копченостями, после продавали ткани, выделанную кожу, конскую упряжь, седла, резные деревянные игрушки, посуду, сети и рыболовные снасти. Небольшой свободный от торгашей пятак оккупировали уличные циркачи: визжали скрипки, гудели дудки, над толпой по натянутому шнуру вышагивал акробат, а наряженный в трико в черно-белую клетку мим, кривляясь, выпрашивал медяки.

И снова пришлось протискиваться через толпу. Высматривали свежую зелень отправленные за покупками кухарки, сновали меж людей коробейники, до хрипоты торговались приехавшие из соседних деревень крестьяне, выискивали товары подешевле небогато одетые домохозяйки, и носились туда-сюда оборванцы... А ко всему прочему — визг ножей на точильных кругах, скрип тележных колес, клекот живой птицы, конское ржание, звон колокольчиков на входе в лавку торговца диковинками и голоса, голоса, голоса...

— Рыба, свежая рыба! Камбала, морской окунь!

— Эльза, представляешь, Марта с Валентино помолвку расторгла. А такая пара была!

— Какая пара? Он кривой, она тоже не красавица! О приданом, наверное, не столковались.

— Сельдь, сельдь!

— Слышь, кум, пшеница второй раз за седмицу подорожала.

— Да что ж за напасть такая, Господи!

— Орки у зазерцев поля пожгли.

— Платки пуховые, шали! Недорого!

— Ножи разделочные, сети, багры!

— Эй, Андриано, говорят, — соль подорожает.

— Брешут. Это Джузеппе, прощелыга, слухи распускает, чтобы лежалый товар втридорога загнать.

— Квас, вода, пиво, морс! Квас, вода, пиво, морс!

— Кукуруза горячая! Пирожки с мясом, картошкой!

— Заклепки, гвозди сапожные. Дешево!

— Пироги, кулебяки с рыбой, грибами, капустой! Только из печи!

— А Джеронимо, подлец, с женой аптекаря спит.

— Тунец! Угорь! Крабы!

У входа в лавку торговца южными специями дорогу нам загородили два дородных горожанина, и, протискиваясь между ними, я невольно замедлил шаг, прислушиваясь к заинтересовавшему меня разговору.

— Из Эр-Исто три корабля давеча пришли. Племяш говорил, ткани и ковры неплохие привезли. А нитки не бери — гнилые.

— Вино не привезли?

— У братьев Карлито пираты чуть барк на abordаж не взяли, пришлось бочки в море выкидывать. Болтают, не кто иной, как Просперо Одноглазый на своей «Крылатой деве», гнался. И знаешь где? Неподалеку от Ринвильда!

— Совсем распоясались...

— Ничего, сколько веревочке не виться... Слышал небось, на той седмице «Черную ласточку» захватили?

— А то! Все, отплавался Жиль Кангар! Ты как знаешь, а я непременно пойду посмотреть, как его четвертовать будут!

Кангара изловили? Ну надо же!

Когда я уже окончательно ошалел от непрерывной толчеи и сливающихся в один сплошной гул голосов, Гаспар наконец вывел меня к выходу с рынка. Снова кивнул ополченцам и, даже не обернувшись, зашагал туда, где за крышами припортовых складов качались мачты

кораблей. Слева возвышалась серая стрела маяка.

И какую тень Гаспар на рынке забыл? Неужели нельзя было просто обойти его по соседним улицам? Вряд ли мы от этого потеряли бы хоть сколько-нибудь времени.

Я уже догнал Плотника и собирался поинтересоваться, так ли было необходимо переться через рынок, когда почувствовал неприятный запах. Что-то сдохло?

Нет, не сдохло — в это время мы по небольшому мостку переходили через вдающийся в берег широкий канал, в который из обложенной камнем трубы стекал мутный поток нечистот. Запах моря непередаваемо-отвратительным образом смешивался с вонью гниющих водорослей,дохлых крыс и покачивающихся на волнах объедков и только усиливал зловоние текущих из канализации нечистот.

Гаспар покосился на мою кислую физиономию, но, промолчав, закрыл нос полой плаща и прибавил шаг. Забыв про все вопросы, я устремился следом. Твою тень! Хорошо хоть желудок пустой, а то бы точно вывернуло.

Охраняемый солдатами въезд на территорию порта остался в стороне — мы сворачивать к нему не стали и углубились в застроенный доками и складами прибрежный район. Сначала люди попадались навстречу довольно часто — наемные работники разгружали подводы и таскали тяжеленные вьюки, владельцы помещений торговались с приезжими купцами, а у мастерских капитаны и их помощники договаривались о ремонте и текущем осмотре судов. Местные пройдохи, как обычно, вынюхивали, где бы чего задешево купить или вовсе стянуть. Ну и пьяненькие моряки, передавая друг другу неведомо где раздобытые меха с вином, гурьбой валили в ближайшие к порту кабаки. Те же, у кого увольнение уже закончилось, нетвердой походкой возвращались на корабли.

Мое внимание привлекли два тайнознатца, судя по роскошным одеяниям цвета морской волны, то ли Владыки глубин, то ли Хозяева волн [19]. Окруженные учениками, они о чем-то степенно беседовали и поглядывали в сторону трех также совещающихся промеж собой капитанов.

Гаспар, не останавливаясь, шел дальше, и вскоре мы остались на улице в одиночестве. Да и соседние обветшалые строения, как мне показалось, давненько уже были заброшены и находились в запустении.

— Мастер Гаспар, вы уверены, что нам надо именно сюда? — немного забеспокоился я, оглядываясь по сторонам.

Обвалившиеся крыши, выломанные двери, забитые окна. Тянувшийся вдоль дороги забор, хоть и сколочен из добротных досок, но уже покосился.

Да и неширокая дорога вскоре превратилась в узкую тропинку, обочины которой заросли полынью, крапивой и репейником.

— Конечно, уверен! — фыркнул тот, тяжело вздохнул и, ослабив ремень, перевел дух. На покрасневшем лице выступили мелкие капельки пота, и он смахнул их рукавом плаща. — Сам понимаешь: некоторые люди предпочитают оставаться в тени.

— Это понятно, — не стал спорить я, сворачивая вслед за ним в узкий проход между сложенным из красного кирпича складом и высоким забором, над которым торчала покатая крыша. Двери склада давным-давно выломали вместе с петлями, но никто так и не озаботился их вставить. — А что это за место?

— Старые склады, — объяснил Гаспар. — Почти все здесь раньше купцам из Норлинга принадлежало. А в войну, сам, поди, слышал, какие дела творились...

— И что, никто к рукам их прибрать не удосужился?

— Понимаешь, тут как получилось: Гильдия мореходов о своих правах заявила, вот никто сюда и не сунулся. Да только и у мореходов коса нашла на камень: с магистратом по плате за землю они договориться так и не смогли. Те, вишь, тоже кусок от пирога откусить решили.

— И до сих пор не договорились? — удивился я. — Сколько лет с войны прошло! Давно бы уже между собой поделили. Чего зря добру пропадать?!

— Амбиции разыгрались. А может, у кого из сильных мира сего свой в этом деле интерес имеется. — Гаспар остановился, тяжело вздохнул и вдруг неожиданно крепко ухватил меня чуть выше локтя правой руки. — Никогда ж не знаешь, у кого какой интерес...

Чужое присутствие я почувствовал еще до того, как из-за соседнего склада вышел невысокий мужчина средних лет в куцем сером плаще с откинутым капюшоном. Короткая стрижка и выгоревшие на солнце обвислые усы придавали ему сходство с выходцами из Заозерья, но слишком уж невыразительные черты лица и тусклый взгляд глубоко запавших карих глаз заставляли усомниться в этом предположении.

Одежда под стать небогатому, но бывалому путешественнику: удобная и какая-то мешковатая. Очень уж неприметная. Разве что заляпанные грязью сапоги стачаны из первоклассной кожи. Встретишь такого на улице, скользнешь взглядом и пройдешь мимо, не обратив никакого внимания. Но этот простым горожанином быть никак не мог: затянутая в черную кожаную перчатку ладонь уверенно сжимала рукоять направленного в небо небольшого арбалета.

Не знаю, что насторожило меня больше всего — глухое место, странные слова Плотника, вид снаряженного арбалета или скрип кожи за спиной. По отдельности — ничего особенного, но вот все вместе...

Даже не попытавшись вырваться из железной хватки Гаспара, я вырванной из потайного кармашка метательной звездой снизу вверх полоснул его по лицу — Гаспар сразу же, отпустив меня, зажал рассеченную щеку — и обратным движением метнул бритвенно заточенную сталь в арбалетчика.

Поразив меня просто невероятной реакцией, незнакомец качнулся в сторону, и звездочка с глухим стуком воткнулась в деревянную стену сарая у него за спиной. Мгновение спустя он выстрелил из арбалета, но все же немного поторопился, и болт прогудел пальцев на пять выше моей макушки.

Рванувшись в сторону, я в два прыжка достиг покосившегося забора, присел, подпрыгнул и, уже перевалившись через верх, услышал, как в доску вошел еще один арбалетный болт. Не иначе, это выстрелил тот, кто подкрадывался со спины.

Приземлившись в заросли полыни, я в один миг оказался на ногах и бросился к углу стоявшего шагах в тридцати склада. Ожидание выстрела в спину придало мне прыти, и преодолеть дистанцию удалось за сущие мгновения. Но и этого времени оказалось одному из арбалетчиков достаточно, чтобы перезарядить оружие, забраться на забор и вновь попытаться продырявить мою шкуру. Короткий, но весьма увесистый болт выбил щепки и глубоко ушел в доски стены, когда я, поскользнувшись, уже завалился за угол склада.

Тень!

Еще мгновение, и быть мне припиленным к этой развалюхе.

Жадно хапнув ртом воздух, я быстро огляделся и сразу понял, что добраться до следующего забора не успею: треск досок и кустов выдавал скорое появление преследователей. И что же делать? В рукопашной я бы еще мог попытаться справиться с тремя противниками, но сейчас такой номер не пройдет: меня просто-напросто расстреляют. Что остается? Укрыться на складе? Благо ворота выломаны и ничто не мешает мне заскочить внутрь.

Едва не врезавшись в разошедшиеся от дождя и солнца бочки, которые были навалены у входа в склад, я в последний момент изменил направление движения и ужом юркнул под днище стоявшей в зарослях крапивы телеги. Опиравшаяся на единственное уцелевшее колесо ось едва поднимала его над землей, и мысль, что там может укрыться беглец, была

способна прийти в голову только очень подозрительному человеку. Очень...

Главное, чтобы не осталось поломанных стеблей крапивы. И нельзя так громко дышать. Лучше — вообще не дышать. Да еще стук, сердца за сто шагов слышен. Сглотнув слюну, я начал успокаивать дыхание и медленно втягивать воздух через приоткрытый рот. Все равно теперь уже ничего не изменить: если меня здесь найдут, зарежут как свинью. Я даже рукой пошевелить не смогу.

По потемневшему от влаги днищу телеги прямо перед моим лицом проползла двухвостка, но я даже не моргнул — со стороны склада, слышались скрип кожи и осторожные шаги. Шаги быстрые и легкие. Слышались и тут же стихли.

Человек вывернул из-за угла и замер, оглядывая пустырь? Наверняка...

Мгновением позже раздалось хриплое дыхание, хруст сминаемой травы и новые шаги — эти явно принадлежали весьма грузному человеку. Гаспар?

— Где этот выродок? — выдохнул Плотник и шумно хакнул, прочищая легкие.

— Заткнись, — без особого выражения, тихо, но весьма настоятельно посоветовал ему незнакомый женский голос. И Гаспар не вспыхнул — заткнулся. Даже дышать стал тише.

— Ну что? — нарушила молчание женщина, когда с противоположного конца склада медленно приблизился еще один человек.

Судя по стихшим шагам, подходить вплотную к ней он не стал и остановился с другой стороны складских ворот.

— Сама не видишь? — рявкнул на нее мужчина.

Голос сиплый и вроде как простуженный. Это, выходит, тот, который в сером плаще.

— Этот гад на складе, — уверенно заявил Гаспар. — Там мы его и прихватим. Прикройте меня.

— Уверен? — скептически поинтересовалась женщина. — А если он спрятался в бочках?

— Не полный же он идиот, — буркнул Плотник.

— Именно идиот, раз с тобой связался, — осталась при своем мнении женщина.

Слышались скрип, треск и глухие удары о землю рассыпавшейся пирамиды бочек — видимо, мужчина решил таким образом поставить точку в споре Гаспара и своей спутницы.

— Никого здесь нет, — некоторое время спустя объявил он.

— Сама вижу, не ослепла пока еще, — не осталась в долгу женщина.

— Ну что я говорил? — приободрился Гаспар. — На складе он!

— Головад, посмотри в траве, — не признала правоту Гаспара женщина, и у меня екнуло сердце.

— Да негде здесь укрыться. — Зашуршала трава, раздался хруст сминаемых стеблей, и неожиданно днище телеги просело, едва не свернув мне нос. — Гаспар, ты выход карауль, мы внутрь.

Потянулись минуты ожидания. Интересно, не обнаружив меня там, начнут они прочесывать прилегающую территорию? Вот уж интересно так интересно...

Немного погодя послышался треск, негромкая ругань, и вскоре Головад со своей спутницей вернулись к Гаспару.

— Пусто? — разочарованно протянул тот. — Вы все осмотрели?

— Негде там укрыться. Хочешь, сам сходи — посмотри, — огрызнулась женщина.

— Я сразу знал, что его там нет, — немного помолчав, заявил Головад. — Шустрый...

— Он знал! — взвизгнула женщина. — Да как ты мог промахнуться с тридцати шагов?

— Ты, Рона, промахнулась с двадцати пяти, — напомнил Головад.

— Он в этот момент прыгнул!

— И что это меняет?

— Что это меняет? Все! Почему ты не дал ему подойти ближе?!

— Он опасен. Бальтеро об этом особо предупреждал. К тому же сама видела — неладное сразу заподозрил...

— Ты мог...

— Все, что мог, я сделал.

— Этого оказалось недостаточно!

— Не тебе...

— Головад!

— Хватит! — оборвал грозящую перейти в серьезную ссору перепалку Гаспар. — Этого мерзавца надо из-под земли достать! Он где-то рядом, я его нюхом чую!

— Ты-то чего горячишься? — уже совершенно спокойным голосом поинтересовалась Рона. — Не так уж сильно он тебе и личико порезал.

— Ну знаете! Это вообще-то вам перед мастером Бальтеро отчитываться, — повысил голос Плотник. — И если он узнает, что этот малый ушел у вас из-под носа, о следующем заказе можете и не мечтать.

— Он не узнает. — В отличие от собеседника Головад голоса не

повысил, но в этом необходимости, честно говоря, никакой и не было: угроза в его словах сквозила с остротой загнанного меж ребер стилета. — Ведь так?

— Не узнает, — враз осип Гаспар, но тут же пришел в себя. — Ничего он не узнает. Но если этого мерзавца прихватят мои парни, вся награда до последнего медяка моя. Ясно?

— Договорились, — неожиданно легко согласилась женщина. — Только не путайся у нас под ногами.

— Вот и отлично. — Тяжелые шаги Гаспара вскоре затихли, и охотники за скальпами остались одни.

— Если он донесет Бальтеро... — в голосе Роны злости не было, один лишь холодный расчет, и я решил, что участь Гаспара предрешена.

— Бальтеро сейчас нет в городе, — успокоил ее Головад. — Но к его возвращению скальп этого молодчика должен быть у нас.

— Все равно надо избавиться от Гаспара, слишком много он стал себе позволять.

— Пока еще не время. Пусть сначала его люди прочешут Геладжио и вспугнут дичь.

— А если они найдут его первыми?

— Тогда мне их жаль... — Головад тихонько усмехнулся. — Учитывая, какой шорох мальчик навел в Альме...

— Без Гаспара найти его будет сложно, — высказала свое опасение Рона. — А эта толстая сволочь нам больше не помощник.

— Не волнуйся, дорогая, я обо всем позаботился. Когда Кейн поймет, что птичка улетела, он рванет вдогонку. А за совершенно смешную мзду его промурыжат на выезде из города хоть полдня, так что время перехватить его у нас будет.

— А если он решит из Геладжио уплыть?

— Порт — вотчина Гаспара. Туда ему соваться не с руки.

Голоса охотников за скальпами давно затихли, а я продолжал без движения лежать под телегой. Дело было даже не столько в мерах предосторожности, сколько в необходимости перевести дух и поразмыслить.

Самое неприятное даже не то, что за мою голову назначили награду — заказ получили профессионалы не самого высокого уровня, — а то, что теперь с подачи Гаспара к охоте за моим скальпом подключится все отребье Геладжио. Нет, из города надо выбираться.

Да и Катарина скорее всего уже покинула Геладжио. Только вот пока я совершенно не представляю, где ее теперь искать. Куда же ты, любовь моя,

так спешишь? Куда? Единственная зацепка — торговое представительство Йорка. Следует разузнать, кто такой этот «монсеньор» и куда, собственно, собирается отбыть.

Но покинуть дружину и рвать из города подметки пока тоже нельзя: на предстоящие поиски понадобятся очень немалые деньги. А их у меня кот наплакал. Как ни крути, придется дожидаться продажи серебра. Да и с охотниками за скальпами надо что-то делать. Если подкупленные стражники на воротах задержат меня до появления этой парочки, на удачу рассчитывать уже не стоит. Второй раз они так уже не оплошают.

Полежав на всякий случай еще с полчаса, я начал осторожно выползать из-под телеги. Выбрался, огляделся и, не теряя времени, побежал через заросли полыни к дальнему забору — нечего здесь отсвечивать. Перелез через покосившиеся доски, забрался в какой-то склад с провалившейся кровлей и только тогда позволил себе перевести дух.

Да... Ну и вид у меня! Будто на помойке одежду подобрал. Хорошо еще, что камзол зеленый, пятна от травы не так заметны. Твою тень! Придется в таверне раскошелиться, чтоб прислуга почистила. В таком виде на улицу разве что только ночью выйти можно. И то стражники прицепиться могут.

Ладно, хватит ерундой заниматься, лучше очистить штаны и камзол уже не получится. Да и в таверну возвращаться давно пора. Как бы еще на глаза никому не попасться...

Не попадаться никому на глаза удавалось ровно до конца застроенной складами припортовой территории. А стоило ступить на разбитую мостовую ведущей к центру города дороги, как тут же послышался тихий свист и мне замахал рукой выглянувший из подворотни крепыш Карло.

Ну и какого дьявола понадобилось от меня подручному Лорда? Сделать, что ли, вид, будто не заметил? Нет, не стоит с этими оборванцами отношения портить. Да и вдруг он чего нового о Катарине узнал...

— Привет, — настороженно оглядываясь по сторонам и прикрывая ладонью рукоять ножа, подошел я к парню, напялившему длинный, выгоревший на солнце плащ.

— Здорово, Кейн, — отозвался тот, отступил от выхода на улицу и уселся на выгнувшуюся под его весом доску, поставленную на два чурбака. — А я тут смотрю — ты идешь, дай, думаю, окликну...

— Ты чего здесь делаешь-то? — немного успокоился я и осторожно присел рядом.

— Смотрю, — как-то невнятно ответил тот и кивнул на прекрасно просматривающийся отсюда главный въезд в порт. — Может, работа

непыльная подвернется, может, еще чего...

— Понятно, — не стал я уточнять насчет «еще чего».

И так все ясно: вовремя углядеть, что, где и у кого можно умыкнуть, — половина успеха. Да и за крутящимися у порта малолетними попрошайками глаз да глаз нужен. И чтоб милостыню не тырили, и чтоб их самих кто не обидел. Люди разные бывают.

— А я сразу понял, что ты парень сообразительный. — Карло достал из-за пазухи пузатую кожаную фляжку, свинтил крышку, глотнул и протянул мне. — Ром.

— Не стоит, пожалуй. Вчера крепко перебрал.

— Бывает. — Парень спрятал фляжку и блаженно потянулся. — Ты девушку-то свою нашел?

— Не. Она оттуда съехать успела.

— Плохо. — Неожиданно согнал безмятежную улыбку с лица подручный Лорда. — Тебе бы из города в самый раз ноги делать.

— Чего так? — оторопел я.

— Да ходят людишки разные, о тебе спрашивают. Людишки мутные, Лорд с такими дел не ведет, но у нас и безмозглых дурачков хватает. Сболтнут лишнего, и все дела.

— А что спрашивают?

— Сам не знаешь, что в таких случаях спрашивают? — оценивающе посмотрел на меня Карло.

— Догадываюсь, — признался я.

— Вот видишь. Так что ты в Геладжио не задерживайся, — посоветовал парень и неожиданно хохотнул. — Смени это... как там Сержио говорит... А! Обстановку, вот.

— Обязательно сменю. — Я задумался и тихонько забарабанил пальцами по чурбаку. — А скажи-ка мне, Карло, что за притон в вашем городе содержит некто Доминик? Если не ошибаюсь, он какие-то дела с Гаспаром Плотником ведет...

И все же я ошибся. Нет, Доминик действительно вел дела с Гаспаром, но его заведение оказалось вовсе не притоном, а вполне приличным постоялым двором в далеко не самой худшей части города. Хотя и до порта, и до городских ворот расстояние от него было немаленькое, но зато в этом районе порядок царил и днем, и ночью, а заселявшие его мастеровые наравне с постояльцами просиживали вечера в питейном заведении на первом этаже постоялого двора.

Решил туда заглянуть и я — благо Карло не слишком дорого запросил

за свой старый плащ с глубоким капюшоном, и у меня хватило мелочи его приобрести. Пусть и не должны были охотники за скальпами меня как следует рассмотреть, но лишняя осторожность не помешает — встречались мне люди с просто поразительной памятью на лица, было дело. Да и описать им меня заказчик должен был достаточно подробно.

Ненадолго замерев у двери, я переборол неожиданную робость и уверенно шагнул в обеденную залу. Людей в заведении Доминика оказалось не так уж и много: за столами обедали всего человек десять. Все правильно — для ежевечерних посиделок еще слишком рано. Быстро окинув взглядом собравшихся и не обнаружив никого знакомого, я немного успокоился и скинул с головы капюшон. Еще раз оглядел помещение и, усевшись за потемневшую от времени длинную стойку, развернулся спиной к стене.

Что меня узнают, я, немного поразмыслив, опасаться перестал. Вход с улицы и лестница на второй этаж с моего места просматривались просто прекрасно. Если что — успею отвернуться или капюшон накинуть. Да и не станут они меня на людях резать, а незаметно стилет в почку воткнуть я и сам могу. Конечно, сюда может заявиться Гаспар, но после сегодняшнего разговора сомневаюсь, что он рискнет лишний раз попадаться охотникам за скальпами на глаза. Этот гад вовсе не такой простак, каким старался выглядеть утром.

Так что беспокоило меня больше не возможное появление Головада или Роны, а отсутствие идей, как выбираться из этой передраги. Бегать от них вечно не получится — рано или поздно меня подловят. Можно, конечно, устроить засаду и напасть первым, но с двумя профессионалами так просто не справиться. Да даже если и повезет, остается риск остаток жизни провести прикованным к галерному веслу. Так что как быть — совершенно непонятно. Ладно, осмотрюсь, ясно станет. Гладишь, и придет чего в голову.

Вот только смотреть здесь особо не на что. Полумрак, свет едва проникает через мутные стекла забранных широкоячеечной металлической сеткой окон. К длинным столам придвинуты лавки. У задней стены уровень пола поднят локтя на три, и там стоят рассчитанные на четыре-пять человек столы. Под потолком массивные обода люстр с потушенными пока свечами — точнее, огарками меньше чем в полпальца длиной. Дверь в подсобку — с другой стороны стойки, лестница на второй этаж — в противоположном углу обеденной залы.

— Чего изволите? — вынырнул откуда-то из-под стойки лысоватый мужичок, давно разменявший пятый десяток, но по-прежнему крепкий, как

гриб-боровик.

— Кружку пива, нет — две. — Я выложил на липкую стойку медный шлем, порылся в кошельке и добавил щит.

— Горький стаут или янтарный эль? — Трактирщик обернулся к выставленным позади бочкам, ожидая, под какой кран подставлять высокую деревянную кружку.

— Стаут, — решил я и плотней запахнул плащ. — Бр-р-р... Что-то меня знобит. И на улице, как назло, холод собачий.

— Лето ни к черту, — согласился выставивший кружку с элем на стойку хозяин, от которого не укрылись ни пятна на камзоле, ни мой обтрепанный плащ. — Рюмку кишкодера^[20]?

— Нет, благодарю. Пожалуй, не стоит, — на мгновение задумавшись, отказался я. — Меня дядька в город послал цены на зерно узнать, если приду поддатый — всыплет.

— Да что там будет с одной рюмки? Только для сугрева. — Трактирщик отходить не стал и, лениво оглядев почти пустую обеденную залу, пригладил остававшиеся вокруг гладкой лысины редкие волосы.

— Нет, и не предлагайте, нам сегодня домой в Анаджио отплывать, а цены на зерно куда выше, чем мы рассчитывали. Дядька злой как черт.

— Да, зерно подорожало, — поскучевший трактирщик выставил передо мной вторую кружку, вытер о замызганное полотенце руки и сгреб медяки в нашитый на фартук карман.

— Это что! Говорят, и на соль цены взлетят. — Я отпил стаута и одобрительно покачал головой. Хорош...

— Брехня, — как-то не очень уверенно возразил мужик. — Ладно, в Заозерье поля пожгли, но солеварни-то под боком — что с ними станется?

Тут уже пришла моя очередь пожимать плечами и надувать щеки. Вышло это у меня вполне натурально — действительно, а что с ними случится? — и преисполненный чувства собственного превосходства трактирщик поделился парой свежих слухов. Я в долгу не остался и, припомнив мельком услышанные на базаре разговоры, тоже продемонстрировал свою осведомленность о жизни города.

Разговорившийся трактирщик предложил мне копченой камбалы, и у меня уже появилась мысль, как перевести разговор на постояльцев, но тут с лестницы на весь зал кто-то заорал:

— Хозяин! Мяса с кровью, и поживее! Никакой рыбы! Мяса! И кувшин старого эр-нагорского.

Услышав голос Роны, я чуть не подавился пивом и во все глаза уставился на слегка подвыпившую девушку. Спускавшийся следом

невзрачный Головад держался на ногах ничуть не тверже своей спутницы. Хотя за перила, в отличие от нее, и не хватился.

Поднеся кружку к лицу, я прислонился к стене и сделал длинный глоток. На мое счастье, парочка охотников за скальпами не удостоила стойку своим вниманием, а сразу же свернула к стоявшим на возвышении столам. Стараясь не выдать своего интереса засуетившемуся трактирщику и нащупывая зашитый нитками кармашек на левом рукаве камзола, я с интересом смерил взглядом Рону.

Вот так посмотришь — ничего особенного. Симпатичное лицо портили резкие черты, темные волосы заплетены в косу, а свободного покроя длинное синее платье почти полностью скрывало излишне коренастую, на мой взгляд, фигуру. У нее оружия видно не было, у Головада в ножнах на поясе висел длинный прямой кинжал.

И почему этой братии никогда не составляет труда выхлопотать разрешение на оружие?

— Хозяин, тащи мясо! — Рона уселась за стол и потрепала по щеке нахмурившегося Головада. Тот отбросил ее руку и принялся сбивать с принесенного разносчицей кувшина с вином сургучную печать. — Да не вздумай его пережарить!

Сколько времени может понадобиться для того, чтобы приготовить мясо? При разогретой плите — всего ничего. Я прищурился и посмотрел в спину уже потащившему на подносе хрустальные бокалы и корзинку с хлебом трактирщику. Этот из кожи вон вывернется, но таким гостям угодит — выдержанное эр-нагорское вино по карману очень немногим. Значит, и мясо быстро приготовят, и к столу его сам хозяин унесет. Да даже если не сам...

В любом случае в запасе у меня времени не так уж и много.

Я наконец вытащил из потайного кармашка замотанную в просмоленную ткань лепешку сушеной травы и выбрал из кошелька самую крупную монету — найденный вчера серебряный талер. Ну же...

Трактирщик уже успел вернуться к стойке и вовсю нарезал зелень и овощи, когда выбежавший с кухни поваренок передал ему здоровенное блюдо с поджаренным мясом и тушеными овощами. Хозяин тут же отложил нож и подхватил поднос, но я не стал терять время и остановил его, слегка заплетающимся языком попросив кишкодера.

— Одну минуту, — досадливо поморщился трактирщик, собравшийся к столу с куда более солидными и денежными заказчиками, но в этот момент у него из нашитого на фартук кармана выпала и зазвенела на полу серебряная монета.

Профессиональная бережливость взяла свое — поставив поднос на стойку, он поднял закатившийся под стул талер, сунул его в карман и, вновь подхватив поднос, поспешил к столу охотников за скальпами.

Я отряхнул об штанину налипшие на пальцы крошки багрян-травы, накинул на голову капюшон и, немного пошатываясь, вышел на улицу. Что ж, все прошло как нельзя более удачно. Вскоре Головаду и Роне станет не до меня. Надеюсь, они не слишком нагрелись за прошедшее с последней исповеди время. А впрочем, какая разница...

Перейдя на другую сторону улицы, я остановился напротив постоянного двора, и в это время меня скрутил приступ рвоты. Избавившись от двух кружек пива, утерся полкой плаща и закрыл глаза, дожидаясь, пока перед глазами перестанут мелькать разноцветные пятна. Да, багрян-травы — штука крайне неприятная. Ну сколько я мог ее вдохнуть? Всего ничего. И то по самому краю прошелся.

Постояв некоторое время опершись о стену, я вытер плащом покрывшееся испариной лицо, потом подумал и выкинул его в заполненную грязью канаву.

Раздававшиеся на постоялом дворе крики меня сначала не заинтересовали, но когда с грохотом распахнулась входная дверь и выскочивший из нее поваренок помчался по улице, стало понятно, что моя уловка сработала и больше охотников за скальпами можно не опасаться. Теперь бы только убраться отсюда побыстрее...

— Привет, Кейн, где пропадал? — подсел ко мне за стол подвыпивший Янек, когда под вечер я вернулся в таверну и только принохивался к аромату, идущему от утащенной с кухни миски ухи.

— Дела были, — не очень вежливо буркнул я, даже не повернув голову в его сторону, и активно заработал ложкой. Настроение было отвратительным, нервы натянуты до предела, а неуместные расспросы вызывали лишь желание забить их обратно в глотку излишне любопытному дружиннику.

И действительно, мало того что меня чуть не подстрелили утром, а мой скальп хочет заполучить Гаспар, так еще Дубрава наотрез отказался выдать хоть сколько-нибудь монет даже в счет полного отказа от своей доли в добыче. И то, что, пообщавшись с рекомендованным Карло уличным торговцем, удалось выяснить имя вчерашнего монсеньора, настроение несколько не улучшило. Этот франт оказался ни много ни мало эрлом Майторном, вторым лицом в здешнем торговом представительстве герцогства Йорк. Что самое паскудное, вчера вечером он в сопровождении

небольшого отряда отбыл на родину.

Получается, последняя ниточка оборвалась. Надо отправляться в погоню — иного выхода пока не вижу.

— Дела? На помойке, что ли, повалиться? — хмыкнул проходивший мимо с кружкой пива Язва.

— Что-то типа того. — Я бросил взгляд на испачканный камзол и тяжело вздохнул.

— Иди, Янек, погуляй, мне с Кейном поговорить надо, — с ходу заявил Арчи, плюхаясь на скамью рядом со мной.

Змейка без лишних вопросов поднялся и пересел за соседний стол.

— Чего тебе? — вздохнул я.

— Дело есть, — как-то очень уж неуверенно замялся здоровяк. — Только учти, кому сболтнешь — язык вырву.

— Давай без угроз.

— Это не угроза. Это предупреждение. — Арчи бросил по сторонам пару мрачных взглядов, но продолжить не успел: по лестнице со второго этажа в сопровождении какого-то весьма неприятного на вид типа в длинном коричневом плаще спустился Анджей Дубрава. Причем мне сразу почудилось, что со спутником командира дело нечисто, но отчего именно возникло такое ощущение, с ходу разобрать не удалось.

Дубрава махнул Арчи рукой, и тот, только цокнув языком, пересел к ним за стол, где уже успел вольготно развалиться Семен Лебеда. Там сразу же завязался оживленный разговор, разобрать из которого у меня получалось в лучшем случае одно слово из трех. Но и услышанного с лихвой хватило, чтобы понять, о чем идет речь. Все просто — этот неприятный тип оказался очередным скупщиком, которому Дубрава пытался пристроить наше серебро.

Странно, не похож он ни на скупщика, ни на посредника. Присмотревшись, я понял, что меня смутило с самого начала — его жестикуляция. Могу поклясться, покупатель изо всех сил старался контролировать свои движения, но получалось это из рук вон плохо — от вьевшихся намертво ужимок так просто не избавиться. И некоторые его жесты были мне определенно знакомы. Без всякого сомнения, выдававший себя за посредника человек проводил немало времени в общении с теньями Геладжио: ворами, бандитами и прочим отребьем. Рыбак рыбака...

Почесывая кончик носа костяшкой большого пальца, я чуть не выругался в голос, когда Анджей и этот проходимец ударили по рукам. Неужели они не видят, с кем ведут дела? Это ведь даже не мошенник, который расплатится фальшивыми золотыми коронами, это наводчик

самых настоящих убийц.

— Что за птица? — сразу же поинтересовался я, когда Арчи вновь вернулся за стол, а Дубрава начал прощаться с довольным собой прощельгой.

— Покупатель на серебро.

— Арчи, это плохой вариант.

— Что?

— Он не скупщик, не контрабандист и уж точно не посредник. Тенью клянусь, он — наводчик.

— Выпей пива, Кейн, — не отнесся к моим словам Арчи всерьез. — Анджей не первый раз в Геладжио, знает, с кем дела вести можно.

— Ну если так... — протянул я и, встав со скамьи, направился к выходу за уже покинувшим таверну покупателем. — Ладно, пойду, пройдуся перед сном.

Привык я доверять своим предчувствиям и все тут. Не понимаю, как остальные не видят, что дело большой кровью закончится? Пуд серебра — достаточно веская причина, чтобы отправить в край теней полтора десятка чужаков, содержателя таверны и пару его слуг. И уж кто-кто, а портовое отребье крови никогда не боялось. Получить нож под ребра из-за чьей-то опрометчивости? С какой стати? Лучше, пока еще не поздно, эту ошибку исправить. И я даже знаю, как это сделать...

— Обожди. — Арчи ухватил меня за плечо и несильно вроде бы потянул к себе.

Я попытался выдернуть руку, но хватка оказалась неожиданно крепкой, и мне пришлось плюхнуться обратно на скамью.

— Так куда, говоришь, собрался? — не отпуская мою руку, поинтересовался Арчи.

— Погулять. Перед сном, — нагло соврал я.

— Да? — Откровенно издевательские нотки в голосе Арчи столь не вязались со сложившимся у меня образом недалекого здоровяка, что я даже растерялся. — А мне показалось, ты этого господина решил в мир иной переправить, пока он на нас бандитов не навел.

— Не понимаю, о чем ты, — немало раздосадованный тем, что Арчи удалось разгадать мой замысел, вновь начал подниматься со скамьи я.

— Сиди, — дернул меня тот обратно. — Сиди и слушай. Этот посредник заявился сюда не один, а с приличной охраной, которая дожидается его на улице. Все еще хочешь пройти перед сном? Нет? Ну тогда слушай дальше. Я предлагал самим отвезти серебро в Северные княжества или хотя бы в Ранлоу, но меня подняли на смех. С кем связался

Дубрава, ты сам видел. Или фальшивыми монетами с нами расплатятся или еще как обжулить попытаются.

Я молча кивнул, хоть и был уверен, что сюда просто-напросто завалится толпа до зубов вооруженных головорезов.

— Не хочу остаться без медяка в кармане, ты, думаю, тоже, — продолжил настойчиво подводить меня к какому-то решению Арчи. — Ты ведь собираешься на север? Как насчет немного подзаработать?

— Что ты предлагаешь? — решил я добиться конкретики.

— Уговор про язык помнишь? Он остается в силе.

— Валяй.

— Отвезти это чертово серебро в какое-нибудь северное княжество и там его продать.

— Что? — переспросил я, немало ошарашенный странным предложением. — Да кто нам его отдаст?

— Мы и спрашивать никого не будем, — начал излагать, видимо, давно продуманный план Арчи. — Заменим шар на точно такой же только оловянный. И свалим из города.

— А подмену, конечно, никто не заметит... — Предложение меня, мягко говоря, не вдохновило. Ладно я, но не похож Арчи на законченного мерзавца, готового своих товарищей обворовать. А не проверка ли это? — Да и остальные что, не за тень головами рисковали?

— Они внакладе не останутся. Я тут с одним колдуном столковался — он нам весьма интересные чары обеспечит: олово от серебра никто и не отличит. От шара и так непонятной магией крепко несет, а тайнознатец посредника, прямо тебе скажу, не из лучших, подвоха не заподозрит. Так что парни останутся при своих, а мы немного подзаработаем.

— Почему ты выбрал меня? — не спешил соглашаться я.

— А кого еще? Заозерцы друг за друга глотку порвут, а тебе на остальных наплевать. Так? Так. К тому же ты собираешься на север, а в путешествии лишние деньжата никогда не помешают.

— А что Шутник? Почему я, а не он?

— Ты мое предложение примешь. Насчет него такой уверенности нет. Ну так что — по рукам?

— По рукам, — для виду поколебавшись, согласился я. С Дубравой каши не сварить, а Арчи дело предлагает. Да и этот странный посредник никак из головы не идет. — Когда шар подменять будем?

— А прямо сейчас и подменим. Точнее, ты подменишь, — усмехнулся Арчи. — Сегодня очередь Змейки и Язвы дежурить, но я о них позаботился — до рассвета проспят беспробудно. Оловянный шар у меня в комнате, как

окончательно стемнеет, через окно выберешься на крышу и залезешь к ним. Я тебя на улице буду ждать.

— Я смотрю, все подготовил и моего согласия дожидаться не стал. А если бы я отказался?

— Не отказался бы — мне в эти окошки не пролезть, а ломать дверь — слишком рискованно. Так что без тебя никак.

— Делим напополам? — От прямоты Арчи и чувствовавшейся в его словах угрозы мне сделалось не по себе, но я все же решил поторговаться.

— Договорились, — не стал мелочиться Арчи и поднялся из-за стола. — Значит так, если все проходит удачно — ожидаем своей доли от Дубравы, покупаем лошадей и едем на север. Устраивает?

— Вполне, — согласился я.

Предложенный план действительно меня вполне устраивал. И не думаю, что Арчи задумал подставу, слишком серьезная подготовка была проведена. Да и с Анджеем у него разногласия, судя по всему, очень серьезные, раз он парней подбивал на север пойти. Странно это все, конечно, но мало ли что у человека произойти могло? И все равно ухо остро держать надо: как бы он и меня обжудить не попытался.

Забраться в комнату с Янеком и Язвой особого труда не составило, даже с учетом оттягивающего плечо мешка с оловянным шаром: опыт по этому делу как-никак у меня имелся весьма солидный. Туда забраться труда не составило, а вот обратно... Спускаясь вниз, я чуть не сорвался с водосточной трубы. И дело было вовсе не в усталости: просто в комнате стоял такой густой дым чертова корня, что волей-неволей пришлось наглотаться дурмана.

Фу-у-у... Аж в глазах потемнело. Это ж сколько они выкурить умудрились? Одно скажу: очень, очень немало. Заснули прямо на полу и, когда я залез в окно, даже ухом не повели.

Спустившись по показавшейся бесконечной водосточной трубе, я несколькими глубокими вздохами прочистил легкие и, подождав, пока перед глазами перестанут прыгать зайчики, а руки и ноги дрожать, огляделся по сторонам. Ну и где Арчи? Небо затянули темные облака, начал накрапывать дождик. Не видно ни зги. Да где же он?

В узком проходе между соседними домами мне почудилось движение, и, опустив котомку с серебряным шаром на землю, я пригнулся и вытащил метательный нож. Арчи откинул капюшон почти сливавшегося в темноте со стеной дома темного плаща и махнул мне рукой.

— Заменил? — первым делом спросил он, когда я перебежал через

улицу и заскочил в тесный проход между домами.

— Разумеется. — Я передал ему котомку.

Не то чтобы из-за особого доверия, но пусть уж лучше его движения этот пуд серебра сковывает, а не мои. У меня и так левое плечо еле-еле ворочается.

— Тогда пошли — есть у меня тайничок один на примете, куда товар на время пристроить можно. — Арчи ничуть не напрягаясь закинул котомку на плечо, развернулся и неожиданно замер на месте.

— Ты чего? — остановился я, чуть не врезавшись ему в спину, и выглянул у него из-за плеча.

— Далеко собрались? — Голос перегородившего проход Габриеля звучал весьма неприветливо, да и крутившийся на тонкой цепи шар кистеня не оставлял надежды на случайность встречи.

Тень тебя заberi, Шутник! Ну как же не вовремя! И ведь какое место выбрал, подлец. — Арчи свой молот из поясной петли даже достать не успеет. И что делать?

— Да нет, тут недалеко, — совершенно спокойно ответил Арчи и, будто почувствовав, что моя ладонь легла на рукоять ножа, добавил: — Ты, Кейн, не суетись. Нормально все.

— Да что ты говоришь? Правда, что ли? — Рука Шутника немного дрогнула, и шипованный шар прощуршал прямо перед лицом даже не шелохнувшегося здоровяка. — Значит, тебе теперь старых товарищей обокрасть — это уже нормально?

— Старые товарищи получают столько, сколько им обещал Дубрава, и ни медяком меньше. Или ты сомневаешься в моих словах?

— Я теперь во всем сомневаюсь, — чуть спокойней пробурчал Шутник. — Даже в тебе. Ты еще скажи, что у тебя в мешке не наш пуд серебра заныкан?

— Знаешь, Габриель, я тебя, без всякого сомнения, уважаю, но волновать тебя должно не то, что лежит у меня в мешке, а то, что осталось у Дубравы.

— И что же осталось у Дубравы?

— У Дубравы осталось то, за что покупатель выложит столько золота, сколько стоит пуд серебра. Сечешь?

— Не надо так со мной разговаривать, Арчи. Я тебе не мальчик, которому голову красивыми словами запудрить можно. — Габриель нахмурился, и я понял, что сейчас он предложит нам возвратиться в таверну.

— Шутник, хорош невинность из себя корчить. — Я немного

отодвинул Арчи в сторону и выглянул у того из-за плеча. — Тебе лишнее золото помешает?

— Эх, мальчик... — Шутник тяжело вздохнул, и я понял, что выбрал неверный тон. — Не за счет друзей...

— Габриель, ты меня слушаешь — нет? — тут же оттеснил меня плечом назад Арчи. — Я же тебе говорю — то золото нам всем обеспечено. Это приработок. На нас троих.

— На троих? — задумался Шутник. — Дополнительно?

— Да. Ты в доле?

— Наши точно деньги получат?

— Я похож на самоубийцу? — вопросом на вопрос ответил Арчи. — Или у тебя есть основания сомневаться в моих словах? Ты меня сколько лет знаешь?

— Столько не живут, — ухмыльнулся Шутник и перестал раскручивать кистень. — Значит, на север?

— На север.

Первым донесшийся через тихий шорох дождя скрип колес различил я. А когда послышались всхрапывание лошадей, скрип кожи и едва слышный лязг железа, насторожились и остальные.

— Это что?.. — заикнулся было Габриель, но Арчи поднес палец к губам, и он замолчал.

Я осторожно выглянул из прохода и сразу же отпрянул назад: мимо нашего проулка к таверне проехала карета, которую сопровождали десятка полтора до зубов вооруженных людей в темных плащах и полностью закрывающих лица масках с узкими прорезями для глаз. Человек пять, на ходу доставая из ножен абордажные палаши, побежали к черному ходу, а из остановившейся у входа в «Морской змей» кареты выбрались шесть арбалетчиков и верзила с костяным посохом тайнознатца Дома Волн.

И ведь даже не надо гадать, по чью душу они сюда заявились. И чем закончится этот визит...

Так уж получилось, что все мы пришли к одинаковому выводу почти одновременно. И, к счастью, мои мысли полностью совпали с мнением Шутника.

Арчи еще только начал открывать рот, чтобы попытаться предупредить о грозящей опасности остававшихся в таверне дружинников, когда мы с Шутником, не желая оказаться наспигованными арбалетными болтами, прыгнули на него. Габриель, всем своим весом врезавшись под колени, сбил здоровяка с ног, я навалился сверху, зажал рот и придавил голову к земле. И все же Арчи оказался слишком силен: меня он просто отшвырнул

в сторону, уперся рукой в стену дома, приподнялся... и тут Шутник врезал ему по голове рукоятью кистеня.

— Под руки хватай его, и ходу, — распорядился Габриель, как только мне удалось вновь глотнуть воздух, выбитый из легких ударом о стену.

Я так и сделал, и мы потащили находившегося в беспмятстве здоровяка по переулку от доносившихся из таверны криков людей и лязганья клинков. Весил наш долговязый компаньон будь здоров, но выбора не оставалось — чем дальше мы успеем убраться от «Морского змея», прежде чем он очнется, тем лучше.

Уж в этом у меня сомнений не было ни малейших.

Город-на-Озере

Иногда очень непросто различить грань, отделяющую сон от яви. Полузабытые воспоминания порой кажутся чем-то совершенно нереальным, а смутные ночные видения подменяют их своей подсознательной достоверностью. И пусть ты прекрасно осознаешь, что спишь и можешь одним лишь усилием воли проснуться, но как отличить настоящее пробуждение от всего-навсего начала нового кошмара?

Вот и сейчас, не в силах пошевелиться, я скорчился на полу пустого амбара и пытался понять, откуда взялся окутывающий меня аромат терпких духов и пугающе-притягательный привкус чужой крови во рту.

Сон. Мне это всего лишь приснилось. Всего лишь? Сон не желал уходить, и, как я ни старался, пошевелиться так и не получилось. Тягучая боль затопила все тело, и даже окружающий мир посерел, так и не обретя после ночного полумрака всех своих красок. И тишина. Ни звука, ни шороха. Как в могиле.

Почувствовав, что начинаю задыхаться, я попытался вдохнуть посвежевший за ночь воздух, но ничуть в этом не преуспел. Наоборот, ноздри защекотал знакомый аромат духов, старые чувства вновь поработили мою волю, да еще откуда-то издалека прошелестел отголосок столь знакомого девичьего смеха, в котором так и звенели сотни серебряных колокольчиков.

«Кейн, Кейн, — слышалось мне. — Любимый!»

И снова смех...

«Мы будем жить вечно!..»

Первым сквозь пелену беспмятства пробился тоненький визг оселка, которым прислонившийся спиной к стене Арчи доводил до совершенства волнистое лезвие фламберга.

Вжик... вжик...

Следом пришел запах прелой мешковины, проса и мышиного помета, а потом и нереальная серость сна сгинула, наполнив амбар предутренним сумраком, в котором светлой полосой выделялась щель приоткрытой двери.

Вжик... вжик...

Фу-у-у. Дыхание с хрипом вырвалось из груди, и я с облегчением понял, что в этот раз кошмар отступил и ночной морок развеялся без следа. Но насколько еще меня хватит? Не знаю...

Вжик... вжик...

Прогнав никчемные сомнения из головы, я завернулся в плащ и устался на Арчи, монотонными движениями точильного бруска выправлявшего лезвие меча.

Вжик... вжик...

И не надоело ему? Как свободная минута выдается — сразу клинком занимается. Станный он. Уже, считай, седмицу вместе путешествуем, а смотрю на него и что он собой представляет — понять не могу. Если не особо приглядываться — человек и человек. Обычный бродяга, коих без счету по свету шляется. Свезло — прибился к заозерским дружинникам, запахло большим кушем — ушел в свободное плаванье. Это как раз понятно, дело житейское, но непонятного накопилось куда больше.

И патент церковный на свою железяку он где-то раздобыть умудрился, и знакомые у него чуть ли не на каждом шагу: в охрану направлявшегося из Геладжио в столицу Империи торгового обоза именно они нас и устроили. Опять-таки в тот злополучный вечер предупредить дружинников об опасности, рискуя шкурой, он рванул, а не Шутник. А это ж верные два арбалетных болта на каждого были! Откуда, спрашивается, такое самопожертвование?

Нет, что ни говори, — странный человек. И не уверен, что до конца мотивы его поступков разобрать могу. Золото? А только ли оно? Или Арчи почему-то позарез приспичило на север отправиться? Приспичило настолько, что он разругался с Дубравой? Тогда серебряный шар — всего лишь предлог? А я ему на кой черт сдался? Или мои подозрения — бред сивой кобылы? Ладно, поживем — увидим. Главное — не расслабляться. И спиной к нему особо не поворачиваться.

Вот с Шутником сойтись поближе не помешает. Он хоть и старше меня вдвое, но зато точно камня за пазухой не держит. А Арчи иногда как зыркнет-зыркнет...

Кстати, а где Шутник?

— Кейн, хватит валяться. — Отложив меч, Арчи поднялся на ноги и потянулся, едва не коснувшись кончиками пальцев потемневших досок

потолка. — Хозяин велел на рассвете выметываться.

— Тень его забери, — выругался я и уселся на полу, вытянув затекшие ноги. — Мы ему столько заплатили, что до вечера хватило бы.

— Уговор дороже денег.

— Да ну?

— Точно тебе говорю.

— Да и тень с ним. — Я встал, отряхнул с плаща налипшую мякину и выглянул в дверь — солнце еще только начало выглядывать из-за горизонта. — Как думаешь, насколько в Городе-на-Озере задержаться придется?

— Дня на три, пока в обоз какой не устроимся, — почти не задумываясь, прикинул Арчи.

— Сколько?! — обомлел я. Дня три? Да за это время отряд Майторна оторвется от нас настолько, что нагнать его не получится при всем желании. Черт, черт, черт! А ведь выплати мне Дубрава хоть часть доли, прикупил бы лошадку и ни от кого не зависел. Урод! Да ладно, чего о покойниках так поминать... Тень с тобой и покойся с миром. В то, что нападавшие оставили хоть кого-то из дружинников в живых, по вполне понятным причинам не верилось. — А раньше никак?

— Ты куда-то спешишь? — оценивающе посмотрел на меня здоровяк.

— Да за три дня нам за один постой столько монет выложить придется, что в трубу вылетим!

— Не переживай — у моих знакомых остановимся. Много не возьмут.

— И что б мы без твоих знакомых делали, Арчи. — От завалившегося в амбар Шутника явственно пахло вином, а под мышкой он сжимал весивший едва ли не полпуда арбуз. — У тебя знакомых — как сам знаешь чего за баней.

— Тебя, Габриель, что-то не устраивает?

— Да нет, я серьезно. Просто не представляю, что бы мы без них делали. — Шутник одним круговым движением ножа рассек арбуз и указал нам на две половинки. — Угощайтесь.

— Что делали, что делали... Лапу бы сосали. — Арчи откромсал ломоть арбуза и протянул мне, потом отрезал еще один себе. — Где пропал?

— Так, сыграл по маленькой, — зевнул Шутник и улегся, подложив под голову дорожный мешок. — Да не кусай ты до корки, ну кто ж так ест? Сразу видно — северянин. Слаще моркови ничего и не видел. А я вот помню в детстве — придем на бахчу, а там арбузов море... И вырезали только серединку...

— А ты откуда родом, кстати? — Я выкинул в дверь арбузную корку и отрезал новый кусок.

— Да какая теперь разница, — поскуцнел Шутник и отвернулся.

— Эй, эй, ты не прикладывайся там, — забеспокоился Арчи. — Нам выходить пора.

— Зачем еще? — удивился Габриель. — Абрахам нас уже рассчитал, мы теперь птицы вольные. Подумаешь, задержимся у твоих знакомых на денек-другой.

— Кейну на север позарез надо. — Арчи сплюнул на пол семечки и вытер пальцы полой плаща. — Нейдется ему, вишь...

— Да? — Шутник вытащил из мешка кожаную фляжку с водой и сделал длинный глоток. — А то б задержались деньков на несколько, столицу посмотрели. Город-на-Озере, я тебе скажу, красоты неопишущей. Особенно Остров Семи Угодников.

— Кто тебя туда пустит? — хмыкнул Арчи.

— А не пустят — не очень и расстроюсь. — Шутник убрал фляжку, затянул мешок и закинул его себе на плечо. — Ну как?

— Нет у меня времени красотами любоваться, — отказался я.

— А что так? Неужели дела такие срочные? — заинтересовался Арчи.

— Может, и дела, — не стал, само собой, ничего объяснять я. — Ну вы идете?

Дорога до столицы Империи заняла у нас часа два. Сначала тянулись огороженные невысокими изгородями поля, потом все чаще стали попадаться неказистые строения кузниц, кожевенных мастерских и мануфактур, и вскоре мы влились в поток спешивших в город людей. Все торопились побыстрее миновать пригород, пока вновь не зарядил мелкий противный дождик, хотя, думаю, торговцев больше волновала не плохая погода, а опасения, что на расположенных по окраинам рынкам окажутся заняты все самые проходные места.

Как ни вертел я головой, никакого намека на крепостные стены вокруг Города-на-Озере не заметил. Да это и не удивительно, учитывая, насколько за последние годы разрослась столица. К тому же, как пояснил Арчи, в высоких стенах и сторожевых башнях особой необходимости не было: пригород застраивался с таким расчетом, что все дороги контролировались всего двумя десятками постов.

Дежурившие на въезде стражники в легких доспехах из проваренной кожи к приезжим особо не цеплялись, багаж не потрошили, но нет-нет, да и выдергивали из монотонно бредущего в обе стороны потока

подозрительных на их взгляд личностей. Кого-то отпускали сразу, кого-то отправляли в комендатуру, но сила применялась лишь в исключительных случаях. Столичные жители по праву гордились, что их город считался одним из самых безопасных и спокойных поселений.

Прикрепленные к посту монахи в балахонах ордена Святого Патрика в сторону дороги, казалось, не глядели вовсе, но впечатление это, без всякого сомнения, было далеко от действительности — недаром при них постоянно дежурил посыльный. Да и десятник время от времени спрашивал у монахов совета относительно то одного, то другого остановленного для досмотра путника.

К моему немалому облегчению, ни вооруженные глефами и короткими мечами стражники, ни степенно перебиравшие четки монахи никакого внимания на нас не обратили, и мы спокойно миновали сначала один, а потом и второй пост. Арчи уверенно вел нас к постоялому двору, и мне оставалось лишь тащиться следом и не терять его из виду на заполненных людьми улицах.

А это оказалось весьма нелегко — словно приехавший из провинции крестьянин, я вертел головой по сторонам и несколько раз даже поймал себя на желании выругаться от восхищения. И было от чего: вздымающиеся к небу колокольни и кажущиеся невесомо-ажурными башни, цветные витражи фасадов, влажный мрамор фонтанов и статуй, резные гранитные лестницы, засаженные цветами клумбы и газоны, сложные системы постоянно вращающихся флюгеров, каменные мостовые с понижениями дождевых стоков и коваными решетками ливневых канализаций... Первое время все это притягивало взгляд и заставляло оглянуться, пытаясь понять, как местные жители могут спешить по своим делам, не обращая внимания на такую красоту.

Потом это великолепие примелькалось и на первое место вышли люди. Столь пестро и непохоже одетых горожан мне не доводилось видеть даже на рынке Геладжио. С любопытством осматривались по сторонам наряженные в свободного покроя шаровары и не по погоде легкие цветастые рубахи бритые наголо заозерцы. Целеустремленно шагали по своим делам пепельноволосые выходцы из Норлинга, отличительной чертой которых являлись едва доходившие до середины бедра плащи, короткие изогнутые сабли и множество золотых украшений. В сопровождении слуг и оруженосцев по улице проехал черноволосый полесский рыцарь с серебряным волком на зеленом поле герба. Приезжий крестьянин вел под уздцы запряженную в тяжело нагруженную телегу гнедую лошадь, а бородатые батраки присматривали, чтобы ни у кого не

возникло желания стащить привезенные на рынок товары.

Местных жителей на улице тоже хватало, и они были одеты не менее пестро, чем приезжие. Преобладали темно-синие и зеленые камзолы, коричневые и серые плащи, невысокие кожаные сапожки и туфли с длинными острыми носами. А еще — белоснежные манжеты и кружева, шляпы с перьями и береты дворян и преуспевающих купцов. И, конечно, сутаны и подпоясанные веревками балахоны священников, монахов и послушников. С поясов многих горожан свисали кинжалы и короткие шпаги — оружие скорее церемониальное и статусное, нежели боевое.

Кстати, именно из-за оружия стражники нас первый раз и остановили — очень уж вызывающе смотрелся фламберг за спиной у Арчи. Да и мои мечи под плащом натренированный взгляд замечал моментально. И кому-кому, а городским стражникам грех было жаловаться на отсутствие практики, так что по мере продвижения к центру города цеплять нас стали почти на каждом перекрестке.

— В старом городе ваши патенты не действуют, — предупредил нас один из стражников — мрачный седоусый верзила — и наконец вернул изученные вдоль и поперек бумаги.

— В курсе, — кивнул Арчи и поправил петлю с мечом.

В который уже раз спрятав церковный патент, я отвесил затрецину пытавшемуся стянуть у меня с пояса кошель чумазому мальчугану, покачал головой, дивясь столь грубой работе столичных карманников, и больше по сторонам уже не глазел. ПопадетсЯ кто чуть более ловкий, и будешь потом локти от досады кусать.

— Ну что, глаза на лоб еще не вылезли? — снисходительно похлопал меня по спине Шутник.

— Да прям уж, — как можно небрежней отмахнулся я.

— Ну это еще окраины, вот Остров Семи Угодников увидишь, посмотрю я тогда на тебя, — фыркнул Габриель.

— Куда прете?! Дорогу! — Кучер в синей с серебряным шитьем ливрее, привстав на козлах кареты, всю размахивал хлыстом, но горожане и без этого резво разбегались в стороны.

Карета прогрохотала по брусчатке, едва не размазав нас по высокому ограждению моста, под которым протекала речушка, больше напоминавшая широкий ручей.

— Выродок, — разглядев на дверце герб с крылатым змеем и тремя белыми бутонами роз, я сплюнул в воду и проводил взглядом пристроившихся на задках кареты дюжих телохранителей — два крепкого сложения парня в поддетых под плащи кожаных доспехах настороженно

оглядывали толпу. Следом за каретой проскакали трое верховых.

— Кейн, Габриель, — позвал нас Арчи, — нам сюда.

Свернув в проулок, мы через полсотни шагов вышли к окруженному стенами соседних домов небольшому тенистому дворику. Арчи провел нас мимо выложенного мраморной плиткой пруда с декоративными рыбками и остановился рядом с увитой диким виноградом террасой.

— Куда это ты нас привел? — подозрительно поглядывая по сторонам, осведомился Шутник.

Я присел на бортик пруда и тоже оглядел дом. Странное местечко. Вроде вывески над входом нет, и мраморные ступени сильно вышарканы, но внутри чисто, а расставленные на террасе плетеные стулья, кресла-качалки и примостившийся на низеньком столике в углу кальян как-то не вязались с захудалым постоянным двором, в который обещал привести нас Арчи.

— Добро пожаловать в мое скромное заведение, — вышел к нам навстречу чисто выбритый мужчина средних лет с сединой в темных волосах. Судя по легкой картавости, уроженец Полесья. — Не обещаю вам самую шикарную кухню во всем городе, но еще никто не жаловался, что ушел из-за стола голодным.

— День добрый, мастер Филипп, — очень вежливо поздоровался с хозяином Арчи. — Хороший стол — это замечательно, но нас больше интересует крыша над головой...

— За себя говори, — тихонько пробурчал ему в спину Шутник.

— ...тишина и покой, которые, уверен, привлекают к вам не меньше посетителей, чем мастерство поваров, — сделав вид, что не расслышал реплику Габриеля, продолжил Арчи.

— Я не продаю тишину, тишину каждый мой гость приносит с собой сам, — усмехнулся Филипп. — Три комнаты на втором этаже вас устроят?

— А угловая на третьем разве занята?

— Для вас, мастер Арчибальд, она свободна всегда. — Хозяин обернулся и заглянул в дом, не заметив наших с Шутником недоуменных взглядов: мастер Арчибальд?! — Лия, проводи гостей в южную комнату.

— Огромное вам спасибо, мастер Филипп, — поблагодарил его Арчи и начал подниматься по лестнице вслед за девушкой в длинном темно-синем платье. — Оплата как обычно?

— Ох, не стоит о таких пустяках, — взмахнул рукой хозяин. — Когда вас ждать к столу?

— У меня сейчас дела, но мои товарищи, думаю, не откажутся от плотного обеда. — Арчи остановился на лестнице и развернулся к нам: —

Мне надо сходить, узнать насчет найма, вы меня здесь подождете?

— Еще чего! — неожиданно заартачился Шутник. — Будем мы в такой день в четырех стенах сидеть!

— Тогда, мастер Филипп, ждите нас к ужину.

Мы поднялись на третий этаж в выбранную Арчи комнату, окна которой выходили на юг и юго-восток. И пусть нельзя сказать, что из них открывался шикарный вид, но зато помещение было ярко освещено лучами проглянувшего меж облаков солнца.

А так — ничего особенного. Три кровати, у южного окна небольшой столик с подсвечником, несколько шкафов, умывальник, раковина с ведром для стока воды, на полу выцветший и вышарканный ковер — вот, пожалуй, и все убранство номера. А нам, собственно, больше ничего и не надо.

— И куда это, мастер Арчибальд, ты собрался? — Шутник с размаху плюхнулся на самую удобную с виду кровать и сунул под голову подушку. — Ну мастер Арчибальд, чего молчишь?

— Не язви. — Арчи сунул котомку с серебряным шаром под кровать и отошел к окну. — Успеть мне до трех часов пополудни надо на северный рынок, если, конечно, мы хотим найти нормального хозяина, а не прощелыгу, на которого будем вкалывать только за харчи.

— Куда торопиться-то? Завтра сходишь, — предложил Габриель.

— Кейн по дому соскучился, сил нет, скоро на людей кидаться начнет. Да и нечего нам с таким грузом лишний день в столице околачиваться, сам понимать должен — не маленький.

— Это точно, — рассудительно покивал Шутник и ни с того, ни с сего швырнул в Арчи подушку. Тот едва успел ее перехватить и не дать вылететь в открытое окно. — Собрался — иди. Чего встал-то?

— Арчи, ты вот серебро под кровать спрятал, думаешь, этого достаточно? — остановил я уже взявшегося за дверную ручку здоровяка.

— Вполне, — даже не обернулся тот и вышел за дверь.

— А ты как, Шутник, думаешь?

— Мастеру Арчибальду видней. Ты давай собирайся, пойдем — хоть стольный град покажу. А то в твоём медвежьем углу так, наверное, и думают, что Город-на-Озере — это только Остров Семи Угодников. Да! Мечи и вообще все барахло здесь оставь — нам только еще лишних проблем со стражей не хватало.

— Ну пошли тогда, а то меня в моем медвежьем углу просили одного человека навестить.

Я последовал совету Шутника и выложил на кровать мечи, кинжал и оба метательных ножа. Потом подумал и кинул поверх свернутый плащ —

на улице прояснилось. Твою тень! Без оружия как голый. Ладно, если что — нож засапожный при мне.

— Где живет твой человек, знаешь? — поинтересовался Габриель.

— В начале улицы Менял.

Тут я вспомнил про завернутый в тряпку нож, который отыскал в развалинах на болоте, но вытаскивать его из внутреннего кармана уже не стал — все одно его клинок не длиннее ладони. Возиться только.

— Мы рядом проходить будем, даже крюк делать не придется. — Шутник кинул на кровать отложенную Арчибальдом на стол подушку и направился к двери. — Шевелись быстрее.

— А ключи?

— Я взял.

Маршрут для ознакомления с красотами столицы Шутник выбрал, надо сказать, весьма оригинальный, но в целом оставивший самые приятные впечатления.

Для начала после долгого блуждания по темным переулкам мы наконец вышли к трехэтажному особняку с высеченными из мрамора фигурами северных троллей, поддерживавшими крышу со стороны фасада. Габриель тут же потащил меня ко входу в подвал, над которым висел обвитый виноградной лозой кубок. В небольшом — всего на несколько столов — питейном заведении хмурый разносчик принес нам кувшинчик с настоящим норлингским вином — сухим и терпким, цветом напоминавшим расплавленный рубин. Ценитель из меня никакой, но этот напиток отличался от всего пробованного мной раньше примерно также, как настоящий северный портер отличается от разбавленной водой ослиной мочи, которую в «Морском змее» выдавали за пиво.

Допив вино, мы поднялись из подвала на улицу, и я почувствовал, как зашумело в голове. А потом началось...

Казалось, Шутник наперечет знает столичные злачные места, где можно выпить отменного вина и вкусно перекусить, не спустив при этом все имеющиеся при нас деньги. Надо отдать ему должное — питейные заведения он выбирал таким образом, что при переходе из одного в другое хмель из головы как-то незаметно выветривался, а исторические места попадались одно за другим.

Мы постояли у постамента, отмечавшего закладку первого камня внешнего города. Прошлись по брусчатке того самого бульвара, где зарезали недоброй памяти архиепископа Полесского и Северных земель Иакова. Поглазели на мрачное обветшалое здание, ставшее во время восстания Семи Угодников последним оплотом присягнувшей узурпатору

императорской гвардии. Свернув в темный переулок, вышли к тупику, в котором подоспевшие заозерские дружинники посекали прорывавшегося с боями из столицы самого узурпатора — герцога Гальта и всю его свиту. И прочее, прочее, прочее...

Заминка возникла только на мосту Святого Патрика. Облокотившись на перила, мы стояли и, попивая из толстых глиняных кружек разогретое со специями красное вино, смотрели на неторопливо бегущие воды впадавшей в Пресветлое озеро Песчанки.

— Странно, Шутник. — Я оглядел возвышающиеся по берегам реки особняки с остроконечными крышами, застекленными окнами, статуями горгулий, крылатых коней и ангелов на крышах. Дома, как деревья в лесу, стремились к солнцу, и их начищенные до блеска медные флюгеры словно соревновались между собой, кто из Них ближе к небу. Или — Богу? — Здесь полно всего святого. Святой остров, Пресветлое озеро, город тоже не простой, а река какая-то Песчанка...

— Не может же все в этом городе быть святым. Да и остров не Святой вовсе, а Семи Угодников. — Шутник допил вино, проводил взглядом проплывшую вверх по течению длинную узкую весельную лодку и взмахом руки подозвал подавальщицу.

— Можно подумать, есть разница, — хмыкнул я и оглядел лавки, приткнувшиеся на ближнем к озеру крае широкого моста.

Как ни странно, большинство прогуливавшихся по набережной людей пришли сюда именно из-за этого пятачка, а вовсе не для того, чтобы попасть на другой берег.

От нечего делать я попытался определить, кто из этой празднующейся публики, как и мы, приезжие, а кто местные, но от выпитого вина мысли путались, да и никакого желания забивать себе голову всякой ерундой не было. Тут бы еще придумать, как от компании Шутника избавиться. Нет, как компаньон в прогулке по городу он незаменим, но при разговоре с рекомендованным Нежи человеком лишние уши совсем ни к чему. К тому же вдруг окажется, что интересующая меня особа сейчас в столице?

А что? Запросто. Из Геладжио в герцогство Йорк самый удобный путь через Город-на-Озере. Самый удобный, но, к сожалению, не единственный. Красные кошки могли и Западной дорогой на север отправиться.

Решив наконец, что все мои не подтвержденные фактами домыслы не стоят и выеденного яйца, я отвернулся от реки и обнаружил, что Шутник до сих пор о чем-то мило беседует с симпатичной подавальщицей. Невысокая пышногрудая девица, которая успела принести нам новую порцию

подогретого вина, закатывала глазки и весело смеялась над шуткам Габриеля. А тот был в ударе — байки из него так и сыпались.

— Ты здесь пока будешь? — поинтересовался я у него. — Я тогда до улицы Менял сбегаяю.

— Да, какое-то время я здесь еще пробуду, — рассеянно кивнул мне Шутник и высыпал на поднос подавальщице горсть медяков. — Какое-то время...

— Если что, меня не жди, сам на постоянный двор вернусь. — Я поставил на поднос пустую кружку, кивнул Шутнику и, спустившись с моста, зашагал вниз по течению реки к озеру.

Вновь удививший меня своей предусмотрительностью Нежи — ну кто только мог предвидеть, что нелегкая меня в Город-на-Озере занесет? — утверждал, что его знакомый, промышлявший скупкой не совсем честно приобретенных ювелирных украшений, живет неподалеку от устья Песчанки, так что дорога до его лавки много времени не займет. По идее — вполне могу успеть вернуться на мост, прежде чем Шутник решит отправиться дальше.

А потом я вышел к берегу озера. И вот там-то меня и проняло по-настоящему. Шутник мог сколько угодно распинаться о красотах Пресветлого озера и Острова Семи Угодников, но это надо было узреть воочию. И не сказать, чтобы водная гладь поражала своими размерами или особой чистотой — нет, несмотря на туманную дымку, дома на той стороне виднелись вполне явственно, а в мутной пене у берега плавала листва, ветви деревьев и арбузные корки. Дело вовсе не в этом: прямо посреди озера возвышался полностью застроенный зданиями высоченный холм. И хоть отсюда никаких архитектурных изысков было не разглядеть, остров притягивал к себе взор и зачаровывал настолько, что перехватывало дыхание.

Вдоль берега острова тонкой полоской вилась мощеная булыжниками дорога, сразу за ней на склоне теснились особняки, будто стремившиеся перещеголять друг друга изяществом очертаний крыш. Выше такой тесноты уже не было, и уж там талант архитекторов проявил себя в полной мере. И пусть о каком-то едином стиле речи идти не могло, но все это разнообразие в конечном итоге и складывалось в единую завораживающую картину.

Змеились меж домами ступени каменных лестниц, изгибались ажурные мостики, тянулись невесомые переходы. Искусно выточенные из черного мрамора химеры и горгульи одаряли своих хозяев иллюзорной защитой, а трепетавшие на башенках замков штандарты могли многое

поведать понимающему в геральдике человеку о родословной знатных домовладельцев. Сверкавшие в солнечных лучах золоченые шпиль и цветные витражи дворцов, купола церквей и колоколен ослепительными блестками отражались на ровной глади озера. А на самой вершине холма рвались к небу мрачные бастионы сложенной из серого камня резиденции Наместника^[21].

— Могу ли я поведать вам историю создания этого восхитительного своей красотой чуда света? — Сухонький, опрятно одетый старичок с надеждой заглянул мне в глаза, но я лишь покачал головой.

— Скажите лучше, как пройти на улицу Менял. — Видимо, поддавшись атмосфере всеобщего праздника, я кинул в протянутую кружку одиноко звякнувший медяк.

— Улица Менял будет следующая по набережной. Держитесь левой стороны, и не промахнетесь. — Старичок с достоинством поклонился и отправился на поиски следующего провинциала, пораженного величием Города-на-Озере.

Да уж, думаю, эти поиски много времени не займут — набережная Пресветлого озера пользовалась редкостной популярностью. И не только у приезжих, но и у столичных обитателей тоже.

Не спеша прогуливались вдоль закованного в каменные плиты берега озера одетые по последней моде дамы и кавалеры. С презрительной снисходительностью они наблюдали за плескавшимися о гранитные блоки волнами и чопорно кивали, встречая знакомых своего круга.

На открытых террасах дорогих ресторанов обедали и вели переговоры преуспевающие торговцы, а учащиеся духовной семинарии собирали пожертвования на постройку очередного храма.

Хватало и простых горожан. Эти вели себя куда естественней и при встрече со знакомыми не считали зазорным обняться и похлопать друг друга по спине. Да и множеству снующих меж празднующейся публики лотошников было грех жаловаться на плохие продажи.

Сразу несколько уличных художников делали наброски Острова Семи Угодников и за вполне умеренную плату готовы были любому уступить одну из законченных картин. А при желании и запечатлеть заказчика на столь внушительном фоне.

Гул толпы на набережной не смолкал ни на минуту. На голоса зевак и крики торговцев накладывались звуки скрипок и бречание гитар, а прислонившийся к стене одной из лавок одноногий бородач монотонно крутил ручку шарманки.

Вскоре мельтешение людей перед глазами начало меня порядком

раздражать, к тому же от расфуфыренных дамочек крепко несло духами и ароматическими притирками. Не привык я, чтоб столько народу сразу. Да все еще и наряжены, как норлингские райские птицы. Одинаково серо одеты только городские стражники.

А стражи порядка, кстати, попадались тут чуть ли не на каждом шагу. В отличие от коллег на въездах в город эти щеголяли форменными серыми камзолами с зелеными вставками и серебряным шитьем, тонкой выделки перчатками и широкими кожаными ремнями с блестящими пряжками. Да и вместо глеф и коротких мечей их вооружение составляли обтянутые свиной кожей дубинки в пару локтей длиной и прямые кинжалы.

Через некоторое время я не на шутку забеспокоился: создалось впечатление, что стражники стараются не выпускать меня из виду и по мере продвижения в сторону улицы Менял словно передают с рук на руки своим коллегам.

Чем, интересно, их могла заинтересовать моя скромная персона? Поистрепавшимся за последнее время камзолом? Обветренной северной рожей? Или просто у них на всякий сброд чутье? Слишком уж тут место хлебное для жулья всех мастей. По-видимому, верным было именно последнее предположение: стоило свернуть с набережной на улицу Менял, как от меня сразу же отвязались.

Немного успокоившись, я еще некоторое время оглядывался, но, убедившись, что стражникам действительно теперь нет до меня никакого дела, начал высматривать дом с тремя медными ангелами над входной дверью.

Успокоиться-то я успокоился, но расслабляться не спешил. Пусть этот рекомендованный Нежи скупщик человек проверенный-перепроверенный, но Гаспар тоже с северными тенями не один год дела вел. И вон оно как в Геладжио получилось...

Впрочем, беспокоился я напрасно. Хотя я не особо вертел головой по сторонам, становилось ясно, что никто не проявляет ко мне совершенно неуместного любопытства. Все просто: в отличие от набережной здесь праздношатающейся публики не было вовсе. Изредка проезжали кареты и открытые экипажи, сломя голову носились мальчишки-курьеры, да спешили по делам горожане и приезжие торговцы.

Неторопливо прохаживались только нанятые приглядывать за порядком охранники. И уж у этих битых жизнью волков никаких легких камзолов и дубинок. Нет, крепкие дядьки, все как один среднего возраста — не иначе, уволившиеся из церковных войск ветераны, — скрывали под просторными плащами кольчуги и короткие пехотные мечи. Все верно:

ростовщики, менялы и содержатели ломбардов своим добром рисковать не собирались — слишком уж сильно манил сюда любителей легкой поживы звон золотых монет.

Когда через несколько кварталов я наконец отыскал нужную лавку, у меня сложилось впечатление, что улицу Менял прочно оккупировали выходцы из Норлинга. Пожалуй, каждый третий встретившийся мне здесь мужчина носил традиционный для Норлинга короткий плащ со шнуром, свитым из нитей, выкрашенных в родовые цвета. Да и постоянно бросавшиеся в глаза названия вроде «Лавка м-Клами», «Курильня эн-Тири»^[22] или «Сокровищница Эр-Торы» говорили сами за себя.

Впрочем, хватало здесь и лавок торгового люда с западного побережья, встречались заведения заозерцев, а один квартал полностью выкупила для своих нужд община полесских купцов. Вот там-то я и заметил трех начищенных до зеркального блеска медных херувимов, прибитых серебряными гвоздями над дверью ювелирной лавки «Эрик Диберт и сыновья».

Последний раз оглядевшись по сторонам — внимания на меня никто не обращал, все спешили по своим делам, — я толкнул дверь и вошел внутрь. Над головой звякнули закружившиеся на нитях хрустальные орлы и серебряные колокольчики, но сидевший за конторкой торговец даже не оторвал взгляда от раскрытой книги в украшенном золотыми уголками кожаном переплете.

Огоньки стоявших в золоченом канделябре свеч качнуло сквозняком, и лишь тогда он соизволил обратить на меня внимание:

— Чем могу служить?

— Мне нужен мастер Диберт-старший.

Странные они: свечи жгут, а у самих окна завешены. Или не желают, чтобы с улицы посетителей видно было?

— Туда, — указал мне рукой на ведущий в задние комнаты проход торговец и вновь вернулся к чтению.

Мельком глянув на выставленные в витринах украшения, я не стал ждать повторного приглашения и спокойно направился в глубь лавки. И только когда уже откинул закрывавший дверь полог, сообразил, что странный торговец не только не спросил моего имени, но даже не поинтересовался целью визита.

Что все это значит?

Я начал поворачиваться, чтобы получше рассмотреть увлеченно читавшего книгу человека, но успел лишь краем глаза заметить смазанное движение, а в следующее мгновение сильнейший удар в спину швырнул

меня вперед. Кубарем прокатившись по коридору, я влетел в заднюю комнату с закрытым деревянными ставнями окном и чуть не врезался лбом в ведущую во внутренний дворик дверь.

В голове все еще стоял звон, но тело среагировало самостоятельно, и в руке появился выхваченный из-за голенища сапога нож. Откат в сторону, разворот, удар, и со всего размаху напорившийся на лезвие торговец с тихим всхлипом осел на пол. Опасаясь сломать крепко засевший меж ребер нож, я выпустил рукоять и, прижавшись спиной к двери, оглядел комнату в поисках более серьезного оружия. Ни за что не поверю, что меня здесь только один человек караулил.

Сначала Гаспар, теперь Диберт... Нежи, сволочь, неужели ты думал, что я не найду способа поквитаться с тобой за предательство?

Твою тень!

Глаза привыкли к темноте и от увиденного на затылке зашевелились волосы.

Твою тень!

Мое негодование по поводу предательства Нежи развеялось, как утренний туман под порывами штормового ветра: привязанный за руки и ноги к кованым спинкам неширокой кровати в потолок слепо уставился старик, вполне подходивший под описание обдeldывавшего с тенями всякие сомнительные делишки Эрика Диберта.

Я подошел к кровати и склонился над ним. Еще густые, но уже седые кудри волос, длинный прямой нос, ухоженные пушистые усы и оставленный ножом налетчика несколько десятилетий назад шрам... В лице ни кровинки, а подложенная под голову подушка вся в бурых пятнах. Странно, ран не вижу. Откуда тогда кровь? В этот момент старик неожиданно сглотнул, и в глаза мне бросились две черные отметины на шее. Знакомые отметины. Весьма.

Тенью клянусь — это не что иное, как следы укуса вампира.

Здесь — в Городе-на-Озере, вотчине Инквизиции?!

Спасли меня стоявшие в вазе завядшие розы — совершенно бесшумно поднявшийся с пола фальшивый торговец зацепил их полкой плаща и смахнул с невысокого столика на пол хрустальную вазу. От звона разлетевшегося на сотни осколков хрусталя я чуть не подпрыгнул до потолка и одним махом перескочил через кровать со стариком. Едва не дотянувшийся до меня вампир растянул губы в жуткой улыбке и сделал приглашающий жест.

Пепельно-серая кожа, глубоко запавшие глаза и две тонких иглы клыков — вот, пожалуй, и все, что отличало эту тварь от обычного

человека. Скорее всего, вампиром мой противник стал не так давно — поэтому и последствия обращения в ночную тварь толком маскировать еще не научился.

Выходит, чары крови ему пока подвластны быть не должны. Разве что самые простые. Только вряд ли он и к ним прибегнет — использовать в переполненном монахами городе темные заклятия равносильно самоубийству. Да и зачем? Ему вполне хватит сил разорвать простого человека на куски голыми руками.

Нервы у меня были напряжены до предела, и, вероятно, именно это позволило среагировать на едва уловимое движение вампира. Его левая рука рванулась вперед, и стремительно брошенный засапожный нож едва не вонзился мне в горло. Ударившись о железную петлю ставни, закаленное лезвие разлетелось на осколки, а я уже отпрыгивал в сторону от метнувшегося через кровать кровопийцы.

Длинные бледные пальцы чуть не уцепились за обшлаг камзола, но выгаданное мгновение позволило мне вовремя отскочить к ведущей во внутренний дворик двери и со всей мочи ее толкнуть. Дверь распахнулась всего на ладонь и застряла, но и этого оказалось вполне достаточно: по полу пролегла узкая полоса солнечного света.

Вот только на надежность этой преграды надежды не было ни малейшей: недавно обращенным вампирам мгновение пребывания на солнечном свете особого вреда причинить не способно. Шкура разве что облезет, и все. Другое дело, сможет ли мой противник побороть неосознанный страх перед солнцем?

Бледный парень как вкопанный замер перед полоской света, и у меня впервые за время поединка появилась надежда выйти из него живым.

Все просто: он боится. Боится потерять принадлежащую ему вечность вот так — нелепо, только начав входить во вкус крови. Боится, что перенесенные при перерождении страдания окажутся напрасными и полетят псу под хвост. Он боится, и этим все сказано.

Столетний вампир сейчас бы просто прыгнул, ухватил меня, скрутил, высосал кровь, и солнечные ожоги от тусклых лучей вечернего солнца сошли бы у него еще до наступления ночи. А этот — испугался.

Нет, он тоже прыгнул на меня, но сначала скользнул в глубь комнаты, подальше от двери и пролегшей по полу полосы нестерпимо яркого солнечного света. В итоге вампир замешкался, и я встретил его прямым ударом в шею. Под костяшками хрустнули хрящи, и еще не забывший, каково это — чувствовать боль, кровопийца на мгновение потерял контроль над собственным телом и врезался в стену.

Не теряя времени, я подхватил с пола массивный деревянный стул и со всего размаху опустил его на спину противника. Жалобно хрустнули ребра, воздух со свистом вырвался из пропоротых обломками легких, но впавшего в бешенство кровососа это уже не остановило — неуловимо изогнувшаяся рука швырнула меня через всю комнату.

От удара о шкаф меня откинуло на пол, и откатиться от напрыгнувшего вампира удалось в самый последний момент. Собственно на этом более-менее равная схватка и закончилась. Понимая, что в рукопашной у меня нет ни единого шанса, я начал увертываться и, кидаясь всем, что попадалось под руку, пытаться любой ценой удержать противника на расстоянии.

Молодой вампир никак не рассчитывал, что простой человек сможет так долго ускользать от его атак, и это непонимание мешало ему успокоиться и загнать меня в угол. А ведь произойди это, и поединку сразу бы пришел конец — несмотря на неудачи, драться голыми руками парень несомненно умел. Но дрался он как обычный городской головорез, а не как ночной охотник, заведомо превосходящий свою жертву и силой, и быстротой. Не как существо, которое ударом острых ногтей способно выпустить кишки и одним движением руки вырвать сердце. И в этом был мой крошечный шанс остаться в живых.

Вот только я начинал все больше и больше выдыхаться. Соревнование в ловкости с кровопийцей требовало максимальной концентрации и долго продолжаться не могло. Будь у меня под рукой хоть какое-нибудь оружие... А так единственное, что остается, — это попытаться прорваться к двери и сломя голову бежать из лавки на улицу. К сожалению, мой противник это тоже прекрасно понимал и играть в поддавки не собирался.

Сильные пальцы в очередной раз чуть не ухватили меня за горло, но я отбил руку вампира в сторону. Тем не менее воротник камзола он захватить успел, и на пол брызнули вырванные с мясом пуговицы. Вновь разрывая дистанцию, я выхватил из внутреннего кармана тряпку с найденным на болоте ножом и, замешкавшись, едва не пропустил крюк в солнечное сплетение. Вовремя подставленный локоть левой руки принял удар на себя, но дождавшийся удобного случая вампир прыгнул вперед и всем своим весом впечатал меня в стену.

Во рту в миг появился соленый привкус крови, в глазах потемнело, а сдавленные ребра обожгло огнем. И только захлестнувшее меня желание во что бы то ни стало выжить заставило позабыть про боль и рвануть правую руку вверх. Серебристое с черными прожилками лезвие вошло вампиру под сердце, и на губах у него выступила темная кровь. Хватка на мгновение

ослабла, и теперь уже я обхватил его, крутанул и, чувствуя, как рвутся от натуги сухожилия, швырнул в дверную щель.

Удержаться на ногах вампир не сумел и, врезавшись в заевшую дверь, выбил ее наружу. Глаза ослепила вспышка белого пламени, комнату заполнила вонь горелого мяса и паленой шерсти.

Ноги неожиданно подкосились, и я осел на пол. Голова кружилась, все тело ломило от боли, левая рука, куда пришелся один из последних ударов, обвисла, и только горевшие огнем легкие требовали воздуха и не давали измученному организму просто замереть и впасть в забытие.

Не знаю, сколько я так провалялся: может, час, может, и больше. Но к тому времени, когда мне удалось прийти в себя, солнце уже ушло из внутреннего двора ювелирной лавки и скрылось за глухими стенами соседних домов. Солнце ушло, а труп вампира с грудной клеткой, развороченной вспыхнувшим от дневного света ножом, так и валялся на посыпанной мраморной крошкой садовой дорожке.

Что ж, собаке собачья смерть. Вампиры — твари жутко живучие, но все же не бессмертные. И вот это и хорошо, и плохо одновременно. С одной стороны, их все же можно отправить во тьму, с другой — нельзя убить дважды. А хотелось бы...

Покачиваясь, я вышел во двор и сразу же увидел причину, по которой не открывалась дверь: у стены дома, лежали, вероятно, выброшенные из окна трупы сыновей Диберта. С ними вампир не церемонился, без затей свернул шею.

Быстро обыскав одежду вампира и старательно отводя взгляд от торчащих из обгоревшей дыры в груди обломков ребер, я сумел отыскать лишь кошель с несколькими серебряными монетами. Бумаг — никаких. Ни дорожной, ни грамоты цеха или гильдии. Впрочем, в этом как раз ничего удивительного нет. Оставил в надежном месте, стервец.

Пересыпав себе в кошель мелодично звякнувшее серебро, я вернулся в комнату и остановился рядом с кроватью хозяина. Впалая грудь даже не колыхалась, но тем не менее он был еще жив. Точнее — не был мертв.

Все ясно: сыновья Диберта отличались крепким сложением, и их кровопийца, опасаясь поднять шум, убил сразу. А хозяина скрутил и к кровати привязал. То ли не хотел без пищи остаться, то ли просто вкус к крови почувствовал.

Одного понять не могу — как вампиру соседей и уличную охрану вокруг пальца провести удалось? Судя по состоянию старика, а кровавая горячка^[23] у него начнется еще до захода солнца, нападение произошло никак не позже вчерашнего вечера. Неужели за это время никто не заходил?

В жизни не поверю...

Ну и что с тобой, господин хороший, делать прикажешь? Никакой лекарь тебя уже не спасет. А кровавая горячка — штука гадкая и в твоём случае, увы, смертельная. Уж лучше сразу сдохнуть. Я присмотрелся к двум отметинам клыков на дряблой коже старика, и тут меня накрыл очередной приступ...

Мир стал серым, словно все краски умерли, а обострившееся обоняние сыграло злую шутку, и я чуть не потерял сознание от ударившего в нос запаха крови. В широко раскрытых глазах хозяина лавки мне явственно почудились рывки стремящейся покинуть умирающее тело души. От моментально возникшей уверенности, что достаточно ухватить старика за горло, сжать, и она вытечет наружу вместе с последними каплями крови, сделалось до невозможности жутко. Просто сжать, ухватить, не дать улететь в край теней — и сила умершего человека навеки станет моей... Что может быть проще? И заманчивей?

Неожиданно рот наполнился слюной, я отвернулся от кровати, и меня вырвало. Сознание немного прояснилось, и, не дожидаясь, пока меня снова скрутит, я почти вырвал зашитую в шов камзола дозу измельченного в труху чертова корня. Распотрошил тонкую кожу, высыпал пыль на тыльную сторону ладони между указательным и большим пальцами и вдохнул сначала одной ноздрей, а потом и второй. В голове словно разбилась бутылка с драконьим зельем^[24], из глаз хлынули слезы, а вместо крови по телу потек чистый огонь. Тем не менее — отпустило сразу. Несколько раз схватив открытым ртом показавшийся ледяным воздух, я наконец отдышался и немного пришел в себя.

Да, с чертовым корнем погорячился, ничего не скажешь. Переборщил чуток. Но зато наваждение сгинуло без следа.

Вытерев рот кстати попавшимся под руку полотенцем, я поднял с пола осколок хрусталя и, нисколько не сомневаясь в правильности принятого решения, чиркнул им по запрокинутому горлу старика. Из глубокого разреза выступило лишь несколько капель черной крови, руки и ноги конвульсивно дернулись, и Диберт старший затих.

Покойся с миром, Эрик. И пусть душа твоя летит то ли во свет, то ли во тьму, это уж как ты заслужил. Больше я ничего сделать для тебя не могу. Да и не горю желанием, если честно. Пусть наследники о брэнном теле заботятся. Вот и для Нежи ничего сделать, чует мое сердце, уже не получится. Не думаю, что он меня продал — в этом случае семью Диберта никто бы и пальцем не тронул, — но информация точно от него ушла, больше никто не знал, кого я навестить могу. Так что, скорее всего, нельзя

будет даже стаканчик бренди на могилу старого пройдохи вылить — народ в Альме сентиментальностью не отличается, и тело Нежи наверняка уже точат черви в одной из общих могил на каком-нибудь дальнем кладбище.

Я потратил несколько минут, чтобы собрать с пола оторванные пуговицы, и лишь после того, как нашел все, вышел в коридор. К моему немалому облегчению, в одной из комнат обнаружился рукомойник, и мне удалось кое-как почистить забрызганный своей и чужой кровью камзол. Отчистить получилось далеко не все, хорошо хоть пятна на темно-зеленой ткани в глаза бросались не очень сильно. Зато моя физиономия должна для местных стражников светиться прямо-таки маяком: в отшлифованном стальном листе отражалась весьма помятая бандитского вида рожа — губы разбиты, нос припух, на лбу здоровенный кровоподтек. Но с этим уже ничего не поделаешь. Надеюсь, в сумерках внимания на это никто не обратит.

Больше здесь меня ничто не держало, и я вышел в торговый зал. Конечно, можно по закромам пошарить, но мало ли кто сюда заявиться может? Застукают в лавке с четырьмя трупами, и буду иметь бледный вид: болтаясь на виселице, уже не больно-то и позагораешь.

К витринам с выставленными на продажу драгоценностями я не стал даже подходить — на них столько разрешенных заклинаний навешено, что даже дыхнуть на стекло страшно. А вот книга, которую перед нападением читал вампир, меня весьма заинтересовала. «История Норлингов. От Брана Основателя до Проклятого принца». Вернее, заинтересовала меня даже не сама книга, а служивший закладкой серебряный кругляш.

Осторожно поднеся пластину к огарку свечи, я повертел ее около огонька и облегченно выдохнул. Жетон инквизитора оказался искусной подделкой. Что ж, теперь понятно, почему вампира никто не беспокоил: с Инквизицией шутки плохи, и только совсем уж дурной или вконец отчаявшийся лиходея рискнет выдавать себя за ее слугу.

Потихоньку оглядев окрестности через щель между шторами и убедившись, что никто подозрительный поблизости не ошивается, я открыл запертую изнутри дверь и вышел из ювелирной лавки. На мое счастье, вечерний полумрак только начал плотным покровом опутывать город, и фонарщики еще не успели разжечь ночные светильники. Так что я тихой тенью проскользнул и мимо охранников, и мимо закрывавших ставни торговцев и их запоздалых посетителей. Да и городских стражников мне удалось миновать, не привлекая к себе никакого внимания.

Хорошо хоть дорогу до постоянного двора запомнить умудрился, а то ведь даже его название выяснить не удосужился...

Императорский тракт

— Ты где шлялся, сучий выродец? — прошипел Арчи, когда я потихоньку приоткрыл дверь и просочился в нашу комнату на постоялом дворе. — Где тебя черти носили, я спрашиваю?

— Дела были. — Я завалился на кровать, но донельзя раздраженный моим поздним возвращением здоровяк встал рядом со светильником в руке.

— Дела? Ты никак головой об стену бился? — Даже в неровном свете лампы он без труда сумел разглядеть мое разбитое лицо. — Дьявол! Без приключений никак обойтись нельзя было?

— Нельзя. — Я сбросил плащ на пол, положил сверху клинки и принялся раздеваться. — Еще вопросы?

— Ложись спать — завтра на рассвете нам с торговцем встречаться. И если из-за твоей побитой рожи он в отказ пойдет...

Ничего не ответив, я залез под одеяло, отвернулся к стене и провалился в сон еще прежде, чем здоровяк закончил свою мысль.

— Просыпайся, Кейн, — почти сразу же разбудил меня Арчи, но когда я открыл глаза, оказалось, что кусочек неба в окне уже подсвечивается розовыми тонами рассвета. — Выходить пора.

Я молча вылез из-под одеяла и подошел к рукомоЙнику. Отполированная стальная пластина отразила мою припухшую физиономию, но единственным свидетельством вчерашней схватки оказалась слегка пожелтевшая шишка на лбу и рассеченная губа, а от синяков не осталось и следа. Неплохо, я-то думал, все намного запущенней будет. Только вот ребра до сих пор ломит, и рука левая еле ворочается.

— Чего, Кейн, хмурый такой? — Судя по блаженному выражению лица Шутника, вчерашний вечер он провел в свое удовольствие. — Улыбнись! Новый день начинается, погода прекрасная. Живи и радуйся.

— Отстань ты от него, — посоветовал уже полностью готовый к выходу Арчи. — Не видишь — человек не выспался.

— Выспаться-то я выспался, только всю ночь кошмары снились. — Вернувшись к кровати, я принялся осматривать камзол. Пятен на нем хватало, но на первое время сойдет. Вот бы еще только оторванные пуговицы пришить.

— Это от нечистой совести, — на полном серьезе заявил Габриель и начал умываться, шумно отфыркиваясь и плескаясь во все стороны холодной водой.

— Ты б тогда вообще спать не мог, — буркнул Арчи и вышел из

комнаты, но тут же заглянул обратно. — Я вас внизу ждать буду. Не тяните.

Наскоро просмотрев штаны с рубахой и убедившись в отсутствии слишком уж явно бросающихся в глаза кровавых пятен, я оделся, собрал свои вещи и, не дожидаясь Шутника, спустился на первый этаж. Вышел на террасу и чуть не полетел кубарем по ступенькам, когда бросившийся вдогонку Габриель со всего размаху врезался мне в спину.

— Да тише ты! — морщась от боли, прорычал я, поправил съехавший ремень дорожной сумы и огляделся в поисках Арчи. — Зашибешь так.

— Да ну, прям! — сделал вид, что обиделся, Шутник. — И вообще — добрее надо быть.

— Добрее? — усмехнулся я. — С чего бы это? Странно от тебя такое слышать.

— Давайте быстрее! Ждать никого не будут! — заорал на нас Арчи, и мы вслед за ним поплелись по переулку.

— Почему странно? — возмутился Шутник. — Я сама доброта!

— Да ну? Не замечал. Или это вчерашний вечер на тебя так подействовал?

— Вчерашний вечер — это да, — мечтательно причмокнул губами толстяк, но распространяться о своих приключениях не стал.

Ну а я не стал его расспрашивать. Все равно ведь не утерпит, выложит, как все было. А чего не было — придумает.

Арчи снова на нас прикрикнул, но, убедившись, что никакого эффекта это не возымело, плюнул и поспешил к стоявшим на обочине крытым серой парусиной фургонам, возле которых уже суетилось несколько человек. Рядом, держа под уздцы трех скакунов, переминался с ноги на ногу конюх. Приземистый смуглый человек в высокой мохнатой шапке и широком горском плаще что-то ему втолковывал и как бы невзначай поглаживал рукоять висевшей на поясе кривой сабли.

— Мастер эн-Рими, наша договоренность в силе? — Арчи остановился рядом с пожилым торговцем, который зябко кутался в не полетному теплый длинный плащ.

Двое телохранителей, такие же горцы, как и распекавший конюха охранник, расходясь в стороны, шагнули вперед, но купец взмахом руки приказал им оставаться на месте.

— В силе, в силе. Размещайтесь быстрее. — Полноватый владелец обоза недовольно стрельнул по нам глазами, надвинул берет еще ниже на лоб и отвернулся к менявшим треснувшее колесо работникам. — Марти, вы долго еще возиться будете?

— Уже заканчиваем, господин. — Старшина обозников с кряхтением

выпрямился и потянулся, уперев кулаки в поясницу. — Всего ничего осталось.

— Эй вы, бездельники, ну-ка, живо по местам! — прикрикнул эн-Рими на собравшихся в кружок кучеров и прочий обслуживающий фургоны люд. — Да, как там тебя — Арчи? Руфус вам места назначит.

— Хорошо, — кротко кивнул здоровяк и украдкой показал нам кулак. — Без фокусов у меня.

Без фокусов так без фокусов. Сам понимаю, что найти хлебное место охранника при торговом обозе, да еще и направляющемся именно туда, куда нам надо, можно только при большой удаче. И второй такой случай неизвестно когда подвернется. Хоть, тень меня заberi, не по душе мне этот торгаш. Да и Шутник что-то посмурнел сразу. Ладно, посмотрим, что это за Руфус такой.

А вот Руфус оказался своим в доску парнем. Нет, конечно, невысокий крепыш в поддетой под куртку кольчуге смотрел на нас не шибко приветливо, но цепляться не стал. Наоборот, без лишних расспросов взял Арчи к себе в головной фургон, нас с Шутником отправил в замыкающий. И сразу же убежал по делам.

— Пошли, что ли, — позвал я задумавшегося о чем-то Габриеля и ухватившись за задний борт нашего фургона, залез под парусину.

— Хрен с вами, пошли, — непонятно с чего зло усмехнулся Шутник и забрался следом.

Поскольку фургон наш ехал замыкающим, товаров в него нагрузили совсем немного, да и людей было всего пятеро: кроме меня, Шутника и старшины обозных работников здесь разместились лишь двое охранников — оба горцы.

Несмотря на туман в голове, я с немалым удивлением отметил, что полдюжины из десятка охранников именно горцы. Странно. Как это они позволяют чужеродцу ими командовать? Да, Руфусу с ними наверняка несладко приходится. Думаю, это идея эн-Рими: и воины из этих молчунов отменные, и вина не пьют. А что нелюдимы и только старшего своего слушают, так это даже и к лучшему — к таким с подкупом не подкатишь, да и начальник охраны свое место знать будет.

— Ты это, первым карауль, — сразу же заявил я и, засунув под голову сумку, попытался уснуть. Но сон не шел, и забыться в полудреме получилось, лишь когда под негромкие хлопки хлыстов тяжеловозы тронулись с места и скрипящие колеса начали отсчитывать бесконечные минуты путешествия.

Впрочем, не такие уж и бесконечные: вновь обоз остановился еще

прежде, чем мы успели выехать из города. Чем-то озадаченный Шутник безжалостно меня растолкал и выбрался наружу. Я последовал за ним и с удивлением обнаружил, что все обозники уже выстроились рядом с фургонами.

Причина задержки оказалась серьезней некуда: усиленные десятком арбалетчиков стражники одного из постов останавливали всех желающих покинуть город. И мало того — помимо давешних монахов-патриканцев здесь сегодня несли службу три церковника в черных плащах-балахонах с одинаковыми серебристыми нашивками на левой стороне груди.

Инквизиторы? А они-то что здесь забыли? Сердце екнуло, и невольно я облизнул пересохшие губы. А не по мою ли тень праздник?

Стражники быстро пробежавшись по обозу и, убедившись, что никто не спрятался в фургонах, доложили об этом церковникам. Выслушавший доклад инквизитор, в руке которого белым дымком курилось кадило, остался стоять с монахами ордена Святого Патрика, а двое других принялись внимательно осматривать всех работников эн-Рими. Сам торговец, размахивая руками, что-то пытался втолковать десятнику, но тот, хоть и кивал, все же подорожные документы не возвращал и краем глаза наблюдал за действиями церковников.

А там было на что посмотреть: вместо обычного осмотра, проверки подорожных, патентов на оружие и цеховых бумаг инквизиторы пристально вглядывались в лица людей, зачем-то изучали кисти и запястья, а некоторым еще и сыпали в лица какой-то серый порошок. Нет, я понимаю, если бы они молитвы читали или кадилом махали, но это вообще ни в какие ворота не лезет! Мне, по крайней мере, и слыхивать о таком не доводилось...

— Что происходит-то? — тихонько спросил я у Шутника, который раздраженно очищал с сапога о колесо фургона налипшее конское яблоко.

— Облава, что еще, — ответил вместо него стоявший от меня по правое плечо седоусый старшина обозных работников с покрытым глубокими морщинами лицом. Было ему лет под пятьдесят, но высушенная прожитыми годами фигура вовсе не несла в себе старческой немощи. — Ищут кого-то.

Я кивнул. Понятно, что кого-то ищут. Непонятно только, зачем порошком некоторых посыпают. И самое главное — что это за порошок такой. Явно ведь не прах святых угодников. Ладно, сейчас и до нас очередь дойдет.

Даже не взглянув на стоявшего рядом старшину, один из инквизиторов ухватил меня двумя пальцами за челюсть и, слегка приподняв, пристально

установился на шею. Второй без лишних слов сыпанул в лицо порошок. От смутно знакомого аромата моментально засвербело в носу, и я оглушительно чихнул чуть ли не в лицо едва успевшему отдернуть руку церковнику. Чихнул и только тогда понял, почему оказался знаком запах: зелье было не чем иным, как пережаренным и истолченным в пыль чертовым корнем.

Инквизиторы переглянулись — тенью клянусь, под одним из капюшонов мне послышался сдавленный смешок, — без особого интереса взглянули на Шутника и, помахав десятнику, пошли к ожидавшим их монахам. Служивый сунул торговцу бумаги, которые так и не удосужился просмотреть, и крикнул стражникам, чтобы те подняли шлагбаум. Ничего не понимающий эн-Рими спрятал бумаги в кожаный футляр для писем и, на ходу поправляя бархатный берет, заспешил к первому фургону.

Работники последовали примеру купца и без особой суеты заняли свои места. Я еще только переваливался через задний борт, когда раздались щелчки хлыстов, недовольное всхрапывание тяжеловозов и, заскрипев колесами, фургон медленно тронулся с места. От порции чертова корня кружилась голова, полумрак сливался в сплошное серое пятно, и только проникавшие из-под отдернутого возницей полога солнечные лучи призрачными лезвиями вонзались в глаза. Мне ничего не оставалось, как растянуться на расстеленном прямо на дощатом днище плаще и постараться переждать эту напасть.

Искоса взглянув на тихо переругивавшихся между собой на своем гортанном наречии охранников, которые по очереди выставляли на раскрашенную в черную и зеленую клетку доску круглые камешки, я прикрыл глаза и попытался уснуть. Все равно из меня охранник сейчас никакой. Да и опасаться пока нечего — только-только от Города-на-Озере отъехали. А если кто из лихих людей совсем от жадности голову потеряет, тоже не беда — кривые сабли и длинные, слегка изогнутые кинжалы у горцев всегда под рукой.

— ...да известно кого, вампиров. — Вислоусый старшина обозников с недоумением посмотрел на опять что-то жующего Шутника и вернулся к вырезанию из толстого куска кожи подметки.

— С чего бы это? — встрепнулся Габриель и, убедившись, что горцы не обращают на них никакого внимания, почесал левую бровь. — Ну с чего ты, Мартин, это взял?

— Ну так а кого еще? — удивился названный Мартином старшина обозников. — Если людей чертовым корнем посыпают, кого еще искать могут? Эльфа?

— А хоть и эльфа! — оживился Шутник. — Или ты хочешь сказать, Кейн — вампир?

— Будь твой приятель вампиром, давно бы уже все легкие выхаркал. — Мартин отложил кожаную заготовку в сторону и вытащил из сумки толстую сапожную иглу. — Нет, он, видать, это зелье частенько принимал, вот и скопытился.

— Подожди, какая связь между чертовым корнем и вампирами?

— Яд это для них, нешто не слышал? Яд смертельный.

— Силы небесные! — начал закипать мой приятель. — Откуда знаешь?

— Я, когда по молодости в церковных войсках лямку тянул... — начал степенно объяснять старшина, но тут обоз трянуло на кочке, и он едва не воткнул иглу себе в ладонь. — Зараза! Чтоб тебе пусто было! Так вот, о чем это я? А! Вот перекинули нас как-то раз под Дымье — там тогда степные орки с Кровавым Утесом сговорились и бучу затеяли. Помню, чертов корень нам мешками завозили. Половину, конечно, разворовали, но и того, что осталось, хватило, чтобы кровососы хвост поджали. Очень степняки тогда на них злы были.

— Постой, постой... — задумался Шутник. — Я об этом ничего не слышал, но вампиры с орками дюжины три лет как на ножах. Сколько ж тебе лет-то?

— Да уж пятая дюжина на исходе, — широко улыбнулся Мартин, во рту которого не оказалось ни одного гнилого зуба. — Ты, сынок, не бери в голову, у нас в роду все до самой смерти молодо выглядят.

— Да? — почесал затылок Габриель. — Ну тогда извини, папаша. Слушай, дак ты, поди, и Красных Енотов еще застал?!

— Этих не застал, врать не буду. А вот Желтых Василисков видеть доводилось.

— Ну ты, дед, даешь! — только и развел руками Шутник. — Да только все равно насчет вампиров брешь. Чертов корень денег стоит, а выведи кровососа на солнце — мигом шкура облезет. И задарма как-никак.

— Значит, не простого вампира искали, а кого-то из рода Дневной крови, — терпеливо объяснил Мартин и провел пальцем по широкому рубцу на правом виске.

— Это что еще такое? — удивился Шутник.

— Ты про Ольрика, принца-отступника, что из клана Полуночной воды, песню слышал?

— Что? Ты б еще детские сказки про народ холмов вспомнил!

— А между тем доподлинно известно, что ставший вампиром эльф

может длительное время находиться на солнце без малейшего для себя вреда. А на обращенного полукровку и вовсе солнечный свет не действует!

— Брехня! — не поверил Мартину Шутник. — Не может такого быть.

В этот момент потеснивший возницу Руфус откинул полог и просунул голову в фургон:

— Через час остановка будет, вы, двое, в караул. И учтите: ночной дозор сегодня ваш.

— Замечательно, — пробурчал Шутник, тяжело вздохнул и кинул в меня перчаткой. — Просыпайся, засоня.

Так с той поры и повелось: ночью мы с Шутником заступали в караул, днем отсыпались, а когда выдавалась свободная минутка, мой приятель трепался с Мартином, а я наблюдал за неизменно игравшими в свою странную игру горцами. Вскоре мне начало казаться, будто неразговорчивые охранники меняют правила по несколько раз за партию, и монотонное передвижение камешков стало вызывать жуткое раздражение. Так что обычно я заваливался спать сразу же, как только приходил с дежурства.

За все время пути Арчи заглядывал к нам всего пару раз и то, чтобы только убедиться, что доверенный Шутнику серебряный шар никуда не делся. А так у него и самого дел было по горло — Руфус сразу понял, на кого можно взвалить часть своих обязанностей, и в итоге не прогадал. Не скажу, чтобы здоровяк пришел от такого доверия в восторг, но деваться ему было некуда.

И если честно — столь размеренная жизнь вскоре даже начала мне нравиться. А что? Кормят, поят, думать не надо совершенно — голова отдыхает. И скорость передвижения обоза вполне приличная — основную часть груза составляли южные специи, сохранность которых обеспечивали весьма недешевые чары. Так что я просто считал остающиеся до пересечения границы с Ранлоу дни и был полностью доволен жизнью.

А обстановка, надо сказать, к умиротворению весьма и весьма располагала. Церковные стражники давно навели в Приозерье порядок, и нападений на хорошо охраняемые обозы, по словам Мартина, не случилось здесь уже лет двадцать. Да и в Полесье, за исключением, пожалуй, северных марок, опасаться было нечего.

Единственное, что выводило из себя, — бесконечные споры Шутника и старшины обозников. Нет, конечно, сколько лучников можно мобилизовать с монастырских земель, у каких — полесских или норлингских — пикинеров доспехи лучше или кто из вольных городов

тайком поддерживает пиратов, вопросы крайне интересные, но когда каждый вечер два человека схлестываются по ним до хрипоты и никак не могут переспорить друг друга...

Насколько боеспособна тяжелая конница ордена «Пламенеющего меча»?

Зачем церковному войску столько арбалетчиков?

Где варят лучшую сталь?

Какой толщины должен быть стеганый поддоспешник?..

И так каждый день. С Шутником разговаривать было бесполезно, а Мартина попросить заткнуться я не мог — как-никак он согласился стачать мне сапоги из шкур черных лягушек. И хоть запросил ни много ни мало — половину жалованья, мне даже в голову не пришло торговаться: любой нормальный сапожник за работу с невыделанной кожей потребовал бы в три раза больше. Вот и приходилось слушать весь этот бред.

И что я заметил — вовсе не отличавшемся раньше особой любовью к Церкви Габриелю постоянно приходилось ее защищать. А проведший, как оказалось, в церковных гарнизонах полжизни Мартин весьма аргументированно поливал церковников грязью.

— Мир катится в бездну, — с трудом протыкая толстой иглой прочную лягушачью кожу, как-то раз заявил он. — И надо быть слепцом, чтобы не видеть этого. Скоро у Империи начнутся тяжелые времена, попомните мое слово.

— У Империи? Даже не смешно, — естественно, не согласился с ним Шутник.

— Понятно, что не смешно. И если ничего не изменится, дальше вообще грустно будет. А все отчего? — Мартин сделал еще одну дыру, отложил заготовку подметки в сторону и сам ответил на свой вопрос: — Оттого, что нет среди людей единства, слишком много нас. Нелюдям в этом отношении проще — у них даже самые упертые давно сообразили: чтобы выжить, надо сбиться в стаю. А Церковь привыкла всех на своих и чужих делить. Доделится когда-нибудь. Поодиночке нас вырежут. Это если сами друг друга в могилу не загоним.

— Бред! — уже более категорично высказался Шутник. — Да если что Империю и объединяет — так это Церковь.

— Верно, Империю объединяет. Только не надо забывать, что Империя и род людской — это разные вещи. Когда Семеро восстание устраивали, чего они добивались? Сплотить всех против нелюдей? Сохранить Империю? Хрена с два! Власти они хотели. И что в итоге вышло?

Северные княжества и Худые герцогства от нас отошли? Отошли. Норлинг независимость получил? Получил. Западные острова больше не в Империи? Не в Империи. Вот как Церковь нас сплотила.

— Ну это когда было! Давай тогда вспоминать, что тыщу лет назад происходило! — обеспокоенно покосился на горцев Габриель, но те сосредоточенно пялились на игровую доску и к спору не прислушивались. — При чем здесь трудные времена?

— А при том! — отрезал Мартин и потер припухшее запястье левой руки, на котором алело родимое пятно размером с серебряный щит. — В Восточном Норлинге сейчас кто у власти? Язычники-солнцепоклонники. Островитяне на людей уже даже и не похожи. На чьей стороне они выступят? Да им проще с нелюдями, чем с Церковью, столкнуться. А вампиры? А ну так они тоже в стороне не останутся? И ни эльфы, ни лесные орки старых обид не забыли. Как только запах кровь почуют, мигом мирные договоры в отхожее место спустят.

— Силы небесные! — тяжело протянул Шутник. — Островитян еще при деде Карла Бездетного за нормальных людей никто не считал. Так, глаза закрывали. И приди к власти не Церковь, а герцог Гальт — он бы всю страну кровью залил. Ну и кому от этого лучше было бы? А? — Габриель уставился на Мартина и, не дождавшись ответа, продолжил: — Да и не смогут нелюди промеж собой договориться. Никогда не смогут. Они ж друг у друга крови не меньше выпили. А про Восточный Норлинг и вовсе можно забыть — покуда он Западный под себя не подомнет, на север даже не посмотрит. Да еще с юга к ним нечисть так и лезет. Тоже головная боль. Нет, Эр-Мигул сколько угодно бряцать оружием может, с Империей он связываться не станет.

— Оно и наоборот верно: Эр-Тора нам на помощь прийти не сможет, — остался при своем мнении Мартин. — А нелюдям договариваться между собой нужды нет. Они мигом старые обиды забудут, когда от Империи кусок отхватить возможность представится. И одной искры хватит...

Фургон резко замедлил ход, и я чуть не врезался головой в борт. Снаружи кто-то три раза легонько стукнул по доскам, и мы, похватав оружие, припали к щелям. Неужто бандиты? Нет, налетчики нам время на сборы не дали бы. Здесь что-то другое.

Потеснив настороженно замершего с дротиком в руке возницу, я вылез на козлы и огляделся. А! Вот оно в чем дело — путь обозу перегородил выехавший на середину дороги рыцарь на здоровенном битюге. Доспехи его были порядком посечены, а герб на щите выгорел до полной

неразличимости. Серый шерстяной плащ не мог скрыть потрепанных кожаных ремней и плохо счищенную с железных пластин ржавчину. Позади него, натягивая вожжи, пытался удержать коня на месте оруженосец, а на обочинах выстроилась дюжина плохо вооруженных слуг. Пожалуй, даже не слуг, а согнанных с полей сервов. Даром что с топорами и короткими пиками.

— Стойте! — наконец успокоив коня, крикнул оруженосец и затрубил в потрескавшийся охотничий рог. — Вы проезжаете через земли кавалера Арк-Шатли!

— И какая нам с того радость? — Развалившийся на козлах переднего фургона Руфус вовсе не казался обеспокоенным, но горцы внимательно посматривали на не столь уж далекие от дороги кусты.

Неужели на разбойников нарваться угораздило? Да нет, вряд ли. И забрало у рыцаря поднято, и в леске, через который мы только что проехали, подходящих для засады мест хватало. А в переговоры с нами разбойникам вступать незачем.

— Каждый, кто проезжает через мои земли, обязан уплатить за это пошлину, — оборвал рыцарь открывшего рот оруженосца и положил защищенную латной рукавицей ладонь на рукоять длинного меча в весьма потертых ножнах. Как по команде выстроившееся на обочине воинство поудобней перехватило оружие.

— Господин Арк-Шатли, дорога — это собственность Империи, — улыбнулся старший охранник. — Вот если бы мы спрямили путь через ваши поля...

— Да как ты смеешь, смерд?! — Рыцарь привстал на стремянах и послал битюга вперед. — Закрой пасть, когда с тобой разговаривает благородный человек!

— Торговой гильдии малоинтересно, кто ее поборами незаконно обложить пытается: простой крестьянин или кавалер благородный. А если вы на церковных землях беззаконие творить начнете... — Руфус поднял руку, и на короткой цепочке блеснул серебром не раз виденный мной у хозяина обоза знак принадлежности к купеческому сословию.

Покрасневший от гнева рыцарь громко выругался, обложив проклятиями всех купцов порознь и их гильдию в целом, развернул коня и съехал с дороги. Его воинство тоже не стало чинить нам препятствий, и мы преспокойно отправились дальше. Почти сразу же кусты орешника закончились и потянулось не самым лучшим образом ухоженное поле, на котором трудилось десятка два сервов. Не останавливаясь, обоз проехал через дереvuшку дюжины в три покосившихся домов с затянутыми

бычьими пузырями окнами и худыми, крытыми соломой крышами.

И правильно — нечего тут время терять. Что за деревня: ни свиней на улице, ни курей? Дымом, и тем не пахнет. Серые невзрачные людишки так и бегут с дороги. Разве что несколько молодых парней с пращами осмелились проводить нас злыми взглядами. Сразу видно: не шибко рачительный хозяин кавалер Арк-Шатли. Ну да это его заботы...

Когда селение осталось позади, настороженно поглядывавшие в щели в бортах фургона горцы успокоились и вновь вернулись к прерванной игре. Я зевнул и поинтересовался у возившегося с моим вторым сапогом Мартина:

— И часто дворяне на дорогу выходят?

— Бывает, — поморщился тот и небольшим молоточком загнал в подошву очередной деревянный гвоздь.

— Никогда не платите?

— Мы — нет. А если на свой страх и риск кто товар везет... Пока довезет — семь шкур сдерут. И главное — на благородных жаловаться бесполезно. Хуже разбойников, право слово. — Старшина обозников почесал висок молоточком. — Хорошо хоть нас все уже знают, а попервоначально столько времени теряли...

Дело близилось к вечеру, проглядывавший через перистые облака розовый шар солнца почти скрылся за верхушками деревьев, а эн-Рими все никак не командовал сделать остановку и разбить лагерь. Ладно люди, а конягам давно уже дать отдохнуть пора. Да и осмотреться на месте до темноты неплохо было бы. А то как в прошлый раз — чуть ли не на ощупь по кустам лазить придется. Я-то еще хоть что-то различал, а Шутник, бедолага, в кротовью нору умудрился провалиться. До сих пор хромает.

— Куда торопимся? — Глядя на сгущавшиеся сумерки, я все же рискнул отвлечь Мартина от работы.

— А тут село неподалеку монастырское. Там и заночуем. Да и часть товара распродадим — село богатое. — Старшина помял в руках голенище сапога и с сожалением кинул его мне. — Примеряй.

— Спасибо! — поблагодарил его я и, ничуть не покривив душой, добавил: — Слов нет, до чего хороши.

Сапоги действительно сидели как влитые. Будто в них и родился. Как босиком, честное слово. И как он такое чудо практически у меня на глазах сотворить умудрился? Нет, за такое дело и трех жалований отдать не жалко.

— Носи на здоровье, — усмехнулся в усы Мартин, но мне показалось, что похвала пришлась ему по душе.

Село и вправду оказалось совсем не бедным. Крепкий частокол, добротные дома, во многих окнах стекла, почти все крыши покрыты черепицей, а не гнилой соломой. И не привычная серость кругом, а резные наличники, фигурные флюгеры, выкрашенные в яркие цвета стены. Народу на улице — не протолкнуться, сразу видно, мы сюда под самое окончание какого-то праздника угодили.

И, что самое интересное, все без исключения — дети, бабы, мужики, молодые девки и парни — тут же окружили фургоны и принялись высматривать, какие товары купец привез на этот раз. У меня аж голова пошла кругом: шум, гам, свист. Того и гляди чего-нибудь сопрут. Дети носились сломя голову и дудели в вырезанные старшими братьями и папашами дудки. Бабы гоняли ребятню, одновременно распекая подданных мужей и краем глаза присматривая за дочками на выданье. Мужики горланили песни, втихаря хлебали вино и пытались доказать, что у них ни в одном глазу. Парни выясняли промеж собой отношения и красовались перед девчонками. Ну а девчонки хихикали в вышитые платки, лузгали семечки и делали вид, что до парней им нет никакого дела, ну, почти никакого...

Вынырнувший из людской круговерти деревенский староста в момент столкнулся с эн-Рими, и мы загнали фургоны к нему во двор. Руфус оставил караулить хозяйское добро горцев, а всех остальных отпустил в село. Вот, значит, и на нашей улице праздник случился. Не все мне с Шутником ночью в караул заступать. Ну что же, надо таким случаем правильно распорядиться. Когда еще такая возможность появится, кто его знает? Жизнь такая штука — сегодня от кружки пива откажешься, а завтра уже на твоих поминках пиво пить будут. Но и в загул на всю ночь уходить тоже не дело — какие тогда из нас назавтра охранники? Так что, посоветовавшись промеж собой, мы с Шутником решили взять на двоих кувшин вина и никуда не переться на ночь глядя, а выпить его прямо у фургонов. Ну ее, эту романтику. Она нам и даром не нужна. Одна головная боль от нее.

Вот только человек предполагает, а располагает известно кто. В село нас вытащил неведомо где раздобывший белую рубаху и расшитую бисером бархатную жилетку Арчи. Пригладив короткий ежик волос, здоровяк скептически осмотрел наши потрепанные наряды, скривился, сплюнул, но все же предложил заглянуть в одно приличное местечко, про которое ему рассказал Руфус. Ну а мы с Шутником, само собой, отказываться не стали. Если есть на примете заведение, почему не прогуляться?

Путь через село времени занял немного и мог бы оказаться куда короче, если б деревенские девки просто-таки не вешались на шею Арчи. Парни хмурились, сжимали кулаки, но связываться с нами не решались. Здоровяк тоже прекрасно понимал, что определенных границ переходить никак нельзя — по крайней мере, на людях, — а поэтому никому предпочтения не отдавал и все больше отшучивался. Ту приобнимет, эту ущипнет — глядишь, и прошли уже пол-улицы. А это немаловажно — горячие головы в стаи сбиваться не успевают. Да и взрослые мужики сквозь пальцы смотрят.

Вывел нас в итоге Арчи к длинному шатру, разбитому на лугу неподалеку от огибавшей село речушки. Подгулявшие селяне уже начинали расходиться по домам, а поэтому отыскать место за одним из длинных столов труда не составило. Пухленькая разносчица выставила с подноса три кружки пива, приняла от Арчи двойную медную корону и, пообещав принести чего-нибудь на закуску, умчалась дальше.

— А чего это они делают? — указал я Шутнику на складывавших на телегу сбитые из досок щиты селян.

— Мишени собирают, — пригляделся тот.

— Какие, к черту, еще мишени? — удивился я.

— Ясно какие — у лучников состязания были. — Арчи сдул пивную пену с кружки и отхлебнул янтарный напиток. — Неплохо.

— Подождите, подождите, какие состязания? Откуда у них луки? — Насколько мне было известно, по имперским законам крестьянам на сотню человек разрешалось иметь всего два лука. И за те подати платить приходилось немалые.

— Ну ты темный! — поставил изрядно опустевшую кружку на стол здоровяк. — Это же монастырские земли. Лук здесь в каждом доме. И все мужчины старше дюжины лет должны один день в две седмицы в стрельбе из лука упражняться. Ну а тут, видно, еще и состязания устроили.

— Вот оно как... — Я сделал глоток прохладного пива и взял с принесенного разносчицей подноса зажаренное с острым соусом куриное крылышко. Пиво — так себе. Но все же лучше, чем в «Морском змее» наливали.

— А скажи, красавица, — остановил девушку Арчи, — кто у вас первый лучник на селе?

— Да уж второй год подряд сын старосты лучший, — улыбнулась разносчица и громко ойкнула, когда Шутник выплюнул на стол откушенный кусок запеченного яблока.

— Это что такое?! — заорал он и ткнул девушке в лицо надкушенное

яблоко. Надо сказать весьма червивое. Я успел заметить, по крайней мере, полдюжины здоровенных белых червяков. — Что за дела?!

— Яб-б-блоко, — запинаясь, ответила подавальщица и спряталась от взбешенного Габриеля за Арчи, — печ-ч-ченое...

— Вижу, что яблоко! Не червивых не было?!

— Дак это специально... Их все так и едят. Чтоб кисленько и мясное...

— Кисленько?! — Шутник замахнулся, чтобы швырнуть злополучное яблоко куда подальше, но его руку перехватил Арчи.

— А ничего так, вкусно. — Здоровяк, даже не поморщившись, откусил половину, прожевал и запил остатками пива. — Черви, надо понимать, специальные?

— Д-да, мы так и растим, — пискнула девушка.

— Ты вот что, красавица, иди еще парочку принеси. И пива на всех. Хорошо?

— Хорошо, только мы скоро закрываемся. — Подавальщица указала на уже начавших гасить светильники работников.

— Ничего, мы по-быстрому, — успокоил ее Арчи и хлопнул аккуратно чуть ниже спины. — Беги.

— Как ты можешь это есть? — удивленно уставился на здоровяка Шутник, которого от увиденного даже передернуло. — Эту гадость?

— Ничего ты в деликатесах не понимаешь. Вон давеча сам лягух готовил, а чем черви хуже?

— Я тебе в следующий раз тараканов приготовлю, — на полном серьезе заявил Габриель и, колебавшись, не стал брать блин с сыром и ветчиной, а ограничился куском кровяной колбасы.

— Да ради бога. Готовь, если ловить не лень.

— Пора нам, пожалуй, закругляться, — допив пиво, оглядел я полупустой шатер, посетители которого тоже начинали потихоньку собираться.

— Сиди. — Арчи дождался, пока уйдет выставившая нам на стол три кружки с пивом и блюдо с двумя запеченными яблоками девушка, и продолжил: — Завтра граница с Ранлоу будет.

— И что? — Шутник с отвращением покосился на яблоки и отправил в рот последний ломтик свиной нарезки.

— Значит, самое позднее к вечеру доберемся до Логвара, — не обратив внимания на вопрос, продолжил здоровяк. — Так что по сторонам повнимательней смотрите, это вам не Империя. Там, по слухам, война со дня на день начнется.

— Точно? — заинтересовался я.

— Говорят, — как-то неопределенно пожал плечами Арчи. — Опять вроде вокруг Долины Кедров буча заваривается.

— Плохо. — Я прикинул, насколько могут подорожать в Северных княжествах товары из Империи. Выходило, что прилично: единственная сухопутная дорога к нам пролегла через герцогство Ранлоу и захватывала ту самую злополучную долину. А на море — то островитяне, то пираты. Да и мореходы тоже цены подымут: не захотят выгоду упускать.

— Точно — ничего хорошего, — задумался Шутник. — В Логвар с обозом въедем?

— Да, эн-Рими на рыночной площади рассчитаться обещал.

— Гадина жирная! — со злостью выдавил из себя Габриель. — Вы идете?

— Пошли, — поднялся из-за стола я.

— Без меня не заблудитесь? — Арчи откусил печеного яблока, припал к кружке с пивом и блаженно улыбнулся. — Я еще посижу.

— Не маленькие, — буркнул Шутник и пошел к выходу. — Смотри не нареди себе что-нибудь, что лечить долго и стыдно.

— Габриель, а чего ты так эн-Рими не любишь? — спросил я, когда мы уже дошли до околицы.

Идущая на убыль луна обрубком медного щита сияла в небе, и ее света было достаточно, чтобы не заблудиться впотьмах. Да и лицо собеседника тоже видно прекрасно. Шутника от моего вопроса разве что не перекорежило.

— А за что мне его любить? Баба он, что ли, или мех с вином? — попробовал отшутиться тот.

— Да перестань ты, я серьезно.

— Серьезно? Ну что ж, вот тебе серьезно. При рождении меня нарекли Габриель Антонио Гар м-Итри. И хоть происходит мой род из Западного Норлинга, так уж случилось, что гражданская война застала нас на востоке страны. Вот уж не повезло так не повезло... Натерпеться пришлось, пока в Империю выбрались... С тех пор и ненавижу этих тварей.

— Всех?

— Всех.

— Зря.

— Кто спорит? Эх, я ведь так на родине с тех пор и не бывал... — Шутник тяжело вздохнул и хлопнул меня по плечу. — Ничего, накоплю еще на поместье, да и махну. А если с серебром выгорит, то всего ничего останется...

— Должно выгореть, должно, — твердо заявил я, хоть и не был так уж

в этом уверен. Просто немного не по себе оттого, что залез человеку в душу.

— Конечно, выгорит! — расхохотался Шутник и заколотил в закрытые ворота. — Открывайте! Свои!

Переход через границу герцогства Ранлоу произошел как-то до обыденного скучно и незаметно. Ну проверили на заставах — сначала Империи, потом герцогства, — выправлены ли подорожные и в порядке ли бумаги от Торговой гильдии, вот, пожалуй, и все. Занесли в гроссбухи, сколько золота и серебра вывозим-ввозим, получили закорючку эн-Рими напротив проставленных сумм и даже фургоны досматривать не стали — только заранее заготовленные торговцем списки товаров себе и оставили.

Правильно, зачем недоверием человека обижать? Чай, не в первый раз уважаемый эн-Рими через границу едет. Каждый скажет — он человек почтенный, контрабандой баловаться не станет. Да и небольшое подношение — так, сущая безделица, — капитанам порубежников изрядно сократило формальности и позволили избежать совершенно излишней для деловых людей бумажной волокиты. К тому же, к моему немалому облегчению, за совершенно пустяковую доплату в церковный патент мне шлепнули печать с черным единорогом, разрешающую ношение мечей в Ранлоу.

Так что как ехали мы по Полесью, так и дальше по герцогству Ранлоу поехали. По большому счету ничего не изменилось. Что там леса, поля и небо, что здесь — все ровно то же самое. Ну дорога чуток похуже, да деревни немного реже попадаются, вот и все отличия.

Единственное, что насторожило, — чем дальше на север, тем чаще разъезды конные и пикеты герцогских стражников попадаться стали. Но эти, на удивление, путников не притесняли — проверяли, все ли в порядке с бумагами, записывали, кто куда едет, и отпускали восвояси. Багаж так ни разу и не досмотрели. То ли приказа досматривать имущество путников не было, то ли авторитет Торговой гильдии свою роль играл.

К стенам Логвара мы прибыли, когда солнце уже миновало зенит и начало клониться к горизонту. Столь нечастая для последних летних дней жара начала спадать, и ей на смену вместе с легким северо-восточным ветерком пришла вечерняя прохлада. Зашумели лисья деревьев, поднятая в воздух с высушенной дневным зноем дороги пыль серыми волнами помчалась нам навстречу. Далеко на горизонте клубились грозовые тучи, но небо над нами было ярко-синим, лишь со слабым налетом белесых перистых облаков.

Почувствовав, как замедлили ход фургоны, я выпрыгнул на дорогу и, с хрустом потянувшись, выпрямил затекшую спину. Хорошо! Еще б мне знать, как дальше быть, — вообще замечательно было бы.

На возвышавшихся с двух сторон от городских ворот башнях, которые на добрых двадцать локтей выступали за крепостную стену, трепетали лимонно-желтые штандарты с черной фигурой поднявшегося на дыбы единорога. Непрерывная вереница телег, фургонов, конных и пеших путников пересекала опущенный мост и исчезала в городе. Ничуть не меньше спешили покинуть столицу герцогства.

На первый взгляд все как обычно, но в толпе то и дело мелькала черно-желтая клетка мундиров городской стражи, а простых вояк на посту у подъемного моста сменили гвардейцы. И вместо обычно скучавших у ворот десятка копейщиков и полудюжины арбалетчиков сейчас от жары изнемогали никак не меньше двух дюжин первоклассных бойцов.

Неужто и вправду про войну не брешут? А ведь очень даже может быть. Раз уж у этих головорезов все ремни доспехов затянуты и даже их лейтенант шлем не снимает, о чем-то это говорит, не так ли?

Поэтому я не особо и удивился, когда вместо обычной рутинной проверки дежурившие вместе с солдатами писцы перевернули весь наш багаж вверх дном и с дотошностью судебных приставов переписали все мало-мальски ценные вещи. У некоторых так и вообще кошельки вывернули и монеты пересчитали.

Для эн-Рими это тоже неожиданностью не стало, поэтому он и не попытался всучить обычную в таких случаях мзду, а только хмурил брови и рычал на Руфуса. Мы с Шутником первое время просто не находили себе места, но, углядев совершенно невозмутимую и где-то даже довольную физиономию Арчи, несколько успокоились. Если уж здоровяк не волнуется, то и нам беспокоиться не о чем.

Обошлось. Проверившие каждую пядь фургонов и чуть ли не ощупь изучившие патенты и подорожные чинуши наконец успокоились и принялись переписывать имена прибывающих в Логвар гостей. Так и простоявший весь досмотр на пороге караулки худой и высокий тайнознатец с крупной бородавкой на щеке только зевнул, поправил висевший на груди серебряный кулон с черным силуэтом единорога и ушел внутрь. Вот и замечательно...

— Быстрее! Быстрее! — прикрикнул на нас Руфус, когда эн-Рими покончил с оформлением документов и уплатой въездной пошлины, и мы бросились по фургонам.

Обоз ехал по городу какими-то задворками, и я с сожалением понял,

что на Логвар и его знаменитые соборы сейчас полюбоваться не получится. Ничего, вот рассчитается с нами торговец да серебро в хорошие руки пристроим, тогда и достопримечательности местные осмотреть время будет. Если, конечно, эти два гаврика опять в кабак или бордель с собой за компанию не утащат.

— Кейн, Шутник, — стоило фургону остановиться у ворот рынка, как над бортом тут же показалась голова Арчи, который перекинул внутрь нестерпимо пахнущий специями мешок, — я Руфуса и хозяина до Палаты Податей сопровождать буду, вы присмотрите пока за моими пожитками.

— Ясен пень, присмотрим. — Шутник покосился на просмаливавшего толстую нить Мартина и, убрав мешок к своим вещам, накрыл его плащом. — А мы что, приехали уже?

— Да, сейчас насчет места на рынке столкнутся и разгружать товар начнем. — С кряхтеньем Мартин вылез из фургона и принялся отдавать распоряжения засуетившимся работникам.

Я втянул в себя витавший в воздухе аромат специй и только усмехнулся. Ай да Арчи, ай да сукин сын! Не удивительно, что серебро никто не нашел. Только вот без ведома Руфуса или эн-Рими такой фокус не прошел бы.

— Что насчет наших денег?

— В Палате расплатиться обещали. — Здоровяк задумчиво потер подбородок и предложил: — Вы бы не мозолили людям глаза, тут за рынком кабак есть — «Три короны», ждите меня там.

— Договорились, — тут же согласился Шутник.

— Арчи, стой, — вспомнил я про пошитые для меня сапоги.

— Чего еще?

— Половину моего жалованья Мартину отдай.

— В кости проигрался, что ли?

— Угу, что-то типа того.

— Заметано.

Шутник с тихим вздохом закинул на плечо котомку с серебряным шаром, и мы, попрощавшись с обозниками, отправились искать кабак. Впрочем, искать — это громко сказано. Первый же остановленный нами разносчик указал на сложенное из красного кирпича длинное двухэтажное здание, одной стеной притулившееся к ограде рынка. Вместо вывески с вбитого над дверью штыря на коротких цепочках свисали три железные короны с длинными острыми зубцами. Крутившийся у привязи мальчишка присматривал за оставленными посетителями лошадьми, закончившая мыть крыльцо служанка вылила бадью грязной воды на обочину дороги и

ушла внутрь.

— Пошли, чего встал? — дернул меня Шутник и уверенно зашагал через дорогу прямо перед мордами лошадей, запряженных в нагруженную товарами телегу.

Рыжеволосый возница схватился за плетъ, но, углядев тяжелый кистень, одумался. И правильно сделал.

— Понаехали тут... — с первого взгляда определив в Габриеле приезжего, выругался возница. — Весь город заполонили, дармоеды...

— Успокойся ты, — осадил его сидевший в телеге старик. — Давно пора красным кошкам усы пообрывать.

— А они мне, дед, пока еще ничего плохого не сделали, — огрызнулся в ответ рыжий.

— Да?! По-твоему, картоха сама вымокла? А яблоки на ветках тоже просто так погнили?

— При чем тут Йорк?

— Как при чем? А кто у себя нелюдей привечает? Да там же чернокнижник на чернокнижнике! Им только дай волю, весь род людской изведут! Они порчу навели, точно тебе говорю!

Пропустив ехавшую за телегой карету, я огляделся по сторонам — город как город, только улицы шире, чем в Геладжие или в том же Альме, — и поспешил вслед за Габриелем. Тот к этому времени успел завалиться в кабак и, когда я вслед за ним зашел внутрь, уже спрятал котомку с серебряным шаром под лавку. Место он выбрал, надо сказать, на редкость удачное — с него были прекрасно видны как вход, так и дверь, ведущая на кухню.

Я присел рядом и прислонился спиной к стене, а проголодавшийся в дороге Шутник уже выпрашивал у выглянувшего в зал хозяина, что имеется в наличии из перекусить «быстро, вкусно и недорого». Высокий и широкоплечий, но сильно располневший трактирщик зевал, тер заросший щетиной подбородок и мялся, не зная, что предложить заявившимся в неурочный час посетителям. Как мне показалось, этот совсем не походивший на содержателя трактира человек с неровно заросшим шрамом на левой брови сначала хорошенько нас рассмотрел, оценил толщину кошельков и только после этого подозвал повара, который уже и принялся обсуждать с Шутником заказ. Сам хозяин поднялся по лестнице на второй этаж.

Успокоившись, я начал рассматривать заведение, в котором, к моему удивлению, не оказалось ни одного посетителя. А чьи тогда лошади на привязи, хотелось бы мне знать? Или здесь еще на втором этаже зал есть?

Странно. Весьма странно. Интересно, мне показалось или нам действительно тут не особо рады были?

Хм... Ну не похож этот кабак на заведение, в котором от посетителей не протолкнуться. Все какое-то обшарпанное, запущенное. Среди прибитого загнанными в стену железными костылями оружия и доспехов ни одного целого — щиты посечены, мечи и топоры зазубрены, а кольчуга пробита сразу в нескольких местах. В окнах мутное дешевое стекло. Столешница изрезана, на стенах плохо отмытые брызги вина. Или крови?

— Сейчас принесут. — Вернувшийся с кухни Шутник в ответ на мой вопросительный взгляд выставил на стол кувшин и две кружки.

— Замечательно. — Я наклонил горлышко кувшина к одной из кружек и недоуменно уставился на Габриеля. — Это что, вода?

— Ага, родниковая, — невозмутимо ответил тот.

— Ты издеваешься? Или у нас совсем с деньгами туго? Так сейчас Арчи придет, рассчитаемся.

— Да обожди ты, вечно торопишься. — Шутник дождался, пока выставивший нам на стол блюдо повар не вернется на кухню, и лишь тогда поднял с него крышку. — Горское печенье.

— Что?! — рассвирепел я. — Какое, к дьяволу, печенье? Я жрать хочу, как тролль после зимней спячки!

— А ты попробуй. — Шутник невозмутимо отправил одну из печенинок себе в рот и улыбнулся. — Да попробуй ты.

Я и попробовал. Хрустящее и буквально растаявшее на языке печенье оказалось весьма недурственным на вкус, но слишком острым. К тому же от него моментально пересохло во рту.

— Э нет. Ты воду сразу не пей, сначала съешь сколько сможешь, — остановил меня Габриель, когда я потянулся за кружкой с водой.

— Чего еще?

— Не пей, говорю. — Шутник отправил в рот сразу полпригоршни печенья и, зажмурившись, сосредоточенно зажевал.

— И что будет?

— Увидишь.

— Ты меня пугаешь. — Я съел несколько печенинок и задумчиво посмотрел на Шутника, который отправлял их в рот чуть ли не горстями. — Интересно, Арчи скоро появится?

— Вот уж не знаю. Он у нас себе на уме.

— И не говори, — согласился я. — До сих пор понять не могу, как он договорился, что нас в охрану обоза взяли. И без нас прекрасно справились бы.

— Ну несколько умелых человек в наше беспокойное времечко лишними никак не будут. А вообще, что-то мне подсказывает, что Арчи с Руфусом не первый раз такие делишки обделывает.

— Вот и мне так показалось. — От острого печенья рот пересох настолько, что стало сложно нормально выговаривать слова. Некоторое время я колебался, а потом все же плюнул на совет Шутника и опрокинул в себя кружку воды. Ух! Вот это да! По всему телу заструилась освежающая влага, и я почувствовал себя заново рожденным. Как ни странно, есть теперь не хотелось совершенно. — Да, а зачем эн-Рими в Палату Податей?

— Как зачем? — не понял моего вопроса Шутник. — За ввезенный товар пошлину уплатить. Не видел, что ли, он на заставе документы выправлял?

— А! Я-то думал, насколько наторгует, столько и заплатит.

— Вот еще. Нет, ты уж будь любезен: ввез — заплати. — Шутник доел последнее печенье, выгреб остававшиеся в блюде крошки и, только отправив их в рот, присосался к кружке с водой. — Хорошо... Нет, скажи — хорошо?

— Замечательно просто, — согласился я. — Тень, когда уже Арчи появится?! Быстрее бы серебро сдать.

— Не торопись. Спешка, она только при ловле блох хороша.

— Да ну? Ненавижу терять время.

Хлопнула входная дверь, и в кабак вошел довольно улыбающийся Арчи. На мгновение остановившись в центре зала, он оглядел пустое помещение, недоуменно хмыкнул и уселся к нам за стол.

— Ну что, рассчитался старый выжига? — Шутник долил себе в кружку воду из кувшина и тут же в один присест ее выпил.

— А куда бы он делся? — Здоровяк высыпал на стол из кошель монеты и разделил между мной и Габриелем. — Руфус предлагал, если две седмицы подождем, обратно с ними возвращаться. А можно денька через три и в Йорк с обозом махнуть.

— Можно и с ними, — пробурчал, убирая монеты, Шутник. — Я не против.

— Ты как, Кейн? — поинтересовался у меня Арчи.

— Нет, я на север двину.

— Ну как знаешь.

— Ладно, Арчи, ты что-нибудь заказывать будешь? — Габриель оставил на столе несколько монет, а остальные ссыпал в кошель.

— Не, я уже перекусил.

— Тогда пошли. — Шутник передал Арчи котомку с серебряным

шаром и, махнув на прощанье рукой выглянувшему с кухни повару, направился к выходу.

Я набросил на левое плечо плащ и пошел вслед за ним. Арчи хотел было подойти к увешанной оружием стене, но оглянувшись на нас, поправил свисавший за спиной фламберг и передумал.

— Куда нам теперь? — Остановившись на крыльце, я дал глазам привыкнуть к яркому солнечному свету и заодно огляделся по сторонам.

Что удивительно — на улицах очень много вооруженных людей. И оружие у большинства вполне себе боевое. К тому же то и дело взгляд натывался на молодых парней с повязками на левом плече в черно-желтую клетку. Ополченцы?! Неужели настолько серьезная заварушка намечается?

— Сейчас заглянем к одному меняле, Руфус говорил, у него лавка совсем отсюда недалеко — где-то около собора Святого Патрика. Если он серебро не возьмет, то подскажет, к кому обратиться можно.

Мы прошли мимо рынка, и Арчи повел нас какими-то узенькими улочками к лавке менялы. Впереди уже показались золоченые купола собора, когда с соседнего проулка на нас вышел отряд стражников — два арбалетчика, четверо с алебардами. И на случайность списать эту встречу не получалось при всем желании — угрожающе выставленные лезвия алебард перегородили улицу, а взведенные арбалеты не оставляли никаких шансов на побег. Да и куда бежать? Единственный путь для отступления отрезал точно такой же отряд.

— А этому-то что здесь надо? — прошипел сквозь сжатые зубы Шутник, и я разглядел за стражниками сутулую фигуру встретившего нас на въезде в город тайнознатца.

— Что?.. — начал разыгрывать удивление Арчи, но руки колдуна прочертили в воздухе замысловатую фигуру, словно он завязал в узел невидимую веревку, и полыхнувший в воздухе замысловатый узор неприятно резанул по глазам.

Последнее, что я запомнил, — странную слабость в коленях и стремительно приближающуюся мостовую...

Часть вторая. ЧЕРЕЗ ВОЙНУ

*Там, где ты проходил, засыхали цветы,
ты рвался в проигранный бой.
Но ты знал, что причина, причина
не ты, а та, что идет за тобой.*

«Черный обелиск»

Форт Норгвар

Вставший на дыбы черный единорог гордо танцевал на желто-лимонном поле. Изящно запрокинутая голова, победно вскинутый рог... Грацией этой твари можно было бы даже восхититься, не танцуй она на наших могилах...

Протерев слезящиеся глаза, я хмуро уставился на едва заметно колыхавшийся под порывами сквозняка гобелен. Честно говоря, яркое полотнище уже успело порядком надоесть, но смотреть в зале судебного заседания больше было не на что. Нет, конечно, никто не запрещает в очередной раз пересчитать разместившихся на балконах арбалетчиков и выстроившихся у стен стражников, поломать голову над назначением украсивших прутья клетки для подсудимых рун или попытаться заглянуть под опущенные капюшоны замерших неподалеку тайнознатцев-охранителей. Вот только все это я уже успел проделать еще до открытия судебного заседания.

Арбалетчиков было полдюжины, вооруженных мечами стражников — семеро. Серебром растекшиеся по ржавому железу прутьев и ручных кандалов письма лишали находившихся в клетке подсудимых возможности творить волшбу, а лица тайнознатцев, помимо капюшонов, закрывали черные маски с прорезями для глаз.

Пялиться на судейских мне было, откровенно говоря, тошно. Вот так посмотришь — и уже чувствуешь запах паленой плоти. Что самое противное — плоти собственной. Нет, от секретаря и двух писцов подвоха можно было не ожидать, но вот остальные...

Судья в черной мантии — высушенный временем старик с костлявым лицом ханжи и пронзительным взглядом голодного ворона. Белый парик сидит на голове безупречно ровно, будто приклеенный. На груди медальон

с эмблемой служителей правосудия герцогства: меч, разрубающий узел. По левую руку от судьи, рядом с писцами, подловивший нас вчера колдун. По правую — и это самое жуткое — священник. Нет, вид у святого отца вполне человеколюбивый, но мы не в Империи, где в судебном заседании обязательно принимает участие представитель Церкви. Здесь священнослужителей призывают, только если дело пахнет жареным. «Жареным» в прямом смысле слова: в девяти случаях из десяти еретиков и чернокнижников приговаривают к сожжению на костре. Про оставшийся десятый и вовсе лучше не думать.

— Да, ваша честь... — проямлил в ответ на очередной лишенный смысла вопрос Арчи, и писцы заскрипели перьями.

— Что — да? — язвительно изрек судья. — Я спросил, кто может за вас поручиться?

— Член Гильдии торговцев мастер эн-Рими, с обозом которого мы прибыли в город. — По молчаливому уговору на все вопросы по возможности отвечал здоровяк, чей простоватый вид вовсе не соответствовал врожденному умению морочить людям головы.

— Вот протокол допроса почтенного торговца. — Старик поднял лежавший перед ним лист, исписанный мелким неразборчивым почерком, и показал нам. — Мастер эн-Рими утверждает, что нанял вас менее седмицы назад и поручиться за вас не может. Кто-нибудь еще?

— Никто, ваша честь, — опустил голову раздосадованный здоровяк.

— В чем нас обвиняют? — не выдержав, выкрикнул Шутник и вздрогнул, когда судебный тайнознатец сделал предостерегающий жест.

— Всею свое время. — Судья откашлялся и поднялся на ноги. — Властью, данной мне его светлостью великим герцогом Альфредом Третьим, владельцем Ранлоу, обвиняю вас в изготовлении, ввозе, хранении и попытке продажи богопротивного вещества, именуемого «проклятым серебром», или «черной смертью», запрещенного законами великого герцогства Ранлоу и эдиктами Церкви. В качестве свидетеля обвинения вызывается магистр Карл Войцтрог.

Проклятое серебро?! Черная смерть?!

Речь колдуна я прослушал в состоянии, близком к полубморочному. Нет, просто костром мы не отделаемся. Сначала с нами хорошенько поработают судебные дознаватели. А то, что останется после них, само с радостью прыгнет в огонь.

Теперь понятно, к чему были все эти ритуалы в заброшенном храме. Теперь понятно, почему Брага шел на такой риск, но водил людей на убой. Теперь... Да, теперь многое прояснилось. И будь у меня тогда хоть тень

этих знаний, обошел бы топи десятой дорогой.

— Что еще за проклятое серебро? — ткнул меня под ребра Шутник, но я лишь шикнул на него, слушая рассказ Войцтрога о том, как он уловил эманации тьмы в обозе имперского торговца, как обнаружил их источник и почему решил проследить за дальнейшим перемещением запрещенного груза.

Хорошо Шутнику — не знает, что такое «черная смерть». На юге вообще мало кто о ней слышал, поэтому и не схватили нас ни в Геладжио, ни в Городе-на-Озере. Это в Северных княжествах байками о браслетах и кольцах из проклятого серебра пугают детей. Но даже страшные сказки не идут ни в какое сравнение с действительностью: ритуальные изделия и ножи из проклятого серебра используются в самых кровавых и безумных обрядах поклонения тьме и построениях наиболее зловещих чар. Даже выходящие из Ведьминого круга исчадия ада, для которых простое серебро смертельно, щедро вознаграждали безумцев, добывающих для них «черную смерть». Уж не знаю, что привлекало создания тьмы в проклятом металле больше — его способность губить души людей или даровать защиту от чар изгнания.

— Но это не проклятое серебро! — заорал вдруг во всю свою луженую глотку Арчи и тут же скорчился от укола болевого заклинания, наведенного одним из судебных тайнознатцев.

— Это именно оно и ничто другое! Мне не первый раз приходится иметь дело с «черной смертью», — отрезал Войцтрог и повернулся к судье. — Думаю, ваша честь, дознаватели сумеют выяснить, кому оно предназначалось. Я опасался спугнуть подсудимых и не стал дожидаться их встречи с покупателями.

— Осмелюсь поправить уважаемого магистра, но это действительно не проклятое серебро, — неожиданно заявил священник.

Заявил весьма мягко, но этого хватило, чтобы выпучивший глаза Войцтрог ошарашенно замолчал и плюхнулся на скамью.

— Вы уверены? — не обратив внимания на нарушение протокола, заинтересовался судья.

— Абсолютно. Братья нашего монастыря осмотрели слиток и установили, что хоть наложенные на него чары и темны, как огонь преисподней, но это всего лишь неудачная или не доведенная до конца попытка создать сию зловредную субстанцию. И поскольку нам не удалось обнаружить исходящие от подсудимых эманации тьмы, нет причин не доверять полученным показаниям. — Священник небрежно отодвинул от себя исписанные листы, протокола нашего допроса.

— Выходит, у Церкви нет претензий к подсудимым? — на всякий случай уточнил судья.

— Нет. — Священнослужитель с неприкрытым ехидством во взгляде посмотрел на Войцтрога.

Неужели это из-за извечной неприязни церковников к тайнознатцам нам так повезло? Да уж, попади мы в руки служителей Церкви сразу — ни на какие поблажки рассчитывать бы уже не приходилось. А так...

— Что ж... — Судья встал, оправил мантию и приложил правую руку к медальону с разрубающим узел мечом. — Властью, данной мне его светлостью великим герцогом Альфредом Третьим, владельцем Ранлоу, за контрабанду серебра и с учетом отягощающих вину обстоятельств приговариваю Габриеля Антонио Гар м-Итри, уроженца Эр-Торы, Арчибальда Гровера, уроженца Задубья, и Кейна рода Лейми, уроженца Тир-Ле-Конта, к десяти годам каторги, с отбыванием первых трех лет в рудниках. Стража, уведите осужденных.

В себя я пришел только в камере. Десять лет! Это, конечно, не костер, но волосы так и норовили встать дыбом. Десять лет! И никаких шансов на побег. С рудников — никаких.

— Вот гадство... — как-то слишком уж безразлично пробормотал Арчи, и мне стало понятно, что не только я нахожусь в шоке.

Да, услышав такой приговор, трудно сразу поверить в реальность происходящего. Трудно. Но придется.

— Гадство? И это все, что ты можешь сказать? — неожиданно взъярился молчавший до этого Габриель, скулу которого украшал огромный синяк — последствия неудачной шутки во время дознания. — Адский пламень! Да это из-за тебя мы оказались по уши в дерьме! Десять лет!

— Не кричи ты, — устало посоветовал здоровяк, пытаясь сдвинуть натершие запястья кандалы. — Какие десять лет? На рудниках и пару лет протянуть — за счастье.

— Ах ты!..

— Ладно, Габриель, успокойся. Могли и на костер отправить. — Я присел на корточки, прислонившись спиной к стене, и зажал ладонями раскалывавшиеся от боли виски. — Вас дознаватели сколько мурыжили?

— Да почти всю ночь. Еще гадостью какой-то опоили — чуть не загнул. — Шутник присел рядом со мной и, покосившись на Арчи, пробурчал: — И зачем только с вами, дураками, связался? Эх, говорил же Анджей: нечего на севере делать. Зря его не послушал.

— Точно — зря, — поддакнул здоровяк. — Давно бы червей кормил и в ус не дул.

— Хватит вам. Успокойтесь уже, — попытался остановить их я, но в этот момент с той стороны двери донесся лязг запоров, и мы настороженно замолчали.

— На выход! — В приоткрывшуюся дверь толстый усатый тюремщик заходить не стал и, перебрасывая из руки в руку короткую, залитую свинцом дубинку, прислонился к противоположной стене коридора.

Под охраной арбалетчика и двух мечников он чувствовал себя совершенно спокойно.

Переглянувшись, мы по унылым взглядам друг друга поняли, что всех нас посетила одна и та же мысль — нечего и пытаться совершить побег: с заклепанными на руках кандалами сойтись в рукопашной с вооруженными противниками — верная смерть.

Арчи хмыкнул и вышел из камеры. Шутник последовал за ним, я сглотнул ставшую вязкой слюну и тоже отправился следом. Стражники разошлись в разные стороны, и лишь тюремщик с беспечной ухмылкой ткнул Арчи под ребра дубинкой, направляя к двери в дальнем конце коридора.

— Это еще кто?

Молодой парень в запыленном мундире пехотного офицера выскочил из соседней двери и начал лихорадочно листать прошитые толстой нитью листы. Сощурившись, он отошел к падавшему из небольшого зарешеченного окошка свету и на его нашивках золотом блеснули дубовые листья — лейтенант.

— Контрабандисты, — неохотно ответил остановившийся тюремщик. — Сегодняшние.

— Срока какие? — Лейтенант открыл последний лист и медленно вел пальцем по списку.

— По десять.

— Ого! Арчибальд, Габриель и Кейн? — Пехотинец ткнул указательным пальцем в грудь Арчи. — Предлагаю пополнить ряды доблестных пехотных войск его светлости герцога Альфреда Третьего. Или вы намереваетесь сгнить на рудниках?

— Какие условия? — уцепился за представившуюся возможность избежать каторги здоровяк.

— Какие еще условия? Жалованье стандартное, контракт подписываете сразу на весь срок. У вас это восемь лет. Согласны? Давайте соглашайтесь быстрее — мне еще полтюрьмы обежать до конца дня надо.

— Я согласен! — вылез вперед Шутник.

— Мы тоже, — ответил за меня Арчи.

— Вот и чудненько. — Лейтенант поставил три галочки в своем списке и повернулся к тюремщику. — Ну чего встал? Давай, живо води их к фургонам. Сдашь капралу Стивенсону.

Мрачный тюремщик что-то неразборчиво пробурчал себе под нос, но послушаться вербовщика не решился, и вскоре мы очутились в темном тюремном дворике, выезд из которого перегораживала опущенная решетка. Неподалеку от решетки стояли два фургон с узкими — не шире ладони — прорезями окон и усиленными железными полосами стенками. Помимо скучавших на козлах возниц у фургонов кучковались несколько пехотинцев и с полдюжины тюремных охранников.

Конвоиры сдали нас с рук на руки долговязому капралу, обшлага блекло-желтого мундира которого едва доходили до запястий. Тот, оглядев нас с головы до ног, с презрительной миной поставил три галочки в длинном свитке тюремного писца.

Я уже начал надеяться на скорое освобождение от порядком надоевших за минувшие сутки наручников, но вместо этого рядовые пехотинцы загнали нас в один из фургонов и, продев через кандалы прикованную с одной стороны к борту цепь, защелкнули пахнувший маслом замок на другом ее конце. И так уж получилось, что запах свежей смазки был здесь самым приятным. Все остальные: вонь давно немытых тел, мочи, блевотины и гниющих язв — вполне могли сбить неподготовленному человеку дыхание.

Твою тень! Мало того что кандалы не сняли, так теперь еще и с поднятыми над головой руками всю дорогу сидеть — длины цепочки на большее не хватало. Нам с Арчи еще ничего, а вот Шутнику несладко придется.

Я попытался поудобней устроиться на тянувшейся вдоль борта жесткой скамье и огляделся. Помимо нас, в фургоне оказалось еще дюжины полторы человек. Рожи у всех откровенно бандитские: ножевые шрамы, отрезанные носы и уши, гнилые обломки вместо зубов. Да уж, попадись такие навстречу, добропорядочный горожанин еще за полсотни шагов кошель рукой придерживать начнет. Интересно, зачем герцогу это отребье в армии? Неужели его дела настолько плохи?

— О, пополнение! Вас сюда за что определили? — обрадовался нашему появлению сидевший у противоположного борта человек, каторжанское клеймо на щеке у которого не могла скрыть даже густая борода.

— Да ни за что! — Я приподнялся и почесал нос о правое запястье.

— Бывает, — понятливо кивнул тот и замолчал.

— И сколько сейчас ни за что дают? — непонятно с чего решил продолжить расспросы мой второй сосед.

— Я до столько считать не умею.

Смерив его оценивающим взглядом — ну никак не походит этот хлыщ в рваной сорочке на голое тело на серьезного человека, — я отвернулся и закрыл глаза. Хотя подремлю, пока возможность есть. Ночью дознаватели, сволочи, поспать так и не дали.

Сколько мы еще простояли, даже не скажу — задремать удалось практически моментально. Проснулся я, когда фургон тронулся с места: меня качнуло, и кандалы больно врезались в натертые запястья. Видимо, больше лейтенанту удача так и не улыбнулась — между нами и задним бортом разместились только два пехотинца, а новых заключенных не появилось. Хотя, может, их просто в другой фургон определили.

— И куда нас сейчас? — угрюмо поинтересовался Арчи у сидевшего напротив меня бородача.

— Форт Норгвар, — процедил сквозь зубы тот и отвернулся.

Посмотрев на меня, Арчи удивленно приподнял брови, но я лишь покачал головой: не сейчас. Норгвар. Это название было определено мне знакомо, вот только ничего конкретного припомнить так и не удалось. И ведь даже не вспомнить, кто мне про него что толковал...

— Что он сказал? — Шутник дотянулся до задумавшегося Арчи носком сапога.

— Нас везут в Норгвар. Это форт на самой границе с Долиной Кедров.

В этот момент фургон резко затормозил, но недовольные крики и проклятия моментально стихли, стоило одному из пехотинцев постучать в борт весьма увесистой на вид дубинкой. Забравшийся внутрь тюремщик, сверяясь со списком, пересчитал заключенных по головам, что-то у себя пометил и выпрыгнул наружу. Раздался скрип поднимающейся решетки, и вскоре колеса фургона вновь запрыгали на ухабах.

Как оказалось, дремать в стоящей повозке было куда сподручней, чем в повозке, то и дело подскакивавшей на рытвинах и ухабах. Кисти рук вскоре онемели, а ногти приобрели непередаваемый молочно-синюшный оттенок.

Шутник первое время еще порывался расспрашивать Арчи, но вскоре, поняв, что ничего конкретного тот сказать не в состоянии, сосредоточился на разглядывании мелькавшего в узкой щели-оконце придорожного пейзажа. Время от времени он что-то бормотал себе под нос — то ли

ругался, то ли молился. Слов разобрать не удалось.

И так всю дорогу. Несколько раз мне удавалось задремать, но вскоре рывки кандалов и ругань Шутника прогоняли сон. И чем дальше мы отъезжали от Логвара, тем сильнее становились рывки и громче звучали богохульства Габриеля. Так что, когда возница остановил лошадей и пехотинцы, лязгнув задвижками, откинули задний борт, я даже обрадовался. Заглянувший внутрь долговязый капрал приказал разомкнуть замок, запирающий тянувшуюся вдоль противоположного борта цепь, и несостоявшиеся каторжане по одному начали покидать фургон. Снаружи сразу же раздался лязг сбиваемых кандалов, и вскоре один из пехотинцев закинул обратно целую охапку цепей.

Очередь до нашего ряда дошла не скоро, и, когда цепь оказалась разомкнута, Шутник выпрыгнул наружу с обвисшими, словно плети, руками. Я выбрался следом и начал дуть на сбитые в кровь запястья, но какой-то солдатик в новеньком камзоле расцветок пехотинцев Ранлоу тут же подтащил меня к обнаженному по пояс кузнецу, который как раз закончил сбивать кандалы с Арчи. Мускулистый крепыш был, несомненно, мастером своего дела и избавил меня от порядком надоевших железяк всего за несколько ударов.

Разминая затекшие кисти, я отошел в сторону и огляделся по сторонам. Как оказалось, фургон загнали во двор какого-то провинциального гарнизона. Это и есть тот самый Норгвар? Похоже на то. Внутренние ворота были заперты, а внешние распахнуты настежь, но решиться на побег мог только самоубийца: помимо наших сопровождающих и хорошо вооруженного караула на стенах крепости несли дежурство арбалетчики.

Лучи заходящего солнца сверкали на металлических пластинах дублетов и начищенных до зеркального блеска саладах стрелков, но затрясло меня вовсе не от этого: на укрепленных над внутренними воротами пиках торчало несколько десятков отрубленных голов. И одна из них, скалившаяся сведенным предсмертной судорогой ртом, еще совсем недавно сидела на плечах рыжеволосого эрла Майторна, утащи тень во тьму его душу...

— Эй, мальчик. — Сильный толчок в спину выбил из меня совершенно неуместный сейчас вопрос о судьбе Катарины. — Скидывай камзол, не по размеру он тебе.

Я резко развернулся и уставился на вплотную придвинувшегося ко мне бугая с вырванными ноздрями.

— Чего зенки вылупил? Скидывай камзольчик, говорю, — ощерил тот

гнилые зубы.

Не произнеся ни слова, я быстро стрельнул глазами по сторонам, пытаюсь определить, смотрят ли на нас караульные. Вроде нет: сопровождающие из тюрьмы треплются с солдатами гарнизона, капрал пытается пересчитать заключенных из второго фургона, а пехотинцам тоже не до того — им бы никого, кто сдернуть попытается, из виду не упустить.

— И порты скидывай, — видимо, приняв мой взгляд за проявление неуверенности, начал куражиться бугай и для подкрепления своих слов пихнул меня в грудь.

Молча ткнув растопыренными пальцами ему в глаза, я быстро отошел от упавшего на колени выродка и пошел искать Арчи и Шутника. И куда они запропасться могли? А! Слышу голосок знакомый. Точно: это ж Габриель всех чертей поминает. Чего опять приключилось? Как оказалось, ничего серьезного: просто Арчи, обрывками тряпок заматывая ему стертые в кровь запястья, немного перестарался и теперь был вынужден выслушивать не слишком лицеприятное мнение о своей родословной.

— Чего орешь? — остановившись рядом, угрюмо уставился я на Шутника. — Самое веселое только начинается.

— Иди ты, — зло прошипел тот. — Ни черта веселого не вижу.

— Да ну? — усмехнулся я.

— Хватит лаяться, что делать будем? — встал между нами Арчи.

— Что скажут, то и будем, — хмыкнул Габриель. — Или ты считаешь, у нас есть выбор?

— Стройся! — неожиданно низким голосом заорал долговязый капрал, который успел разобраться с первой партией заключенных. — Стройся в шеренгу, сукины дети!

Сбившиеся в кучу каторжане с трудом поняли, что от них требует пехотинец, но крепкая ругань и весьма чувствительные удары дубинками, посыпавшиеся со всех сторон, быстро привели всех в чувство. А заодно и вбили в головы один из главных армейских принципов: приказы надо выполнять быстро, не задумываясь и по возможности молча.

Прошедшийся перед неровным строем капрал с кислой миной всех оглядел, пробурчал что-то про позор армии и дал команду двигаться к внутренним воротам башни. Естественно, бегом.

У ворот нам пришлось задержаться, и пытавшийся расспросить меня в фургоне типчик не от большого ума заикнулся о причитающейся нам вечерней пайке. Бедолага немедленно был досыта накормлен росшей у крепостных стен пыльной травой. Больше вопросов никто не задавал.

Все так же бегом нас загнали в ворота, на ходу пересчитали и уже под

конвоем новых солдат отправили через половину форта в обнесенный частоколом загон с плацем, полосой препятствий, стрельбищем и пятью длинными бараками казарм.

Даже с первого взгляда становилось ясно: сбежать отсюда будет ничуть не легче, чем с рудников. Вся территория загона прекрасно просматривалась со сторожевых башен, и даже ночная темнота не поможет незаметно перебраться через высоченный забор. А ведь есть еще и патрули, и натасканные на людей собаки...

Караулившие на въезде пехотинцы в длинных кольчугах и кожаных шлемах со скрипом распахнули ворота, и ничуть не запыхавшиеся конвоиры загнали нас внутрь. К счастью, дальше бежать пришлось совсем немного: шагов через сто мы выскочили на уместившийся между тремя казармами небольшой пятачок, где на утоптанной земле уже валялись заключенные из первого фургона.

Многие тут же повалились рядом и зашлись в кашле, выхаркивая кровавыми сгустками легкие. Оставшиеся на ногах неосознанно сбились в кучу и настороженно озирались по сторонам. И было от чего насторожиться: крики из зарешеченных окошек казарм не оставляли надежды на дружелюбный прием.

— Мясо!

— Готовьтесь сдохнуть!

— Свежее мясо!

— Молитесь, суки!

— Отдайте их нам! Нам!

— Мясо!

Я опустил на корточки рядом с шумно хрипевшим Шутником, который растянулся навзничь, и похлопал по земле, приглашая присоединиться к нам Арчи. Похоже, нравы здесь царят похлестче тюремных. Ну да от сплава тюрьмы и армии иного ожидать не приходится.

— Держимся вместе, — заявил Арчи, присаживаясь рядом. — Если что — бейте наповал.

— От барака не отмашемся, — глотнув ртом воздух, предостерег его я и проверил запрятанный в сапог смоляной шарик с капелькой «Ветра севера». То ли катышек был спрятан в очень уж удачном месте, то ли тюремщики просто приняли его за грязь, но из всех моих зашитых в одежду тайников обыск пережил только этот. Вот и поберегу его на самый крайний случай.

— От барака и не придется, — уверенно заявил поднявшийся с земли Шутник, который начал отряхивать куртку. — Я в таких местах год

кантовался, пока родня не выкупила. Заводил там на всю толпу не больше десятка.

— Ты север с Норлингом не сравнивай, — предупредил его здоровяк. — Мы здесь чужаки, разве что Кейн за местного сойдет. Цепляться будут все кому не лень.

— Видно будет, рано пока зауспокойную читать, — махнул рукой Габриель.

Неожиданно крики из окон бараков смолкли, и я, поднявшись на ноги, завертел головой по сторонам. Ага, вот оно что: в сопровождении двух капралов и лейтенанта из-за казармы вышел человек лет сорока в форме пехотного капитана, который молча оглядел растерянную толпу бывших заключенных. Тяжелый взгляд был у него, ох, тяжелый. Не сомневаюсь, что этот худощавый человек с сединой в волосах видел насквозь и харкающих кровью доходяг, и испуганно оглядывающихся по сторонам пойманных за браконьерство крестьян, и уже успевших сбиться в компании по пять-шесть человек бывших каторжан.

Да уж, крупная шишка к нам пожаловала. Вряд ли на весь форт найдется два пехотных капитана. К тому же о статусе человека больше говорит не золотое шитье мундира, а моментально отлипшие от стен и вытянувшиеся по струнке караульные. Да и мгновенно наступившее молчание в казармах тоже дорого стоит: значит, успели выдрессировать.

— Стройся! В шеренги по дюжине! Ровнее!

На этот раз команды капрала выполнялись куда расторопней, но сейчас и этого оказалось недостаточно: малейшие заминки карались ударами дубинок, зуботычинами латных рукавиц и тычками коротких копий. Но надо сказать, и выстроились мы гораздо быстрее. И куда ровнее.

Большинство заключенных, хоть ни черта и не понимали в армейских знаках различия, но безошибочно определили в седом важную птицу. Так что ни глупых вопросов, ни попыток потянуть время больше не было. Все шкурой чуяли, что сейчас любая оплошность может обойтись слишком дорого.

— Я капитан Торсон. — Седой сделал шаг вперед и оперся на изящную трость с позолоченным набалдашником. Мне удалось различить легкую хромоту, но уверен: при необходимости капитан может двигаться и стремительней, и изящней большинства приглядывавших за нами пехотинцев. — И это все, что вам надо обо мне знать. Важнее другое — отныне ваши никчемные жизни зависят только от меня и моих людей.

Капитан обвел строй тяжелым взглядом, и, думаю, стоявшим в первом ряду стоило немалых усилий, чтобы не отшатнуться назад. У меня так чуть

волосы на затылке дыбом не встали.

— Думаю, судьи и вербовщики призывали вас искупить грехи службой в доблестной армии великого герцога Альфреда Третьего? — после недолгой паузы продолжил Торсон. — Надеюсь, никто из вас не принял эту чушь всерьез? Или кто-нибудь всерьез рассчитывает искупить вину кровью? Забудьте! Текущая у вас в жилах моча никому не нужна. Как и ваши жизни. Все, что вы можете, — это сдохнуть во славу его светлости. Или просто сдохнуть. Лично для меня разницы никакой.

Седой медленно прошелся вдоль шеренги, но теперь его взгляд потерял былую пронзительность — капитан о чем-то задумался.

— И запомните: с этого дня для вас есть только два пути: выполнять приказы или станцевать с пеньковой веревкой. Любое неподчинение карается незамедлительно. За попытку дезертировать — виселица. За драки и воровство — батоги и яма. За неподчинение приказу — две дюжины плетей. Все ясно?

Не дождавшись ответа от подавленно молчавших новобранцев, Торсон повернулся к сопровождавшему его лейтенанту и, усмехнувшись, кивнул на неподвижно замерших осужденных:

— На первый раз сгодится и молчание. Но чем раньше вбить в это быдло устав, тем лучше. Займись.

Капитан Торсон развернулся и направился к воротам лагеря, на ходу постукивая тростью по голенищу сапога. Капралы, не отставая ни на шаг, зашагали следом, а оставшийся лейтенант, явно подражая командиру, медленно прошелся перед строем. Низкорослый и широкоплечий, он, в отличие от капитана, был одет не в пехотный мундир, а в длинную, подпоясанную широким ремнем кожаную куртку. И лишь золотом вышитые на левой стороне груди дубовые листья отличали его от рядовых пехотинцев.

— Стивенсон! — Приняв какое-то решение, лейтенант щелкнул пальцами.

— Слушаю, господин. — Похожий на пугало долговязый капрал моментально оказался рядом и, перестав сутулиться, замер, ожидая распоряжений.

— Дюжину в первую казарму, полторы в третью, остальных в четвертую.

— Слушаюсь!

— Завтра на рассвете выгонишь их в поле. И пришли за мной, когда все доходяги отсеются.

— Будет исполнено!

Потеряв к нам всякий интерес, лейтенант подозвал к себе одного из караульных, а капрал, не теряя ни мгновения, тут же приказал рядовым распределить нас по казармам. Те недолго думая ударами дубинок разделили новобранцев на три группы, и мне, Арчи и Шутнику даже не пришлось прикладывать каких-либо усилий, чтобы остаться вместе. Капрал пересчитал всех по головам, перегнал несколько человек из одной группы в другую и, для порядка устроив разгильдяям-караульным разнос, приказал развести нас по баракам.

И, как назло, именно нашей группе выпало под ударами дубинок срывавших злость пехотинцев бежать в самую дальнюю — четвертую — казарму. Дежурившие у ее запертых дверей трое рядовых в который уже за сегодня раз нас пересчитали, дождались, пока жующий смолу янтарного кедра писец оформит соответствующую запись в журнале регистрации, и только после этого разрешили загнать всех внутрь.

Облизывая рассеченную скользким ударом латной рукавицы губу, я поморгал, дожидаясь, пока глаза привыкнут к темноте, и придержал за руку уже направившегося занимать свободные нары Шутника. Один момент сразу же резанул мне глаза, и, прежде чем принимать какие-либо решения, следовало кое-что уточнить.

— Ты чего? — вырвал рукав Габриель и осторожно прикоснулся к наливавшемуся под правым глазом синяку. — Займут же все.

— Без мест не останемся, — разминая отбитое плечо, остановился рядом Арчи и оглядел длинное помещение, со стен которого в два ряда свисали нары. Свободных нар, надо сказать, было несколько меньше, чем загнанных в барак новобранцев. — Надо только решить, с какой стороны остановимся.

Да я к этому времени и сам уже сообразил, что именно меня насторожило: с левой стороны на нас смотрели изуродованные каторжными клеймами бандитские рожи, с правой расположилась совсем другая публика, и верховодили там не тени, а пойманные на браконьерстве и контрабанде выходцы с окрестных деревень. И те и другие смотрели на вновь прибывших без всякого дружелюбия, только что о мясе никто не кричал.

По всему выходило, что решать, с кем мы, придется в любом случае, и тянуть с этим не стоило: почти все с выбором уже определились, у входа продолжало топтаться человек пять, не больше. И что самое лично для меня неприятное — тот выродок, которого я ткнул пальцами в глаза, уже по-приятельски беседовал на левой стороне со здоровенным амбалом, кисти которого покрывали черные и зеленые узоры каторжанских наколок.

— О, посмотрите-ка, кто к нам пожаловал, свежее мясо! — С нар, шлепнув пятками по насыпному полу, спрыгнул худощавый паренек и почесал себя по голому пузу. — А чего это вы без приглашения? Свободных мест нет. Или отработаете?

Два молодых парня шарахнулись от уже выбранных на левой стороне пустых нар и нерешительно остановились на середине барака.

— Не кипишуй, Джига, — раздался с правой стороны уверенный голос, и по нарам каторжан пробежал тихий недовольный шепоток. Ух ты, как здесь все запущено! Не хватает только искры, чтобы побоище началось. — Вы, двое, идите сюда, найдется для вас местечко.

— Я смотрю, Вол, тебя на молоденьких мальчиков потянуло? Неужто хозяйство отросло? — не остался в долгу Джига, и теперь забурлила уже правая сторона. Но заводиле, похоже, было на это просто наплевать, и он направился к нам. — А вы чего застыли, аки столбы соляные?

— Мы это... — Тут я средним пальцем правой руки вытер соринку из правого глаза, а левую якобы невзначай завел за спину. — Смотрим мы. Место выбираем. Чтобы, значит, к душе легло.

— Ну... Выбирайте, — правильно истолковав мои жесты, отстал паренек. — А то смотрите, давайте к нам.

— Выбрали уже, — пробурчал Арчи и уверенно зашагал к двум свободным нарам на правой стороне.

Я только развел руками и заспешил следом. А впрочем, нечего мне у теней делать — слишком недовольную рожу при словах Джиги амбал с татуировками скорчил. К чему лишние сложности? Непонятно, что ему наплести успели. Как бы чего не вышло...

Но стоило Арчи подойти к свободным нарам, как моментально запрыгнувший на одни из них тощий пацаненок в не по размеру просторной накидке нагло помахал нам рукой:

— Проваливайте, занято.

Опередив здоровяка, я без разговоров пнул задохлика в голову, и тот, слетев с нар, кубарем покатился по полу. К нам тут же бросились два явно ожидавших подобного развития событий мордоворота, еще несколько человек с правой стороны барака вскочили на ноги. Вот только Арчи не дал разгореться потасовке и, сделав шаг навстречу подлетевшим бугаям, двумя неуловимыми движениями сшиб их с ног. А после, уже не торопясь, хорошо поставленными ударами отправил парней в полное забытие.

Тень! Сейчас начнется!

Но ничего начаться так и не успело: с левой стороны барака раздался издевательский свист, и Вол, поняв, что дело пахнет большой кровью, дал

отбой своим мордоворотам.

Что ж, сегодняшнюю ночь мы, может, и переживем. А вот насчет завтрашней — уже не уверен. Вол, тенью об заклад бьюсь, наше самоуправство без последствий не оставит. Иначе уважать не будут. Для начала он другими новичками займется, а потом и наша очередь придет. Выходит, завтра придется на поклон к здешним теням идти.

— Это... — Шутник недобро посмотрел на соседние нары. — Нам бы еще одно место.

— Окстись, а караулить кто будет? — осадил его забравшийся на верхние нары Арчи. — Двое спят, третий дежурит.

— И кто первый? — Габриель потер отбитые бока. — Только не говорите, что я.

— Так оно и есть. — Я занял нижние нары и блаженно на них растянулся. — Как в сон клонить начнет — буди.

— Да меня уже клонит!

— Твои проблемы.

Разбудили нас ни свет ни заря. Встающее солнце еще даже не начало светить в узкие оконца барака, когда дверь казармы распахнулась и сменивший мундир на широкие штаны и кожаную куртку капрал Стивенсон заколотил по стене дубинкой. Вбежавшие вслед за ним пехотинцы тоже не стали с нами церемониться, только они колотили дубинками и древками копий не по стенам, а по головам. Не удивительно, что обитатели барака выстроились рядом с нарами в одно мгновение.

Я постарался скрыть зевок и угрюмо уставился на долговязого капрала. Ну и чего ему не спится? Отдыхай, пока есть такая возможность. Нам вот за ночь выспаться толком так и не удалось: мало того, что приходилось перебивать сон дежурствами, так еще на другом конце казармы всю ночь кто-то надсадно выл. И ладно бы выл один бедолага, но вдобавок ко всему под громкий хохот кого-то били, время от времени раздавались дикие крики, а какой-то недоумок и вовсе затянул показавшуюся мне бесконечной песню. Хорошо хоть деревенские к нам цепляться не стали. Но чую, разговора с тенями не избежать. Слишком с той стороны барака на нас выжидательно поглядывают.

— Все на выход! — во всю мощь тренированных легких гаркнул капрал Стивенсон. — Кто вчера прибыл — строится по левую руку от выхода, остальные по правую. И не дай бог кто перепутает.

Выстроившихся, как и было велено, слева от барака новобранцев, сверившись со списком, пересчитали и погнали к навесу рядом с полосой препятствий, под которым были свалены отслужившие свой век доспехи. И

капрал собственноручно нагрузил каждого причитавшимся ему хламом, не позволяя схитрить и выбрать что-нибудь полегче.

Пробитые насквозь кирасы, рваные поддоспешники, панцири с глубокими вмятинами, вырванными застёжками и гнилыми ремнями в бою пригодиться уже не могли, но свою функцию выполняли исправно — весили они будь здоров, и пробежать в них дистанцию, а потом еще и сражаться оказалось по силам далеко не каждому.

Несколько сот шагов по прямой, потом в горку, следом высоченная стена с прорезями для ступней и ладоней, дальше спуск по канату, длинная лужа, грязи в которой было куда больше, чем воды, пробежка по бревну, подъем на укрепление по веревке с завязанными узлами, прыжки с бревна на бревно и снова изнуряющий бег.

Едва держась на ногах после полосы препятствий, я попытался оттянуть врезавшийся в горло ремень шлема, который на совесть затянула какая-то старательная армейская сволочь, и огляделся по сторонам. Полностью дистанцию прошли не более трети новобранцев. На мой взгляд, это — очень даже немало. Сам-то не знаю, как справился. Стою еле-еле, легоньким ветерком под весом давящей на плечи и грудь длинной ржавой кольчуги качает. Еще и с голодухи голова кружится.

— К оружию! — не дал нам даже перевести дыхание сменивший Стивенсона давешний лейтенант.

Чертыхнувшись, я снял болтавшийся за спиной тяжеленный круглый щит, кое-как просунул левое предплечье в ремни и вытащил из ножен тупую железную полосу в руку длиной. Одно радует: выступают против нас не тренированные пехотинцы, а такие же, как мы, новобранцы из других казарм. И пусть им не пришлось преодолевать полосу препятствий — шансы на победу у меня оставались неплохие.

Доставшийся мне противник — невысокий молодой крестьянин с уверенностью первого парня на деревне сразу же пошел в атаку и по широкой дуге рубанул тренировочным мечом. Прекрасно представляя, насколько сложно правильно управляться с этой железякой, я отступил назад, пропустил меч и, когда парня развернуло ко мне боком, не особо сильно приложил его чуть повыше колена. Вес тренировочной железяки оказался таков, что тот не удержался на подогнувшейся ноге и рухнул на землю. Готов.

Вот только на этом дело не закончилось, и по команде лейтенанта ко мне тут же кинулся вооруженный сразу двумя топорами детина, который уже успел разобраться со своим соперником. У этого были все шансы превратить меня в отбивную, и действовать пришлось незамедлительно:

сделав шаг вперед, я, словно орудуя коротким мечом, распластался в длинном выпаде и нацелил свою железяку в прореху на обшитой железными кольцами куртке. Дитина среагировал чуть позже, чем следовало, и, напоровшись на закругленное острие меча, сам выбил из себя дух. Зараза, чуть запястье не вывихнул.

Но и это было еще не все: на сей раз моим соперником стал посланный лейтенантом пехотинец, который ехидно улыбнулся и даже не стал поднимать с земли треугольный щит. И тут уж несладко пришлось мне.

Солдат был полностью уверен в собственных силах и торопиться не стал: поначалу короткие и осторожные замахи длинного меча набирали силу и скорость постепенно, но моя левая рука вскоре начала утрачивать чувствительность и все медленнее управлялась с неудобным щитом, которым и парировалась львиная доля ударов. Не желая нагружать ноющее запястье правой, я уворачивался, уклонялся, когда мог — подставлял щит и старался не отводить тяжелый клинок пехотинца крестообразной гардой собственного меча. О контратаках пришлось позабыть, и, чувствуя, как с льющимся с меня потом утекают последними силы, крыл себя последними словами за столь легкомысленно прогулянные уроки фехтования.

И все же несколько раз мне удалось нанести неплохие удары, но пехотинец, зараза, легко отвел их наручем левой руки. Наконец, наигравшись, он как-то ловко приподнял мой меч своим, шагнул вперед и впечатал колено в пах.

Ё-о-о... Едва не потеряв сознание от скрутившей низ живота боли, я согнулся и рухнул на вытоптанную площадку. Твою тень...

— Майк! — Где-то высоко над головой в ставшем вдруг хрустально-прозрачном пространстве раздался рык лейтенанта.

— Да, господин!

Зажимая руками отбитый пах, я перевернулся на живот и успел заметить, как от прямого в челюсть Майк, словно подрубленное дерево, плашмя рухнул на землю.

— Ты что творишь, сын шакала и ослицы?! — Разбушевавшийся лейтенант добавил сапогом по ребрам и снова заорал: — Я тебя чему учил?! Да будь у этого доходяги нормальный меч, ты бы без руки остался!

— Господин... — с трудом поднимаясь на ноги, пробормотал сплюнувший кровь пехотинец.

— Убирайся с глаз моих, недоносок! И скажи капралу, чтоб эту седмицу гонял тебя наравне с новобранцами! Проваливай! И Стивенсона ко мне пришли!

Я осторожно поднялся на ноги, чувствуя, как медленно отступает боль,

сделал глубокий вдох и огляделся по сторонам. Тренировочные схватки уже завершились, и, что меня не особенно удивило, Арчи и Шутник вышли победителями из всех трех поединков. Кроме них против пехотинца продержаться смог только вооружившийся цепью широкоплечий парень чуть постарше меня. Всем остальным это оказалось не по зубам.

— Звали, господин? — остановился подбежавший к лейтенанту Стивенсон.

— Пять человек отведешь к лейтенанту Эмерсону. И дюжину стрелков из волонтеров. Он давно уже просит. Да, стрелков отбери получше. А то, не приведи Господь, Торсону нажалуется.

— Кого из каторжан забирать?

— Этих двух. — Лейтенант указал на меня и еще одного новобранца, которого, хлеща ладонями по щекам, пытался привести в чувство низкорослый пехотинец. — И тех, кто твоих парней уделал.

— А остальных?

— Кто два круга прошел — к Хайнцтрогу, один — к Йохансону. Остальных на твое усмотрение. Доходяг обратно по казармам.

— Слушаюсь, господин. — Перестав сутулиться, Стивенсон приложил правую ладонь к сердцу и склонил голову.

— Выполняй. И выбей дурь из Майка, а то он и сам сгинет, и других за собой утянет.

— Будет исполнено, господин.

Капрал Стивенсон был не из тех людей, что откладывают дела в долгий ящик. Приказав бедолаге Майку, к которому, впрочем, я не испытывал ни капли сочувствия, присоединиться к следующей партии новобранцев в беге через полосу препятствий, он взял себе в сопровождающие двух пехотинцев и повел нас на другой конец лагеря. Как оказалось, помимо главных ворот, имелся и другой выход: неприметная калитка, притаившаяся за покосившейся баней. И, как ни странно, с этой стороны ее никто не охранял. Необходимости в этом, видимо, особой не было: вела калитка не на улицу, а в расположение одного из пехотных отрядов.

Посреди небольшого пустыря стоял двухэтажный сруб, к которому притулился ветхий сарайчик. Вдоль одного забора шли вкопанные в землю ростовые мишени, вдоль другого — изрядно порубленные мечами и топорами бревна. На натянутых меж двух столбов веревках сушилось постиранное белье.

Сдав нас с рук на руки двум капрам — пожилому седовласому

здоровяку с добродушным лицом дядюшки Тук-Тук^[25] и мускулистому коротышке, судя по черным как смоль волосам и носу с горбинкой, выходцу с северных марок Полесья, — Стивенсон отправился восвояси.

— Я капрал Линцтрог, это капрал Брольг. Лейтенанта Эмерсона пока нет, так что у вас есть время привести себя в порядок.

Дядюшка Тук-Тук посмотрел куда-то нам за спины, и, обернувшись, я увидел бочку с водой. Весьма своевременно: после полосы препятствий весь по уши в грязи. Да и остальные не лучше.

— Нам бы пожарить чего, — осторожно потрогал расквашенный кем-то нос Шутник.

Чувствуя жуткую резь в животе, я не мог с ним не согласиться.

— Ну-ка быстро мыться! — рыкнул Брольг и принялся закатывать рукава пехотного мундира. — И кто до прихода лейтенанта не успеет — будет об этом долго жалеть.

Я без разговоров начал расстегивать камзол и пошел к бочке, а двинувшийся было следом за мной Арчи вдруг хлопнул себя по шее, ногтем раздавил выловленную блоху и спросил у вытащившего из сарайки жаровню Линцтрога:

— Нам бы огонь где развести. Просушиться.

— Растопка и дрова в сарае, кострище за казармой. И не торопитесь — до вечерней баланды полно времени.

— Благодарю, — кивнул здоровяк и потащил за собой в сарай Шутника.

Вышли они оттуда под завязку нагруженные березовыми поленьями и берестой.

Я дождался, пока разгорится костер, натаскал из бочки в разохшееся деревянное корыто воды и принялся отстирывать камзол и штаны. Вода моментально сделалась черной, а одежда нельзя сказать чтобы стала намного чище. Подул холодный ветерок, на солнце набежала тучка, и сразу же похолодало, да так, что по коже побежали мурашки. Закончив с камзолом, я быстренько простирнул белье и уступил корыто Шутнику.

Голый по пояс Арчи простукивал камнем швы куртки и о чем-то расспрашивал парня, так ловко разделавшегося со своими противниками при помощи обычного обрывка цепи. Тот трепать языком был не намерен и, вычистив из сапог грязь, ушел к бочке с водой, у которой уже промывал слипшиеся от крови волосы щуплый пацан — последний из заключенных, угодивших вместе с нами в этот отряд.

— Что делать будем? — поинтересовался я у Арчи, пытаясь просушить над огнем камзол и при этом его не прожечь.

— Что делать? Служить.

— Не подходит.

— Есть идеи, как сорваться отсюда, — излагай.

Я промолчал.

— Ладно, примелькаемся здесь — тогда и сдернем, — предложил устроившийся рядом со мной Шутник.

— Поздно будет. Я тут этого паренька разговорил — ходят слухи, Долина Кедров со дня на день полыхнет. — Арчи, как всегда, оказался в курсе обо всем на свете.

— Он-то откуда знает? — удивился Габриель.

— Он местный.

— Что значит — полыхнет? — не понял я. — Йорк напасть решится?

— Может, решится. А может, и нет. Но слишком многие там великим герцогом Альфредом Третьим недовольны. И не все еще забыли, что когда-то долина к владениям Йорка относилась.

— А кто забыл, тому северное золото память освежит, — кивнул Шутник.

— Точно. Эмиссары Йорка чуть ли не в открытую по селам ездят. — Арчи повесил свою куртку сушиться на веревку и вернулся к костру. — Если начнется заварушка — нас первыми в расход пустят.

Заскрипев, распахнулась калитка, и капралы приняли у вернувшегося Стивенсона десяток молодых парней, похожих друг на друга как две капли воды. Хотя они, как, присмотревшись, решил я, не были даже близкими родственниками. Просто типаж один. Широкая кость, светлые, почти белые волосы, покрасневшая на солнце, но незагоревшая кожа. Ростом чуть повыше Шутника, но ладони здоровенные — как полторы моих. Одеты тоже похоже: кожаные ботинки, домотканые штаны и рубахи, короткие коричневые куртки с повязками в черно-желтую клетку на руках. На поясах ножны с короткими мечами, у всех арбалеты. Те самые волонтеры?

— Вот и пополнение, — обрадовался Шутник.

— От сервов пользы немного, — остудил его радость Арчи. — Они, кроме мотыги да топора, ничего отродясь в руках не держали.

— Не скажи, — не согласился с ним я. — Ребята наверняка с запада, а там места беспокойные.

— Все одно — не воины, — остался при своем мнении здоровяк, и, приглядевшись повнимательней к парням, я был вынужден признать его правоту. Слишком уж зажаты они. Не чувствуется уверенности в собственных силах. В кучу сгрудились, как овцы, капралам разве что в рот не заглядывают. Им бы пообтесаться. Только вот кто им время даст...

Волонтеры так и толпились у калитки, пока капрал Линцтрог не переписал их имена в отрядный реестр, и только после этого разместились у стены сарая, покидав свои вещи на землю. В дом заходить они не решились. Линцтрог не стал убирать реестр и заодно занес в него и нас. Только с молодым пацаном возникла небольшая заминка — он оказался немой. Сплюнув, капрал так и записал его — «Немой».

Скорчивший презрительную гримасу, Брольг съязвил, что это пустая трата чернил и времени: после первого же боя большинство новобранцев придется вычеркивать.

Ответить дядюшка Тук-Тук ему ничего не успел: в распахнувшуюся калитку начали заходить взмыленные солдаты. Последним шел молодой пацан лет семнадцати в запыленном до серости мундире пехотного лейтенанта, на юношеском лице его выделялась жидкая полоска русых усов.

Вот так новость! И это наш командир?! Неудивительно, что у него в отряде всего две с половиной дюжины человек. Больше такому сопляку доверять и нельзя. Наверняка папа для сыночка чин выхлопотал.

Вскакивая вслед за Арчи и Шутником на ноги, я только чертыхнулся. Если нас кинут в бой, шансов уцелеть с опытным командиром было бы куда больше.

— Стройся! — скомандовал Брольг.

Волонтеры попытались выстроиться в шеренгу, но вышло это у них из рук вон плохо. Уж лучше бы так толпой и стояли. Вернувшиеся с лейтенантом пехотинцы приснули смешками, но стоило капралу Линцтрогу на них шикнуть, как они моментально заткнулись.

— Прибыло пополнение, — доложил Брольг рассматривавшему нас командиру.

— Кто такие? — придерживая ладонью рукоять свисавшего с пояса меча, важно прошелся перед нами пацан.

— Дюжина стрелков-волонтеров и пятеро каторжан в первую линию.

Лейтенант Эмерсон внимательно нас оглядел, и, думаю, его мнение об арбалетчиках не сильно отличалось от моего. Он что-то тихо спросил у капрала и, выслушав ответ, только покачал головой.

— За что осуждены? — с плохо скрываемым презрением поинтересовался он, остановившись напротив нас.

— Карл Брюнте, убийство, — первым доложил парень, не пожелавший разговаривать с Арчи.

— Арчибальд Гровер, контрабанда.

— Габриель Антонио Гар м-Итри, контрабанда.

— Кейн рода Лейми, контрабанда.

— Ты? — Лейтенант уставился на промолчавшего парнишку.

— Этот немой, — пояснил капрал и тут же изрядно нас удивил, добавив: — А контрабандистов аж на восемь лет к нам законопатили.

— Да? — удивленно протянул Эмерсон. — Интересно. И на чем погорели?

— На серебре, господин, — ответил чистую правду Арчи.

— Много провезти пытались?

— Пуд, господин.

— В армии служил? — неожиданно сменил тему лейтенант.

— Год в страже Инцбурга, три в гарнизоне Костровицы, господин.

Потом ушел в дружины.

— В Степь ходил?

— Было дело.

— Вот и замечательно, — скривил губы Эмерсон. — Будешь старшим. И за стрелками приглядывай.

— Слушаюсь, господин.

— Да, Брольг? — словно спиной почувствовав недовольство капрала, развернулся к нему лейтенант.

— Нет, ничего, господин.

— Как разместитесь в казарме, капрал Линцтрог в арсенал проводит — оружие и доспехи подберете.

— Господин, лучше в арсенал их я провожу, — неожиданно предложил Брольг. — Линцтрогу хватает забот со своими людьми.

— Заняться нечем? — усмехнулся пацан, но капрала это не проняло. — Хочешь — проводи.

Эмерсон ушел в дом, за ним потянулись и пехотинцы. Капрал Линцтрог поглядел им вслед и железным прутом поворошил в жаровне угли.

— Ну-ка стоять! — рявкнул Брольг на Арчи, когда тот направился к волонтерам. — Послушайте-ка меня, мальчики. Это армия, и с каторжанами здесь никто цацкаться не будет. Вздумаете своевольничать — мигом живьем шкуру спущу. Опозорите отряд — жалеть будете, что вообще на свет уродился. И к тебе это, длинный, тоже относится. Усек?

— Усек, господин, — на полном серьезе ответил Арчи.

— Вот и замечательно. А теперь марш к капралу Линцтрогу. А то, судя по вашим хитрым рожам, кое-кто уже подумывает, как дезертировать. Так вот — хоть один сбежит, всех остальных повешу. Бегом марш!

Капрал Линцтрог все с тем же безмятежно-добродушным выражением

лица приказал скидывать одежду и без лишних слов выжег нам всем на левой лопатке клеймо — танцующего единорога Ранлоу и увитый терновой ветвью пехотный меч под ним. К моему удивлению, ожог почти не болел, хуже было другое: от выжженной отметины так и веяло непонятной волшбой. Боюсь, теперь сбежать будет весьма проблематично: тайнознатцы с такой меткой за версту учуют.

Сочувственно поцокивая языком и качая головой, Линцтрог раздал нам чистые тряпицы. Вот ведь гад! И не надо говорить, что работа у человека такая. Чушь это все.

Заметив промелькнувшую на моем лице гримасу, капрал придал своему морщинистому лицу озабоченное выражение:

— Болит, сынок? — Его голос был полон сочувствия, но мне почудился загоревшийся в добрых карих глазах огонек раздражения. — Потерпи, скоро пройдет.

— Уже прошло, господин, — честно ответил я и, на ходу застегивая камзол, побежал догонять своих теперь уже сослуживцев, которых Брольг и два рядовых повели в арсенал.

Обратно мы, нагруженные, словно выючные ишаки, вернулись только под вечер. Ужин к этому времени уже привезли, и, побросав мешки с доспехами у коек, мы вышли из казармы во двор.

Как я и предполагал, рядом с сараем полыхали сразу два костра — вокруг одного расселись пехотинцы, у второго, куда меньшего по размерам, притулились волонтеры. Да и от булькавшего над костром солдат котелка запахи доносились куда более аппетитные. Вот только нет никаких сомнений, в каком из котлов доходит до готовности варево, предназначенное для каторжан.

Получив у Брольга миски и ложки, мы потеснили волонтеров — молодые парни освободили места без единого слова, — и приступили к ужину. Точнее, к тому, что здесь выдавалось за ужин. Баланда была на вкус откровенно тошнотворной, а попавшийся кусок подозрительного на вид мяса — единственным на всю тарелку. Не лучше дело обстояло и с притворявшейся компотом едва подкрашенной сухими яблоками водичкой. Ну и вдобавок ко всему — доставшийся мне ломоть черного хлеба оказался непропеченным.

И все равно ужин мы умяли без единого звука. И это неудивительно — сколько уже без еды? Сутки, двое? В таком состоянии и старой подметке рад будешь. После ужина я сходил за оставленным в казарме мешком и принялся приводить в порядок отобранное в арсенале снаряжение. Нечего

время впустую тратить, завтра его может уже и не быть.

Мы с Арчи в арсенале оригинальничать не стали и отобрали стандартный армейский набор: длинные кольчуги с доходившими до локтей рукавами, открытые шлемы с кольчужными бармицами, наручи и легкие поножи. Еще взяли по стеганому поддоспешнику и войлочному подшлемнику. Вдобавок к этому я прихватил обтянутый несколькими слоями кожи прямоугольный деревянный щит, короткий пехотный меч и прямой кинжал. Меч оказался плохо заточенной полосой не лучшим образом закаленного железа, но ничего более приличного найти не удалось.

Арчи поступил хитрее — он долго о чем-то расспрашивал заведовавшего арсеналом капрала и, перерыв кучу наваленного в угол складахлама, выудил оттуда свой ненаглядный фламберг. Вот так дела! Впрочем, нет ничего удивительного, что никто не наложил лапу на конфискованный меч — научиться обращаться с двуручником вовсе не так просто, как может показаться на первый взгляд, и мало кто сможет по достоинству оценить клинок. А в том, что в форт свозят любой хлам, хоть как-то напоминающий оружие, сомнений у меня после увиденных в арсенале куч ржавого старья уже не осталось. Все верно — надо же и ополченцев с каторжанами чем-то вооружать.

Шутник же нашему примеру не последовал и, даже не посмотрев в сторону кольчуг и кирас, долго копался, откладывая в сторону чем-то не понравившиеся ему бригадины. Под конец он выбрал одну, на мой взгляд, совершенно неотличимую от остальных, круглый окантованный железом щит и свое любимое оружие — кистень.

— Ну и чем тебе именно эта бригадина приглянулась? — поинтересовался я у него, шоркая свою кольчугу в бочке с песком.

Шансов полностью отчистить ее от ржавчины было немного, но, если запустить, дальше вообще худо будет.

— А ты смотри — тут каждая пластина хорьком помечена. Значит, все должные испытания прошли, не то что оставшийся хлам. Ума не приложу, как ее крысы обозные проглядели.

— Давайте-ка закругляться, — подошел к нам Арчи. — Я тут с капралами поговорил — нам завтра поблажек никаких не будет, а Эмерсон солдат и в хвост и в гриву гоняет. — Потом присмотрелся к моему мечу и вздохнул: — Хотя тебе, Кейн, действительно лучше клинком позаниматься.

— Пошел ты, — ругнулся я и отправился спать.

Будет еще время снаряжением заняться. Мы здесь, чую, надолго застряли.

Твою ж тень!

Долина Кедров

Вопреки опасениям Арчи, нас не очень-то и гоняли. Вставать, конечно, приходилось ни свет ни заря, а ложиться затемно, но к этому вполне можно было привыкнуть. Или просто сжать зубы и перетерпеть. Гораздо сильнее бесила незыблемая монотонность распорядка дня и осознание собственного бессилия хоть что-либо изменить.

Утро начиналось с подъема с продавленной кровати, опостылевшего вида потемневшего от сырости низкого потолка над головой и еще не просохшей с вечера одежды. Потом пробежка, тренировка и, если повезет, — обед. Короткий отдых и снова тренировка. Затем ужин, а оставшееся до заката время обычно тратилось на поддержание оружия, доспехов и одежды в более-менее приличном виде.

Впрочем, пехотинцам приходилось куда хуже нашего. Лейтенант Эмерсон внимания волонтерам и бывшим каторжанам почти не уделял и все свое время тратил на рядовых. И тем действительно приходилось несладко. Муштра, муштра и еще раз муштра. Причем все те маневры, которые он день-деньской заставлял отрабатывать подневольных служивых, были совершенно не эффективны для столь немногочисленного отряда. Думаю, это прекрасно понимали и сами пехотинцы, и уж тем более капралы, но сказать командиру поперек хоть слово у них не хватало духа. Так и мучались молча.

Уже успевший сдружиться с половиной отряда Шутник со смехом как-то рассказал, что наш командир приходится младшим сыном старому другу капитана Торсона, и именно по просьбе отца тот доверил этому сопляку отряд. Правда, в подчинение дал только две дюжины рядовых и на чем-то серьезном погоревшего капрала Линцтрога. Второй капрал, как оказалось, был доверенным лицом Эмерсона-старшего.

И так уж повелось, что именно Брольг и пил из нас кровь. Нет, он не давал idiotских заданий, не кричал, не бил провинившихся. Он просто не давал нам отлынивать от тренировок и делал все, чтобы в бою арбалетчики смогли оказать хоть какую-то помощь пехотинцам. Ну а поскольку лейтенант вроде как сделал старшим Арчи, то с него капрал и спрашивал. Не удивительно, что вскоре наш вконец озверевший от неустанного внимания командира приятель начал рычать не только на молодых деревенских дурней, но и на меня с Шутником. Связываться же с постоянно пребывавшим в состоянии тихого бешенства здоровяком было не с руки, поэтому волей-неволей приходилось ему помогать. Так мы и крутились, как белки в колесе. А один день сменял другой...

К концу первой седмицы деревенские парни настолько привыкли к сложившемуся положению вещей, что по всем возникавшим вопросам первым делом шли к Арчи.

Когда выплатят жалование? Можно ли сходить в церковь? Где взять новые струны к арбалетам? Почему такая отвратная кормежка? Есть ли в форте нормальный кабак и почему капрал за этот вопрос дал в ухо? И многое-многое другое.

К тому же Шутнику волонтеры подходить не решались — острый на язык коротышка всегда был готов ответить, вот только говорил он, по своему обыкновению, какие-нибудь гадости. Да еще днем и ночью висевшая в воздухе морось и необходимость заткнуться в тряпочку, когда тебя распекает капрал, и вовсе сделали Габриеля похожим на заразившегося бешенством хорька.

Мне тоже было не до шуток. Шли дни, время утекало сквозь пальцы, а я ничего не мог с этим поделать. Голова эрла Майторна все так же гнила на пике над воротами, и по-прежнему не было никаких известий о судьбе Катарины. Сердцем я чувствовал, что она жива, но этого было слишком мало. Потерянное время жгло душу, а осознание невосполнимости каждого проведенного в бездействии мгновения наполняло ее ядом, и кипевшее во мне напряжение грозило выплеснуться на окружающих в самый неподходящий момент.

Как мог, я старался отвлечься, но рано или поздно мысли вновь возвращались к одному и тому же.

Куда направлялась Катарина? Где она сейчас? Как мне ее теперь отыскать?

Как ее отыскать?

Как?!

И как мне, твою тень, отсюда выбираться?

От небольшого костерка, в котором шипели сырые дрова, поднимался густой столб дыма. Накапывавший дождик пытался затушить слабый огонь, но пока, к нашей наскazanной радости, ему это не удавалось. Солнце давно уже опустилось за горизонт, но, закутавшись в выданный по случаю непогоды армейский плащ, я продолжал сидеть у костра и морщиться от режущего глаза дыма. Спать не хотелось. Вообще ничего не хотелось. Даже не скажу, был ли это результат нервного перенапряжения или просто все успело надоесть до печеночных колик. Еще и погодка как подгадала: который день небо затянуто низкими облаками, и лишенный красок мир кажется до безобразия серым. Или дело вовсе не в непогоде?

— Чего, Шутник, кривишься? — Я зевнул и посмотрел в сторону полыхавшего кострища пехотинцев. Там в небо рвались высокие языки пламени, и капельки мороси испарялись, даже не долетев до земли. Разгулялись что-то сегодня армейские. — Опять хвост крысиный нашел?

— Нет, сегодняшняя смена поваров более аккуратна — ни хвостов, ни когтей. Только уж я-то крысятину на вкус и от кошатины, и от собачатины отличу. Довелось, знаешь ли, в свое время... — Шутник, которому сегодня не удалось пообедать вместе со всеми, тяжело вздохнул.

Да, не стоило ему с Брольгом шутить. Не стоило.

— И что это? — Молодой арбалетчик — то ли Олаф, то ли Гюнтер, всех я по именам не помнил — с любопытством уставился на Габриеля.

— Это мясо, мальчик. И больше тебя ничего не должно волновать. — Шутник снова вздохнул, покосившись в сторону костра пехотинцев, сплюнул и поставил на землю миску с остатками остывшей баланды.

— Ты б приложил ко лбу что-нибудь холодное, — глядя на набухшую у него на лбу шишку, посоветовал я.

— Обух подойдет? — сделал вид, что принял мои слова всерьез, волонтер.

А может, и в самом деле принял. Кто их, деревенских, разберет?

— Шел бы ты, Олаф, спать уже, — нахмурился Габриель. — Завтра не встанешь.

— Встану! — широко улыбнулся белобрысый парень.

— На что забьемся — не встанешь? — сморщился Шутник, прикоснувшись пальцем ко лбу. — Да что ж такое — все тело ноет. Ни одной мышцы, чтоб не болела...

Волонтер понял, что может действительно не встать, и быстренько слинял в казарму. Мы остались у костра вдвоем.

— Устал? — спросил я, когда некоторое время спустя мне надоело поддерживать затухающий костер.

— А ты как думаешь? — тяжело поднялся на ноги Шутник, сполоснул миску в мойке и вернулся обратно. — Пробеги вокруг тренировочного поля полсотни раз — посмотрю я на тебя!

— Ладно, не кипятись. Сам виноват.

— Ой, да прям — виноват! Было бы из-за чего весь этот сыр-бор устраивать. Я в следующий раз Брольгу в сапог недохлую мышь, а живую крысу засуну.

— Завязывай, Шутник, — предостерег я приятеля. — Капрал не из тех, кто шутки понимает.

— Брольг — сволочь.

— А кто спорит? И именно поэтому его следует оставить в покое.

— Да ладно, я так... — Габриель, о чем-то задумавшись, замолчал. — Знаешь, Кейн, я одного понять не могу: почему ты отсюда еще до сих пор сдернуть не попытался.

— Вот ничего себе! А почему я хотеть сбежать должен? — насторожился я.

— Ой, да перестань ты! Только не надо мне вот этого, — отмахнулся от моих слов Шутник. — У тебя ж на лице все написано. Не знаю, в чем причина, но ломает тебя будь здоров.

— Так заметно?

— А то! Разве что на людей не кидаешься.

— Прямо уж...

— Точно тебе говорю, — кивнул Шутник. — Ну так почему?

— Потому что шансов нет, потому что остальных вздернут, еще дюжина потому что...

— Да какое тебе дело вообще до остальных? — удивился Габриель.

— Я своих не кидаю.

— Кого своих? Карл и Немой тебе свои?

— Да при чем здесь они? Не ерничай, Шутник. — Я вытер каплю с носа и проморгал слезившиеся от дыма глаза. — На чужих мне плевать. Пусть церковники обо всех страждущих заботятся. Но тебя и Арчи я здесь не оставлю.

— То есть ты провел черту: вот свои, а вот уже чужие? — уточнил Габриель. — И я свой? Польщен.

— Каждый проводит такую черту. Каждый сам решает, кто для него важнее...

— Карл где? — оборвал мою мысль прибежавший откуда-то Арчи, с трудом восстанавливая сбившееся дыхание.

— Милуется, наверное, опять с Немым, — фыркнул Шутник. — Они же у нас такие друзья...

— Что случилось-то? — забеспокоился я.

— Ищите Карла и Немого и собирайтесь...

— Куда?!

Ответить Арчи не успел: выскочивший из казармы Брольг со всей мочи долбанул дубинкой по ржавой железной полосе, свисавшей с выступающей из-под крыши балки. Сидевшие у костра пехотинцы как ужаленные вскочили на ноги и бросились в барак, навстречу им повалили заспанные волонтеры.

— С вещами стройся! — перекрыла шум суматохи команда капрала

Линцтрога. — Выступаем!

Много времени сборы не заняли — сказались ежедневные подъемы на тренировки. Кольчуга за это время так и вообще стала привычной, как вторая кожа. Несколько раз подпрыгнув на месте, я схватил запихнутую под кровать походную суму и, на ходу затягивая ремни наручей, выскочил из казармы.

Пехотинцы к этому времени уже успели построиться, и капрал Линцтрог проверял снаряжение зевавших волонтеров. И тут невооруженным взглядом стала заметна разница между профессионалами и вчерашними сервами. Пехотинцы походили друг на друга, как капли: одинаковые шлемы, усиленные зеркалами кольчуги, упертые в землю пятки алебард. На поясах фляги, мечи и кинжалы, за плечами прямоугольные щиты. Они и стояли все как один — ровно, но в то же время без совершенно неуместного сейчас напряжения.

Другое дело волонтеры. Даже одинаковое армейское снаряжение и внешнее сходство не делали их похожими друг на друга. Один забыл надеть салат, второй безуспешно пытался затянуть шнуры дублета, двое никак не могли разобраться со своими арбалетами. И, ко всему прочему, даже Линцтрогу не удалось выстроить их в нормальную шеренгу.

— Что происходит? — краешком рта прошептал я стоявшему рядом Арчи.

— Заткнись, — и вовсе не открывая рта, посоветовал мне тот.

В это время в распахнувшуюся калитку вошел лейтенант Эмерсон. Мальчишка изо всех сил пыжился и старался придать себе значительный вид, но, увидев, что представляет собой его воинство, только махнул рукой и подозвал к себе капрала Брольга.

После того как они посоветовались, Брольг в двух словах объяснил поставленную перед нами задачу:

— Нам предстоит марш-бросок в Долину Кедров. Идти придется всю ночь. Стычки с противником маловероятны, но по сторонам смотрите в оба. Двинули!

Выступали в ночь не мы одни. Сначала мне и вовсе показалось, будто весь форт спешит выбраться за крепостные стены, но, приглядевшись к толчее у ворот, я понял, что дело в одновременно полученной команде. Будь у отрядов хоть какой-то сдвиг во времени, и давки бы удалось избежать. Да и покидали форт Норгвар в основном пехотинцы. Ни стрелки, ни кавалеристы на глаза пока не попадались.

— Что стряслось-то? — первым делом вцепился в Арчи Шутник, когда прозвучала команда пропустить другой отряд и нам пришлось

остановиться неподалеку от внутренних ворот.

— Да я и сам ничего не знаю! — не смог или не захотел тот внятно ответить на вопрос. — То ли Йорк напал, то ли восстание.

— Волнения в окрестностях Старого Перента начались, — просветил нас стоявший в карауле у ворот усатый стражник.

— Бунт?

— Не, красные кошки воду мутят. Все бандитов засылают да местных золотом баламутят. — До окончания смены усачу оставалось еще несколько часов, и он был рад любой возможности скоротать время. — А еще говорят, Йорк с эльфами столкнулся. Нападения со дня на день ждут. Вот вас туда и двинули.

— Почему нас? — разглядывая проходящих через ворота егерей, поинтересовался Арчи. — Регулярные части мигом бы всех по углам разогнали. Или, на крайний случай, кавалерийские летучие отряды в долину перекинуть.

— Ну ты сам посуди: не этого ли Йорк добивается? Мы войска введем, а они в другом месте ударят. Или подождут, пока в мелких стычках с бунтовщиками увязнем, и только тогда нападут. А регулярные части на восточной границе, как ни крути, нужнее. — Стражник вытер красное яблоко о рукав куртки и смачно откусил. — Да и разбегутся бандиты и мятежники по углам — где их искать потом?

— С орками который год мир! — Молодой арбалетчик снял салат, стянул шапочку подшлемника и вытер вспотевший лоб. — Чего на востоке столько войск держать?

— Мир с орками длится только до тех пор, пока у нас там солдат больше, чем у них. Усек? — Усач выкинул огрызок и широко зевнул.

— А скажи-ка, любезный, чьи это головы пики украшают? — Указав на рыжую шевелюру эрла Майторна, я последовал примеру остальных и убрал шлем в походный мешок.

— А это засланцы Йоркские. Источники отравить хотели. Вон тот, вишь, цельный эрл, а все одно от расплаты не ушел.

— И что, даже выкуп брать не стали — сразу всем головы поотрубали? — чувствуя, как в сердце вонзилась ледяная стрела, разыграл удивление я.

— Дак откуда ж я знаю — всем или не всем? Видели, «Серые волкодавы» — егеря это — только что прошли? Их трофеи. Но это не в мою смену было, так что не взыщите — подробностей нема.

— За эрла всяко десятка полтора золотых корон выкупа взять можно было, — мечтательно прикинул Шутник. — А если не из бедных, то и

дюжины две не много.

— Видать, таковы его прегрешения были, что без выкупа порешили, — подняв голову, посмотрел на пики над воротами стражник.

— Или он живым не дался, — пожал плечами Арчи.

— Или так, — не стал спорить караульный.

— Длинный! — позвал Арчибальда капрал Брольг и указал на высокого худого человека в черном плаще. — Это мастер Бернард. За его безопасность отвечаешь головой.

— Слушаюсь, господин, — ничего не понимая, отозвался Арчи и спросил у опершегося на простой деревянный посох Бернарда: — Вы идете с нами, мастер?

— Да, — пробормотал тот, вытер нос и оглушительно чихнул.

— Держитесь поближе ко мне. — Думаю, на этот раз здоровяк не случайно упустил слово «мастер», но странный чужак никак на это не прореагировал.

Сверкнувшая в отдалении молния осветила ночь, и я понял, что плащ Бернарда вовсе не угольно-черный, как мне показалось в темноте. Нет, на темной ткани серыми кляксами выделялись колдовские письмена, пентаграммы, черепа и прочие используемые тайнознатцами символы. Причем используемые лишь той их частью, что не чуралась самых запретных и богопротивных областей чародейства, — Домом Тлена^[26]. А Бернард, выходит, должен быть Господином мертвых^[27]. Или Слугой смерти^[28], что ни на тень не лучше.

Вот тут-то у меня челюсть и отвисла. Просто в голове уложиться не могло, что находящийся в здравом уме тайнознатец в открытую нанесет подобные символы себе на одежду. И уж совершенно точно, никакой нормальный командир не станет терпеть такого в своем отряде. Ранлоу — это не Восточный Норлинг. Пусть здесь Церковь и не имеет такой власти, как в Империи, но чернокнижника на костер она отправит легко.

Или не все так с этим тайнознатцем просто?

— Двинули, двинули, — по цепочке передали команду Эмерсона, и мы зашагали через уже освободившиеся ворота.

Противный дождик стекал за ворот плаща, закинутый за спину щит никак не желал висеть ровно и тянул вбок, но мне все было нипочем — по мере удаления от форта с души словно стаивал тяготивший меня груз переживаний. Понимаю, что радоваться пока рано, но хоть что-то с мертвой точки сдвинулось.

Лейтенант Эмерсон гнал отряд без остановок почти всю ночь. Люди едва переставляли ноги, но он не отдавал приказ устроить привал до тех пор, пока Брольг не обратил его внимания на шатавшихся от усталости волонтеров. Вот только и эта короткая передышка под начавшимся дождем не могла серьезно исправить ситуацию: вымотанные дневной тренировкой бойцы засыпали прямо на ходу.

Неведь что вбивший себе в голову лейтенант ничего и слушать не хотел о необходимости переждать непогоду и почти сразу же погнал нас дальше. И было совершенно непонятно, откуда в этом щупленьком парнишке столько сил — от положенного ему скакуна он отказался и теперь тащился по грязи наравне со всеми. А ведь на тренировке должен был вымотаться ничуть не меньше других.

Небо затянули тяжелые тучи, и темень стояла такая, что хоть глаз выколи — хуже уже не будет. Лейтенант распорядился пустить впереди отряда авангард из трех человек, но вскоре от этой идеи пришлось отказаться — высланные на разведку пехотинцы едва не потерялись. Да и что можно разглядеть в этом кромешном мраке?

Мы, как слепые котята, скользя на раскисшей от ливня дороге, упорно шли вперед и с нетерпением ожидали наступления рассвета. Холодный и, как назло, встречный ветер бросал в лицо брызги дождя, и положения не спасал даже натянутый на голову капюшон плаща. С другой стороны, у столь мерзкой погоды имелась и положительная сторона — можно не опасаться заснуть на ходу.

Более подходящий случай для побега было сложно придумать, но по зрелому размышлению я решил с этим повременить. Во-первых, на местности не ориентируюсь, а с рассветом целая уйма народу будет счастлива поучаствовать в игре «затрави дезертира». Ну и, во-вторых, именно в Долине Кедров больше всего шансов отыскать кого-нибудь из «Серых волкодавов» и расспросить о судьбе направлявшегося в Йорк отряда эрла Майторна. Об обещании Брольга забывать тоже не стоило. А подбить на побег Арчи и Шутника при таком количестве лишних ушей просто-напросто нереально.

Изредка из ночного мрака нам навстречу вылетали конные разъезды, чаще мы обгоняли остановившиеся на привалах отряды пехотинцев. И в скором времени мне стало понятно, почему так спешит этот двужильный мальчишка: командуя столь незначительными силами, он решил во что бы то ни стало первым войти в Долину Кедров. Непонятно только, за какой тенью ему это понадобилось.

Но ближе к рассвету у меня уже начало закрадываться подозрение, что

сопляк просто решил нас всех угробить. Свои мысли я благоразумно держал при себе: оба капрала пребывали в состоянии, близком к бешенству, и уже успели устроить взбучку не только волонтерам, но и нескольким не слишком сдержанным на язык пехотинцам.

А потом нам приказали сворачивать с Императорского тракта. Вот только всеобщая радость по поводу скорого отдыха быстро сменилась глубоким разочарованием: Эмерсон не собирался устраивать привал — наоборот, лейтенант рассчитывал выиграть десяток-другой верст, переправившись на другой берег одного из многочисленных притоков Стылой. Оставалось уповать лишь на то, что действовал он не наобум и предварительно выяснил расположение ближайшего к форту Норгвар брода.

Гуськом пробираясь через густые заросли камыша и чувствуя, как холодная речная вода начинает заливать сапоги, мы вполголоса ругались, но даже и не пытались оспорить приказ: лейтенант шел первым, и связываться с этим психом ни у кого желания не было. Даже у капралов.

Вскоре стена камышей раздвинулась и открылась небольшая заводь. Ноги начали проваливаться в ил, а уровень воды поднимался все выше и выше. Если так пойдет и дальше, придется нам всем дружно отправиться на дно. Одно утешает: мальчишка пойдет на корм рыбам первым.

Но тут вода дошла до паха, и все посторонние мысли мигнов вылетели у меня из головы.

— Ничего, холод этому делу только в пользу, — услышал мой судорожный всхлип давненько уже бредший по пояс в воде Шутник. — Хотя тебе это вряд ли уже поможет.

— Шел бы ты... — себе под нос пробормотал я в ответ и поднял над головой суму и сверток с заблаговременно снятой верхней одеждой. А вот как штаны сушить буду — ума не приложу.

Вскоре речная вода добралась до подмышек и поднятые пронзительным ветром волны через раз захватывали лицо. Все тело закоченело от холода, и я всерьез начал опасаться, что ноги вот-вот сведет судорогой. К счастью, к этому времени мы уже достигли середины реки и дно начало подниматься.

С этой стороны берег оказался обрывистым, а стремительное течение едва не сбивало с ног, но лейтенант Эмерсон почти сразу же нашел узкую тропинку, ведущую на каменистый склон, и мы начали восхождение. Мокрые сапоги постоянно проскальзывали, ухватиться можно было лишь за идущего рядом товарища, и обратно в речку никто не сверзился только чудом.

Поднявшийся первым на крутой берег лейтенант Эмерсон сразу же отправил трех пехотинцев на разведку, и мы приготовились к очередному изматывающему переходу, но тут нам улыбнулась удача: скомандовали привал.

Капрал Линцтрог привел отряд на прикрытую от ветра крутым склоном холма и густо разросшимися ивами небольшую полянку, и, хоть находились мы уже в Долине Кедров, командиру волей-неволей пришлось разрешить развести костры. Риск быть обнаруженным из-за огня или дыма перекрывался опасностью оказаться без солдат, слегших с простудой и воспалением легких.

— Светает, — зябко поежился только что выжавший рубаху Шутник и уселся у небольшого костерка.

— Значит, скоро дальше двинем, — вполне обоснованно предположил кто-то из волонтеров, кажется, Густав.

— И на хрена ночью куда-то переться надо было? — поддержал его ворчание Олаф.

— Командирам видней, — наставительно заявил Арчи, и волонтеры заткнулись.

Командирам, конечно, видней, но не понимаю я, что ж такое должно было стрястись, если нас на ночь глядя с места сорвали. К тому же ни обозов по дороге не встретилось, ни еще каких вспомогательных армейских частей. Одни патрули комендантские и пехота. Так войны не начинают. А восстание подавить — это карателям работа, а не нам. Разве что совсем дела швах. Но тогда и мы положения не спасем.

Как задремал — не помню. Вот вроде еще сижу, закутавшись в плащ, а потом сразу темнота, толчок в бок и хмурое лицо Арчи.

— Просыпайся. Выступаем.

Я поднялся на затекшие ноги, помотал головой, вытрясая из нее вязкую хмарь сна, и огляделся. Сплошная пелена низких облаков в кои-то веки расплзлась, и в ее разрывах проглядывало хоть и серое, но чистое небо. Солнце еще только начинало подниматься над верхушками деревьев и бледно-розовым шаром выглядывало из-за ив. Дождь больше не накрапывал, и даже ветер перестал выдувать из-под одежды жалкие крохи тепла.

Живи и радуйся, казалось бы. Но радоваться некогда — лейтенантику неймется, и он всю плешь проел капралам, заставляя их ускорить сборы. Ну а те и рады стараться, да так, что несколько шишек и синяков уже нашли своих новых владельцев. Ничего, лишняя зуботычина еще никому не повредила. Главное, самому на нее не нарваться.

Пехотинцы закрыли дымившиеся угли костров срезанным дерном, и по заросшей высокой травой едва заметной тропке наш отряд начал удаляться от реки. Вскоре мы добрались до проселочной дороги, которая через несколько верст, в свою очередь, вышла к сделавшему петлю Императорскому тракту.

Низкорослые ивы сначала сменились зарослями орешника, потом белыми стволами замелькали березы, а в отдалении замаячила высоченная стена сосен. Воздух посвежел, из него пропала ставшая уже привычной за последние дни болотная сырость и затхлость.

— Кейн, Карл, Немой, — остановился рядом обходивший отряд Линцтрог. — Вы в авангарде. Дистанция шагов двести, больше не отрывайтесь.

— Куда идти-то? — поглядел я в оба конца пустынного тракта.

Не нравится мне эта затея, ох не нравится. Тенью чую — не к добру это. Настроение вообще на редкость мерзкое: голова с недосыпу болит, одежда сырая, в сапогах можно лягушек разводить. Да еще ко всему прочему насморк начинается.

— Туда, — указал направо Линцтрог. — Куда еще? Версты через две развилка на Старый Перент будет, там нас дожждитесь.

— И даже думать забудь, чтобы деру дать, — прошипел мне на ухо капрал Брольг. — Живьем освежую.

— Да как можно? Я ж... — возмутился в голос я. — Я ж... Да для меня отряд...

— Заткнись, — оборвал мои причитания капрал. — Я тебя, гаденыш, насквозь вижу. Только попробуй какой номер отколоть, живо на виселице станцуешь. Понял?

— Понял, господин. Разрешите идти?

— Проваливай.

Ну я и пошел. Догнал Карла и Немого и, обходя лужи, поплелся рядом по обочине тракта. Шли мы молча. С Немым, понятно дело, не поговоришь, Карл тоже будто в рот воды набрал. Да и сам я к нему с разговорами не лез. Тут не языком трепаться надо, а по сторонам смотреть. Увидишь, как солнечный луч на доспехе или наконечнике стрелы блеснет, — молодец, может, и хватит удачи в живых остаться. А проглядишь — никакая удача не поможет.

Пока все было спокойно, но, думается мне, затишье это обманчивое, ложное. Не стали бы из-за пустяков почти весь гарнизон форта сюда перебрасывать. Так что на засаду в любой момент нарваться можно.

Телега показалась, когда мы уже успели отмахать по тракту, пожалуй

что, с полверсты. Ухватив Немого за рукав, я жестом показал ему, чтобы он перешел к другой обочине, и, затянув ремень шлема, вышел вперед. Предосторожность оказалась напрасной: правивший заваленной всяким хламом телегой старик вряд ли мог даже помыслить о нападении на нас. Тем более, что позади него сжались, стараясь сделаться как можно более незаметными, две девчушки лет по десять от роду.

И все же рисковать я не стал и взмахом руки приказал ему остановиться, когда до морды гнедой лошадки оставалось еще с десяток шагов.

— Кто таков? — Я поправил врезавшийся в предплечье ремень щита и, не сдержавшись, громко чихнул.

Зашедший сбоку Карл внимательно оглядел телегу и махнул мне, что все в порядке.

— Шон Нильсон, вольный поселенец из-под Забра. — Дедок с опаской поглядел на нас, но, различив на плащах герб Ранлоу, немного успокоился. — К родне в Риист перебираюсь.

— А чего так, на старости лет? — Я заглянул в телегу и махнул Немому: проходи.

— А будто сами не знаете! Непокойно у нас стало. Разбойники совсем обнаглели, да с севера всякая нечисть полезла. На той неделе источник у Завражного хутора отравили — дюжину человек схоронили. Да и соседи... — Старик не договорил и махнул рукой. — Ну я поеду?

— А что соседи?

— А крайних соседи ищут, вот что. И если у меня родичи на юге — значит, доверия нет. Того и гляди — дом подожгут.

— По пути никто не попадался?

— Нет, ни единой живой души не встретили. По домам все попрятались, не иначе.

— Ладно, езжай, — разрешил я.

Пусть лейтенант сам решает, как с ним быть. Есть у меня сомнения, что старик не всю правду сказал. Да и тень с ним.

Ну а мы потопали по грязи дальше. Вскоре Немой закашлялся, а потом и мои легкие начал рвать сухой надсадный кашель. Вот ведь! Не удивлюсь, если к вечеру пол-отряда сляжет. Да что ж так холодно, в самом деле? Вроде и солнце уже пригревать начинает, а никак согреться не могу.

Как и предупреждал капрал Линцтрог, вскоре тракт обогнул небольшой лесок, и мы вышли к перекрестку, сразу за которым раскинулось заброшенное поле. И вот тогда-то и стало ясно, что усмешка в словах старика о живых душах мне действительно не почудилась: на

росших у скособочившегося дорожного указателя кленах под легкими порывами ветра покачивались босоногие висельники. И не один или два, а никак не меньше дюжины.

Что самое гадкое — три висельника были обряжены в лимонно-черные мундиры кавалеристов Ранлоу. Остальные явно местные — судя по одежке, зажиточные крестьяне с какого-нибудь хутора неподалеку отсюда. О! И святого отца вместе с паствой вздернули. Ну это уже ни в какие ворота не лезет. Нет, тут не разбойники шалили, здесь что-то другое. Акция устрашения? Солдат такими сюрпризами не запугать, а вот местных — вполне.

— Вчера под вечер повесили, — наметанным глазом определил Карл, останавливаясь рядом с одним из деревьев. — Воронье еще даже глаза не выклевало.

— Похоже на то, — согласился я, но к покойникам подходить не стал. — Как думаешь, это красные кошки устроили?

— А кто еще? Наши тоже, конечно, могли дезертиров или насильников из своих повесить, но казенное имущество они бы с собой забрали. А тут смотри — мундиры с иголки...

— Эй, ты чего делаешь? — перебил я качнувшего труп одного из кавалеристов Карла.

— Все одно — снимать прикажут, так хоть веревка на счастье достанется. — Карл отклонился в сторону, и пятки жутко оскаленного покойника промелькнули у него перед лицом. — Дьявол, не успели! Идут уже.

Я оглянулся и увидел вывернувших из-за лесочка пехотинцев. Вот ведь странные люди: из-за веревки, которой человека удавили; до драки дойти может. С чего вообще взяли, что она удачу приносит?

Немой зажал в зубах вытащенный из чехла на поясе нож и принялся забираться на клен. Вот тут-то все и началось: мутные глаза одного из покойников мигнули зеленым огнем, и узел стягивавшей его горло веревки развязался сам собой. Я только набрал воздух для крика, как уже остальные висельники, словно перезревшие плоды смерти, попадали на землю. И ладно бы просто попадали — все мертвецы моментально оказались на ногах.

Взревев, Карл со всего размаху опустил боевой топор на голову ближайшего к нему покойника, и тяжелое лезвие с хрустом рассекло череп. Во все стороны брызнули зеленые капли. Пока парень высвобождал крепко засевшее оружие, на него кинулся еще один висельник, но мне удалось сбить его с ног, ударив по коленям нижним краем щита. Извернувшийся

как кошка мертвый кавалерист с изумрудными провалами вместо глаз попытался дотянуться до меня, я отступил назад и ударом меча раздробил ему правое запястье.

— Бежим! — взмахнув по широкой дуге непривычно тяжелым для меня клинком, я начал, пятась, отступать от приближавшихся мертвяков.

— погоди! — Карл обухом снес половину лица зашедшему сбоку мертвому крестьянину и бросился на выручку спрыгнувшему с дерева Немому.

В это время из руки валявшегося на земле покойника с раскроенным черепом метнулась зеленая нить, похожая на ветвь странного растения. Гибкий побег легко рассек плащ, но, ударившись о звенья кольчуги, лопнул и брызнул белесым соком. Карл запнулся, и его тут же повалил на дорогу запрыгнувший на спину мертвец.

Я крутанул меч, ударил сверху вниз по протянутой ко мне руке и, выгадав момент, бросился бежать в сторону отряда. Полные боли крики резко оборвались, и сзади сразу же послышалось шлепанье босых ног по лужам и дорожной грязи.

На наше счастье, лейтенант Эмерсон быстро разобрался в ситуации, и вооруженные алебардами пехотинцы начали, прикрывая не подготовленных для рукопашной стрелков, выходить вперед. И когда последний из волонтеров со взведенным арбалетом скрылся за шеренгой солдат, я только обрадовался: неровен час, меня бы подстрелили.

Но радовался я напрасно. Из плотного ряда пехотинцев вперед выдвинулся откинувший с головы капюшон плаща Бернард, и неожиданно в серых глазах чернокнижника заиграли отблески багряного пламени. Стянув кожаную перчатку, он вытянул вперед правую руку, и на его среднем пальце вспыхнуло ослепительным серебристым сиянием украшенное красными самоцветами кольцо. Не мешкая ни мгновения, я с разбегу плюхнулся лицом в дорожную грязь.

Над головой ухнуло, затылок опалила волна нестерпимого жара и мне почудилась вонь паленых волос. Извернувшись, я поднял от дороги голову, и вместо оживших мертвецов увидел лишь разлетающиеся под порывами ветра кучки пепла. Тайнознатец не церемонился, и его все сжигающее на своем пути заклятье дотянулось даже до растущих у перекрестка кленов. Точнее — росших. Сейчас от деревьев остались лишь обугленные стволы. И, что самое странное, — нигде ни малейшего намека на огонь или дым.

— Кейн, ты цел? — подбежал ко мне капрал Брольг. — Что у вас там стряслось?!

Я поднялся на ноги, вытер ладонью с лица грязь и потряс головой.

Уши заложило, и вопрос капрала удалось понять, только когда тот проорал его второй раз. Понять — понял, но выдавить из себя хоть какой-то ответ так и не смог.

— Да отвечай уже, сучий потрох! — тряся меня за плечи, никак не мог успокоиться капрал.

— Висельники неупокоенными оказались, — наконец смог выдавить я из себя и ошалело огляделся по сторонам.

Линцтрог распекал пехотинцев, которые, по его словам, выполняли маневры точь-в-точь как беременные бабы, Арчи пытался втолковать волонтерам, что не стоит лезть рассматривать оставшиеся от мертвяков кучки пепла и лишний раз мозолить командирам глаза. И никого, похоже, не волновала смерть двух бойцов. На войне как на войне.

— Ничего подобного. Это зеленые мертвецы, — поправил меня Бернارد, который оказался никаким не чернокнижником, а тайнознатцем Дома Искр^[29]. Непонятно только, Повелитель он пламени^[30] или Одержимый огнем^[31].

— Будьте добры, объясните по-человечески, — весьма холодно попросил его лейтенант Эмерсон. Мне даже показалось, что между тайнознатцем и мальчишкой пробежала черная кошка, хотя командир мог просто переживать из-за гибели людей. Да нет, бред. Чтоб благородный из-за смерти двух каторжан расстроился? Да никогда.

— Это запретное знание эльфов. — Бернارد натянул перчатку на правую руку, но перед этим мне удалось рассмотреть, что по ободу кольца рассыпаны рубины. Значит, все же Одержимый. Оно и понятно, Повелители не того полета птицы, чтобы в такие авантюры ввязываться. — Я не слышал еще ни об одном человеке, орке или гноме, который смог бы им овладеть.

— А может, все же мертвяки? — непонятно зачем решил уточнить капрал Брольг.

Ничего не ответив, тайнознатец подошел к останкам почти настигшего меня висельника, ногой разворошил пепел и, приглядевшись, поднял с земли изумрудного цвета семечко с ноготь большого пальца величиной:

— Аель-нар-олша. Семя неживой травы.

— Вам видней, — отшатнулся от протянутого ему семени капрал.

— Разумеется. — Семечко в пальцах Бернара вдруг почернело, и Одержимый огнем стряхнул пепел на землю.

— Но как здесь оказались эльфы? — нахмурился лейтенант.

— Известно как: они с Йорком заодно, — уверенно заявил Брольг.

— Тревога! — как угорелый заорал вдруг капрал Линцтрог, и сердце у меня ухнуло куда-то вниз. Неужели еще покойники?

Все оказалось намного хуже: из-за соседнего лесочка вылетела цепь всадников. Здоровенные боевые кони легко несли латников, а в центре строя возвышался закованный в доспехи рыцарь. Крайним левым скакал знаменосец, и на развевавшемся по ветру вымпеле трепетал незнакомый мне герб: на серебряной левой верхней половине геральдического поля черная рука с устремленным ввысь лезвием меча, на лазурной правой нижней — золотая роза.

— В два ряда! — Эмерсон бросился к бойцам отряда. — Живее!

Я сразу же помчался вслед за ним, но, к моему удивлению, нескладный и тощий, как щепка, тайнознатец легко опередил и меня, и рванувшего за командиром капрала. Вот это прыть!

В начавшейся суете выстроившиеся в шеренги пехотинцы оттеснили назад волонтеров, и взбешенный Арчи погнал арбалетчиков на пригодную для стрельбы позицию. Времени на это уже практически не оставалось: всадники мчались слишком быстро, и летевшие во все стороны из-под копыт защищенных латами коней комья земли и куски дерна наглядно показывали, что произойдет через несколько мгновений с нашим отрядом. Против набравших разгон латников нам не выстоять, даже несмотря на ощерившуюся лезвиями алебард шеренгу пехотинцев. Сомнут и не заметят. Хотя есть еще и второй ряд...

Только бы на нас не свернули, только бы не на нас. У пехотинцев хоть какой-то шанс выстоять есть. Волонтеров же просто стопчут. Но мы стоим дальше, да и овраг для лошадей здесь слишком крутой...

Земля ощутимо дрожала от топота конских копыт, и у меня по спине побежали мурашки. Смертельным блеском засверкали на солнце устремленные на нас наконечники пик, клинки мечей и тяжелых кавалерийских сабель. Казавшаяся единым многоголовым чудовищем лавина всадников стремительно приближалась и была готова смять, сокрушить и растоптать осмелившихся противостоять ей жалких людишек.

Чувствуя, как бешено забилося сердце, я несколько раз поднял и опустил руку с враз потяжелевшим щитом и вытащил из ножен меч. Вряд ли это мне поможет, но, если удастся пережить первый натиск... Кто знает, как там дальше тени станцуют? И не из таких передряг выбирался. Глядишь, и тайнознатец подсобит. Если только мы выстоим, если только...

Появившаяся паническая мысль выбросить щит, развернуться и бежать, бежать от этого ужаса, насколько хватит сил, на одно показавшееся безумно долгим мгновение парализовала сознание. Стиснув зубы, я

заставил себя остаться на месте, и холод между лопаток, там, где вполне могла пробить звенья кольчуги кавалерийская пика, овладей мной паника, понемногу отступил. Пересилить себя смогли не все: волонтеры подались назад. Ожидавший чего-то подобного Арчи сразу же сбил ближайшего к нему паникера с ног. Шутник раскрутил кистень, я с мечом в руке встал рядом с ним, и это отрезвляюще подействовало на испуганных парней. Латники — вон они еще где, а мы-то рядом...

Думаю, всех нас спас небольшой кювет у обочины тракта, при подъеме по склону которого мчавшиеся с копьями наперевес латники немного снизили темп. Кювет, да еще Арчи. Именно он успел пинками вытолкать волонтеров на стрелковую позицию и разрешил растерявшимся парням стрелять, только когда конникам до нас осталось проскакать всего пару дюжин шагов.

Арбалеты сухо щелкнули в самый последний момент, дюжина болтов устремилась в кавалеристов, и хоть почти половина из-за неточного прицела срикошетила от лат, оставшиеся сумели пробить тяжелые доспехи. Двоих латников вышибло на землю, получивший болт в зазор между нагрудником и наручем знаменосец обмяк в седле, а вырвавшийся вперед жеребец поднялся на дыбы и с надсадным ржанием рухнул набок. Скакавший следом наездник не успел отвернуть коня, и образовавшаяся куча-мала захватила еще двоих нападавших.

А в следующий миг рыцарь и его отряд на полном скаку врезались в строй уперших в землю пятки алебард пехотинцев.

Лязг и срежет железа, хруст костей, крики стоптанных людей, ржание напоровшихся на лезвия алебард лошадей, глухие удары о землю вылетевших из седел латников... Шум схватки вмиг достиг своего апогея, а потом растянулся, частично завязнув на месте столкновения, частично умчавшись дальше — туда, куда вылетели расклевывающие строй солдат кавалеристы.

А это удалось далеко не всем. Хоть первый ряд пехотинцев и полег почти поголовно, но прорваться через вторую шеренгу смогла лишь дюжина всадников. Остальным повезло куда как меньше: потерявших скорость латников вытягивали из седел крючьями алебард, тяжелые лезвия подрубали ноги скакунов. И уж в рукопашной появившееся, пусть и временное, численное преимущество дало пехотинцам неплохую фору. Немногие всадники, которые умудрились после падения на землю подняться на ноги, оказались окружены, и их участь была предрешена.

— Заряжай! — Арчи в общую схватку не полез и бросился собирать разбежавшихся волонтеров.

В этот момент прорвавшийся через цепь пехотинцев рыцарь развернул коня и вместе с десятком спутников понесся обратно. Ввязавшиеся в рукопашную пехотинцы никак не успевали подготовиться к отражению атаки, и вся надежда оставалась только на перезарядивших арбалеты волонтеров.

Дождавшись, когда Арчи выкрикнет команду открыть стрельбу, Бернард поднял руки к небу и надсадно проорал короткую фразу. Мгновением позже щелкнули арбалеты, и, несмотря на значительную дистанцию, все полыхнувшие в полете алым сиянием болты угодили точно в цель и насквозь пронзили прочные доспехи кавалеристов.

Уцелеть удалось лишь рыцарю и четырем ближайшим к нему латникам, но Бернард не собирался оставлять им ни единого шанса. Хлопок поднятых рук слился с оглушительным грохотом, и стальные доспехи, брызнув мелкими осколками перекаленного металла, вырванными кусками плоти и обломками костей, разлетелись в разные стороны. Объятый пламенем рыцарский шлем отлетел шагов на сорок и, оставляя за собой след дымившейся травы, покатился по полю.

Расправиться со спешенными всадниками, которые рубились с пехотинцами, много времени не заняло. Двух последних, отбивавшихся, встав спиной к спине, так и вовсе расстреляли из арбалетов почувствовавшие вкус к крови волонтеры.

— Арчи, позаботься о раненых, — решив, что в ближайшее время нам ничего не угрожает, приказал лейтенант, стянул шлем и вытер испачканное кровью лицо. Мальчишка хоть и побледнел, но изо всех сил старался держать себя в руках. И получалось у него это весьма неплохо. По крайней мере, какие следует отдавать приказы, он не забыл. — Линцтрог, живьем всех брать!

Не получивший в схватке ни единой царапины Линцтрог тут же отправил пятерых пехотинцев разобрать завал, образовавшийся из-за подстреленного из арбалета скакуна. Мне с пригорка было прекрасно видно, как попытавшемуся вытащить из-под коня зажатую ногу латнику без лишних слов вогнали в щель доспехов узкий кинжал. Капрал Линцтрог тоже это видел, но, покосившись на отвернувшегося в другую сторону лейтенанта, промолчал и продолжил заматывать смоченной горлодером тряпицей рассеченную руку одному из своих солдат.

Начавшие отходить от шока волонтеры под предводительством Арчи принялись обследовать валявшиеся на месте схватки тела и выискивать еще не скончавшихся от ран бойцов отряда. Таких оказалось совсем немного: один с раздробленной ногой, двое с переломанными костями.

Осмотревший раздробленную ногу Брольг без колебаний взялся за нож и ампутировал ступню. Тайнознатцу пришлось выступать в качестве ассистента: опалив рану, он остановил хлынувшую кровь.

— Наших похоронить в общей могиле. — Лейтенант Эмерсон осмотрел небольшую вмятину на своей кирасе и поводит из стороны в сторону правой рукой. — Линцтрог, взяли кого живым?

— Никак нет, господин, — глазом не моргнув, ответил тот.

— Проклятье! — разозлился нахмурившийся юнец и сжал кулаки. — Латников сжечь.

— Возни столько... — тихонько вздохнул капрал Линцтрог.

— Я сказал — сжечь! — Эмерсон развернул принесенный ему вымпел и посмотрел на герб. — Судя по розе, это родич Ингвудов. Рыцаря похороните.

— Отдельную могилу ему копать? Да от него и не осталось почти ничего!

— Молчать! Исполняйте приказ! — заорал на капрала лейтенант, едва не сорвавшись на визг, но сумел взять себя в руки и нравоучительно добавил: — Благородный человек заслуживает благородного обхождения, даже после смерти. Хотя вам этого и не понять...

— Слушаюсь, господин, — приложил правую руку к сердцу капрал и пошел выполнять приказ.

— Ох уж мне эти благородные... — тихонько пробурчал себе под нос Шутник. — Нашего брата можно в могилу, что сельдей в бочку, а любого прощельгу с гербом извольте в отдельную ямку закопать.

— Не гунди, — резко оборвал его Арчи. — Помоги лучше могилу выкопать. И ты, Кейн, без дела не стой.

— Руками, что ли, ее копать? — вздохнул Шутник. — Нам так и до вечера не управиться.

И действительно — из трех десятков пехотинцев в строю осталось не больше дюжины. Плюс четверо раненых. Остальных — в землю. Из волонтеров погиб только один — дурень запаниковал и по собственной глупости угодил под копыта.

— Всадники! — Крик капрала Линцтрога острой бритвой резанул по нервам и заставил схватиться за оружие. — В строй!

Я оглянулся и увидел выехавший на тракт из-за леса отряд. Ого! Да их там дюжин пять — не меньше. Не отбиться.

Волонтеры схватились за арбалеты, пехотинцы от безысходности выстроились, перегородив тракт, и лишь приложивший ко лбу ладонь капрал Брольг остался спокоен:

— Не стрелять! Это люди маркиза Мартисона!

— Серебряный ястреб! — пронесся меж пехотинцев тихий шепоток облегчения.

Точно — посреди темно-синего геральдического поля на одном из штандартов раскинула крылья серебристая птица.

— Да с ними сам маркиз! — ахнул, приоткрыв рот, Эмерсон и, словно устыдившись столь открытого проявления чувств на глазах у подчиненных, сухо спросил у капрала: — Видишь?

— В черных доспехах? — уточнил Брольг.

— Да, это он, — кивнул юнец и махнул рукой. — Быстро, построились! Ровнее, ровнее, кому сказано!

На всадников строй пехотинцев в грязной и забрызганной кровью одежде не произвел ровным счетом никакого впечатления. Сначала к нам подъехала полудюжина латников, следовавший за ними десяток кавалеристов в легких кольчугах остановил лошадей шагов за сорок и изготовил к стрельбе короткие луки. И только после этого от свиты маркиза вперед выдвинулся один из рыцарей с зачехленным щитом.

— Вы кто такие? — подняв забрало глухого шлема, спросил он и, похлопывая латной рукавицей по луке седла, осмотрел наши желто-черные плащи.

— Лейтенант Эмерсон, приписан к форту Норгвар! — четко доложил лейтенант.

— Как вы здесь оказались?

— Получив приказ выступить к Долине Кедров, переправились через Чернявку и шли на соединение с другими частями.

— Ваша работа? — Рыцарь указал на продолжавшие дымиться останки одного из людей Ингвуда и валявшийся в грязи штандарт.

— Они атаковали наш отряд!

— Ждите. — Так и не представившийся рыцарь развернул коня и поскакал обратно к остановившемуся на повороте маркизу со свитой.

Выслушав его доклад и дождавшись донесений проверивших соседний лес разведчиков, человек в черных доспехах взмахом руки дал приказ продолжить движение. Из-за поворота выехала длинная вереница обоза, который сопровождали многочисленные кавалеристы и несколько пехотных отрядов.

— Хорошая работа, сынок, — проезжая мимоходом, бросил маркиз, и лейтенант, зардевшись, склонил голову. — Поступаешь в распоряжение барона Анвольда.

— Слушаюсь... — склонив голову, прижал правую ладонь к сердцу

Эмерсон, но маркиз уже проехал мимо. Подбородок мальчишки задрожал, ему с трудом удалось взять себя в руки и упрямо сжать рот.

Вот так-то вот, привыкай, мальчик, это — война. Никто здесь тебя за победу в ничего не значащей схватке золотыми шпорами не одарит и в звании не повысит. Сумеешь вовремя понять эту нехитрую истину, не станешь из кожи вон лезть, лишь бы перед командирами выслужиться, может, и выйдет из тебя толк со временем. Да и у подчиненных шансов дожить до конца войны прибавится.

Очень на это надеюсь...

Краснявка. День третий

— Кейн!

— Да, господин капрал. — Я отложил точильный брусок, которым безуспешно пытался выправить лезвие кинжала, и поднялся с завалинки.

Спрыгнувший с колен серый кот недовольно махнул хвостом и убежал в дом.

— Ночное дежурство на тебе. — Капрал Брольг выплеснул под забор ушат грязной воды и потер только что выбритый подбородок. — В помощь кого-нибудь из волонтеров возьми.

— Слушаюсь, господин, — ничем не выдал я своего раздражения.

Ну что за дела такие? Каждую ночь в караул! Я понимаю, что пацанам этим деревенским доверия ни на медяк, и мне, Арчи и Шутнику за всех отдуваться приходится, но так с недосыпу и с глузду двинуться недолго.

Капрал ушел в хозяйский дом, я снова уселся на завалинку и прислонился к нагретой солнечными лучами стене. С той схватки с людьми Ингвудов прошло уже три дня, и все это время мы почти безвылазно просидели в небольшой деревеньке Краснявка, что поблизости от Старого Перента. И, как мне думается, просидим мы здесь еще очень и очень долго.

Поднявшийся ветер хлопнул ставней, откуда-то издалека донесся запах гари. Я поковырял острием кинжала выкрашенные синей и желтой краской узоры резного наличника и угрюмо обвел взглядом опостылевший за последние дни просторный двор. Все как прежде: срубленный из лиственницы хозяйский дом, небольшой сарай рядом с крытым соломой амбаром и высокий забор с распахнутыми настежь воротами. Со стороны огорода слышалось протяжное мычание — там были хлев, конюшня и птичник.

— Кейн!

— Да? — Ну чего вам всем от меня вдруг понадобилось? Не видите, что ли, человек делом занят? — Чего тебе, Олаф?

— А оборотня только серебром убить можно? — Молодой ополченец вышел из покосившейся сарайки, в которой нас разместил хозяин, и повесил набитый соломой тюфяк на забор.

— А ты с какой целью интересуешься?

Я с сожалением покосился на разложенные на тряпке ножи, до которых так и не дошли руки. Тенью чую: не дадут мне сегодня их в порядок привести.

— Да следы в лесу странные видели и болтают, корову на выпасе напололам разорвали. А рядом письма колдовские, кровью написанные.

— Олаф, ты же ночью караулил. Только-только луна нарождается! Какие оборотни?!

— Ну а так, если...

— Никаких так. И вообще, мой тюфяк тоже вывеси.

— Хорошо. — Парень разогнал выискивавших в пыли семена кур и вернулся в сарай.

Оборотни! Какие могут быть оборотни, когда такие дела творятся? Да всей нечисти впору в норы поглубже забиться. Вот когда земля кровью пропитается, когда в каждом овраге по могиле будет, а солдаты герцога обратно в Ранлоу вернутся, тогда самая потеха и начнется. Тогда без клинка посеребренного да освященного из дому после захода солнца лучше не выходить. А в лес так и днем в одиночку лучше не соваться. А он мне тут — оборотни...

Ох, достались сослуживцы, тень им в душу! Как маленькие, честное слово. Нет, чтоб вместо этих олухов нормальных солдат дать, так направивший нас сюда барон Анвольд всего дюжину пехотинцев из своего отряда выделил.

Оно и понятно, у него теперь каждый человек на счету: в одну ночь раздавившие зачатки мятежа воинские части перебрасывают обратно на восточную границу Ранлоу, а за порядком присматривать, да партизан и лазутчиков Йорка ловить остались гарнизоны Норгвара и еще трех приграничных фортов. Ну и каратели, конечно, лютуют. Самое время для них сейчас. Все, кончилась в долине вольница, крепко за нее великий герцог взялся.

В ворота, переваливаясь под тяжестью полных ведер, вошел хозяйский сын лет десяти от роду, вылил воду в бочку и поставил коромысло под навес. Новых указаний он дожидаться не стал и, поправив подпоясанную веревкой льняную рубаху, вприпрыжку побежал по своим делам. Старшая дочка хотела было сунуться во двор, но следом вышла располневшая с годами мамаша с державшейся за подол длинного платья крохой, зыркнула

по мне настороженным взглядом и загнала девицу обратно в дом. Потом высыпала предназначенный для курей корм и кинула кость лохматому цепному псу. Удостоверившись, что ничего непоправимого солдафоны натворить не успели, хозяйка поправила повязанный на голове синий с зелеными узорами платок и, взяв дочку на руки, отправилась к хлеву.

Я попробовал ногтем лезвие кинжала и убрал его в ножны. Вот мы здесь уже третий день живем, а все понять не могу, как к нам относятся. Хозяин вроде ничего — завсегда поздоровается, за жизнь поговорить остановится, а жена его волком смотрит, да и остальные деревенские, такое впечатление, только терпят. Оно и понятно: по сию пору за околицей на виселицах староста и двое его сыновей болтаются. Уж не знаю, действительно ли они стакнулись с красными кошками или нет, но на третий день похоронить уже и самых отпетых крамольников можно. Вот бывшего губернатора эрла Гарвольда как обезглавили, так сразу в семейном склепе и похоронили. Все честь по чести. Но это ж благородный человек был, а всякое быдло и повисеть может.

Принюхавшись к доносившимся с кухни запахам стряпни, я только сглотнул слюну. До ужина еще не скоро, да с хозяйского стола нам ничего и не обломится. За него только тайнознатца и капрала приглашают.

Капрал Брольг, кстати, не такой уж и сволочью оказался, как его Эмерсон командовать нами поставил. Нормальный мужик, если в морду — значит, за дело. Лишнего никогда не спросит. Сам лейтенант с пехотинцами разместился на другом краю деревни и за эти три дня к нам заглянуть так и не удосужился.

— Привет, бродяги! — поприветствовал я ввалившихся во двор Арчи и Шутника. Следом за ними показался Бернارد, а потом потянулись и волонтеры.

— Привет, лодырь, — отсалютовал войлочной шапкой Шутник, плюхнулся рядом и присосался к фляжке с водой. — Уффф! Чуть не сдох.

— Поймали кого?

— Издеваешься? — Арчи, под командованием которого волонтеры должны были прочесать ближний к деревне лес, снял со спины меч и поставил его рядом с коромыслом. — Тут такие чащобы, что можно жизнь прожить и к людям не выйти.

— Да и не дураки мятежники, чтобы в такой близости от деревни схроны устраивать.

Бернارد откинул с головы капюшон и подставил солнечным лучам худое лицо аскета с короткой седой бородкой. Вообще тайнознатец оказался в доску своим парнем, и хоть лет ему было далеко за четыре

дюжины, выставленную хозяином брагу пил наравне с нами.

— Дураки не дураки, но следы мы там интересные углядели. — Арчи стянул кольчугу, стеганый поддоспешник и, бросив нательную рубаху на завалинку, пошел умываться. — Завтра с нами пойдешь, посмотришь.

— Договорились, — буркнул я.

Очень мне надо по лесам здешним шнырять. Того и гляди, стрелу в спину схлопочешь. Одного пехотинца уже подстрелили, еще двое прошлой ночью пропали. То ли в бега пустились, то ли чего похуже с ними приключилось. Я вот возможность дезертировать пока даже не рассматривал: слишком в Долине Кедров сейчас неспокойно. Или недобитые мятежники прихватят, или армейские патрули.

— У Высеней еще один источник отравили. — Шутник достал заначеную с завтрака краюху хлеба и принялся ее грызть.

— Как так? — удивился усевшийся на березовую чурку Бернард. — Капрал говорил: вчера люди Лароха лазутчиков Йоркских с эльфийской потравой перехватили.

— Да что там эти «бешеные псы» брешут? Какая эльфийская потрава? — чуть не подпрыгнул от возмущения Габриель. — Источники цветками огнянки болотной травят, а она севернее Эр-Торы нигде не растет. Какие эльфы еще?

— Путаешь ты чего-то, — махнул рукой, поправляя широкий рукав, тайнознатец. — Откуда здесь огнянка взяться может?

— Из Норлинга, вестимо, — не растерялся Шутник. — Ты мне лучше вот что, Бернард, скажи: лейтенант ничего не говорил, долго мы здесь торчать будем?

— Из него и клещами ничего не вытянуть. Мы с ним, надо сказать, общего языка не нашли, — уклонился от ответа Одержимый огнем. — А вообще, я так думаю, надолго. В Новом Перенте, как Гарвольду голову срубили, беспорядки начались. Да и в деревнях красных кошек чуть ли не как освободителей ждут.

— Недоумки, — пробурчал насухо вытерший полотенцем волосы Арчи.

— Испуганные недоумки, — поправил его Бернард. — Каратели, на мой взгляд, с выжиганием крамолы несколько перестарались. Если так и дальше продолжаться будет — половина долины в леса уйдет.

— Типун тебе на язык, — сплюнул через левое плечо Шутник. — Вот смотрю я на тебя, Бернард, и понять не могу: что ты в армии вообще забыл? Башка на плечах есть, насчет таланта сомневаться тоже не приходится. Жил бы себе поживал, да добра наживал...

— Добра наживал? — Тайнознатец запрокинул голову и посмотрел в безоблачное ярко-синее небо. — Чтобы добро наживать, мало уметь жечь. Мне с моим талантом мирным ремеслом не с руки заниматься.

— Но ведь устраиваются же как-то люди. — Я примерился и метнул приведенный в порядок нож в столб, поддерживавший над поленницей навес. — Учатся.

— Я, Кейн, обучение еще в Гильдии тайнознатцев начинал. Мне у всяких бездарей учиться не с руки, а настоящие мастера и на полет стрелы к себе не подпустят. — Бернارد набил трубку дымным зельем и, раскурив, как обычно, дал сделать несколько затяжек Шутнику. Резкий приторно-горький аромат поплыл по двору, и на цепи забеспокоился лохматый пес. — Можно, конечно, в Ронли податься, но привык я к такой жизни, честно говоря. Север, считай, весь обошел, в скольких кампаниях участвовал, и не упомяну.

— Север ты, может, и обошел, а ума не нажил, — раскритиковал его Шутник. — Жалованье небось все в кабаках спустил. А вот откладывал бы — глядишь, и землицы прикупил бы, и дом построил. Тебе, чай, побольше нашего брата платят.

— Ты еще скажи: дерево посадил и сына вырастил! — выпустив струю дыма, расхохотался Бернارد. — Зачем мне дом? Я на одном месте и седмицы не проживу. Бродяга я по натуре своей, бродяга. А что золото сквозь пальцы утекло, так то не страшно. Золото, оно любит возвращаться к тем, кто его без сожаления тратит. Можешь мне поверить.

— Арчибалд! — Капрал Брольг вышел из дома и, остановившись у ворот, смахнул с рукава мундира пылинку. — Я — к лейтенанту, ты за старшего.

— Слушаюсь... — Арчи дождался, пока капрал отойдет на приличное расстояние и тут же рывкнул на нехоти выглянувшего из сарая Олафа: — Быстро двоих с арбалетами на крышу! И ужин готовьте!

— День еще, зачем караульных? — промямлил волонтер.

— Быстро, я сказал! И что там с Гюнтером?

— Горячка не спадает. — Олаф бочком протиснулся обратно в сарай.

— Травы ему заварите и отдохнуть дайте, — посоветовал Бернارد. — А то загубите пацана.

— За каким лядом ты арбалетчиков на крышу послал? — удивленно спросил у Арчи Габриель, после того как Олаф отправил двух волонтеров в караул.

— Чтоб не расслаблялись. Да и беспокойно в округе. В Старый Перент так и вовсе егерей перевели.

— Это которых? — заинтересовался я.

— «Серых волкодавов».

— Вот оно как? — крепко задумался я.

Если какая оказия подвернется — в город надо будет выбраться непременно. И если не подвернется — тоже.

— Здорово, орлы!

В распахнутые ворота въехала телега, и спрыгнувший с нее дородный мужчина пяти десятков лет от роду, помахав нам рукой, пригладил светлую с едва заметной рыжиной бороду и начал распрягать лошадей. Два батрака тут же принялись доставать из телеги мешки и оттаскивать их в амбар.

— Приветствуем, мастер Фиценвольд, — отозвался Арчи.

— Я тут вам подарочек привез. — Поправив широкий кожаный ремень, перетягивавший потемневшую от пыли дорожную рубаху, Фиценвольд крикнул и вытащил из телеги пузатый бочонок. — Староперентское!

— Премного благодарны. — Арчи принял бочонок и поставил его на землю.

— Благодарны — это хорошо. Но без меня, смотрите, ни-ни... — Хозяин и сам был не дурак выпить, а потому никогда не упускал подходящего случая. Гостевавшие в его доме солдаты попадали именно в этот разряд. — А то раков не принесу.

— Что вы, как можно! — Попытался придать своему лицу давно забытое выражение честности Шутник. — Без вас ни капли.

— А то я тебя не знаю, первый же сначала понюхать, потом лизнуть попросишь...

— Вы, мастер Фиценвольд, не извольте беспокоиться, я за пивом пригляжу, — пересел на бочонок Бернард.

— Вот на ваше попечение, мастер Бернард, без колебаний оставлю не то что бочонок пива, а даже мешок с золотом. — Фиценвольд рассмеялся, запер амбар и ушел в дом.

— Ну что, можно за кружками бежать? — оживился Шутник.

— Не стоит так горячиться, я думаю, — остудил его порыв тайнознатец и потер пальцами брелок в виде серебряного черепа с вставленными в глазницы черными агатами.

— Дак жарко же — по кружечке самое время пропустить... — обезоруживающе улыбнулся Габриель.

— Я, в отличие от вас, мастер Габриель, имею обыкновение думать о будущем, и питаться сегодня армейской баландой у меня нет ни малейшего желания. А наш хозяин не тот человек, на предупреждения которого можно

не обращать внимания. — Тайнознатец с сожалением осмотрел заляпанный грязью белый кант хламиды и продолжил: — И раков, с рынка привезенных, он из чистого упрямства сам съесть может. Под брагу.

— Баланда вам не нравится? — удивился Шутник. — А по мне так в самый раз. Ужинать идет кто?

Арчи вслед за Габриелем поднялся на ноги, я лишь покачал головой:

— Лучше раков дождусь.

— Еще одному баланда — не в коня корм, — хохотнул Шутник. — Видел я, как тебя, Кейн, вчера полоскало...

Я промолчал, но посмотрел на Габриеля весьма выразительно. Тот намек понял и тему развивать не стал. И правильно сделал: запросто мог бы на грубость нарваться. Настроение в последнее время у меня не сахар. Еще и здоровье всерьез беспокоить стало. И вчерашняя рвота — цветочки.

— Знаете, мастер Бернард, давно собирался вас спросить... — Когда Арчи и Шутник отошли к котлу, вокруг которого уже собрались вооружившиеся мисками и ложками волонтеры, решил я прояснить весьма интересовавшую меня тему. — Позвольте?

— Пока не знаю, — улыбнулся тайнознатец. — Спросишь — видно будет.

— К чему этот маскарад? — Я указал на зловещее одеяние Бернарда. — Вы же Одержимый огнем, а не Слуга смерти.

— Ну положим, будь я Слугой смерти, так ни за что бы одеваться не стал, — расплылся в уже куда более искренней улыбке тайнознатец. — А повелось так еще с моего первого отряда, когда я только из Империи подобру-поздорову ноги унес. Командир здраво рассудил, что моего брата в войсках как грязи, а Слуг смерти после бойни у Аргенской заводи ^[32] пуще огня боялись. Вот именно, пуще огня...

— Церковники не цепляются?

— Цепляются, как без этого? Но у меня и местные бумаги выправлены, и имперские сохранились — не подкопаешься. Это пустяки, на самом деле. Сколько раз меня эта хламида выручала, и не счесть. — Бернард с любовью одернул свое одеяние. — Люди, они как — видят всю эту ересь, сразу в чернокнижники записывают. И готовятся соответственно. А тут огневик...

— Интересно... — покачал головой я. — А насчет зеленых мертвецов что-нибудь прояснилось?

— А чему там проясняться? И до нас эти твари наследить успели. Эльфов работа — даже сомневаться не в чем. — Тайнознатец обернулся и посмотрел на неожиданно быстро вернувшихся злых Арчи и Шутника.

— Что, уже похлебали супчика? — удивился я.

— Петер — урод безмозглый, — плюхнулся на завалинку рядом со мной Шутник. — Даже суп приготовить доверить ему нельзя.

— Ты, Кейн, сегодня в ночь его бери. Он теперь у меня поймет, что значит товарищей без ужина оставлять, — поддержал его Арчи.

— Да что случилось-то? — развеселился я.

— А ты сходи попробуй.

— Не, я ж говорю — со вчерашнего дня сытый.

Мы еще немного посидели и послушали травившего байки Шутника, а вскоре поужинавший Фиценвольд притащил сколоченный из некрашенных досок табурет и таз с вареными раками. Супруга его, принеся пивные кружки, недовольно на нас посмотрела, но перечить хозяину не решилась.

Шутник первым делом выбил из бочонка пробку и наполнил кружки, а потом уж мы начали разделять красные панцири еще горячих раков.

— Ну чтоб все было хорошо, — поднял кружку Фиценвольд. — А то в последнее время как-то оно не очень...

— Что значит — не очень? — возмутился ополовинивший кружку Шутник.

— А то и значит. В лесах и так разбойников хватало, а теперь и вовсе... Того и гляди, беспорядки начнутся, а если еще и Йорк войной пойдет — совсем кисло станет, — объяснил свои слова хозяин.

— Полезет — пожалеет, — не разделил его опасений Габриель. — В крайнем случае, имперские войска помогут. Альфред Третий у Церкви в фаворе.

Я в начинающийся спор вмешиваться не стал и только оторвал хвост очередного рака. Пусть спорят — мне больше пива достанется. Шутнику — тому только дай словами поиграть. Месяца не прошло, как уверял, что у Империи свободных войск в принципе быть не может. А тут нате — Церковь всех спасет.

Арчи тоже не собирался отвлекаться из-за таких пустяков от пока еще почти полного таза с раками, а вот тайнознатец ел и пил мало и к разговору прислушивался с большим интересом.

— Кто? Имперские войска? — отставил кружку Фиценвольд. — С каких щей? Им бы свои дыры заткнуть, пока Империя ко дну не пошла.

— Какие такие еще дыры? — упер руки в боки Габриель.

— Да ты у первого встречного поинтересуйся, тебе их все без запинки перечислят! Да вот хоть господина Бернарда спроси.

— А вот и спрошу! — вошел в раж Габриель. — Вот вы, мастер Бернард, что скажете?

— На Западном побережье — пираты и выродки с островов. На юге — Западный Норлинг. Ну и орки из Степи постоянно лезут, — без запинки перечислил тайнознатец и вытер с усов пену.

— Мало? — гоготнул Фиценвольд. — А еще Кровавый Утес! Вот уж где осиное гнездо!

— Да вампиры чуть ли не со времен Аргена носа западнее Золинки не казали! — хлопнул дном кружки о завалинку Габриель. — И то — угонят десяток крестьян, и тикать.

— Неправда твоя, Шутник, — восторженно воскликнул Арчи. — Они и в южное Полесье все чаще рейды устраивают.

— Ну посудите сами — куда они за ночь дойти успеют? Вампиры — нам не противник.

— Почему за ночь? — отмел аргумент приятеля все же втянувшийся в спор здоровяк. — Им и простые люди, те, что души ради обращения продали, служат. И кровных ^[33], которым свет не страшен, хватает.

Я почувствовал, как к горлу поднялся комок, и глотнул пива.

— А ведь орки последнее время кровососов, ровно как и заозерцев, донимают, — рассудительно кивнул Бернард. — Самое время им с эльфами столкнуться и на север двинуть. Вот тогда потеха и начнется...

— Какая еще потеха? — совсем запутался Шутник.

— Да все уже знают, что Йорк эльфам продан! — хлопнул себя ладонями по ляжкам наш хозяин. — Вот отрежут они Северные княжества от Империи и устроят там резню.

— Церковь этого не допустит — раз, — загнул палец Габриель. — На кой черт вампиры эльфам сдались — непонятно. Это два. И кровососам на север перебираться тоже как ни крути резона нет. Это с Кровавого Утеса их никому не выбить...

У меня мелькнула какая-то смутная мысль, что не все так бредово, но кружка пива была уже не первой, и задумываться над всякой ерундой не хотелось совершенно. Да и что там, на севере, такого важного может быть? Того и гляди, Ведьмин круг все княжества поглотит. Или вампиры и с исчадиями тьмы договориться рассчитывают? Ну тогда им эльфы без надобности. Надо всего лишь немного подождать. Лет так двести или триста. Для бессмертных — не срок.

— Церковь не допустит? Да что, вообще, она может? Если кровью запахнет, то и западные орки в своих лесах не останутся. А гномы с людьми до поры, до времени, — всплеснул руками Фиценвольд. — Да одни эльфы — это такая силища! У них каждый третий колдун!

— А каждый второй — великолепный лучник. И все поголовно —

бессмертны, — пьяно икнул Шутник. — Чушь!

— Да бог с ними, с лучниками, — тоже повысил голос захмелевший Фиценвольд. — Но против колдунов солдатам не продержаться. Согласен? А в Империи всех тайнознатцев давно на кострах спалили!

Я потянулся налить себе еще кружку пива, но, поймав предостерегающий взгляд Арчи, передумал. В самом деле, мне сегодня полночи звезды считать. Еще заснуть не хватало. Вон — почти стемнело уже. Эти-то сейчас спать завалятся, а мне еще от комаров отбиваться.

— А вот это зря. Насчет костров — это сказки, — встрепенулся так и не выцедивший первую кружку пива Бернард. — Дома Волн и Крови^[34] в Империи как сыр в масле катаются. Да и без них тайнознатцев там сейчас куда больше, чем во времена Гильдии.

— И где же они от Церкви прячутся? — расхохотался расстегнувший ворот хозяин.

— А известно ли вам, сколько сейчас там монашеских орденов существует? И послушников они вовсе не только богословию учат. Совсем нет. Да появись нужда, Церковь столько тайнознатцев выставит, сколько потребуется. — Тайнознатец допил пиво и, сцепив руки, хрустнул пальцами.

— Все, спать пора, завтра ни свет ни заря в рейд, — подвел черту под бесконечным спором Арчи, убедившись, что в бочонке не осталось ни капли пива. — Кейн, я на тебя надеюсь.

— Да ладно ты, — отмахнулся я.

— А может, еще по рюмашечке кишкодера? — предложил Фиценвольд. — Для себя делал.

Арчи и Бернард покачали головами, а вот Шутник отказываться не стал, и парочка спорщиков направилась в дом.

— Шли бы вы спать, — поднявшись с завалинки, я выпрямил затекшую спину, подхватил лежавший на земле меч и пошел запирать ворота. Брольг, видать, сегодня уже не появится. А принесет его нелегкая — постучится.

Арчи пошел проверять, как устроились на ночь волонтеры, а Бернард еще долго сидел, уставившись в быстро темнеющее небо.

— Как бы то ни было, Фиценвольд прав в одном: на Церковь надежды мало. Как она Норлингу помогла, все знают, — скорее самому себе, чем мне, заметил вдруг он и отправился спать.

Я покачал головой, выгнал из сарая на свежий воздух уже прикорнувшего на тюфяке Петера и, позаимствовав у Олафа арбалет с десятком болтов, забрался на крышу по приставленной к дому лестнице.

Сказать, что дежурившие там волонтеры обрадовались моему появлению, значит не сказать ничего. Парни бросились вниз чуть ли не наперегонки. Хмыкнув, я растянулся на пока еще теплых досках ската и уставился в небо.

Поздний вечер давно уже украл у мира яркие краски, не тронув лишь все оттенки серого. Но постепенно небосвод начал наливаться ночной чернотой, а зеленые звезды замигали бесчисленными изумрудными огонечками. Тишина. Нет, конечно, далеко не гробовая — стрекотали сверчки, на разных концах деревни передаивались собаки, где-то хлопали двери, да и гулявшая за околицей молодежь пока не собиралась расходиться по домам и горланила песни. Но все равно по сравнению с дневной суетой — тишина. Каждый шорох слышен.

Я застегнул камзол, поднялся повыше и прислонился к печной трубе. На соседней улице слышались торопливые шаги, мелькнула тень, немного позже заскрипели ворота, и зашелся в лае сторожевой пес. Ему тут же начали вторить соседние шавки, но вскоре пробежавшее по нашему концу деревни гавканье пошло на убыль. Значит, кто-то из своих пришел. С чужаком бы так быстро не успокоились.

С одной стороны — это хорошо. Внезапного нападения можно не опасаться — пришлому подобраться к нашему дому необлаенным практически невозможно. С другой стороны, если решит напакостить местный, это нам никоим образом не поможет. Так что всецело полагаться на блохастых четвероногих сторожей не стоит.

Оглядевшись по сторонам, я положил арбалет на колени и задумался, но, как обычно, раз за разом мысли возвращались к одному и тому же.

«Серые волкодавы» в Старом Перенте...

Холодает...

Вампиры и эльфы? Бред!..

До города верст десять...

Надо бы спуститься отлить...

Пора Петера проверить, тенью об заклад быюсь — прикорнул где-нибудь. А у меня сна ни в одном глазу. Привык. Которую уже ночь только под утро засыпаю.

На кой ляд вообще вампирам Северные княжества? Переселиться? И занять столь беспокойных соседей, как лесные орки на юге, исчадия тьмы из Ведьминой плеши прямо под боком и эльфы на севере и востоке? Чушь собачья!

Даже если прямо сейчас сорваться — до города не дойти. На всех дорогах пикеты. И мятежники одинокого солдата не пропустят.

Последняя кружка пива явно была лишней...

Катарина! Ты где?!

Опять под сердце заползла тоска. Хоть волком вой...

«Будь луна на небосклоне, я бы долго-долго выл...»

Но луны нет, так что людей пугать не буду. Зубы покрепче сожму и подожду, пока сердце не отпустит. Не впервой — пройдет. Главное, чтобы опять приступ не начался.

Как подбить лейтенанта на поездку в Старый Перент? Пожалуй, что никак. Если только на охрану Фиценвольда подрядиться. Да и то вряд ли. Слишком уж у нас командир принципиальный, тень ему в бок.

Ничего, как-нибудь выкручусь. Никто меня удержать не сможет. Никто.

Посидев еще какое-то время на крыше, я дождался, пока отпустит хандра, и спустился по лестнице вниз. Надо Петера проверить.

— Кейн! — Широко зевающий Арчи вышел из сарая на рассвете и, задрав голову, посмотрел на крышу. — Ты спишь там, что ли?!

— Не ори, — выглянув из-за амбара, попросил его я. В птичнике загорланил петух, зазвенел цепью проснувшийся пес.

— А, вот ты где. — Здоровяк посмотрел на нацеленный в небо арбалет у меня в руке. — Брольг от лейтенанта вернулся.

— Знаю.

— Сегодня у нас гости будут, у церкви сборище велено организовать, — не обратил внимания на недовольство в моем голосе Арчи. — Надо нашу половину деревни обойти.

— Пусть волонтеры бегают. — Я снял болт и спустил струну арбалета. — Я и так всю ночь не спал.

— А Петер?

— И он тоже не спал. Почти. — Я криво ухмыльнулся, и Арчи не стал уточнять детали проведенной воспитательной работы.

— Тогда отдыхайте пока, но к полудню к церкви подходите. Лейтенант приказал всех собирать.

— Надо же на хозяйстве кому-то остаться. — Идти куда бы то ни было сегодня мне не хотелось совершенно. Вроде и спать особой охоты нет, но какая-то хмарь в голове, будто вчера дыма дурман-травы надышался.

— На хозяйстве Гюнтера оставим, все одно от него толку немного.

— Понятно, — пробурчал я и поплелся в сарай отсыпаться, но тут младший из хозяйских сыновей остановился в сенях и с интересом уставился на меня. Ему-то чего надо?

— А можно меч посмотреть? — поймав мой взгляд, попросил он.

— Держи. — Я вытащил из ножен короткий пехотный клинок и протянул пацану, нисколько не опасаясь, что тот порежется. Во-первых, не дурак. Во-вторых, этим лезвием не то что случайно порезаться, им даже если специально по руке полоснуть — ничего не будет. Это вам не горские сабли — вот те на лету волос рассекают.

— Ух ты-ы! Тяжелый! — с восхищением в голосе прошептал мальчишка, которого такие мелочи нисколько не волновали. Меч, он и есть меч.

Заметив выглянувшую в окно жену хозяина, я забрал клинок и ушел в сарай. Попытаюсь уснуть, до полудня как-никак еще прилично времени осталось.

— Внемлите мне и отриньте лживые посулы, коими пытаются сбить вас с пути истинного вырожденки, продавшие свои души нелюдям! — Заезжий проповедник вещал перед согнанными на небольшую площадь крестьянами уже не первый час, но его ораторский запал никак не подходил к концу. — Не берите грех на душу, не позволяйте увести себя этим волкам в овечьих шкурах из лоно истинной Церкви!

Деревенский священник как неприкаянный переминался с ноги на ногу рядом с важным гостем и никак не мог решить, чем бы занять руки. В отличие от него, стоявших поблизости телохранителей такой вопрос нисколько не волновал: одни были вооружены арбалетами, вторые настороженно смотрели по сторонам, готовые в любую минут прикрыть проповедника щитами. Куда больше неприятностей им причиняло застывшее почти в самом зените солнце. День выдался на редкость безоблачный, и даже я, хоть и не стал надевать плащ, порядком вспотел. А по этим вообще пот ручьями течет: панцири, каски, двойного плетения кольчуги и плотные плащи не самое удачное одеяние для такой погоды.

— Помните: из добрых семян прорастают благодетели, а из попавших в душу плевел дадут ростки пороки, плоды которых — смертные грехи. Не всякое тайное знание направлено во вред человеку, но всякое чернокнижие должно быть искоренено огнем и мечом. И пуще гибели телесной опасаться надобно стремящихся умертвить ваши души и ввергнуть их в вечные страдания прислужников тьмы — ведьм и ведунов.

Мне вот только интересно, а зачем столько солдат? Наш отряд, считай, почти в полном составе сюда согнали, да еще лбов из охраны проповедника никак не меньше полутора дюжин. И это только тех, которые на виду. А еще наверняка на колокольне стрелков разместили, и среди толпы кто-

нибудь затесался. Неужели нападения опасаются?

А почему бы и нет? Церковь здесь вовсе не пользуется столь непререкаемым авторитетом, как в Империи. А для мятежников призывающие к миру святоши и вовсе после солдат великого герцога самые главные враги.

И очень мне вкопанный посреди площади столб не нравится. Доводилось уже такие столбы видеть, ох, доводилось...

— Не стоит проявлять малодушие, пытаюсь убедить себя, что среди вас не может найтись паршивая овца. Именно среди благочестивых людей подчас и прячутся служители зла. И только ваша помощь способна...

— Кейн, — шепнул мне на ухо незаметно приблизившийся Брольг, — пошли.

— Что случилось? — поинтересовался я, когда мы выбрались из толпы и остановились у забора с выломанными досками.

Если не ошибаюсь, это дом ныне покойного старосты. Как ни странно — почти не разграбленный. Такое впечатление, что после карателей здесь никто и не поживился.

— Потихоньку собирай волонтеров и выдвигайтесь к мельнице. Святого отца в Старый Перент сопровождать будем. По дороге ворон не считайте — осмотритесь хорошенько. Что б ни одна мышь незамеченной...

— А Арчи? — удивился я оказанному доверию.

— Он мне здесь нужен. Мы конца проповеди дождемся, с вами у мельницы встретимся. Давай живее.

— У Гюнтера горячка. Нам бы его здесь оставить, заодно и за вещами присмотрит. Мы же сюда вернемся?

— Вернемся. Лейтенант пятерых оставляет.

Я кивнул и начал, передвигаясь по краю площади, выдергивать из толпы волонтеров, слушавших с открытым ртом откровения проповедника. А вот среди крестьян уже начались тихие перешептывания — многие успели сообразить, к чему ведет речь заезжий священнослужитель.

И точно: когда я с волонтерами уже уходил с площади, два дюжих парня в просторных красных балахонах и закрывающих лица колпаках с прорезями для глаз вывели из церкви молодую девушку в длинном рубище. Следом вынесли две охапки хвороста, кувшин с маслом и клетку со здоровенным черным котом. Вот вам и ведьма на заклятие...

Меж узнавших дочь бывшего старосты селян пробежал недобрый шепоток, а Петер даже собирался остановиться и посмотреть на аутодафе, но я, не особо сдерживаясь, врезал ему по зубам и погнал отряд к мельнице. Приказ есть приказ. Да и не на что там смотреть. Нешто никогда

не видели, как чернокнижников да еретиков живьем сжигают?

Полный отчаяния и боли крик донесся от деревни, когда мы еще только подходили к мельнице. Я вздрогнул и обернулся посмотреть на поднимавшийся к небу столб белесого дыма. Вот и нет ведьмы. И не интересуется никого — была ли девушка виновата или нет. Церковник отчитается еще об одном отправленном во тьму приспешнике зла, мятежники получают нового мученика, отдавшего жизнь за правое дело. Родня, если кто еще остался, поспешит отречься от паршивой овцы, а остальные сделают вид, будто ничего не произошло.

Добравшись до мельницы, я тут же послал двух волонтеров проверить хозяйство жившего на отшибе мельника, остальным приказал не расслабляться и посматривать по сторонам. А то мало ли чего... Хорошо хоть на солнце тучка набежала и парни дублеты снимать не порываются. А то точно бы за всеми не уследил.

Усевшись на запруду, я забрал у притащившего мою котомку и ковш колодезной воды Олафа кусок сыра и ломоть хлеба и принялся завтракать, посматривая то на дорогу, то на монотонно вращающееся мельничное колесо. Плеск и журчание воды успокаивали, блестящие серебром струи радовали глаз, и в кои-то веки мне захотелось стянуть сапоги, опустить ноги в серое зеркало запруды и просто отдохнуть. А если б еще и удочку...

Человеку на самом деле совсем немного надо для полного счастья — просто позабыть в минуту отдыха обо всех накопившихся проблемах и невзгодах. Что будет дальше — это второй вопрос. Живи сегодняшним днем, не гадай о будущем, и, быть может, некоторые вещи перестанут казаться тебе столь незыблемо фатальными.

Подул легкий ветерок, по водной глади побежала рябь, и мне почудился чей-то внимательный и не слишком приветливый взгляд из глубины. Бред, конечно, но игривое настроение как рукой сняло. Забеспокоившись от нехорошего предчувствия, я огляделся по сторонам, но вокруг все было спокойно. И даже волонтеры не расслабились и оставили арбалеты во взведенном состоянии. Вот это меня и добило окончательно — если уже эти оболтусы что-то такое почувствовали... А не надеть ли мне шлем?

Я уже начал беспокоиться из-за чересчур долгого, на мой взгляд, ожидания, но тут на дороге со стороны деревни в сопровождении трех пехотинцев показали Шутник и Бернард. Они уже почти дошли до нас, когда из-за околицы выехала карета проповедника в окружении верховых телохранителей. Следом маршировали пешая охрана и солдаты нашего отряда. Лейтенант Эмерсон и капралы на выделенных бароном Анвольдом

лошадях замыкали процессию.

К моему удивлению, Арчи не пришлось топтать пешком, и он преспокойно себе ехал, примостившись на задках кареты. И болтавшийся рядом с ним на ухабах охранник проповедника ничуть против этого не возражал. Нет, я способностям мастера Арчибальда пролезть во все щели решительно удивляюсь.

Достигнув мельницы, процессия перестроилась, и впереди вместе с телохранителями поехали капрал Брольг и лейтенант Эмерсон. Пешие охранники шли следом за каретой, после вклинились волонтеры, а капрал Линцтрог и пехотинцы тащились в арьергарде.

Я шагал рядом с насвистывавшим веселенький мотивчик Шутником и никак не мог понять причину своего отвратительного настроения. Вроде все идет лучше некуда: скоро прибудем в Старый Перент и появится возможность пообщаться с «Серыми волкодавами». Вряд ли кто-нибудь из них откажется пропустить стаканчик кишкодера и поведать о том, как они изловили опасного лазутчика. Ну и что приключилось с его спутниками, тоже, думаю, выяснить труда не составит. Как ни крути, все просто здорово. Но точит меня маленький такой червячок сомнения, что это всего лишь иллюзия и по торной дороге я направляюсь прямым в ад.

Поля вскоре закончились, и мы углубились в лес. На узкой извилистой дороге скорость передвижения заметно снизилась, и, опасаясь нападения из засады, я все же надел шлем и затянул ремни. Шутник, пристально посмотрев на меня, ничего говорить не стал и тоже на всякий случай проверил снаряжение. Волонтеры зашушукались, но я показал им кулак, и они все как один начали надевать салады. Капрал Линцтрог улыбнулся, от чего его морщинистое лицо стало напоминать печеное яблоко с узкой прорезью рта, и что-то сказал своим парням. Те тут же принялись подтягивать ремни доспехов и куда более внимательно поглядывать по сторонам.

Все, шутки кончились. Леса за последние дни по праву стали считаться вотчиной мятежников. И пусть командиры рассказывают о жалких бандах недобитков, чтобы заполучить в горло стрелу, хватит и одного удачного выстрела из чудом не развалившегося от старости дедова самострела.

В кронах деревьев стрекотали лесные птицы, рыжие белки, не обращая внимания на людей, прыгали с ветки на ветку, а дождавшееся своего часа комарье пыталось наестся на седмицу вперед. Шутник ни на минуту не переставал хлестать себя по щекам, но это ему не помогало: все лицо у него вскоре покрылось красными припухшими точками укусов.

— Да что за напасть, Господи? — вконец замаявшись, взмолился он. — Чего они все на меня накинудись?

— Кровь, наверное, у вас, у южан, шибко вкусная, — пошутил я.

— Нет, кровь у него вкусная, потому что питается регулярно, — на полном серьезе поддержал меня Бернارد и, пытаясь скрыть улыбку, потерябил короткую бородку.

— А вы, можно подумать, голодаете! — разозлился Габриель.

— Да ты только посмотри на Кейна — он же бледный как смерть. — Тайнознатец натянул на правую руку пошитую из толстой ткани перчатку и несколько раз сжал и разжал кулак. — Ясно ведь сразу — малокровие у человека, много не высосешь. Я уже старенький, а вы, мастер Габриель, как раз в самом соку мужчина.

— Очень смешно! — фыркнул Шутник и соорудил кислую мину. — Все-то вы знаете!

— Элементарная наблюдательность.

— Да что вы говорите?

— Именно.

— Тогда скажите, раз вы такой наблюдательный и всезнающий, — ехидно заулыбался придумавший какую-то каверзу Габриель, — сколько полновесных Йоркских талеров мятежники посулили за скальп сопровождаемого нами духовного лица?

— Полторы сотни двойных талеров серебром. Но, с учетом аутодафе в Краснявке, можно смело добавлять еще десяток-другой.

— Откуда вы... — начал было донельзя пораженный Габриель, но Бернارد не дал договорить:

— Имеющий уши да услышит.

— Тише вы там! — прикрикнул ведущий по обочине на поводу коня Линцтрог, который только что едва не упал, споткнувшись о сосновый корень. — По сторонам лучше смотрите.

А чего тут особо смотреть? Лес как лес. А засаду, организуй ее мало-мальски знакомый с местностью человек, мы все равно не углядим. И тем не менее совет не лишен здравого смысла. Я вздохнул и поднял глаза к небу. Оно действительно такое серое или мне только кажется?

Высоченные сосны, словно гигантские стрелы, тянулись к небу, густые елки темно-зеленой стеной выстроились вдоль обочин, на которых оставили после себя глубокие промоины стекавшие в низины ручьи.

И именно в одну из таких промоин и угодило колесо кареты проповедника. Едва удержавшийся от падения Арчи тут же спрыгнул на землю, а охранники священника начали прикидывать, как бы половчее

вытащить экипаж. И к тому же при этом не поломать ось.

— Смотрите, еж! — воскликнул вдруг один из уже закатавших рукава камзола солдат. — Ну что, братцы, забацаем печеного ежа на ужин?

Охрана проповедника одобрительно загудела, но тут что-то хлопнуло, и во все стороны полетели серые ошметки. И не только они — сотни иголок взорвавшегося ежа разлетелись, прошивая тела сгрудившихся в кучу охранников. Находившиеся с другой стороны кареты Арчи и трое телохранителей уцелели, а остальным не помогли даже доспехи: иглы без труда пробивали и стальные панцири.

Шутник удивленно уставился на глубоко засевшую в моем щите иголку, потом перевел взгляд на точно такую же иглу, пробившую одну из пластин бригадины у него на груди, и медленно осел на дорогу. Я бросился к нему, но тут из леса полетели стрелы. Жертвами первого залпа стали вернувшиеся к карете конники, и вовсе не у всех латы отразили выпущенные из кустов короткие стрелы, тем более что большинство их с просто нечеловеческой меткостью оказались нацелены в стыки защитных пластин, кольчужные вставки и не защищенные доспехами места.

Получивший стрелу в бедро капрал Брольг вывалился из седла и сдернул за собой лейтенанта, который оторопело уставился на торчащее меж пластин наруча древко. Арчи, рванув дверь, заскочил в карету, а не растерявшийся Линцтрог погнал пехотинцев в росший на левой обочине ельник. Выстрелы оттуда почти сразу же прекратились, и выпустившие наугад арбалетные болты волонтеры бросились вслед за капралом.

Подняв щит, я попытался прикрыть потерявшего сознание Шутника, но тут тайнознатец вдруг совершенно спокойно вышел на середину дороги и, повернувшись лицом к правой обочине, что-то тихонько произнес. Он не повышал голос, не размахивал руками, не творил темную волшебку, но слова его были наполнены такой силой, что в ответ лес заплакал.

Лес заплакал, и слезы его были полны огня.

Выступившие на сосновой коре капли смолы полыхнули нестерпимым жаром, и столетние деревья, словно сухие былинки, прогорели в одно мгновение. Яркое пламя побежало по мохнатым лапам елей, и на землю посыпался серый пепел хвои. По лесу понесся многоголосый стон пожара, и в нем растворились вопли сгоравших заживо людей.

Не обращая внимания на бьющий в лицо жар, Бернард ступил на выжженную обочину, и стена огня сдвинулась в глубь леса. Каждый шаг давался тайнознатцу с трудом, но, проваливаясь по щиколотку в пепел, он упрямо шел вперед. Болтавшиеся на его хламиде брелоки расплавленным серебром закали на землю, а огневику не было до этого никакого дела —

сейчас он не замечал ни пытавшиеся обвить ноги путы стремительно выросшей черной травы, ни устремленные в него стрелы. Колючие стебли, едва коснувшись сапог тайнознатца, вяли и иссыхали, короткие стрелы вспыхивали и в мгновение ока рассыпались в прах в клубившемся вокруг фигуры колдуна раскаленном воздухе.

Осознав, что еще мгновение — и схватка будет проиграна, из кустов на нас набросились устроившие засаду мятежники. Самая ожесточенная рубка разгорелась у кареты проповедника, но и к тайнознатцу устремилось сразу несколько человек.

Приняв на щит нанесенный сверху вниз удар моргенштерном, я рубанул рыжеволосого мятежника по бедру чуть ниже звеньев короткой кольчуги. Выпростал обратно окрасившийся кровью меч и тут же отшатнулся в сторону. Тяжелый боевой топор прошел мимо, и напрыгнувший откуда-то сбоку его бородатый хозяин слишком сильно подался вперед, пытаясь удержать оружие в руках. Я направил меч аккуратно в промежуток между краем шлема и воротом кольчужной рубахи. Тяжелое и не слишком острое лезвие скорее раздробило, чем перерубило позвонки, а в следующее мгновение сзади кто-то попытался разрубить меня напополам. К счастью, нападавший немного промахнулся, и направленный вкось клинок соскользнул по спасшей мне жизнь кольчуге.

Я немедленно развернулся, подставил под летевшее в лицо лезвие меча верхний край щита и нанес ответный удар. Вот только опыта моему противнику было не занимать, и, сумев захватить мечеломом пехотный клинок, он вывернул его непривычную рукоять у меня из руки.

Опережая следующий удар, я отпрыгнул назад и неожиданно почувствовал, как что-то сдавило правую лодыжку. Опустил глаза и обмер: ногу обвил за считанные мгновения проклюнувшийся из земли черный росток. Выстрелившие из лопнувших почек шипы почти в мизинец длиной заскользили по сапогу, пытаясь проколоть толстую кожу, но шкура черной лягушки оказалась на редкость прочной и смогла защитить ногу от взбесившейся травы.

Понявший причину моего замешательства мятежник вновь замахнулся мечом, но вдруг, подавшись вперед, рухнул на дорогу с пробившим кольчугу промеж лопаток арбалетным болтом. Выбравшиеся из ельника на обочину дороги волонтеры разрядили в бунтовщиков арбалеты, и перевес вновь оказался на нашей стороне.

Озираясь по сторонам, я краем глаза заметил, как вылетевший из леса серебристый предмет размером с крупную шишку закатился под карету, и мгновение спустя ее подкинуло в воздух, а сражавшихся неподалеку

бойцов раскидало в разные стороны. Разлетевшиеся осколки не щадили ни своих, ни чужих, и схватка на мгновение замерла. Несколько ударов сердца длилась короткая передышка, а потом оставшиеся в живых мятежники бросились в лес.

Услышав предостерегающие крики перезаряжавших арбалеты волонтеров, я развернулся к продолжавшему размеренно выжигать лес Бернарду и увидел вышедшего из леса невысокого худощавого бунтовщика, который из-за серо-зеленой куртки был почти неразличим в стелющемся по земле дыму. Не теряя времени, я выхватил из чехла на поясе метательный нож и швырнул его в зажавшего в руке серебряный шар коротышку. Тот хоть и заметил мой замах, но ничего предпринять уже не успел: лезвие ножа по самую рукоять вошло ему в шею.

Ни на мгновение не прекращавший движение вперед Бернард вдруг сцепил ладони, и с его задымившихся перчаток сорвалась тень призрачного огня. Серое копье, не встретив ни малейшего сопротивления, прошло сквозь сосны, до которых еще не успел добраться пожар, и почти сразу же где-то неподалеку в небо ударил столб ослепительного оранжевого пламени, а опутывавшие мою ногу ростки черной травы тут же увяли и рассыпались в прах.

Я с облегчением перевел дух, но когда ссутулившийся Бернард отвернулся от леса и посмотрел на меня, чуть снова не схватился за ножи — в зрачках тайнознатца огненным вихрем кружилось безумие, для которого не было ни малейшей разницы, кого жечь. Бледный как полотно Бернард очень-очень медленно зажмурился, а когда вновь открыл глаза, в них не осталось ни капли только что полыхавшего пламени. Справился...

Одержимый огнем медленно обвел взглядом пепелище и побрел прочь.

Первым делом я бросился к лежавшему на дороге Шутнику, но тот уже и сам пришел в себя. Закусив сложенный вчетверо плащ, он потянул засевшую чуть выше сердца иглу и, вырвав ее, отшвырнул в сторону.

Убедившись, что с ним все в порядке, а Арчи не только успел вовремя выбраться из кареты, но и выволочь оттуда всклокоченного проповедника, я поднял свой меч и направился к коротышке, который перед смертью успел-таки выдернуть из шеи мой нож. Что-то в его лице вызывало смутные подозрения, но, только стянув серый берет, сумел понять, в чем дело: по плечам рассыпались серебряного цвета волосы, а остроконечные уши были лишены мочек. Эльф. Или полукровка с очень небольшой примесью человеческой крови.

Вынув у него из руки тяжелую, словно отлитую из металла, кедровую шишку, я без колебаний спрятал ее в суму. Потом разбираться буду, что за

чудо такое. Неподалеку валялся короткий лук с лопнувшей тетивой. Его брать не стал. Куда он мне? В сумку не влезет, а таскать его с собой — сплошная морока. Вот три стрелы с серебристым оперением и вырезанными из прозрачного кристалла наконечниками в висевшем на боку мертвеца колчане оставлять не стал. На таких диковинках можно неплохие деньги заработать.

Больше ничего интересного обнаружить не удалось. Короткий, слегка изогнутый в последней трети меч и прямой кинжал с лезвием чуть ли не в ладонь шириной меня, прямо скажем, не впечатлили. И качество так себе, и миниатюрные рукояти разве что подросткам впору придутся.

— Вот повезло так повезло, — с завистью протянул остановившийся рядом мертвенно бледный Шутник, которого весьма заметно покачивало.

— Ты о чем? — не понял его я.

— Это эльф? — непонятно зачем спросил об очевидном Габриель.

— Эльф, — согласился с ним я.

— А на голове у него что?

— Берет был.

— Дурак ты. На голове у него скальп! — поправил меня приятель.

— А! Вот ты о чем, — усмехнулся я. Действительно. За такой роскошный скальп можно немало золота выручить. Только возиться с ним... — Дарю.

— Вот спасибо! — обрадовался прекрасно понявший причину моей щедрости Габриель. — Сам, значит, пачкаться не хочешь? Ну ничего, мы не из брезгливых...

Я только пожал плечами и отошел к сгрудившимся в кучу волонтерам. К моему несказанному удивлению, все арбалетчики оказались живы и здоровы. А вот пехотинцы потеряли пятерых.

— С той стороны стрелков всего трое было, — докладывал капрал Линцтрог лейтенанту, замотавшему окровавленной тряпицей раненую руку. — Пока до деревьев, где они засели, добежать успели, их и след простыл.

— Чем по лесу за эльфами бегать, лучше бы нам помогли, — зло процедил лейтенант и, развернувшись, зашагал к лежавшему на сооруженных из еловых веток волокушах Брольгу.

Линцтрог только пожал плечами и пошел к пехотинцам. Про то, что нам просто повезло, он благоразумно говорить вслух не стал. Вон — телохранителей проповедника почти всех положили. А этот, тень его задери, святоша, вместо того чтобы драпать отсюда со всех ног, над ними погребальный обряд проводит. Идиот — неровен час еще какой отряд

мятежников по наши души нагрянет. Хотя после устроенного Бернардом представления вряд ли на это кто-нибудь решится. И все же...

— Ты вот мне, Кейн, скажи, — все еще бледный после ранения Шутник опрокинул в себя стаканчик кишкодера, откусил от кральки кровяной колбасы и протянул ее мне, — в чем смысл жизни?

— Иди в жопу, Шутник. — Меня перекорежило от резкого вкуса настоящего на травах самогона, да и без того вести беседы на философские темы не было никакого настроения. — Допивай и пошли.

— Ты куда-то торопишься? — ничуть не обиделся на мое пожелание Габриель. — Дождемся Арчи и пойдем обратно все вместе.

— Ты Арчи не знаешь? Если он пропал, то ждать его можно и до заката. — Я оглядел кабак, в который мы с Шутником завалились почти сразу же после того, как прибыли в Старый Перент, и тяжело вздохнул.

Хорошо хоть командирам сейчас не до нас: Эмерсон поехал отчитываться перед бароном Анвольдом, а капрал Линцтрог помчался устраивать раненых в госпиталь. Остальным было велено дожидаться лейтенанта у восточных ворот. Надо ли говорить, что после того, как Шутник умудрился на блошином рынке прямо у въезда в город весьма выгодно пристроить скальп эльфа, мы плюнули на приказ и отправились промочить горло в ближайшее питейное заведение.

Вот только Арчи, сославшись на дела, сразу же куда-то убежал, а это самое питейное заведение с гордым названием «Золотой шлем» на поверку оказалось замызганным кабаком с сомнительной репутацией. И репутация его посетителей не была хуже только из-за того, что у них ее не имелось вовсе. Правда, за одним из столов гуляла компания солдат в кавалерийских дублетах, но нашитые у них на правой стороне груди эмблемы не с гербовым черным, а почему-то золотым единорогом нам ни о чем не говорили.

Другое дело, что я специально притащил Габриеля в «Золотой шлем» — как выяснилось, «Серые волкодавы» занимали казарму городской стражи на соседней улице, а значит, егеря просто не могут время от времени не заглядывать сюда напиться, пощупать разносчиц и набить морды солдатам из других отрядов. Остальные кабаки в окрестностях казармы я безрезультатно обежал, пока Габриель торговался с сомневающимися в подлинности скальпа покупателями.

— Он обещал быстро — значит, быстро, — пожал плечами Шутник и забрал у меня колбасу.

— Мало ли, что он обещал, — скривился я в усмешке. — Кстати, ты

как думаешь: почему Бернард с нами не пошел?

— Никак не думаю. Не пошел, и все. Его дело.

— Так-то оно так, — задумался я о захандрившем тайнознатце.

Хотя какая разница, из-за чего у него настроение испортилось? Просто, может, устал, и все дела.

— И вообще — не уводи разговор от темы, — попросил меня хитро прищурившийся Габриель.

— От какой такой темы? — не понял я.

— Ну о смысле жизни. Добро и зло. Свобода воли и предназначение. — Шутник разлил по стаканчикам остававшийся в графине кишкодер.

— Шутник, что с тобой? Мы и выпили-то всего ничего, а вон как тебя размотало.

— Не в этом дело, не в этом. Просто мы сегодня по самому краю прошлись, вот оно как. — Габриель потер грудь там, куда вонзилась заколдованная игла. — Помнишь, вы смеялись, когда я бригадину выбирал? А окажись железо чуть похуже — не сидел бы сейчас с тобой.

— Да ну брось. Что б тебе с одной иголки было?

— Что было? Да ничего хорошего! Видел, пехотинцу — как его, Билли? — в ногу игла вошла, так неизвестно еще — откачают целители или нет.

— На все воля божья.

— Вот ты как заговорил! Раньше-то все: тень, тень! А как прижало, сразу о Боге вспомнил. Все вы там, на севере, язычники клятые. И Ведьмина плешь из-за грехов ваших...

— Давай не будем сейчас об этом, — попросил я и во все глаза уставился на вошедшего в кабак крепкого сложения мужчину в серовато-зеленом камзоле егеря.

Показалось мне или у него действительно оскаленная собачья голова на груди нашита? Нет, так и есть. Нашивка «Серых волкодавов»!

Егерь, прихватив стул из-за соседнего стола, присоединился к кавалеристам, и я развернулся так, чтобы не спускать с него глаз.

— А я и не об этом! — несколько нелогично, на мой взгляд, заявил Габриель. — Я тебя о чем спросить-то хотел: почему ты такой злой? Тебе же человека зарезать, что мне муху прихлопнуть!

— А почему я должен быть добрым? — разозлился я на идиотский вопрос. Играй хоть немного у меня в голове хмель, думаю, мы бы прекрасно пообщались, а так от пустых разговоров только изжога начинается. Мне б теперь придумать, как егеря к нам за стол затащить, а не

разглагольствования подвыпившего Габриеля выслушивать. — И что это вообще такое в твоём понимании?

— Ну... — начал собираться с мыслями Габриель.

— А, подожди, я понял! — не дал ему вывернуться я. — Наверное, это значит быть всепрощающим и всепомогающим. Посвятить свою жизнь борьбе со злом и несправедливостью. Так? А что, если я не хочу оставлять безнаказанными плевки на мою тень? Что, если я хочу сам решать, кому я помогу, а кто пусть выпутывается сам? Что тогда? Я — злой? Только потому, что желаю сам определять, как мне жить, и не собираюсь помирать из-за чьих-то чужих идеалов?

— Ты сам-то понимаешь, какую чушь порешь? — неожиданно совершенно трезво поинтересовался у меня Габриель.

— Понимаю, — кивнул я. — Все я понимаю. И знаешь, Шутник, я ведь стараюсь. Стараюсь оставаться каким ни есть, но все же человеком. Не душегубом, а именно человеком. Только выбор есть не всегда...

— И ты говорил, что это меня развезло?

— Я тебе говорил, куда ты с вопросами дурацкими идти должен.

— Можно подумать, твои ответы лучше. — Шутник засунул в рот последний кусок кровяной колбаски, вытер руки о плащ и указал мне на выход.

— Ага, пошли, — кивнул я, но остался сидеть на месте, заинтригованный громкими криками, раздавшимися за столом, который занимали солдаты.

— А я говорю: дело — швах! — во всеуслышание заявил огненно-рыжий кавалерист с огромными, торчащими в стороны усами. — Йорк нас сомнет!

— Типун тебе на язык, — тут же отозвался егерь.

— Точно — типун, — поддержал «Серого волкодава» один из кавалеристов, весьма крепкого телосложения. — Ты, Серж, сам посуди: пока красные кошки город штурмом возьмут, наши уже десять раз подкрепление подвести успеют.

— Ага, как же, как же! Какой штурм, господа? Окститесь! Вы стены городские видели? В них пальцем ткни — дыра будет! — неожиданно поддержал Сержа долговязый парень, даже в помещении не расставшийся с черным беретом.

— Стены нормальные, а вот ворота — дрянь. Тарану работы на пару ударов.

— Господа! Я вообще не о том, — решил объяснить свою позицию Серж. — Город силен своими защитниками. А вы видели кислые морды

горожан? Да это быдло завтра же на наших могилах спляшет! Они флаги с кошкой на домах не вывешивают только из-за боязни на рудники загреметь.

— А пожалуй, Серж, прав, — задумался егерь. — Гнилой народ здесь, гнилой.

— Ты идешь? — толкнул меня в плечо поднявшийся со стула Шутник и задумчиво поболтал остававшийся на дне стакана самогон.

— Погоди ты, — отмахнулся от него я и, подойдя к столу с солдатами, присел за освободившийся стул. — Не подскажите, уважаемые, как обстановка в Новом Перенте? А то мы последние дни в деревне безвылазно просидели.

— Нормально там все. — Насторожившись, рыжий кавалерист внимательно оглядел наши с Шутником пехотные плащи.

Габриель тем временем оставаться в одиночестве за столом не стал, вслед за мной подошел к кавалеристам и, выдохнув, выпил остатки кишкодера:

— За его светлость великого герцога Альфреда Третьего!

Кавалеристы тост не поддержать не могли, и вскоре Габриель уже считался у них за своего. Особенно после того, как согласился сыграть в кости.

— Давно здесь? — спросил у меня не принявший участия в игре егерь.

— В долине-то? Четвертый день. Нас сюда прямо из Норгвара перебросили. — Зевнув, я потер заросший щетиной подбородок и сделал вид, будто только что вспомнил какую-то важную вещь. — Слушай, ты ж из «Серых волкодавов» будешь? А не ваша ли это работа — голова аж цельного эрла над воротами форта?

— Наша, чья еще! Повезло тогда — прямо с отравой лазутчиков прихватили.

— И сразу эрлу голову оттяпали? — удивился я. — Да за него одного выкупа корон десять золотом можно было взять!

— За живого — да. А нам не свезло. Успел за саблю схватиться, трех наших зарубил, гад. Ну и не разобрались в свалке, порешили зазря.

— Да, не повезло, — посочувствовал я. — За скальп-то его хоть серебра отсыпали?

— Ага, щасс! Это ж не эльф, — скорчил гримасу «Серый волкодав». — Мы надеялись, за остальных что-нибудь обломится, так и там не выгорело.

— Это как так? — неподдельно заинтересовался я.

— Ну захватили мы еще троих из благородных: двух эсквайров и девку, дочку лорда какого-то северного. Под арест их, значит, посадили, да налетели мятежники, охрану перебили, пленных с собой уволокли.

— Это как? — не поверил я. — Из форта?

— Почему из форта? На границе мы их оставили, в надежном месте. А вот оно как вышло. И слышь, чё творится — в отряде мятежников эльфы были!

— Брехня! — оторвался от костей Серж. — Эльфы заодно с людьми? Ни за что не поверю!

— Что?! Да все знают, что красные кошки с эльфами снюхались! Ты у любого спроси — в банде Кройда Меченого полукровок и эльфов чуть ли не половина. Этот выродок на наших налет и организовал. За его скальп тогда награду сразу удвоили.

— Серж, я сегодня сам эльфа видел!.. — Шутник метнул кости и принялся травить байку о нападении мятежников на охрану проповедника.

— А что — девка? Красивая? — зевнул я, изображая скуку. — Попользовать хоть успели?

— Баба так-то ничего, но от глазищ ее зеленых у меня сразу мороз по коже и опускалось все моментально. Да и лейтенант наш того, кто хоть пальцем к пленникам прикоснется, заживо в муравейник закопать обещал. На выкуп, вишь, сильно рассчитывал. Да не выгорело...

— Бывает. — Я поднялся из-за стола и потянул за плечо Шутника. — Пошли.

— Да обожди ты! Самая игра пошла! — скинул тот мою руку.

— Давай быстрее, я тебя на улице жду.

Я вышел из кабака и накинул плащ. Погода опять испортилась, закапал легкий, противный дождик. Небо затянуло низкими тучами, и серая сырость, казалось, пропитала весь мир насквозь. Тоска. И тоска даже не зеленая — тоска беспробудно серая.

Впрочем, солдатам городского гарнизона сейчас еще хуже нашего приходится. Я-то хоть в любое время обратно под крышу вернуться могу, а эти даже в караулку по очереди бегают. Бедолаги. С другой стороны, и словить стрелу шанс на такой службе куда как ниже, чем у нас. Так что, если разобраться, жаловаться им не на что.

Я поежился и посмотрел на сновавших у ворот городских стражников. В отличие от безразличных ко всему солдат, эти дотошно осматривали поклажу всех желающих попасть в город, не делая исключения ни для кого. Относительной неприкосновенностью пользовались лишь гонцы и армейские обозы. И только к телегам с ранеными опасались приближаться даже самые ретивые служаки — дежуривший два дня назад караул в полном составе в одночасье свела в могилу какая-то непонятная хворь. Грешили на привезенную с одним из таких обозов заразу: о том, что

мятежникам помогают не только Йорк, но и эльфы, знали уже все. А от длинноухих можно любой пакости ожидать.

Внимательно оглядев площадь перед воротами, я не заметил ни пехотинцев, ни капрала Линцтрога, только спрятавшиеся от дождя под навес гарнизонной казармы волонтеры по-прежнему дожидались возвращения командиров. Но и арбалетчики были не в полном составе — не иначе, кого-то уже отправили раздобыть выпивку. Оно понятно — дело молодое. Да и сырость эта надоела уже хуже горькой редьки.

И что, выходит, можно с чистой совестью возвращаться обратно в кабак? Можно, конечно, да только что-то желания нет в четырех стенах сидеть. И душно, и шумно. Если пить да гулять, то оно и незаметно вовсе, а вот когда подумать требуется...

А подумать есть о чем. Например, на кого из армейских дознавателей выйти, чтобы они разрешили с пленными мятежниками из банды Кройда Меченого с глазу на глаз пообщаться. Толькодохлый это номер, по большому счету. Тут не дознаватели и тюремщики нужны, тут самое время ясновидца о помощи просить. Если кто живым из мятежников в плен и попал, то давно уже с веревкой станцевал.

Вывернувший из-за угла дома Олаф, плащ которого заметно оттопыривался, увидел меня и резко остановился, но, поняв, что уже поздно, обреченно поплелся дальше. Выскочивший следом Роберт закинул на плечо арбалет и беззаботно запрыгал через лужи. Олаф, не оборачиваясь, шикнул на него, и тот сразу же поправил плащ, пряча край высунувшегося меха с вином.

Ладно, живите. Добрый я сегодня.

Да где ж там Шутник? Он все серебро проиграть решил?

Я толкнул дверь и остановился на пороге, немало удивленный увиденным: вскочившие со своих мест кавалеристы с нехорошими улыбками окружали оравшего на них Шутника. Поскольку кистень с собой в кабак он не захватил и придать своим словам весомости с помощью шипованного шара не мог, подвыпившие солдаты всерьез его угрозы «разобраться с проклятыми ворюгами» не воспринимали. Наоборот, если с кем сейчас и «разберутся», так это с Шутником. Вот ведь связался с прохиндеями...

Я по привычке опустил руку на пояс, но тут же вспомнил, что по совету Арчи меч с собой брать не стал. Кинжал, конечно, при мне, но много с ним против полудюжины человек не навоюешь. И Шутнику не помогу, и сам на неприятности нарвусь. А на чью-либо помощь рассчитывать не приходится — наоборот, набившаяся в кабак пьянь в предвкушении

бесплатного развлечения разве что не облизывается.

В этот момент рыжий Серж несильно пихнул Габриеля в грудь, и я, не дожидаясь развязки, вышел на улицу, тихонько прикрыв за собой дверь.

— Робби! — К моему облегчению, Олаф и Роберт далеко уйти не успели.

Волонтер вздрогнул и, остановившись, развернулся посмотреть на меня.

— Живо сюда!

Парень испуганно взглянул на Олафа, но, тот не оборачиваясь, поспешил к навесу.

— Бегом, я сказал!

Побледневший волонтер помчался ко мне через лужи, стараясь не дать выпасть засунутому под плащ меху с вином.

— Почему с арбалетом?! — рявкнул на него я.

— Забыл оставить, — заикаясь, пробормотал в ответ Роберт.

— Дай сюда! — Я вырвал у него арбалет, просунул сапог в стремя и, поднатужившись, взвел струну. — Болт!

Ничего не понимающий парень протянул мне болт, я наложил его и распахнул дверь кабака.

— Пошел вон отсюда! — Услышав приказ, парень стремглав бросился прочь, а зажавшие Шутника в угол кавалеристы обернулись на звуки моего голоса.

— Шестеро на одного? Не очень честно, — широко улыбнулся я. — Думаю, если к вашей беседе присоединимся мы, это будет только справедливо.

Усевшийся на стол и болтавший в воздухе ногами егерь опустил руку к поясу, но, увидев направленный ему в грудь арбалет, тут же положил ладони себе на колени.

— Этот гад... — Серж сплюнул на пол кровь и облизнул рассеченную губу. — Эта сволочь...

— Заткнись! — не дослушав, оборвал его я. — Габриель, собирайся и пойдем отсюда.

Уже успевший заполучить под глаз здоровенный синяк Шутник сразу же сгреб разбросанные по столу монеты и направился к выходу. Судя по злым лицам, кавалеристы готовы были разорвать его на куски голыми руками, но страх заполучить в голову тяжелый болт останавливал их от необдуманных поступков. Вот ведь какая штука: арбалет один, а трясутся все шестеро. Потому как непонятно, в кого я выстрелю. А подышать из-за пары монет никто не хочет. Особенно в одиночку. Это все гуртом герои, а

выдерни такого из толпы, и куда-то сразу вся спесь девается. Все ж прекрасно понимают: собутыльники и добрым словом дурака не вспомнят, не то чтобы медяк на заупокойную потратить.

Не особенно торопившийся Шутник прошел мимо меня на улицу, и я захлопнул дверь. В то, что кавалеристы бросятся за нами в погоню, мне не верилось совершенно. Во-первых, на площади болт заполучить еще проще, чем в кабаке. Во-вторых, даже стрелять не придется — стража сама дебоширов мигом успокоит.

— Много выиграл? — спросил я у Габриеля, когда мы спрятались от дождя под навесом, а Роберт забрал арбалет.

— Что? — не понял меня Шутник.

— Много, говорю, у кавалеристов выиграл? — повторил вопрос я.

Солдаты из-за пары медяков в драку не полезли бы.

— Проигрался я, — огорошил меня Габриель.

— Что?!

— Проигрался в пух и прах. Кости у них шулерские были.

— Ты уверен?

— Да наверняка! Ну не может так людям везти!

— Ты хочешь сказать, что просто не захотел отдавать проигрыш?

— Ну да! Они мухлевали!

— Ты урод, Шутник. Ты знаешь об этом? — Я аж сплюнул от досады. — Ты ввязался в драку из-за пары вшивых медяков?

— Не пары медяков, а... — Шутник пересчитал монеты и ссыпал их в кошель. — Одной короны, трех шлемов и пяти щитов серебром. Но дело-то не в деньгах, дело в принципе! Зло должно быть наказано. Чтобы впредь неповадно было!

— Заткнись и гони половину, — зарычал на него я.

— Что-то ты много в последнее время разговариваешь, — и не подумал развязывать кошель Шутник. — Я тебя, между прочим, о помощи не просил.

— Может, вернешься, и переиграем заново?

— Я похож на идиота?

— А, по-твоему, на идиота похож я?

— Ладно, Кейн, не кипятись, мне эти деньги нужнее, — примирительно хлопнул меня по плечу Шутник.

— Почему это?

— Тебя, я смотрю, армейская жизнь вполне устраивает, а у меня она уже в печенках сидит. Работать за кормежку? Увольте! Я не ишак.

— Какой у тебя выбор? Сбежать? Далеко не убежишь, — хмыкнул я и

сел, прислонившись спиной к стене казармы. Оробевшие волонтеры наконец пришли к выводу, что нам нет до них никакого дела, и пустили по кругу один из мехов с вином. — И знаешь почему? Потому что между тобой и ишаком разницы никакой. Только ты на двух ногах ходишь, а он на четырех. А так и мозги у вас одинаковые, и клейма...

— А! Вот ты о чем! — понял, к чему я веду, Габриель и присел рядом. — Ну допустим, мозги у тебя ничуть не лучше, а даже, скорее, наоборот. Иначе ты бы понял, что бежать надо не через Ранлоу, а на север. Там в Альме на корабль сесть, и — здравствуй, Империя!

— Неплохо придумано, — кивнул я. — Только это не объясняет, почему ты в деньгах больше меня нуждаешься.

— Как это почему?! — возмутился Шутник. — Ты ведь обратно на родину рвался, так? Ну вот, значит, и на проезд до Империи тратиться нужды нет. И не надо зенками своими на меня так осуждающе пялиться. Я, между прочим, из-за вас с Арчи в этой заднице оказался.

Я от такой наглости даже немного растерялся, но пока раздумывал над достойным ответом, решил промолчать. А то слов нет, одни слюни остались.

— Угощайтесь. — Осмелевший от выпитого Олаф притащил к нам мех с вином.

Шутник тут же принял предложение и, сделав добрый глоток, вытер побежавшие по подбородку капли.

— Пожалуй, воздержусь, — только покачал головой я.

Олаф забрал мех и унес его обратно к своим приятелям.

— Уважают, — рыгнул довольный Габриель.

— Было бы за что, — сплюнул я. — С Арчи советоваться будешь?

— Предложить предложу, — сразу понял, что я имею в виду, Шутник. — Не захочет рисковать — один уйду. Ты как?

— Я подумаю, — уклончиво ответил я. — О! Смотри, вон и это чудовище шлепает.

Дождь к этому времени усилился, и на лужах забурлили крупные пузыри. Ну все — теперь надолго зарядил. Насквозь промокший Арчи уже никуда не спешил и размеренно шагал по лужам, а из-под его ног во все стороны летели брызги грязи.

— Привет, — коротко бросил он нам и снял мокрый плащ.

— Где пропадал? — поинтересовался Шутник.

— Дела были. — Судя по тону, откровенничать здоровяк был не намерен. — Бернард не появлялся?

— Он в госпиталь собирался, — почесал затылок под войлочной

шляпой Шутник.

— Не было его там. — Арчи повесил плащ на вбитый в поддерживавший навес крюк. — Я заходил.

— Ну мало ли какие у него дела. — Я намеренно выделил последнее слово, но Арчи не обратил на это внимания.

В это время на площадь вывернули две телеги. Приглядевшись, я сквозь стену дождя различил сопровождавших их пехотинцев и двух всадников. Волонтеры тоже заметили командиров и тут же припрятали мех, в котором еще оставалось вино.

Телеги, не останавливаясь, проехали через площадь к воротам, и нам ничего не оставалось, как выбраться из-под навеса под дождь и бежать следом. Створки ворот, закрытые по случаю отвратительной погоды, дрогнули и разошлись в стороны, пропуская телеги. А стоило нашему отряду промаршировать за городскую стену, как они тут же со скрипом закрылись.

Интересно, а где тайнознатец? Что-то его не видать. А без Бернарда наш отряд, считай, вполовину слабее. Людей-то взамен погибших барон Анвольд в этот раз не выделил. Вон — лейтенанта до сих пор после встречи с ним от бешенства колотит. Да, молодой он еще. У кого опыта в таких делах побольше, может, чего бы и выторговал. А мальчишка, видно, себя героем после утренней схватки возомнил, наговорил барону сгоряча лишнего. Теперь, как собаки побитые, обратно в Краснявку плетемся. Ладно, хоть телеги выделили и снаряжение какое-никакое подкинули.

Как оказалось, насчет Одержимого огнем волновался я напрасно — мертвецки пьяный Бернард обнаружился в одной из телег, где он спал, завернувшись в рогожу и подложив под голову дорожный мешок. Лейтенант первое время так и кидал на него убийственные взгляды, но будить не решился.

— Арчи, слышно чего в городе? — дождавшись своей очереди ехать в телеге, поинтересовался я у размеренно бредущего по дороге здоровяка и откусил жесткого, как подметка, сушеного мяса.

— Ничего хорошего. — Арчи вздохнул и поправил висевший за спиной фламберг. — Одной искры хватит, чтобы бунт в открытую полыхнул.

— И чего людям спокойно не живется? — задал риторический вопрос Шутник.

— Чернь, а в особенности быдло, которое ничего в жизни изменить не может и не хочет, почему-то питает иллюзию, будто новый хозяин окажется лучше старого, — наставительно произнес проезжавший мимо лейтенант

Эмерсон и направил коня к первой телеге.

— Может, и так, — прищурившись, посмотрел ему вслед Арчи. — Только, думаю, причина совсем не в этом. Просто Альфред Третий прекрасно понимает, что с Церковью у него хорошие отношения лишь до тех пор, пока имперские товары, доставленные до Северных княжеств посуху, стоят дешевле привезенных из Западного Норлинга морем. Вот он и держит своих подданных в узде. А Йорк монетами побренчал, золотые горы посулил, и половина Долины Кедров у него сразу в кармане оказалась.

— Местные всегда на север смотрели. — Сидевший сбоку от меня пехотинец сплюнул в дорожную грязь. — Выродки они.

Что стряслось что-то неладное, мы заподозрили еще на подъезде к Краснявке. Сначала начали всхрапывать и вздрагивать кони, потом некоторым почудился запах гари. Я тоже что-то такое уловил, но висевшая в воздухе пелена мелкой мороси не позволила определить источник неприятного запаха. Тем не менее лейтенант по просьбе насторожившегося Линцтрога отдал приказ приготовиться к бою.

И хоть со стороны деревня выглядела как обычно, Эмерсон решил разделить отряд на две части. Сам, взяв под командование пехотинцев, направился с телегами в обход, Линцтрогу же велел двигаться напрямик в деревню. Капрал тем не менее тоже решил подстраховаться и почти сразу же приказал сворачивать на тропку, разведанную еще в первый день нашего здесь пребывания. У покосившейся изгороди разбитого на окраине огорода он оставил меня и Арчи караулить незваных гостей, остальных повел дальше.

Мы с Арчи переглянулись и сразу же без слов поняли друг друга. Стоять на открытом месте и изображать из себя отличные мишени? Вот еще!

Арчи занял позицию в зарослях вымахавшего в человеческий рост лопуха, я расположился метрах в десяти дальше по тропинке, очень удачно схоронившись за покосившимся и увитым плющом плетнем.

Ждать пришлось недолго. Я только хлебнул набранной во фляжку ключевой воды, как со стороны деревни послышались быстрые шаги нескольких весьма спешивших человек. Дорогу они особо не выбирали, а потому то и дело громко ругались, оставляя клочья одежды на сучьях кустов и спотыкаясь о повалившиеся заборы.

Я потихоньку вытащил из ножен меч, и тут из-за зарослей сирени выскочили три запыхавшихся человека. Двое в серых камзолах из некрашеной шерсти, один и вовсе в нательной рубахе. Но все при оружии. И мешки дорожные, чем-то набитые, за спинами болтаются.

Неужели в наше отсутствие мятежники в деревню наведались? Похоже на то.

Первый из бегунов даже не успел понять, что происходит, когда появившийся на тропинке Арчи низовым ударом фламберга подсек ему ноги. Второй замахнулся саблей, но взметнувшееся вверх извилистое лезвие перерубило ребра и глубоко вошло в бок.

Последний оставшийся в живых мятежник в полной мере воспользовался заминкой мастерски управлявшегося с двуручным мечом здоровяка и как испуганный заяц метнулся прочь. Я шагнул ему навстречу и, широко размахнувшись, рубанул сверху вниз — направленный наискось клинок разрубил ключицу и засел в груди.

Поспешив освободить меч, я настороженно замер на месте, но Арчи жестом показал, что все в порядке, и, присев на корточки, перерезал горло зашедшемуся в беззвучном крике мятежнику с перерубленными ногами.

Внезапно мне почудилось чье-то присутствие, и, резко крутнувшись на месте, я наткнулся взглядом на замершую на расстоянии вытянутой руки фигуру, с ног до головы укрытую от солнечных лучей черным плащом. В глухом капюшоне не было даже прорезей для глаз, да и сам человек казался до нереальности расплывчатым.

Вестник!

Помимо своей воли я протянул ему правую руку и тут же почувствовал, как обожгла раскрытую ладонь холодная тяжесть металла. Опустил глаза и застонал — черный перстень был мне прекрасно знаком. Ладонь сама собой сжалась в кулак, и лишь уколотившая ее длинная игла боли вывела меня из полуобморочного состояния.

Брат! Бра-а-ат!

— Что за кольцо? — поинтересовался бесшумно подошедший Арчи, который не смог разглядеть принесшего страшную весть призрака.

— Какое кольцо? — Я разжал правый кулак и показал здоровяку пустую ладонь.

— Показалось, наверное, — недоуменно пробурчал Арчи. — Смотри, вон тот — это не из батраков Фиценвольда?

— Вроде крутился там такой. — Я безучастно всмотрелся в лицо парня с отрубленными ногами. — Точно, он еще с утра телегу разгружал.

— Дуй, капрала предупреди, я покараую.

— Хорошо, — кивнул я и побежал в деревню.

Не то чтобы в предложении Арчи был хоть какой-то смысл, но мне требовалось остаться одному. Все же не каждый день получаешь такие известия.

На бегу я разжал левый кулак и увидел, как черное родовое кольцо начало, трепеща тенями, медленно истаявать на солнечном свете. Мне с грехом пополам удалось успокоить сбившееся дыхание и удержать выступившие на глазах слезы.

Покойся с миром, брат. И пусть тени примут твою душу.

Вскоре от черного перстня — посмертной весточки моего единственного брата, остался лишь заморозивший руку холод, и, выкинув из головы все посторонние мысли, я поклялся отомстить. Пусть эта клятва не может быть исполнена прямо сейчас, ее время придет, и кто-то кровью заплатит за смерть Бенедикта.

Одно непонятно: почему Бенедикт выбрал меня? Почему не отправил перстень отцу?

Надо ли говорить, что в деревню я прибежал не в самом лучшем расположении духа? А когда добрался до дома Фиценвольда, к полыхавшей в груди ненависти и скорби прибавилось холодное и расчетливое желание убить. Убить, как недавно выразился Шутник, не из-за бессмысленной жажды разрушения, а чтоб неповадно было. Во имя добра и справедливости, гори они в аду.

На воротах со скрученными за спиной руками висел старший сын хозяина, в груди и животе которого засел десяток арбалетных болтов. У сарая с раскроенной головой в луже крови валялся Гюнтер, а изрубленное тело так и не выпустившего топор Фиценвольда кто-то отволоч от дома к амбару. Из распахнутых дверей сеней высывались накрытые драной тряпкой девичьи ноги, рядом, зажав руками окровавленную на животе рубаху, скорчился мальчишка, еще утром просивший меня показать ему меч.

Все это в одно мгновение промелькнуло у меня перед глазами, и только потом я заметил привалившегося к стене дома мятежника с арбалетным болтом в груди. И еще одного распластавшегося у сарая в некогда сером, а теперь от засохшей крови темно-багровом камзоле.

Топтавшийся посреди двора арбалетчик с позеленевшим лицом молча указал мне на огород, и я тут же бросился туда. Между хлевом и птичником под охраной полудюжины волонтеров стояли трое пленных. Двое все в тех же серых камзолах, третий в полном боевом снаряжении тяжеловооруженного рыцаря. Только снятый шлем валяется на земле и длинные пряди слипшихся от пота темно-каштановых волос облепили лицо.

— Вы еще пожалеете, черви, что посмели поднять руку на рыцаря!

Мой сюзерен барон Бейкферн этого так не оставит! Я лично прослежу, чтобы вас всех посадили на кол!

Поблудневшие волонтеры наставили на застигнутых на месте преступления мятежников арбалеты, но лично у меня были большие сомнения, что у кого-нибудь из них хватит духу выстрелить в благородного господина. Слишком сильно въелся во вчерашних крестьян страх перед неминуемым наказанием за подобный поступок. И слишком мало еще на них крови, чтобы они почувствовали ее вкус и дурманящую и застилающую здравый смысл уверенность в собственных силах.

Рыцарь все это понимал не хуже меня, а потому вел себя вызывающе нагло, рассчитывая если и не выйти сухим из воды, то отделаться не столь уж и обременительным выкупом. А Линцтрога что-то не видно, да и Шутник, как назло, куда-то запропастился.

— Это в Йорке вы благородный господин, а здесь вы разбойник, мятежник и убийца, — скорее для волонтеров, чем для пленников, уверенно заявил я. — Его светлость великий герцог Альфред Третий распорядился вешать таких без суда и следствия.

— Молчать, смерд! Не смей разевать свою вонючую пасть! — заорал на меня взбешенный рыцарь.

— Повесить их, — не повышая голоса, приказал я.

Волонтеры вздрогнули и лишь втянули головы в плечи. Решимости выполнить мой приказ ни у кого из них не хватило.

— Капрал велел лейтенанта дожидаться, — виновато сообщил мне опустивший глаза Олаф.

— Дождаться? Что ж, раз капрал велел... — Под издевательский смех рыцаря я протянул руку Олафу, чтобы забрать у него взведенный арбалет. — Беги к лейтенанту, узнай, как с этими ублюдками поступить.

Услышав про ублюдков, рыцарь покраснел от бешенства и, готовый разразиться очередной порцией перемешанной с угрозами брани, уже открыл рот, но тут я неловко перехватил арбалет, и тяжелый болт угодил ему точно между глаз.

— Тень! Как нехорошо получилось! — выругался я и обвел взглядом не меньше пленников обалдевших волонтеров.

— И что теперь делать? — заикаясь, спросил Олаф, который с ужасом смотрел на разряженный арбалет в моих руках и валявшегося в грязи рыцаря с торчащим из головы болтом.

— Что делать? А что тут теперь сделаешь? Да, эти двое ведь не из благородных? Повесить!

Так что, когда капрал Линцтрог и лейтенант Эмерсон приехали, чтобы

допросить пленного, вместо сына Фиценвольда на воротах медленно раскачивались двое повешенных мятежников. Двое лишь потому, что к мертвому рыцарю никто прикоснуться так и не решился и он по-прежнему валялся у хлева.

Эмерсон молча выслушал сбивчивый доклад Олафа, и под конец у меня появилось опасение, что мы можем остаться без командира, до того лицо юнца налилось дурной кровью.

— Кейн! — сорвавшись на визг, крикнул он и уже спокойней продолжил. — Кто позволил тебе поднять руку на рыцаря?!

— Это случайно вышло, господин лейтенант, — развел руками я. — Я арбалет забирал, а он непривычный...

— Молчать! — Взбешенный лейтенант расстегнул верхнюю пуговицу украшенного серебряным шитьем дублета и развязал шейный платок. — Линцтрог, под стражу его!

— Господин лейтенант, у нас сейчас каждый человек на счету, — проникновенно заглянул в бешеные глаза мальчишке капрал.

— Что?! — Рука Эмерсона дернулась за плетью, но тут он, видимо, сообразил, что Брольг остался в госпитале и, кроме как на Линцтрога, положиться ему не на кого. — Дьявол! Позже поговорим.

— Как скажете, господин лейтенант, — склонил голову я, но тот уже вскочил в седло и, пришпорив коня, вылетел со двора.

Капрал Линцтрог с сочувствием глянул на меня, и теперь его морщинистое лицо ничуть не походило на добродушную физиономию дядюшки Тук-Тука. Нет, теперь его теплыми глазами на меня смотрела смерть. Вот как оно...

Ну уж нет, не спешите меня хоронить...

Краснявка. День четвертый

И все-таки жизнь — хорошая штука. Особенно если умеешь ей радоваться. А когда сильнее всего жизни радуешься? Правильно — после того, как чуть с ней не распрощался. И плевать, что там дальше будет, — главное, сейчас ты живешь и по земле своими ножками ходишь, а не с петлей на шее на эшафоте болтаешься.

Так что нельзя сказать, будто я сильно расстроился из-за угрозы лейтенанта отдать меня под трибунал. Совсем же еще мальчишка — перебесится и успокоится. А не успокоится — выкручусь как-нибудь.

Куда сильнее меня беспокоила полученная от брата предсмертная весточка. По идее — надо бы бросить все дела и рвануть на север, но это пока просто невозможно. И дезертировать после сегодняшней выходки

весьма проблематично, и Катарину найти жизненно необходимо. Ох, тенью чую, сейчас в Тир-Ле-Конте такая грызня начнется... Одна надежда на отца. Но у него и в Альме забот хватает.

После того как мы на деревенском погосте похоронили погибших сослуживцев и загубленных бунтовщиками крестьян, лейтенант Эмерсон приказал занять дом бывшего старосты и переждать ночь там. Поутру от капитана Анвольда должен прибыть гонец, тогда уже ясно станет — останемся мы здесь дальше или придется перебираться на новое место.

В связи с такой неопределенностью лейтенант распорядился усилить караулы и, опасаясь нового нападения мятежников, даже не отпустил пехотинцев в церковь на отпевание погибших товарищей. Вместо этого он пригласил священника, чтобы тот отслужил заупокойную прямо в доме старосты. Волонтеры присоединились к солдатам, а мы с Арчи без дела болтались по заднему двору, делая вид, что помогаем Шутнику готовить ужин. Укрывшийся плащом Бернард храпел на загнанной сюда телеге.

— Кейн, ты идиот! Какая муха вообще тебя укусила? — закатил глаза Шутник, помешивавший деревянной ложкой похлебку в котелке над костром.

— Ты о чем это? — разыграл я удивление.

— С какой стати ты продырявил этому рыцарю башку? — уточнил вопрос сидевший рядом на бревне Арчи.

— Должен же я был сделать хоть что-то хорошее в своей жизни, — пожал я плечами.

— Ты это собираешься говорить на трибунале? — Арчи поднялся на ноги и огляделся. Ни капрала, ни лейтенанта видно не было. — Придумай что-нибудь получше.

— Думаю, до этого не дойдет.

— На твоём месте я бы на это не рассчитывал, — предупредил меня Шутник. — Лейтенант хоть и остыл, но слово сдержит.

— Да и тень с ним, как-нибудь выкручусь, — отмахнулся я.

— Вот этого я и опасаясь, — скорчил гримасу Арчи и уже краешком рта тихонько пробормотал: — Тихо, капрал идет.

— Кейн, иди сюда, — позвал меня Линцтрог, остановившись рядом с конурой.

— Слушаю, господин капрал, — подошел к нему я.

— Лейтенант приказал приглядеть за тобой, чтобы ты глупостей не натворил, — неожиданно в открытую предупредил меня Линцтрог и по его добродушному лицу скользнула тень раздраженной гримасы. — Видно, всерьез он на тебя взелся. Но если решишь попытать счастья, я отвернусь.

И ребята мои ходить по пятам не станут.

— Спасибо, господин капрал. — Мне ничего не оставалось, кроме как его поблагодарить. — Я могу идти?

— Иди, сынок, иди, — разрешил Линцтрог и ушел в дом.

Я вернулся к костру, присел на бревно и задумался. Серьезно он советовал дезертировать, не дожидаясь возвращения в Старый Перент, или просто хотел на мою реакцию посмотреть? Если разобраться, добрых чувств к подстреленному рыцарю ему испытывать не из-за чего. Даже скорее наоборот: хоть оставленные в деревне пятеро пехотинцев и успели занять оборону, это ничего не изменило: удравшие при появлении нашего отряда мятежники спалили их вместе с домом. Но что было, то прошло, а сбеги я — это будет оплошность Линцтрога. И, насколько мне удалось понять характер капрала, таких ситуаций он очень и очень не любил. Вот ведь вопрос-то...

— Чего он хотел? — оценив мой задумчивый вид, поинтересовался Арчи.

— Да так, ерунда, — покачал я головой.

— Подсказал, где веревку можно раздобыть? — усмехнулся Шутник и попробовал на вкус ароматное варево.

— Что-то типа того. Ну что, кашевар, долго ждать еще?

— Да готово уже. — Шутник попробовал еще раз и сплюнул. — Не, чуток подождать придется.

— А скажите-ка мне, господа хорошие, — я вытащил из сумки изъятую у эльфа серебристую шишку, — что это за чудо такое?

— Убери, — попросил спрыгнувший с телеги Бернард. — А лучше выкинь.

— А что такое? — удивился я.

— Видел, как карету проповедника расхлестало?

— Ну?.. — кивнул я.

— Это эиль-на-тарол, — нараспев произнес тайнознатец. — Серебряная стрела леса.

— И? — озадаченно потер я затылок, но шишку все же в дорожную сумку убрал. — Что с того?

— А ты отойди за амбар и отломи чешуйку. Если сразу не выкинешь — на куски разорвет, — наконец толком объяснил Бернард.

— Полезная, значит, в хозяйстве вещь, — решил я. — Сгодится еще.

— Смотри, осторожней с ней, — забеспокоился Шутник. — А то и от тебя мокрого места не останется, и товарищей ни за что во тьму отправишь.

— Не дрейфь, не отправлю, — успокоил его я. — И как это «ни за что»? Товарищей всегда есть за что.

— Кейн, пришли к тебе. — Покинувший свой пост у ворот Олаф остановился рядом с костром. — Мужик какой-то спрашивает того, кто рыцарю третий глаз нарисовал.

— Кто такой? — насторожился Арчи.

— Да вроде на Фиценвольда похож. Может, родня?

— Ладно, разберемся, — поднялся я на ноги. — Арбалет дай.

— Не, — двумя руками вцепился в оружие волонтер. — Я на посту.

Бернард отвернулся скрыть улыбку, а Шутник и Арчи так и вовсе расхохотались на весь двор. Я только хмыкнул, сдерживая смех, и в сопровождении волонтера отправился к воротам, где прислонившийся к забору пехотинец пристально рассматривал незваного гостя.

Тот нервно теребил в руках неокрашенную войлочную шапку и старательно изучал носки собственных ботинок, боясь лишний раз отвести от них взгляд. Рябой крестьянин и вправду сильно походил на погибшего Фиценвольда, только был чуток помладше и не такой кряжистый. Думаю, они хоть и не близкая, но все же родня.

— Ну чего надо? — не слишком дружелюбно поинтересовался я, и мужик вдруг протянул мне небольшой, но туго набитый кошель.

Вот так дела.

— Это что?

— Эт-т-то вам, господ-д-дин, — заикаясь, пробормотал крестьянин. — Я у бра-т-та за д-д-душеприказчика, он бы од-д-добрил.

— Понятно. — Поколебавшись, я все же принял кошель и взвесил его в руке. Очень даже неплохо. Хоть, судя по бренчанию, медяки. — А скажи-ка, любезный, как же так получилось, что мятежники сразу к брату твоему нагрянули и по соседству никого больше не тронули?

Опустивший глаза крестьянин дождался, пока закончивший службу священник выйдет со двора, и лишь тогда сплюнул себе под ноги:

— А извест-т-тно — как! Сволот-т-ты всякой в д-д-деревне хват-т-тает, д-д-дonesли, что клетчатые у него ост-тановились, вот т-те и налет-т-тели.

— Много, говоришь, сволоты в деревне? — заинтересовался я. — Ну например? На кого думаешь?

— Ни на кого не д-д-думаю, — набычился мужик и прочертил подошвой ботинка широкую полосу по раскисшей от дождя земле. — Т-т-точно не знаю, а напраслину на люд-д-дей возвод-д-дить не буд-д-ду. Бог им суд-д-дя.

— Ну, а вообще кто с мятежниками якшаться мог? — не оставил я его

в покое. — Может, кто зло на брата твоего держал?

— Ба-атраки мне его не нравились, — задумавшись, пробормотал он. — Т-так и норовили чего-нибудь спереть.

— Еще кто?

— Корчмарь с бывшим ст-таростой крепко дружбу водил, — разговорившись, крестьянин перестал волноваться и почти не заикался, — но он не ст-т-тал бы. Брат ему должен был по осени д-долг вернуть. Если только мельник...

— Что мельник? — поторопил я в задумчивости беззвучно шевелившего губами мужика.

— Приблуда он, не из наших. Вот он — мог. Давно слухи ходили, что с лихими людьми дела обделывает, а где одно, там и д-д-другое. — Мужик поднял на меня взгляд и облизнул губы. — Заболт-т-тался я, бежать д-д-давно пора.

Я кивнул и не стал его больше удерживать. Вряд ли он поведал бы мне еще что-нибудь интересное. Только напридумывал бы небылиц.

Вернувшись к костру, я получил свою порцию наваристой похлебки — не пропадать же было скотине Фиценвольда без хозяев, — и задумался.

Как выйти на мятежников? Выбор небольшой: батраки, корчмарь, мельник.

Батраков искать бесполезно — одного во тьму отправили, второй должен был схорониться так, что и не сыскать. Корчмарь, скорее всего, не при делах. Остается мельник. Надо бы сходить с ним пообщаться. Только как это обстрять? Хотя есть у меня по этому поводу идея...

— Ну и что ты от меня хочешь? — хмуро поинтересовался выслушавший мой рассказ Арчи.

— Надо бы этого мельника проверить, — намекнул ему я.

— Зачем это? Он нас не трогает, мы его, — удивился Шутник. — И чего тебе, Кейн, спокойно не живется?

— Ты как, Габриель, думаешь, мельник в здешних краях — состоятельный человек? — поинтересовался я.

— А! — протянул Шутник. — Так бы сразу и сказал.

— Повторяю, чего ты от меня хочешь? — Арчи сосредоточенно зачерпывал из миски похлебку и на меня даже не посмотрел.

— Сходи поговори с капралом, — предложил я. — Меня он даже слушать не станет.

— Если разговаривать с капралом — делиться придется, — забеспокоился Габриель.

— А если не делиться, то незаметно нам отсюда не уйти. — Я выгреб

из котла остатки густого варева и присел на бревно.

— Ладно, уговорил. — Арчи со вздохом поставил миску на землю и, упершись ладонями в колени, поднялся на ноги. — Должен будешь.

— Ага, разбежался, — оскалился ему в спину я.

— Как думаешь, пойдет на это Линцтрог? — задумался Шутник.

— А кто его знает? — пожал я плечами. — Почему нет? Он в любом случае не останется внакладе.

— Он — да. А мы?

— У тебя голова на плечах есть, сам думай. Не надумаешь, Олафа возьму, он не откажется.

— Я те возьму! — возмутился Шутник. — Ты поговори мне еще тут, сопляк!

— Или Бернарда... — задумчиво произнес я и протер дно тарелки мякушкой хлеба.

Габриель сплюнул и отвернулся.

Арчи вернулся, когда уже порядком стемнело. С непроницаемым выражением лица он молча присел рядом со мной и уставился в костер.

Мы с Шутником переглянулись, но с вопросами приставать не стали.

— Капрал не против, — наконец соизволил открыть рот так и не дождавшийся наших расспросов Арчи. — Даже двух людей в подмогу даст.

— Сколько заломил? — сразу же решил уточнить Шутник.

— Мы с ним такие вопросы не обсуждали, — все так же без всяких эмоций в голосе монотонно выдал здоровяк.

— А чего тогда так долго? — удивился Габриель.

— Ждал, пока его лейтенант отпустит.

— Когда выходим? — потянулся я, разминая затекшие мышцы.

— Сейчас придет от него кто-то, и пойдём.

Линцтрог прислал Джонатана и Артура. Вообще-то это Шутник позже сказал, как их зовут, — сам я за все время своего пребывания в отряде не перекинулся с ними ни единым словом.

— Куда идти, знаете? — Джонатан — крепкого сложения плешивый пехотинец средних лет — оглядел нас с нескрываемым сомнением и отдал Артуру реквизированный у волонтеров арбалет.

— Проходили ж мимо мельницы... — Шутник застегнул все крючки бригадины и несколько раз легонько подпрыгнул.

— Ага, а там нас ждут с распростертыми объятиями, — с заметным северо-полесским акцентом издевательски протянул долговязый Артур и почесал шею. — Ничё получше не придумали?

— Сейчас идем к реке, — неожиданно для нас заявил Арчи. — Берем лодку, спускаемся до заводи. Оттуда они точно никого не ждут.

— Толково, — кивнул Джонатан и пригладил короткие рыжеватые усики, которые вкупе с украшенной несколькими рубцами широкой физиономией придавали ему вид тертого жизнью помоечного кота. — Семья у мельника большая?

— Бобыль он, — припомнил я вскользь оброненную кем-то из деревенских фразу.

— Тогда еще проще, — усмехнулся Джонатан и поправил сбившийся подкольчужник. — Кто на мельнице околачиваться будет — валим, хозяина оставляем на поговорить. Возражения?

— Смотрите, по ошибке мельника не прирежьте, — предупредил я решительно настроенных пехотинцев, которых вовсе не смущала некоторая сомнительность предстоящего мероприятия. А с другой стороны, чего смущаться? На подавление мятежа ох как много списать можно... — Мельник нам живым нужен.

— Не бойсь, не прирежем, — хохотнул Артур и передал напарнику тул с арбалетными болтами. — Вы, главное, сами ручки испачкать не бойтесь: уйдет кто — лихо нам придется.

— Не маленькие, — фыркнул в ответ Габриель. — Когда выходим?

— Пошлите уже, — посмотрел в сторону дома Джонатан. — На воротах сейчас Джером и Чарли, капрал их предупредил. Только на глаза лейтенанту не попадайтесь. Мальчишке о нашей вылазке знать вовсе не обязательно. Правильно я толкую?

— Нет, а мы собирались ему докладывать! Совсем, что ли? — покрутил пальцем у виска Шутник.

— А кто вас знает? — на полном серьезе заявил Артур. — Чтобы потом непоняток не было.

— Двинули! — прервал начинающуюся перепалку Арчи, который спрятал под навес замотанный в плащ фламберг и взамен сунул за пояс найденный среди инструментов тяжелый молот на длинной рукояти.

— Напрямик к реке не пойдем, — решил я. — Лучше круг сделаем, зато на хвосте никого не принесем.

— Дело говоришь, — согласился со мной Джонатан.

Мы выскользнули через приоткрытые ворота и, не теряя времени, направились к околице. Солнце давно село, и местные уже попрятались по домам, так что навстречу нам никто не попался. Вот только не думаю, что хоть для кого-нибудь наш маршрут был секретом: деревенские собаки так и рвались с цепей, провожая нас хриплым лаем.

Стараясь не шуметь, мы свернули на едва заметную в наступившем сумраке тропку и поспешили к речке. По обеим сторонам от вытоптанной рыбаками и прачками тропинки возвышались заросли крапивы, а когда под ногами захлюпала вода, на смену низеньким ивам пришел качавшийся под легкими порывами ветра камыш.

Посвежело. На фоне темного неба черными пятнами ползли грозовые облака, которые то и дело закрывали узенькую полоску месяца. Как обычно перед непогодой, в воздухе стоял звон комариных крыльев, вдалеке квакали лягушки, да со стороны леса доносилось уханье какой-то ночной птицы.

Найти лодки труда не составило — вытащенные из воды плоскодонки лежали на берегу неподалеку от сколоченного из потемневших досок причала. А вот найти подходящую лодку оказалось куда сложнее: одни разошлись, и в днищах у них зияли щели в палец толщиной, другие не могли вместить пятерых человек. Поколебавшись, мы остановили свой выбор на небольшом рыбацком ялике, который и оттащили к реке.

— Весел нет, — огляделся по сторонам Шутник и шлепнул себя по шее, сгоняя вконец обнаглевших комаров.

— Зачем тебе весла? — Арчи пошарил в зарослях высокой травы и вытащил оттуда длинный шест. — Скрип уключин разве что глухой не услышит.

— Ковшик брать? — Шаривший под соседней лодкой Джонатан повертел в руке деревянный ковш с короткой ручкой. — Воду там вычерпать... Да тут и второй есть!

— Обязательно.

Мы по очереди забрались в покачивавшийся у причала ялик, и под ногами тут же захлюпала вода. Шутник выругался и протянул мне один из ковшей. Да уж, ничего не остается, как поработать черпальщиками. Арчи уперся в воткнутый в илистое дно шест, поднатужился и направил ялик на глубину. Хорошо хоть идти по течению — а то бы замаялись.

Река в ночной мгле лениво несла свои воды, и тишину нарушали лишь изредка выпрыгивавшие из воды рыбины, да постепенно усиливавшийся плеск падавшего с мельничной запруды потока. Ну и сиплое дыхание запыхавшегося Арчи тоже нельзя было сбрасывать со счетов. Как бы он не надорвался.

Я вылил за борт очередной ковш и ладонью вытер вспотевший лоб. Берега реки терялись во тьме, но мне казалось, что у самой кромки воды пляшут тени еще более темные, чем ночная мгла. Что это было? Обман зрения, колыхавшиеся под порывами ветра ветви деревьев или выбравшиеся под безлунное небо из царства Старого Короля обрывки

полуночных кошмаров? Скорее, первое или второе — хоть на свете в последнее время и творится слишком уж много непонятного, принимать на веру детские сказки все же не стоит.

По речной глади побежали невысокие волны, вода с плеском забила в борта ялика, и Арчи сразу же принялся править к берегу. Оно и понятно: поднявшийся ветер запросто может перевернуть перегруженную лодку, да и темный силуэт мельницы уже маячит совсем неподалеку.

Арчи осторожно подвел ялик к берегу, и тот, шаркнув днищем о дно, мягко ткнулся в песок. Мы тут же выбрались из лодки и, настороженно прислушиваясь, замерли: ветер принес аромат жарившегося мяса и запах дыма.

— Ты, — Джонатан ткнул пальцем в Шутника, — и Артур обойдите мельницу со стороны дороги, мы зайдем со двора. И не шумите особо, главное — никому уйти не дать.

— Ну выйдем, дальше чё? — Артур взвел арбалет и наложил болт.

— Ушки на макушке держите. Как услышите, что заварушка началась, действуйте по обстоятельствам. — Убрав меч в ножны, Джонатан забрал у приятеля арбалет. — Всё, нечего время терять. С богом!

— Если бы, — тихонько хмыкнул себе под нос Габриель и отправился вслед за растворившимся в ночной темноте пехотинцем.

Почти сразу же невдалеке послышался собачий лай, и Джонатан досадливо выругался — не иначе, наши парни хозяйского пса спугнули.

Тень! Нечего было с той стороны подбираться, раз уж на берег высадились.

Уклоняясь в темноте от веток кустов, мы заспешили к мельнице и шагов через полсотни вышли к запруде. Неподалеку от реки во дворе дома мельника горел костер с жарившейся над огнем уткой, за которой присматривал сидевший рядом молодой парень в куртке с нашитыми металлическими бляхами.

Внезапно он перестал переворачивать вертел с уткой и одним плавным движением натянул на короткий лук тетиву. Развалившийся на постеленном на землю плаще батрак покойного Фиценвольда отхлебнул из меха вина и поднялся на ноги.

Вот, выходит, и свиделись, гаденыш.

Мельника нигде не видно. Оно и к лучшему — случайно в схватке не зацепим. А в том, что без драки не обойтись, никаких сомнений быть не может: парень, оставивший без присмотра утку над огнем, уже наложил на тетиву стрелу, а батрак ухватил рукоять вил.

Вот только непонятно, сколько еще, кроме мельника, людей в доме.

Хотя вряд ли их там много — иначе одной уткой дело бы не ограничилось.

— Хозяин! Ты живой там?! — заорал во всю глотку батрак и кинул на землю мех с вином.

Джонатан молча указал мне на него, жестом велел Арчи бежать к дому и, дождавшись, пока парень с луком повернется к нам лицом, выстрелил тому в грудь. Арбалетный болт легко прошел усиленную металлическими бляшками кожаную куртку и отбросил мятежника к костру. Сорвавшаяся с лука стрела исчезла в ночной мгле.

С мечом в руке я бросился к батраку, намереваясь, несмотря на указание Джонатана, взять его живым, но мигом протрезвевший крестьянин неожиданно резво кинулся навстречу и ткнул вилами. Зубья глубоко засели в обтянутых толстой кожей досках щита, и, отведя руку со щитом в сторону, я раскроил батраку голову ударом меча. Тень с тобой, некогда мне сейчас в бирюльки играть.

Из распахнувшейся двери дома выскочил мельник и, не разбирая дороги, помчался к запруде. Оказавшийся прямо у него на пути Арчи уклонился от бестолково нанесенного удара кухонным ножом и крюком в солнечное сплетение выбил из хозяина мельницы дух. Прежде чем тот успел прийти в себя, здоровяк невесть где раздобытым обрывком веревки стянул ему за спиной руки и поднялся с колен.

В этот момент хриплый собачий лай сменился жалобным визгом и, не сговариваясь, мы отбежали от костра, укрывшись в ночном полумраке. Тревога оказалась напрасной — из задней двери дома выглянул Шутник.

— Что у вас там? — покинув густую тень, подошел к нему Джонатан.

— Нормально. Одного на небеса прямым ходом отправили, хозяина, я вижу, вы спеленали.

— Больше никого не было?

— Не-а, — зевнул Габриель.

— Идите с Артуром общитесь дом. Арчи! Покарауль у ворот, пока мы тут с хозяином побеседуем. — Джонатан подошел к валявшемуся на земле ничком мельнику и с размаху ткнул его носком тяжелого армейского ботинка под ребра. Тот попытался отползти, но, получив еще пару пинков, неподвижно замер на месте. — Ну что, Кейн, тащи-ка сюда ведро водицы. Да не из реки, из колодца! Там холоднее.

Я нашел ведро, зачерпнул из колодезя в дальнем углу двора, от которого к речке убегал едва слышно журчавший ручеек, и окатил мельника ледяной водой.

— Что?.. — очнулся тот и обвел нас непонимающим взглядом. — Вы кто такие?!

— Мы солдаты его светлости великого герцога Ранлоу, — проинформировал нашего пленника Джонатан и ни с того ни с сего заехал ему ногой в солнечное сплетение. Мельник повалился на землю и закашлялся. — А ты, мразь, без пяти минут покойник. Хотя если ответишь на наши вопросы, я замолвлю за тебя словечко перед господином лейтенантом.

— Сами вы покойники, — неожиданно решительно заявил мельник, разглядев валявшиеся неподалеку тела подельников. — Не судьба вам эту ночь пережить. Но если сами сдадитесь, может, с вас живьем шкуру и не спустят. Тоже словечко замолвлю...

Пехотинец пнул пленника в голову и отвернулся к запруде, дожидаясь, пока тот придет в себя. А вот я насторожился: с чего бы это мельнику из себя героя корчить? Либо он в играх с бунтовщиками с головой увяз и выкрутиться уже не надеется, либо действительно полностью уверен в своих словах. Но только почему вид не сделал, что вообще не понимает, о чем разговор? Хоть бы время выиграл.

— Кто в деревне связан с бунтовщиками? — Джонатан решил, что дал мельнику достаточно времени для раздумий.

— Пошел ты!..

Удар кстати подвернувшимся поленом сломал хозяину мельницы нос, но в этот раз он на землю не повалился и просто сплюнул изо рта кровь.

— Где ты встречаешься с людьми Меченого?

— ...

Тяжелая деревяшка выбила несколько зубов, а мельник лишь расхохотался.

— Где скрывается Меченый?

И вновь в ответ лишь издевательский смех.

— Кто в деревне связан с бунтовщиками?

Смех. Удар.

— Кто организовал нападение на проповедника?

Смех. Удар.

— Где ты встречаешься с людьми Меченого?

Молчание. Удар.

— Где скрывается Меченый?

Плевок кровью. Удар.

И опять все по новой. Джонатан монотонно задавал вопросы и, не получая ответов, методично выбивал из мельника дух. Возможно, в конце концов, пленник бы и сломался, но у меня крепло убеждение, что нам попался крепкий орешек. Один из немногих, кто готов умереть во имя

своего дела. Или сдохнуть, но оставить нас в дураках.

Пехотинца тоже, думаю, ответы на вопросы интересовали мало — не затем он сюда явился. А так он любому с чистой совестью расскажет, что не смог выбить информацию из бунтовщика, и я это подтверждаю. А что из мятежника при этом дух выбили, так это никого интересовать не будет. Хотя если что-то полезное узнать получится, пара монет запросто перепасть может.

— Как ты связываешься с бунтовщиками?

Мельник в ответ лишь очумело помотал головой, и я остановил уже поднявшего руку с поленом Джонатана:

— Подожди, давай-ка по-моему попробуем.

— Это как? — смерил меня удивленным взглядом пехотинец.

— А ты тащи сюда вон тот жернов. И веревку найди.

— Может, лучше шкуру с него ремнями начать спускать? — предложил Джонатан. — Вы, говорят, северяне, большие по этой части мастаки.

— Как-то это мимо меня прошло, — отказался я. — Зря провозимся только. А то и вовсе загнется. Ты лучше каменюку притащи.

Джонатан посмотрел на валявшийся у мельницы увесистый каменный жернов, хмыкнул и прикатил соседний, который был раза в полтора поменьше.

— А веревку?

— Пояс его не подойдет?

— Короткий слишком, а впрочем... тень с ним, и его хватит. — Я стянул ремень, пропустил его в дыру посреди жернова и накрепко затянул концы у мельника на щиколотках. — Потащили.

— Куда? — удивился странным манипуляциям Джонатан.

— А вон, до колодца.

Джонатан подхватил бесчувственного мельника под мышки, а я поставил жернов набок и покатил быстрях рядом. Дальше тоже сложностей не возникло: пехотинец примотал стягивавший запястья мельника обрывок к веревке колодезного журавля, а потом мы перевалили хозяина мельницы через сруб и плюхнули в ледяную воду.

Тот моментально пришел в себя, заорал, но ухвативший жердь журавля пехотинец поднял руки, и голова бедолаги скрылась под водой. Выждав совсем немного времени, Джонатан вновь потянул жердь на себя, и откашлявшийся мельник жадно глотнул воздух.

— Вы! Сегодня! Сдохнете! — выхаркнул он в нас, и я только покачал головой. До чего же некоторые люди упертые. — Все! Сдохнете!

— Топи, — скомандовал я.

Пехотинец послушно поднял жердь колодезного колодца, и голова мельника вновь скрылась под водой.

— Достаточно? — через некоторое время поинтересовался Джонатан.

— Рано еще, — остановил его я и начал медленно загибать пальцы. На третьем десятке решил, что для первого раза времени прошло достаточно, и скомандовал подъем.

— Твари! — выплюнул изо рта воду мельник, едва Джонатан поднял его наверх.

— Опускай! — махнул рукой я, прежде чем пленник успел сделать второй глоток воздуха.

Хочет драгоценное время на ругань тратить — его право.

Мельник сломался на шестом заходе. Сначала он осыпал нас проклятиями, потом просто пытался, прежде чем вновь опустится под воду, наполнить легкие воздухом. Легко управлявшийся с колодезным журавлем Джонатан уже стал с сомнением поглядывать на меня, но тут, когда он очередной раз поднял голову мельника над поверхностью воды, тот выдавил из себя мольбу о помиловании.

— Кто в деревне связан с бунтовщиками? — на этот раз вопросы начал задавать я.

— Я, только я. Раньше еще староста заодно с нами был... — ответил прокашлявшийся мельник, когда из носа у него перестала течь вода.

— А трактирщик?

— Он деньгами помогает, но больше из-за того, что за шкуру трясется. Деньгами многие помогают.

— Где скрывается Меченый?

— Не знаю!

— Джонатан? — вопросительно посмотрел на пехотинца я.

— Не надо! Я действительно не знаю! — взмолился мельник, прежде чем его успели опустить под воду.

— А кто тогда на проповедника напал?! — возмутился пехотинец. — Ты ври, да не завирайся!

— Это люди Марка Ламберта! Не Меченого!

— Как так? — Такой поворот допроса несказанно меня расстроил. Я-то рассчитывал информацией о банде Кройда разжиться. — А эльфы откуда взялись?

— Меченый на севере действует, а в окрестностях Старого Перента — Ламберт, — сбивчиво пояснил пленник. — Они друг другу людьми помогают, в этот раз Кройд эльфов прислал.

— Где берлога Ламберта? — взял инициативу в свои руки Джонатан, которому, судя по всему, это имя было знакомо.

— Не знаю, его люди на меня сами выходят, — перевел дух мельник.

— То есть ничего полезного нам ты рассказать не можешь? — понял я, что ничего существенного добиться все же не получится. — И скажи на милость, с какой стати нам оставлять тебя в живых?

— Это точно, — поддержал меня Джонатан. — Давай испражняйся.

— Последний уже, видимо, раз повторяю вопрос. — Я посмотрел на не особо радостные лица вышедших из дома Габриеля и Артура. — Где можно найти Меченого?

— Не знаю я!

— Опускай.

— Стой! Подожди! Не надо! — взмолился мельник, зубы которого по стуку могли дать фору кастаньетам — то ли перепугался, то ли просто окоченел.

— С чего бы это?

— Я точно не знаю, но слышать доводилось, что его люди частенько в «Приюте скитальцев» останавливаются.

— Это что еще за заведение? — заинтересовался я.

— Постоялый двор на полпути из Старого Перента в Йорк.

— С паршивой овцы... — пробормотал я, прикидывая, как это может мне помочь.

Выходило, что почти никак.

— Как улов? — поинтересовался Джонатан у хмурого Артура.

— Денег кот наплакал, зато в сарае связок стрел под сотню, запасные тетивы, заготовки тисовые для луков, наконечников несколько мешков. И тюфяки заготовлены. Похоже, скоро здесь серьезная заварушка намечается.

— Ну что скажешь? — Джонатан потянул затекшие руки, и голова мельника чуть не нырнула под воду.

— Сегодня большой отряд подойти должен. Дюжины три или четыре, с ними полтора десятка стрелков-полукровок из Йорка. Несколько эльфов с ними должны быть. Вам против них не выстоять. Вытащите меня, и я вас мимо них проведу.

— Здорово! — обрадовался Джонатан и, поднатужившись, опустил жердь колодезного журавля к земле. — Да! Казна твоя где припрятана?

— В амбаре, в левом ближнем от входа углу. Под мешками с мукой доска подпилена.

— Артур, проверь, — распорядился пехотинец и неожиданно разжал руки. Мельник даже вскрикнуть не успел, прежде чем камнем ушел под

воду. — Проверь, и надо уже возвращаться.

— А если он не брехал насчет мятежников? — заглянул в колодец и посмотрел на поднимающиеся со дна пузыри Габриель.

— Тогда тем более шевелиться надо! — пожал плечами Джонатан. — Если нас здесь прихватят — кисло будет.

Поиск казны мятежников много времени не занял — она оказалась именно там, где рассказал мельник. Только вот денег в ней оказалось не так уж и много — десяток серебряных корон, да еще куча меди. Похоже, Ламберт недавно ее опустошил, и мельник не успел восполнить убыль. Или просто соврал нам, и настоящая казна припрятана где-то в другом месте. Вот только времени на ее поиски уже нет.

Джонатан посмотрел на высыпанные на плащ убитого батрака монеты и разделил их на три примерно равные части:

— Треть капралу, и две трети нам. Возражения?

— Уходить пора. — Арчи не стал спорить с такой дележкой и ссыпал монеты себе в кошель. — Сейчас ливанет.

И действительно — под резкими порывами ветра по заводи побежали волны, и вода зазвенела под каплями дождя. Рваные облака наконец собрались в закрывшую небо пелену, и ночь сразу же стала непроглядно-черной.

— Обратно не поплывем. — Габриель окинул взглядом раскачивавшиеся верхушки деревьев и поправил войлочную шапку. — Потонем еще на этой рухляди...

— Посуху возвращаемся, — согласился с ним Джонатан. — Один черт в такую темень никто не увидит, даже если специально караулить будет.

— А эльфы? — не разделил его уверенности я.

— Очень им надо нас дожидаться! У них, чай, дела поважнее найдутся, чем за нашими ушами охотиться! — рассмеялся перезарядивший арбалет Артур. — Ничего, прорвемся.

— Нормально все будет, — поддержал своего приятеля Джонатан.

Наверное, нам просто повезло: когда мы уже подошли к околице, где-то неподалеку, разрезав небо надвое, сверкнула ослепительная молния, а следом хлынул жуткий ливень. В крошечной тьме ничего не было видно и на расстоянии вытянутой руки — лишь разряды ветвистых молний время от времени отвоевывали у тьмы мгновения ночи. Даже злющие цепные псы забились по конурам и боялись лишний раз лаем потревожить разбушевавшуюся стихию.

— Стойте! — когда мы уже почти добрались до дома старосты, неожиданно сжал мне плечо Арчи.

— Чего еще? — недовольно прошипел насквозь промокший Джонатан.

— Дождитесь молнии, — ничего толком не объяснил здоровяк. — Ворота...

В этот момент сверкнуло — почти сразу же по ушам ударил раскат грома, а мне удалось различить стальной отблеск засевшего в воротах наконечника стрелы.

— Три стрелы в воротах, две в заборе. — Как оказалось, Арчи сумел различить куда больше моего.

— Еще пара в наличнике засела, — сжал кулаки Джонатан. — Артур, проверь. Если все в порядке — возвращайся за нами.

— Да чего проверять? Мало ли кто стрелять мог?

— Вот именно. Сходи посмотри, — настоял на своем Джонатан.

— Ладно. — Артур затянул ремень шлема и, ничуть не скрываясь, пошел к воротам.

— Живо за мной! — Джонатан, не дожидаясь, пока его приятель доберется до ворот, перебежал через дорогу и схоронился в росших у забора кустах вишни.

Мы повалились на землю рядом и начали наблюдать за остановившимся у ворот Артуром. Тот постоял у забора, потом развернулся и метнулся обратно:

— Где вы? Пошли быстрее!

Арчи и Джонатан переглянулись, озадаченный пехотинец пожал плечами, но все же выбрался на раскисшую от дождя дорогу и побежал вслед за вернувшимся к дому старосты Артуром.

Ворота приоткрылись всего на пару ладоней, и нам пришлось протискиваться в узкую щель. Сразу же бросились в глаза засевшие в стенах дома и сарая стрелы — похоже, за время нашего отсутствия здесь было жарко.

— Чего так долго? — рявкнул на Джонатана встретивший нас у ворот капрал.

— Пока туда, пока обратно, там тоже время... — развел руками заскочивший под навес пехотинец. — У вас здесь что?

— Обстреляли, — запахнул армейский плащ Линцтрог и поежился. — Гарольда и Леона наповал, Сержу руку пришлось по локоть отнять. Если бы не ливень, совсем туго пришлось бы...

— Хреново... — присел у стены дома Артур, с одежды которого уже успела натечь целая лужа воды.

— Вы как сходили, удачно? — оглядел капрал наши хмурые физиономии.

— Да как сказать, — замялся Джонатан и передал капралу туго набитый монетами мешочек. — Если мельник не брехал, сегодня сюда отряд мятежников подойдет рыл в полсотни. С ними стрелки-полукровки будут. Надо драпать.

— Ты это лейтенанту скажи, — спрятав мешочек, сплюнул капрал. — Мальчишка никак в войну наиграться не может.

— Уходить надо, — вслед за Джонатаном повторил Артур. — Перестреляют нас здесь. Или подпалят, как парней давеча.

— Типун тебе на язык! Сплюнь! — рассвирепел капрал.

— Ну если не уходить, то хотя бы церковь занять, — предложил Арчи. — Она каменная, а с колокольни полдеревни, как на ладони.

— Ладно, пойду с лейтенантом переговорю, — вздохнул Линцтрог и, ссутулившись, вышел из-под навеса под дождь. — Вы здесь дожидайтесь. Вернусь, посмотрю, кого в карауле сменить надо.

Арчи воспользовался передышкой и выдал причитающиеся нам с Габриелем деньги. Я побренчал монетами и сбегал за оставленными под присмотром Олафа вещами: лейтенант Эмерсон все же не полный идиот и команду к смене позиции может отдать в любую минуту. Вот только капрал что-то долго не возвращается.

На улице был самый настоящий потоп. Дождь лил как из ведра, по водостокам с крыши стекали потоки воды, а во дворе постепенно увеличивалась лужа, на которой под ударами ливня вспухали и тут же лопались крупные пузыри.

Раз пузыри — значит, непогода надолго. И это просто здорово — пока дождь не утихнет, лучников можно не опасаться. А в рукопашную мятежники вряд ли полезут. Слишком дорого им за такое безрассудство заплатить придется.

Широко зевнувший Арчи присел у стены и задремал. Габриель, Джонатан и Артур коротали время за игрой в кости. Капли дождя под навес почти не залетали, но с улицы сюда так и тянуло сырой прохладой, от которой начинали неметь пальцы.

Да что ж так холодно-то?

— Петер, иди сюда! — окликнул я возвращавшегося с поста в сарай волонтера.

— Чего? — заскочил тот под навес.

— Стреляли сильно?

— А то! Мы в ответ тоже пальнули, только не попали ни в кого.

— А чего так? — фыркнул Шутник.

— Дак не видно ж ни зги! — честно сознался парень.

— А! Ладно, иди, — отпустил его я.

Капрал вернулся минут через двадцать. Красный как рак, с вытаращенными от бешенства глазами. На него плюнь — зашипит. И куда только его добродушие подевалось? Чистый берсеркер.

Пехотинцам, по всему, видеть его в таком состоянии уже доводилось, а потому они мигом попрятали кости и даже не дышали, пока Линцтрог вполголоса, скорее себе, нежели нам, монотонно излагал, что он думает о самом лейтенанте, его родне и крайне запутанном происхождении от больной на голову ослицы и трех весьма неразборчивых в выборе партнеров троллей.

— В общем, я — лишенный стратегического мышления кретин, вы — сборище трусливых баранов. — Немного успокоившись, в двух словах поведал он нам о разговоре с Эмерсоном. — Лейтенант получил приказ, и он его выполнит. Бежать от кучки мятежников? Это нелепо! К тому же ночью нас проще всего перебить, когда мы будем драпать. Все ясно?

— А насчет церкви? — поинтересовался давно уже не дремавший Арчи.

— Род Эмерсонов всегда отличался благочестием, и лейтенант не бросит на него тень, ворвавшись ночью в святое место. Но утром, испросив надлежащего разрешения у батюшки...

— До утра мы можем и не дожить, — уныло протянул Артур. — Вот ливень кончится...

— Заткнись, а? — попросил его Джонатан. — И без тебя тошно.

— Все, хватит расслаиваться, сейчас лейтенант посты обходить начнет, — взял себя в руки все еще злой капрал. — Артур, Джонатан, подежурьте у ворот. Вы трое — смените арбалетчиков на крыше. Все ясно?

— Все.

— Тогда пошли живее! Бегом марш!

Стоило нам выскочить из-под навеса, как и так не успевшая просохнуть одежда промокла до нитки и вновь стала холодной и липкой.

— Ну что, приплыли? — на бегу поинтересовался у Арчибальда Шутник.

— Точно, — согласился с ним тот. — И ведь не сбежать — и некуда, и при всем желании не получится.

— Поэтому нас на крышу, а не на ворота и поставили, — усмехнулся я.

— Кейн, ты куда? — забеспокоился Шутник, стоило мне миновать приставленную к крыше лестницу.

— Живот прихватило, сейчас буду. — Я дождался, пока спустятся с

крыши и убегут в дом три волонтера, на смену которым нас, собственно, капрал сюда и прислал, и побежал на задний двор.

— Давай быстрее, мы за тебя под дождем куковать не нанимались, — крикнул мне в спину Габриель и начал карабкаться наверх вслед за Арчи.

Завернув за угол, я прислонился к стене и огляделся. Вокруг ни души. С одной стороны дом прикрывает, с другой сарай. Во внутреннем дворике поста нет. Самое то место, лучше и не найти.

Сняв с плеча дорожную суму, я вытащил из нее три замотанных в белую тряпицу стрелы с выточенными из прозрачного кристалла наконечниками — те самые, которые нашел в колчане убитого в лесу эльфа. Развернул тряпку, поежился от мелькнувшего в наконечниках отблеска далекой молнии и убрал две стрелы обратно в суму. Третью бросил в лужу у угла дома. Снова огляделся, добежал до нужника и выкинул сверток с эльфийскими стрелами в дыру. Если даже дело не выгорит — невелика потеря. Зато уж точно никаких улик не останется.

Успел вернуться обратно к луже я как раз вовремя: из пелены не прекращавшегося дождя с противоположной стороны двора появился лейтенант Эмерсон. Все верно, сначала на задах посты проверил, теперь к воротам идет. Не исключено, что еще и на крышу залезть собирается. Как бы то ни было, идет он один, и это мне, прямо скажем, на руку: разговор предстоит не шибко приятный, и лишние свидетели при нем совсем ни к чему.

— Господин лейтенант! — вышел я навстречу Эмерсону.

— Чего тебе? — не сразу разглядел меня в ночной темноте командир, а когда узнал, недовольно поджал губы.

— Я по поводу того рыцаря — это действительно случайно получилось, господин лейтенант, — не разочаровал я его ожиданий, ежась под хлеставшими струями дождя. — Честное слово.

— Дознавателям об этом расскажешь, — презрительно скривился мальчишка, которому, как видно, просто не хватило духу приказать меня вздернуть на первом попавшемся суку. — Убирайся с дороги.

— Одну минуту, господин лейтенант. — Я присел на корточки и нашарил в луже древно стрелы. — Посмотрите...

— Что там у тебя? — остановился Эмерсон и смахнул с лица промокшую прядь волос.

— Вот. — Поднимаясь, я выбросил руку со стрелой вперед, и каменный наконечник пробил лейтенанту горло, прежде чем тот успел хоть что-либо предпринять.

Захрипев, мальчишка ухватил обеими руками выпущенное мной

древко, но силы почти сразу же покинули его, и, отшатнувшись назад, он повалился в лужу. Сбегавшие по распоротой шее струйки крови окрасили пузырившуюся под дождем воду в грязно-алый цвет. Вот и все, малыш, вот и все...

Быстро осмотревшись, я пришел к выводу, что ничего исправлять не требуется — лейтенант упал в нескольких шагах от дома, там, где при небольшом везении его действительно мог подстрелить эльфийский лучник. А учитывая, сколько бак про эльфов ходит среди служивых, никому и в голову не придет, что все было немного не так.

Подхватив дорожную суму, я помчался к лестнице и мигом взобрался на крышу.

— Чего так долго? — протянул мне взведенный арбалет Шутник.

— Говорю же, живот прихватило. — Я взял оружие и осмотрелся, выбирая место, где меня хоть немного бы прикрывала от порывов хлеставшего дождем ветра крыша.

— А мы уж думали — в дыру провалился, хотели выручать идти.

— Очень смешно. — Я притулился к печной трубе и тут же понял, что почти ничего не могу различить в слишком уж непроглядной ночной мгле. — Арчи! Ты хоть что-нибудь видишь?

— Хрена лысого! — крикнул, перекрывая шум дождя, здоровяк. — Ты, главное, смотри, чтобы к часовым никто не подобрался.

— Понятно, — кивнул я и перевел дух.

Лейтенанта нашли часа через два. При чем тревогу поднял не обеспокоенный долгим отсутствием командира капрал, а совершенно случайно наткнувшийся на труп Эмерсона пехотинец. Сразу же поднялась суматоха, и Арчи, оставив нас на крыше вдвоем с Шутником, моментально убежал вниз.

— Арчи! Арчи! Вот пень глухой, — некоторое время спустя выругался свесившийся с края крыши Габриель. — Арчи! Что там стряслось-то?!

— Лейтенанта вроде подстрелили, — вернулся вскоре на крышу здоровяк.

— Что значит «вроде»? — насторожился я.

— Лежит он там со стрелой в горле, то и значит, — попытался закутаться в уже насквозь промокший плащ Арчи, но теплее ему от этого не стало. — А что именно случилось, никто и не видел. Стрела, говорят, эльфийская.

— А что там видеть-то еще надо? — на всякий случай пригнулся к коньку крыши Габриель. — Эльфы, паскуды, и не на такое способны.

— Не знаю, не знаю, — задумался Арчи. — В такую погоду...

— Эй, там! — Неожиданно над краем крыши появилась голова Артура. — Быстро вниз, капрал приказал.

Мы сломя голову бросились к лестнице и в одно мгновение оказались во дворе. Пехотинцы уже успели запрячь обе телеги и сейчас укладывали на них к мертвому лейтенанту тела своих погибших при обстреле товарищей. Стрелу, разрезав рану, из горла Эмерсона уже достали, и я облегченно перевел дух: все, теперь от вскрытия толку немного.

— Быстрее, быстрее! — завопил на нас Джонатан.

— Что стряслось-то? — закрутил головой по сторонам Габриель.

— Лейтенанта эльфы подстрелили. Капрал, пока ливень не кончился, думает в Старый Перент прорваться! Да живее же!

Караульные распахнули ворота, и забравшиеся в телеги пехотинцы направили их на улицу. Те, кому не хватило мест, побежали следом. Впрочем, вскоре на телегах остались только возницы, немногочисленные раненые и мертвецы: все остальные по уши в грязи волоклись следом. Конягам приходилось несладко, а когда колеса увязали особо сильно, приходилось вытаскивать телеги на руках.

Но никто не роптал — все понимали, что только ненастье спасло наши шкуры от стрел мятежников. Так что мы лишь молча вытирали с лиц вылетающую из-под копыт и колес грязь и упрямо шли дальше. Лучше уж по уши извозиться в грязи, чем чистым и красивым до срока в край теней отправиться.

Куда как лучше...

Старый Перент и окрестности

Ливень стих только под утро. Потом еще немного моросил легкий дождик, а вскоре небо и вовсе прояснилось. Но теперь, когда мы уже почти добрались до Старого Перента и нападения мятежников опасаться не приходилось, все были этому только рады. Куда больше нас волновала реакция барона Анвольда на смерть лейтенанта. А ну как какую-нибудь дыру решит подвернувшимся отрядом заткнуть?

Волновались мы, как выяснилось позже, совершенно напрасно — барона в городе не оказалось. Да и вообще солдат Ранлоу на улицах стало куда меньше. В основном навстречу попадались служаки местного гарнизона да городские стражники.

И это было непонятно. Что могло измениться всего за один день? Еще вчера от желто-черных мундиров и армейских плащей в глазах просто рябило, а сегодня — хоп! — и будто сквозь землю все клетчатые провалились.

Вызванный дежурившими на воротах солдатами какой-то чин городского гарнизона нам несказанно обрадовался и сразу же объявил, что до возвращения барона Анвольда отряд включается в состав гарнизона. Капралу Линцтрогу удалось выторговать только твердое обещание поставить нас на довольствие и дать отдохнуть хотя бы до завтрашнего утра.

Под жилье нам выделили казарму городской стражи, которую как раз начали покидать предыдущие постояльцы, когда капрал Линцтрог закончил с формальностями и мы наконец смогли покинуть двор гарнизона. На первый взгляд, предложенное нам мрачноватое строение никаких нареканий не вызывало. Три этажа, стены сложены из обтесанного камня, высокая дубовая дверь окована стальными полосами, оконца такие узкие, что человек в доспехах, наверное, уже и не протиснется. Перед казармой небольшая площадь, двор огорожен высоченным забором. Если что — держать оборону там можно не один день.

— Ты только посмотри! — ткнул меня в бок Габриель и указал на выехавшего из распахнутых ворот казармы всадника.

На мой взгляд, помимо абсолютно белых волос, ничем примечательным тот не отличался. Да и гнедой конь у него был не ахти. Таких у любого торговца двенадцать на дюжину.

— Да не туда смотришь! — зашипел от досады заметивший мое непонимание Шутник. — Ты на рукоять меча внимание обрати! Волчью голову видишь?

Тут только я разглядел, что отливающее синевой яблоко рукояти длинного меча выполнено в виде оскаленной волчьей головы.

— И что?

— Это же синяя сталь! — поднял к небу глаза Габриель. — Бастард Браги помнишь? Этот клинок тоже в Медвежьем склоне выкован, только стоит раз в пять дороже.

— А в десять — не хочешь? — улыбнулся прислушавшийся к нашему разговору Арчи. — Работа мастера Ран-Кира, не иначе.

— Если так, меч точно небольшое состояние стоит, — причмокнул губами Шутник. — Правильно говорят: делай горцы детей так, как они куют клинки, давно бы уже завоевали весь мир.

— А это кто, кстати, такие? — заинтересовался я покидавшими двор казармы всадниками.

Последний из них — сильно хромавший парень с выбившимися из-под широкополой шляпы соломенными волосами — вывел своего коня под уздцы, что-то сказал дежурившему у ворот стражнику и легко забрался в

седло. Я поймал взгляд его желтых глаз и невольно поежился. Было в них что-то... нездоровое. Будто волку в душу заглянул.

— Вон тот седой — капитан Генри Ларох собственной персоной.

Околачивавшемуся поблизости стражнику сполна удалось насладиться нашим удивлением. Еще бы! Кто бы мог подумать, что этот замухрышка — предводитель печально знаменитого отряда карателей, чьим именем давно уже пугают детей во всех уголках Империи?

— Он не седой, он альбинос, — поправил стражника Арчи.

— Хрен редьки не слаще, — фыркнул в ответ тот.

— Не скажите, — покачал головой подошедший Бернارد, и стражника сразу же будто ветром сдуло. Да, зловещее одеяние и мрачный взгляд Одержимого огнем непривычного человека и до заикания довести могут. — Никто не знает, когда барон Анвольд в город вернется?

— А что такое? — удивился странному вопросу Габриель.

— Не нравится мне здесь, — объяснил тайнознатец. — Большой кровью пахнет.

— Да с чего ты взял? — расхохотался Шутник. — Я вот ничего такого не чую!

— А ты присмотришься к горожанам, — посоветовал ему Бернارد. — Только присмотришься хорошенько.

— И что с ними не так? — полюбопытствовал Арчи. — Я что-то никого из местных пока не наблюдаю.

— Вот именно, что не наблюдаешь, — кивнул тайнознатец. — Все как один по домам попрятались. А самые умные так и вовсе стрекача задали — только пятки сверкают. Ровно как крысы с тонущего корабля. И лучше бы нам тоже успеть убраться отсюда, прежде чем этот город пойдет ко дну.

— Ерунда это все, — отмахнулся от предостережения Шутник.

В этот момент наши телеги въехали в ворота, а пехотинцы и волонтеры потянулись в казарму. Мы потащились следом.

— В кабак пойдешь? — предложил Шутник, когда мы уже заняли койки в одной из двух длинных комнат на втором этаже.

Здание было рассчитано на отряд, раза в три-четыре превосходящий наш по численности, так что всем достались весьма неплохие места. Мне, Арчи и Шутнику так и вообще жаловаться было не на что: наши койки находились вдалеке от окон, между сложенным из обожженного кирпича камином и выходом на лестницу.

— В какой еще кабак? — Я задвинул дорожную суму под койку и откинулся назад, опершись спиной о стену.

— В «Золотой шлем», тут из нормальных забегаловок, говорят, ничего

другого поблизости и нет.

— А ну как опять на давешних кавалеристов нарвемся? — ухмыльнулся я, наблюдая, как притащившие дрова волонтеры пытаются безуспешно растопить камин.

Хотя придумали они правильно: холод в комнате просто жуткий.

— Да узнавал я, нету их в городе, — успокоил меня Габриель.

— Тогда пошли.

— Ты как, Арчи?

— Дела у меня, — отказался здоровяк. — Время будет, заскочу.

— Ну и черт с тобой, — сплюнул на пол Габриель. — Пошли, Кейн, пока капрал с покойницей не вернулся.

— Пошли, — кивнул я.

Нечего в казарме штаны просиживать. К тому же предупреждение Бернарда запало мне в душу, так что разведать ситуацию в городе совсем не помешает. А то как бы не оказалось, что мы из огня да в полымя.

— Вы надолго? — размазал замаранной ладонью сажу по вспотевшему лицу запыхавшийся Олаф.

— А что такое? — остановился в дверях Шутник.

— Да я б с вами, если до прихода капрала обернуться успеем. — Волонтер понял причину смешков приятелей и вытер лоб подолом рубахи. — А то устал как собака.

— О чем речь?! — хлопнул его по плечу Габриель. — Пошли, конечно. Можешь считать это первым шагом по пути в настоящие солдаты.

— Прикройте меня, если что, — попросил Олаф рассеявшихся вокруг камина волонтеров, и мы втроем спустились на первый этаж.

До «Золотого шлема» нам удалось добраться минут за пять — пришлось всего-навсего свернуть на соседнюю улицу и пройти пару кварталов. И хоть шли не задворками и не темными переулками, но действительно казалось, что город вымер. Несколько раз нас обогнали ехавшие по направлению к городским воротам кареты, да обходившие улицы стражники настороженно посматривали на наши пехотные плащи.

А вот в кабаке оказалось не протолкнуться. И публика была даже сомнительней, чем в наш первый визит сюда. Судя по обветренным физиономиям и обтрепанным нарядам, здесь гуляло сразу несколько компаний то ли наемников, то ли еще какого вольного люда, продававшего за звонкую монету свое умение обращаться с оружием. Свободных столов, к глубочайшему сожалению Габриеля, не оказалось.

— Чего желаете, уважаемые? — непонятно с чего моментально подскочил к нам кривой на левый глаз кабатчик.

За его спиной сразу же возникли два здоровенных вышибалы, весьма удивленных оказанным простым солдатам вниманием. Впрочем, на фоне гулявшей в заведении публики эти мордовороты даже как-то и не смотрелись.

— Нам бы горло промочить. — Без особой надежды Шутник обвел взглядом плохо освещенный тусклым светом ламп кабак. В самом деле, тут яблоку упасть негде. А с учетом того, что подвыпившие посетители постоянно курсировали между столами, народу сюда набилось куда больше, чем имелось в наличии посадочных мест.

— Я всегда рад видеть славных солдат великого герцога в моем скромном заведении, но, к сожалению, сегодня мне нечего вам предложить, — зачастил облизнувший губы хозяин кабака. — Есть свободный стол, но там уже сидит один господин и вряд ли...

— Ничего страшного! — обрадовался Шутник. — Веди! Он нам не помешает.

— Как скажете, — постарался скрыть облегчение кабатчик и заспешил в глубь помещения.

Ему дорогу расчищали вышибалы, нам приходилось проталкиваться самим. Впрочем, никого настолько пьяного, чтобы задирать солдат Ранлоу, в заведении пока не нашлось.

— Я же ясно попросил никого за стол не подсаживать, — хмуро посмотрел на хозяина кабака сидевший с полупустой кружкой пива в руке Берnard.

К моему немалому удивлению, тайнознатец по какой-то причине не стал афишировать наше знакомство. Олаф от удивления открыл рот, но тут же захлопнул его, получив от меня тычок под ребра.

— Но эти господа, они состоят на службе у великого герцога, и я не могу выставить их за дверь, — заюлил кабатчик. Вышибалы незаметно рассосались в толпе.

— Я прекрасно вижу, кто они. — Берnard одним глотком допил пиво и катнул по столу кружку. — По пиву моим гостям!

— Сию минуту, будет исполнено. — Подхватив уже летевшую на пол посудину, опрометью бросился исполнять распоряжение тайнознатца хозяин, на которого мрачное одеяние Одержимого огнем наводило прямо-таки животный ужас.

— Какими судьбами? — тихонько поинтересовался Шутник, когда симпатичная разносчица с невероятной для переполненного заведения быстротой притащила к столу четыре кружки с густыми шапками пивной пены.

— Да замерз под дождем как собака, никак согреться не могу. Еще и в казарме холод дикий, — пожаловался худой тайнознатец и закутался в плащ.

— А на хозяина жути зачем нагнал? — Я отхлебнул пива и поставил кружку на стол.

— Да так, под настроение пришлось, — сморщился Бернارد.

— Если кто на хозяина жути и нагнал, так это ты, Кейн, — подавившись, фыркнул Шутник. — Он, думаешь, почему нас не выставил? Побоялся, что ты снова с арбалетом вернешься!

— Да ну и тень с ним, — пожал плечами я. — Мастер Бернارد, не слышно, куда регулярные войска из города перевели?

— Вроде как в Новый Перент. Врать не буду, но люди говорят, там серьезные беспорядки начались.

— Как бы досюда не докатилось, — поежился Олаф.

— Ерунда! — хлопнул по столу ладонью Шутник. — Если Йорк границу не перейдет, нам опасаться нечего. Уж кого-кого, а восставшую чернь вразумить силенок хватит.

— В Норлинге с чего все началось, напомнить? — неожиданно жестко поинтересовался у Габриеля тайнознатец, и тот, опустив глаза к столу, моментально заткнулся. — К тому же кто знает, сколько еще Йорк медлить будет?

— Неужто нападет? — вытер с губ пивную пену Олаф.

— Обязательно. У него просто выбора другого нет — слишком много сил и золота в это дело вложено. — Тайнознатец замолчал и повернулся к остановившейся рядом с нашим столом старухе, закутанной в какие-то серые застиранные обноски. — Иди отсюда, старая, ничего тебе здесь не обломится.

— А я не милостыню прошу, касатики, я судьбу ворожу, — затеребила концы вытертой до дыр шали гадалка. — Тебе, знающий неведомое и видящий незримое, ничего не скажу, а вот бравым солдатушкам все как на духу расскажу. Что было, что будет, что на сердце лежит, чем сердце успокоить. Вы медяка не пожалейте, служивые...

Олаф первый развязал кошель и выудил оттуда медный щит. Тайнознатец демонстративно отвернулся к стене, а старуха ухватила ладонь волонтера костлявой рукой и принялась изучать ее, водя по линиям почерневшим и растрескавшимся ногтем указательного пальца.

— Все ясно, милоч, — коли переживешь летящий в ночи огонь, доживешь до седых волос, — сиплым шепотом поведала она на ухо Олафу, но ее прекрасно расслышали и я, и тайнознатец.

Бернард громко фыркнул, а Шутник заколебался с уже вытянутым из кошель медяком.

— Не сомневайся, что увижу, все без утайки расскажу. Но какова плата, таков и результат. — Медяк перекочевал к гадалке, и она, почти не рассматривая ладонь Габриеля, продолжила: — Опасайся чужих врагов, а пуще них опасайся только слуг, живущих во тьме, но помнящих свет. От них тебе самая большая опасность.

— Это слуги помнят свет или их хозяева? — почесал затылок озадаченный Шутник.

— А то неведомо мне, что сказала — сам понимай, как знаешь, — откровенно призналась гадалка.

Бернард в голос засмеялся, и старуха зло зыркнула на него черными глазами.

— Ну а ты, мил-человек? — обратилась она ко мне. — Не жалею медяка, узнай судьбу.

— Смотри, старая, сколько еще простаков не облагодетельствовано, — кивнул в зал я. — Если всех обойдешь, никакого кошель не хватит. С хозяином только поделиться не забудь.

— Злой ты человек, недобрый, — прищурилась не сдвинувшаяся с места старуха.

— Какой есть, — не стал спорить я.

— Человек ты злой, но я и без ладони твою судьбу прекрасно вижу, — закрыла глаза гадалка. — От семи приговоров уйдешь, да только все равно черт за левым плечом в могилу сведет. Сердце тебе вырежут ножом серебряным, тело сожгут, а прах развеют над...

Облившись пивом, я замахнулся кружкой, но гадалка с неожиданным для такой старой клячи проворством метнулась за соседний стол и пропала из виду за спинами гуляк.

— Вот ведь тварь старая, — опустил я на лавку и стряхнул с рукава на пол капли пива.

— А все почему? Потому что медяк зажал, — весело расхохотался Шутник. — Вот дал бы серебряк, она б тебе и славу, и богатство, и корону королевскую в придачу посулила. Или кто у вас там на севере? Князя? Тогда княжескую.

— Сам бы заплатил, только чтоб никто княжескую корону не сулил, — зло процедил я и забрал с выставленного на стол подавальщицей подноса новую кружку с пенным напитком. — А скажи, красавица, что за люд у вас сегодня гуляет?

— А, магистрат нанял сброд всякий, — махнула рукой та и

подмигнула. — Эти и в подметки настоящим солдатам не годятся.

Олаф проводил ее зад задумчивым взглядом и потерял висевший на поясе кошелек.

— Пойду, посмотрю, может, где в кости играют, — отсмеявшись, поднялся из-за стола Габриель.

— Сиди, ты здесь уже один раз поиграл, — попытался остановить его я, но он лишь отмахнулся и направился к столу, за который время от времени пересаживались гуляки со всего зала. — Твою тень! Обожди, я с тобой.

Нагнал Габриеля я уже у самого стола, за которым действительно шла игра в кости. Шла игра ни шатко ни валко — хоть большинство наемников уже изрядно набрались, но все жалованье пропить пока не успели и друг на друга с кулаками и обвинениями в шулерстве не бросались. Просадив немного монет и пощекотав нервы, они довольные шли дальше накачиваться пивом и дешевым кишкодером. Так что довольно скоро мы заняли освободившиеся места и затрясли стаканчик с костями.

Как ни удивительно, мухлевать никто не пытался, и, когда я уже собрался выйти из игры, мы с Шутником оставались при своих.

— Пошли? — предложил я Габриелю.

— Да пора бы, — согласился тот, но в этот момент на колени к моему соседу плюхнулась пышнотелая рыжеволосая девица.

— Привет, мальчики! Я в игре!

Мой сосед, вытянутое лицо которого напоминало щучью морду, не протестуя против столь бесцеремонного вторжения, освободил место и облокотился о спинку стула.

К моему немалому удивлению, весьма симпатичная девушка к обслуживанию кабака явно отношения не имела и мало того, что была наряжена в мужское платье, так еще и на поясе у нее висели два коротких меча.

Два весьма знакомых меча.

Потертые ножны, потемневшая от пота обмотка рукоятей. Клинков, понятно дело, не видно, но, без сочинения, на пятках выбит ухвативший змея орел.

Короче говоря — это были мои изъятые при аресте в Логваре мечи.

— Ну кто играет? — капризно протянула красotka, но все лишь отрицательно качали головами.

Даже Шутнику хватило ума понять, что дело нечисто, и ссыпать столбик остававшихся у него монет обратно в кошелек.

— Каковы ставки? — осведомился я.

— Это подруга командира «Черных смерчей», — наклонившись,

пробормотал мне на ухо наемник, который и уступил девице стул. — А Джимми Черныш отличается весьма дурным нравом.

— Хоть один мужчина среди вас нашелся! — весело рассмеялась девушка и бросила на стол зазвеневший кошель. — Называй сам!

— Деньги меня не интересуют. А вот на мечи я бы сыграл.

— Это подарок, — нахмурилась девица.

— О! Подарок — это святое! — Я ссыпал свои монеты в кошель и, не торопясь, поднялся из-за стола.

— Черт с тобой, играем! — махнула рукой эта весьма азартная особа. — Но твоя железяка мне не нужна. Что поставишь ты?

— Этого достаточно? — Я развязал кошель и высыпал все его содержимое на стол.

— Вполне. — Девица выложила к моим монетам мечи и потянулась за стаканчиком с костями.

Надо ли говорить, что спустя некоторое время я передвинул мечи к себе и вновь сгреб в кучу оставшиеся в неприкосновенности монеты?

Вот только все оказалось не так просто.

— Эй! погоди! А отыгаться? — завопила мне в лицо проигравшаяся девица.

— К сожалению, у меня совершенно нет времени. — Я сунул кошель во внутренний карман и встал из-за стола.

Наемники зашумели, но вмешиваться не стали. Тут все просто: решил человек из игры выйти — его дело.

— Я бы на твоём месте не спешил. — Раздавшийся за спиной тихий голос ножом разрезал висевший в кабаке гул, и у меня екнуло сердце.

— Почему бы это? — развернулся я.

— Невежливо не дать даме шанс отыгаться. — Подбрасывавший в руке надкушенное яблоко светловолосый жилистый парень на фоне кряжистых наемников казался подростком, но чувствовавшаяся в его голосе сила ясно дала понять, что послать парнишку подальше будет очень большой ошибкой.

— Опаздывать на деловую встречу ещё более невежливо, — старательно скрывая усмешку, ответил я и по реакции наемников понял, что большинство из них если и не на моей стороне, то уж в драку точно не полезет.

— Ну тогда, быть может, вы заглянете сюда позже? А мечи в знак доброй воли оставите до своего возвращения? — попытался загнать меня в угол командир «Черных смерчей».

— К сожалению, не могу знать заранее, чем закончится встреча и буду

ли я в состоянии продолжить игру, — покачал головой я. — И, что самое печальное, мечи крайне необходимы мне при предстоящем разговоре.

— А разве вам не говорили, что эти мечи — мой подарок? — прищурившись, едва ли не прошипел Черныш.

— Я говорила, Джимми!.. Но он... — запричитала девушка и осеклась, поймав полный бешенства взгляд кавалера.

— И что это меняет? — поняв, что миром решить дело не получится, усмехнулся я и обнажил клинки.

Стоявшие вокруг наемники сразу же подались назад, освобождая пространство для схватки, но когда Джимми и трое сопровождавших его головорезов только схватились за мечи, весьма своевременно появившийся Бернارد щелкнул по стоявшему на столе подсвечнику. В момент растянувшееся до потолка пламя свечи спрыгнуло с фитиля на пол и, став почти неразличимым, изогнулось в расплывчатый силуэт огненного демона.

— Повеселились и хватит, — безмятежно заявил тайнознатец, и побледневшие наемники мигом попрятали оружие.

Черныш хотел что-то сказать, но только заскрипел зубами и, схватив свою непутевую подругу за руку, поволок ее к выходу из кабака.

— Вас проводить до казармы? — убрав мечи в ножны, поинтересовался у Бернарда я.

— Именно об этом я и хотел попросить, — сухо улыбнулся в ответ тот. — Олаф и Габриель уже ждут на улице.

— И где вас черти носили, сучьи дети? — не то чтобы спокойно, но без особого раздражения в голосе поинтересовался капрал Линцтрог, когда мы переступили порог казармы.

— Мастеру Бернardu город показывали, — глазом не моргнув, соврал Шутник.

На наше счастье, мы из самоволки вернулись не последними, и медленно сатанеющий капрал остался караулить кого-то из особо отличившихся пехотинцев. Судя по неподвижно замершим у дверей Джонатану и Артуру, которые и почесаться лишний раз боялись, счастливица ожидала полная неожиданностей ночь. Неожиданностей, надо полагать, не самых приятных, а скорее даже наоборот.

— Я одного понять не могу, — плюхнулся на кровать Шутник, когда мы поднялись в нашу комнату. — Как ты на глазах у всех сжульничать умудрился?

— Я?! — Удивление мне удалось на славу, но Габриеля провести не

удалось.

— Ну не я же!

— Да с чего ты взял?

— Не могло тебе так повезти, просто не могло.

— Тем не менее — повезло.

Я повесил пехотный меч на вбитый в стену крюк и принялся внимательно осматривать нежданно-негаданно возвращенные клинки. Новых зазубрин не появилось, да и ухаживали за ними, похоже, не худшим образом. Но кое-что подправить все же придется.

— О чем это вы? — поинтересовался развалившийся на слишком короткой для него кровати Арчи.

— А, ерунда, — обернулся к нему Габриель. — Ты где пропадал?

— Дела были, — флегматично заявил здоровяк и широко зевнул.

— Да что ты говоришь?! — завопил Габриель и метнул в него сапог. Попасть не попал, но Арчи все же нашарил сапог и швырнул его обратно.

— Зараза! — выругался едва избежавший удара каблуком в лоб Шутник и, растянувшись на кровати, с головой накрылся плащом.

— Кейн, можно тебя? — позвал меня один из волонтеров.

Как его, Вилли?

— Чего надо? — раздраженно рявкнул на парня я и отложил в сторону точильный брусок.

— Да тут такое дело, — нерешительно замялся он. — Мы тут с мужиками чертов корень попробовать решили, скинулись...

— И что? Давай короче.

— Да как-то он не цепляет. Вообще.

— Вы его как употребили — дым вдыхали или пыль нюхали?

— Дым вдыхали.

— Дай посмотреть, что осталось, — тяжело вздохнув, попросил я.

Парень осторожно вытащил из-под куртки мешочек, сшитый из пропитанной чем-то ткани, и протянул мне.

— Мололи сами? — развязав веревочку, осмотрел я остро пахнущую древесную труху.

— Нет, так уже взяли.

— Идиоты! — только покачал головой я, морщась от защекотавшего ноздри знакомого аромата. — Вам продали молодой корень, смешанный с измельченной корой и добавленными для запаха сушеными листьями. Можно все за раз употребить — даже не чихнешь.

— И что делать?

— Нормальный корень покупать. — Я затянул завязки и вернул

мешочек опешившему парню.

— А с этим?

— Выкинь.

— Мужики меня убьют! — застонал Вилли.

— Ладно, дай подумать, что можно сделать. — У меня неожиданно забрезжила идея, как с пользой употребить подsunутую волонтерам нечестным барыгой обманку. — Вино есть у вас?

— Есть. Мех почти не начатый.

— Давай сюда вашу отраву. — Я забрал протянутый мне мешочек с чертовым корнем. — Теперь тащи вино и горшок какой или котелок, которые не жалко. Да, еще соли щепоток десять прихвати и ложку деревянную.

Когда волонтер умчался выполнять мое распоряжение, я развязал тесемки мешочка и принялся выбирать из него слишком крупно растолченные листья. Кора сама всплывет, а вот листья вместе с корнем на дно уйдут и только лишнюю горечь зелью придадут. Ни к чему это: вино и без нее пить невозможно будет. К тому же если с листьями приготовить — точно всех пронесет.

— Вот, — прибежал запыхавшийся Вилли и поставил на кровать неведомо где раздобытый керамический горшок и изрядно ополовиненный мех с вином. — А вот соль.

Не обращая внимания ни на него, ни на заинтересовавшегося моими действиями Шутника, я налил в горшок до середины молодого красного вина и, стараясь не просыпать ни крошки, вытряхнул из мешочка кое-как очищенный от листьев чертова куста порошок. Потом прикинул на глазок объем посуды и, передумав выворачивать, спрятал мешочек с оставшейся в нем пылью себе в карман.

— Ну-ка двиньтесь, — растолкав собравшихся у камина волонтеров, я присел рядом с прислонившимся к прогретой стене Бернардом и пристроил горшок над огнем.

— И чего? — не удержавшись, потерябил меня за рукав Вилли, когда потемневшее вино еще даже не начало закипать.

— Заткнись и не мешай, — шикнул я на него, пытаясь не проглядеть пену, которой вот-вот должно было покрыться разогретое на огне вино.

Как обычно, зелье закипело совершенно неожиданно, и тут же из котелка полезла серая пена, а по казарме распространился одуряющий аромат пережаренного чертова корня. Я принялся снимать хлопья пены деревянной ложкой и стряхивать их прямо на пол, а уже буквально через мгновение поверхность вина очистилась и плававшие на поверхности

кусочки листьев опустились на дно.

— Кто-нибудь знает считалку о дядюшке Тук-Туке и трех белках? — достав один из своих ножей, я опустил его лезвием в горшок, и вокруг него моментально забурлили пузырьки воздуха. — Начинайте считать, только не торопитесь.

Несколько волонтеров в голос забормотали считалку, и, дождавшись, когда третья белка утащит у доброго старичка последние орехи, я посолил кипевшее вино, вытащил нож и сразу же замотал почерневшее от осевшего чертова корня лезвие специально приготовленной тряпицей.

— И что теперь? — сморщился, понюхав остро пахнущую жидкость в снятом с огня горшке, Вилли.

— Больше глотка не пейте, и будет вам счастье, — зевнул я и подмигнул с интересом наблюдавшему за моими манипуляциями тайнознатцу.

— Они ж теперь до утра не заснут, — грустно улыбнулся тот.

— За все в нашей жизни приходится платить, — цинично отшутился я, еще не подозревая, насколько это утверждение верно по отношению ко всем нам.

— А могу я поинтересоваться, зачем ты испортил неплохой в общем-то нож? — перевел разговор на другую тему Бернارد. — Он же теперь, если не ошибаюсь, очень хрупкий?

— На что-нибудь сгодится, — уклонился я от прямого ответа, чувствуя, как начинает кружиться голова. — На один удар точно хватит.

— Думаешь решить все вопросы одним ударом? — Тайнознатец блаженно поежился, когда его протянутые к огню руки окутала легкая пелена пламени. — Эх, молодость, молодость...

Я ничего не ответил и, посмеявшись в душе над уже пустившими горшок по кругу волонтерами, отправился к своей кровати. А впрочем, ничего особенного с ними не будет. Разве что расстройство желудка заработают, и все. Зато всю ночь себя великолепно чувствовать будут. Только бы не подсел никто на эту гадость.

Легкое шипение и свист раздались, когда я уже принялся стягивать сапоги. Вздогнув, я замер от удивления: влетевшая в узкое оконце казармы стрела пронеслась через все помещение и, ударившись о противоположную стену, плеснула во все стороны ослепительными брызгами огня.

— Тревога! — заорал кто-то из пехотинцев на третьем этаже.

В окна влетело еще несколько пылающих стрел, и в разных концах комнаты запылало пламя, но, на наше счастье, каменные стены и пол давали слишком мало пищи огню.

— Все от окон! — перекрыл всеобщий галдеж вскочивший с кровати Арчи, и волонтеры с многократно усиленной выпитым зельем реакцией бросились по углам.

Один из зажигательных снарядов угодил меж лопаток рванувшему к двери мимо окна Петеру, и объятый пламенем бедолага покатился по полу.

— Вниз! — закашлявшись от заполнившего комнату дыма, приказал Арчи, и пригнувшийся Шутник первым бросился к лестнице.

Я метнулся следом, но тут позади меня взорвалась клюнувшая каменную стену стрела, рядом с шипением брызнули на пол капли огня, и мне пришлось сбивать пламя с прожженной в нескольких местах сумы.

С гудением в окна влетела очередная волна стрел, и тут удача наконец решила, что сделала для нас достаточно: от многочисленных огненных брызг принялись разгораться кровати и тлеть деревянные перекрытия.

По большому счету, всех нас спас Бернارد. Совершенно ничего не опасаясь, он вышел на середину комнаты, поднял руки к потолку, и сразу же разгоравшийся пожар стих, а языки пламени опали, подавленные волей тайнознатца.

— Уходим! — снова заорал Арчи на Олафа, который выпустил в окно арбалетный болт и едва не заполучил в ответ огненный подарок. — Надо прорываться!

Все бросились к лестнице, по которой уже спускались взъерошенные пехотинцы — с третьего этажа клубились вниз завитки дыма и тянуло запахом паленой человечины. Сбежав на первый этаж, я прижался к стене, но, на наше счастье, окна здесь были закрыты ставнями и нам пока ничего не угрожало. Именно что пока — толстые доски ставен уже начинали тлеть.

Последним по лестнице медленно, словно на него давил груз всех трех этажей казармы, спустился тайнознатец. По его худому лицу катились крупные капли пота, а из-под кожаных перчаток вырывались длинные языки пламени и струйки дыма.

— Что делать будем? — подбежал Арчи к капралу Линцтрогу.

— Если бы я знал, что происходит в городе, я б тебе что-нибудь ответил, — тихонько проворчал тот. — Артур, беги к заднему ходу, проверь ребят Харльсона. Джонатан, готовь людей.

— Думаете, будет атака? — Арчи посмотрел на выстроившихся у дверей казармы пехотинцев.

— Это я чтоб парни не расслаблялись, — признался капрал. — Нас отсюда точно выкурить надеются. Будем держать оборону, сколько получится. Гладишь, подмога подойдет. Не могли же мятежники весь город

занять!

— Боюсь, долго продержаться здесь не получится, — смахнул с лица пот Бернард. — Крыша казармы деревянная, а у меня и перекрытия второго этажа скоро защищать не получится. Такой объем энергии контролировать мне не по силам.

— А нельзя огонь просто погасить? — нервно поинтересовался Линцтрог.

— Нет, играть придется по чужим правилам, — грустно улыбнулся в ответ тайнознатец. — Повелитель пламени на моем месте, может быть, и справился, а я могу лишь на время связать огненную стихию... Нет, мне с драконьим зельем так просто не сладить. Камнееды в эту гадость чего только не намешали...

— Хреново, придется прорываться, пока нас здесь заживо не поджарили, — ругнулся Линцтрог и повернулся к сгрудившимся у входной двери пехотинцам. — Джонатан, откуда по нам стреляют?

— С верхних этажей домов по этой стороне улицы, — доложил Джонатан. — И из-за баррикады на площади перед казармой.

— Баррикаду соорудили — значит, ждут, что мы прорываться будем, — себе под нос пробормотал Шутник.

— А если через черный ход? — предположил я.

— Там нас как куропаток перестреляют, — отмахнулся капрал. — Мастер Бернард, на прорыв пойдем — сможете прикрыть?

— А куда деваться?

— Так, парни на вас положиться можно? — подошел к Линцтрог к испуганно посматривавшим на сочившийся дымом потолок волонтерам.

— Так точно, господин капрал, — за всех ответил перепачкавшийся в копоты Олаф.

Остальные арбалетчики невпопад заголосили, но было видно, что им всем здорово не по себе. Еще бы, в такую переделку попасть! Тут кому хочешь худо станет. Ладно, они еще чертовым корнем пока одурманены. Я бы тоже сейчас от чего покрепче не отказался, а то так и тянет из горящей казармы выскочить. Тень с тем, что прямо под стрелы, — главное, успеть, пока перекрытия не рухнули. Вон Бернард уже побледнел как полотно, из последних сил держится.

— Идете второй шеренгой, ваша задача — выбить стрелков на баррикаде, — поставил перед волонтерами задачу капрал.

— О баррикаде я позабочусь, — словно вытащенная на берег рыба, широко открыв рот, задышал тайнознатец. — Пусть лучников с соседних домов выбьют.

— Все понятно? Тогда дожидаемся наших и выходим. Прорываемся к городским воротам, дальше видно будет. — Линцтрог оскалил в жутковато смотревшейся на его лице улыбке зубы и махнул рукой заскочившему в комнату в сопровождении пяти солдат Артуру. — Пошли!

Два пехотинца, резко рванув на себя, распахнули уже занявшиеся огнем створки входной двери, и, прикрывшись щитами, солдаты бросились на улицу. Следом метнулись волонтеры, и тут со стороны невысокой баррикады на нас обрушился первый залп.

Бернард что-то страшно закричал и взмахнул руками. От него во все стороны полетели искры, а уже разгоревшиеся в полете стрелы потухли и засели в обтянутых несколькими слоями кожи толстых досках пехотных щитов. В следующее мгновение тайнознатца опутала прозрачная плена алого марева и перед шеренгой солдат выросла кривлявшаяся сотнями демонических ликов стена пламени. Повинуясь жесту Бернарда, она устремилась к баррикаде, оставляя после себя лишь сплавленные камни брусчатки. Ослепительные языки огня, прогнав ночную темень, с гулом взметнулись выше крыш соседних домов, а когда они опали, на площади не осталось даже пепла.

Сзади раздался протяжный гул, и медленно вгрызавшееся в казарму пламя наконец отпраздновало победу — крыша и перекрытия третьего этажа рухнули, и на обломках с гулом начал разгораться пожар.

Во двор казармы обвалились пылающие доски, и прикрывшиеся щитами пехотинцы отбежали от горящего здания.

— Стреляйте, черти! — заорал на волонтеров капрал, когда на нас сверху стали падать пусть и не пылающие, но все равно несущие смерть стрелы.

Кого-то они клюнули в салаты и срикошетили в стороны, кому-то повезло меньше, и узкие наконечники, пробив кольчуги, глубоко вонзились в плоть.

Ослепленные отблесками пламени волонтеры почти наугад выстрелили по окнам верхних этажей соседних домов, но сейчас преимущество было на нашей стороне: тайнознатец щедро расходовал накопленную в горящем здании энергию, и каждый болт нес в себе притаившееся огненное заклятье. Крыши окружавших казарму домов моментально запылали, и обстрел почти сразу сошел на нет. Не дожидаясь, пока противник перегруппируется, мы бросились прочь от казармы.

И вот дальше уже началось форменное безумие — по ночным улицам города металась какие-то люди, повсеместно звенело оружие и раздавались

крики, полные ярости и боли. Кто-то самодельным тараном пытался вынести дверь особняка, кто-то полз по брусчатке, оставляя за собой длинный кровавый след. Словно вестники смерти, носились размахивавшие саблями всадники, а на многих перекрестках стояли неведомо когда сооруженные баррикады. В темноте разобрать, обороняют их верные Ранлоу солдаты или, наоборот, там засели мятежники, не было никакой возможности, и капрал приказывал искать обходные пути по соседним переулкам.

Несколько раз нам приходилось вступать в скоротечные схватки, но вылетающие из темноты навстречу отряду мятежники были слишком малочисленны и предпочитали спастись бегством. Тех же, у кого не хватало на это благоразумия, успевали наспиговать арбалетными болтами подогретые чертовым корнем волонтеры.

Ближе к воротам к нам примкнули остатки какого-то расквартированного в городе кавалерийского отряда, а дальше пытавшиеся выбраться из города счастливики, которым, как и нам, удалось отбиться от погромщиков, начали попадаться на каждом шагу.

Самое страшное — никто и понятия не имел, что происходит. Одни утверждали, что армия Йорка в сражении у границы разбила наши войска и сейчас находится на подступах к городу. Вторые говорили о бунте в Новом Перенте. А третьи и вовсе несли полный бред о заговоре эльфов и продавших души нелюдям чернокнижниках.

Я голову всякой ерундой не забивал и старался держаться поближе к Арчи и Шутнику. Сейчас главное — вырваться из этого проклятого города. Сначала вырваться, а потом уже все остальное.

На площади у городских ворот шел бой. Мятежники захватили надвратный форт, и подтягивающимся сюда отрядам Ранлоу, даже несмотря на поддержку оставшихся верными великому герцогу солдат гарнизона, никак не удавалось их оттуда выбить. К тому же число нападавших с каждой атакой неуклонно уменьшалось: засевшие в башне лучники успевали проредить шеренги штурмующих еще до того, как те добегали до городских стен. Единственное, что спасало атакующих от полного истребления, — это ночная темень, которую не могли разогнать даже несколько горевших неподалеку домов.

А времени с каждым штурмом оставалось все меньше — бунтовщики, как только подавят основные очаги сопротивления в городе, сразу же ударят нам в спину. И, думаю, это произойдет еще до рассвета.

— Вот встанет солнце, и каюк нам, — словно прочитал мои мысли сплунувший на мостовую кровавую слюну Шутник, когда мы худо-бедно

разместились на краю площади, прикрытые от вражеских лучников стеной трехэтажного особняка.

— Идите за мной, — неожиданно заявил едва стоявший к этому времени на ногах тайнознатец и вышел из переулка на площадь, с которой только что откатилась очередная волна пытавшихся вырваться из города солдат.

Выпущенные в тайнознатца со стены по навесной траектории стрелы еще в полете вспыхнули огненными шмелями и осыпались на землю невесомым пеплом, а прокричавший непонятные слова Бернард как подкошенный рухнул на землю.

— Пошли! — крикнул Арчи и бросился к Одержимому огнем.

Я кинулся следом, но, почувствовав, как дрогнула под ногами земля, застыл на месте. Неожиданно вокруг городских ворот по площади зазмеился черный след разлома, из которого к небу устремилось почти непроницаемое для взгляда ярко-алое сияние. Достигнув стены, трещина не остановилась, а побежала вверх, и вскоре вся башня оказалась в окружении странной пелены. Едва различимый силуэт надвратного форта смазался, но почти сразу же сияние померкло, а на месте разрезавшего брусчатку площади разлома осталась лишь угольно-черная полоса.

А вот с башней за эти мгновения произошли куда более страшные изменения: все, что могло гореть, сгорело, что могло расплавиться — расплавилось. От людей не осталось даже костей, и лишь пятна сажи да капли почерневшего от жара металла указывали на места, где еще недавно держали оборону бунтовщики. Совершенно бесшумно башня сложилась внутрь и, рухнув на землю, взметнулась вверх облаком сажи, копоты и гари.

Подскочив к возившемуся с тайнознатцем Арчи, я ухватил Бернарда под левую руку, Арчи — под правую, и мы поволокли его к воротам. Следом помчались волонтеры, но, прежде чем удалось добраться до городской стены, бросившиеся со всех окрестных переулков солдаты Ранлоу оттеснили нас друг от друга. Давка у ворот стояла просто жуткая, и, не рискуя быть затоптанными в этой толчее, мы не стали высматривать никого из нашего отряда, а потащили так и не пришедшего в сознание тайнознатца через еще недавно бывшее надвратным фортом облако зависшей в воздухе пыли. Чудом не отставший Шутник прикрывал нас сзади.

Понесшие существенные потери бунтовщики тем не менее попытались спасти положение и выставили на въезде в город кордон из лучников-полукровок, но вырвавшиеся из лап смерти солдаты теперь не боялись ни бога, ни черта и в одно мгновение смяли жидкую шеренгу

стрелков.

Дальнейший остаток ночи запомнился урывками. Сначала мы куда-то бежали, потом наткнулись на телегу с валявшимися вокруг зарубленными хозяевами и недолго думая погрузили на нее тайнознатца. Спасительная мысль выкинуть пехотные плащи с нашитыми на них черными единорогами и смыть сажу в придорожной луже пришла нам чуть раньше, чем мимо промчался первый отряд всадников в красно-синих накидках кавалеристов Йорка. Позднее навстречу несколько раз попадались спасавшиеся бегством остатки войск Ранлоу, но поворачивать обратно мы не стали и продолжили неспешное движение на север.

— Через заградотряды на границе Долины Кедров с Ранлоу нам с клеймами так и так не проскочить, — рассудил Шутник, — а обратно в эту мясорубку меня как-то не тянет.

— Да и пока мы не бежим вместе со всеми, на нас внимания не обращают, — кивнул согласившийся с ним Арчи.

— Это до поры до времени, — посмотрев на укрытого дерюгой тайнознатца, предупредил приятелей я. — Надо найти место, где себя в порядок привести можно.

— В лес сворачивать не будем, — решил здоровяк и, взмахнув вожжами, поторопил двух впряженных в телегу коняг. — Попадется какой постоялый двор на дороге, там и остановимся.

А вот с постоялыми дворами не заладилось. От одних остались лишь обугленные деревяшки, другие заняли остановившиеся на ночь солдаты Йорка, а в третьих пировали заранее начавшие праздновать победу бунтовщики и примкнувшая к ним всякая шваль.

— Дальше так и будем на север двигать? — Я перебрался к тайнознатцу и приложил руку к груди. Сердце бьется — значит, очухается. Оглядев его местами обуглившуюся хламиду, я попытался ее стащить, но она буквально расползлась по швам. Да и тень с ней — все равно носить уже нельзя. С перчатками дела обстояли не лучше — толстая кожа почти полностью прогорела и растрескалась. Надо бы от этих вещичек избавиться. Неровен час, на пикет красных кошек нарвемся.

— А куда еще? — сплюнул на дорогу Габриель. — В Альме на корабль сядем и обратно в Империю вернемся.

— Главное, чтобы монет хватило, — кивнул Арчи.

— Не хватит — матросами завербуемся, — беспечно отмахнулся Шутник. — Ты вот что, Арчи, правь-ка к обочине.

— А что такое?

— А то, что ваши кольчуги и моя бригандина любому патрулю, как

быку — красная тряпка. Сразу ясно — либо лиходеи едут, либо солдаты Ранлоу недобитые.

— Можно подумать, так непонятно, кто мы такие, — пробурчал Арчи.

— Так — отбрешемся. Не станут же они нас для проверки догола раздевать, — резонно, в общем-то, возразил ему Шутник. — Мечи Кейна припрятать можно. Они еще сгодятся, а доспехи выкинуть надо, и, ты уж, Арчи, не обессудь, твой фламберг тоже.

Арчи только скрипнул зубами, но спорить не стал.

Так мы и поступили. Благо особой необходимости ни в доспехах, ни в оружии пока не было — пролетавшие мимо вражеские всадники не обращали на нас никакого внимания. Но то — ночью. Вот рассветет, и первый патруль — наш.

— Поворачивай, поворачивай, — задержал Шутник Арчи за плечо, когда впереди показалась развилка на Йорк.

— Твою тень, — выругался я.

Северный проезд был перегорожен наскоро вытащенным на дорогу сосновым стволом. С сосной бы мы, конечно, церемониться не стали — отволокли в сторону, и все дела, но вот двум десяткам Йоркских пехотинцев, боюсь, наше самоуправство не понравилось бы.

— Заткнись, — прошипел здоровяк и на развилке направил телегу по уходящей в Йорк дороге.

— Ты куда? — схватился за голову Шутник.

— Развернуть назад — все равно что «держи вора» закричать, — шумно выдохнул Арчи и вытер со лба выступивший пот. — Повезло, но скоро рассветет, и больше так уже не выкрутятся.

— Лесами пойдем? — предложил Габриель.

— С Бернардом? — покрутил пальцем у виска здоровяк. — Да и бунтовщики давно все тропы перекрыли.

— Смотрите, — указал я на давно ожидаемую мной вывеску, — «Приют скитальцев». Завернем?

— А то нет? — хмыкнул Арчи и направил телегу на съезд с основной дороги к выглядывавшей из-за росших на обочине деревьев остроконечной крыше.

Мы уже почти подъехали к распахнутым воротам постоянного двора, когда левое переднее тележное колесо ухнуло в скрытую лужей яму. Шутник со стоном спрыгнул на дорогу и тут же по щиколотку ушел в раскисшую от дождя грязь. Я нехотя последовал за ним, и мы попытались вытолкнуть телегу из ямы. Тщетно.

— Толкайте! — прикрикнул на нас Арчи и взмахнул вожжами, но

замученные лошади не смогли выдернуть телегу.

— Слышите? — неожиданно насторожился я.

Из-за деревьев послышалось конское ржание и топот, а через мгновение на нас с лихим свистом вылетел десяток всадников. Мы с Шутником едва успели укрыться за телегой, как они промчались мимо, между делом протянув Арчи по спине нагайкой. К счастью, толстая куртка смягчила скользящий удар.

— Твари, — морщась от боли, прошипел он. — Кейн, ты уверен, что нам стоит туда идти?

— А какие идеи? Светает уже, — не стал раскрывать причины своей настойчивости я.

— Ладно, пошли поглядим, что там за выродки гуляют, — скривился здоровяк и начал выпрягать из телеги лошадей. — Берите Бернарда, телегу тут оставим.

Кое-как мы устроили бесчувственного тайнознатца на одну из кляч и, увязая в дорожной грязи, поплелись к окруженному деревьями постоялому двору. Небо на востоке постепенно начинало алеть, и, если не получится найти убежище здесь, придется уходить в лес — на дороге оставаться стало слишком опасно.

К нашей неопишуемой радости, постоялый двор оказался пуст — не иначе мимо нас промчались его предыдущие постояльцы. Заспанный работник, который только начал закрывать распахнутые настежь ворота, с легкой совестью переложил эту работу на нас, а насчет комнат посоветовал обратиться к хозяину. Ловко поймав брошенный Шутником серебряк, он предупредил, что по дешевке комнаты снять не получится: хоть сейчас из постояльцев никого и нет, но к обеду должны прибыть давно ожидавшиеся гости.

Единственное, что насторожило, — бандитская физиономия работника. Да и откровенно запущенное хозяйство доверия тоже не внушало. Хозяин опять-таки какие-то делишки с бунтовщиками обделывает. Тут надо ухо держать востро.

Шутник вытащил тайнознатца из седла и поволок к дому, я и Арчи завели лошадей в пустую конюшню. Заметно было, что там давно уже никто не прибирался, а на полу после прошедшего вчера дождя стояли грязные лужи. Выбрав место посуше, мы поставили лошадей в стойла и кинули им остатки валявшейся в углу соломы.

Как-то здесь неуютно. Даже пса цепного, и того нет. Хотя если здесь бунтовщики частенько останавливаются, то все понятно: собаки — единственные из всех животных, которые ни эльфов, ни даже полукровок

на дух не переносят. И двор весь травой зарос. Кроме вездесущей крапивы, лебеды и лопухов, в тени у самого дома притаилось несколько грязно-белых чашечек болиголова. Сразу видно — хозяин скотину не держит. А то бы потравилась.

Внутри дома тоже оказалось ненамного лучше. В едва освещаемой тусклым светом двух чадящих ламп обеденной зале стоял стойкий аромат подгоревшей пищи и перегара. На засыпанном опилками полу темнели пятна пролитого пива или вина, а то и чего похуже. Да еще на потолке чернели пятна сажи, будто обычным делом было разводить костер прямо посреди помещения. Разбойничье логово, да и только.

На второй этаж вела покосившаяся лестница, но дожидавшийся нас Шутник далеко проходить не стал и сгрузил Бернарда на одну из стоявших у стены скамей.

— Габриель, иди во двор, покарауль, — попросил Шутника хмурый Арчи.

— Сейчас. — Мрачно оглядевший загаженное помещение Шутник расстегнул ворот куртки и, с брезгливой миной принявшись к содержимому одного из стоявших на соседнем столе кувшинов, вылил остатки его содержимого себе в рот. — Пойло, — недовольно процедил он и вытер подбородок, по которому протекла струйка пролившегося вина.

— А ты хотел королевское старонорлингское здесь обнаружить? — уселся на стул Арчи.

— Знаешь, я бы сейчас даже от молодого эр-нагорского не отказался, — заявил Шутник.

— Можно подумать, я бы отказался, — шумно выдохнул здоровяк и откинулся на спинку стула. — Не тяни, Габриель: неровен час, те уроды вернутся. А ты, Кейн, сходи о комнате договорись, у тебя говор на местный больше всего походит.

— Заметано, — кивнул я и направился в глубь помещения, туда, где за плотной занавесью находилась ведущая во внутренние помещения дверь. Именно там скрылся посоветовавший переговорить с хозяином батрак.

— Мечи оставь, тупица, — остановил меня Шутник.

Пожав плечами — можно подумать, убежавший докладывать хозяину о странных гостях батрак оружия в темноте не приметил, — я тем не менее решил не искушать судьбу и, кинув мечи на стул, засунул последний оставшийся у меня метательный нож в правый рукав. Все же со своим уставом в чужой монастырь лезть не с руки, да и не стоит хозяина с самого начала нервировать: мне бы с ним по-доброму потолковать сперва... А уж дальше как разговор пойдет.

За занавесью обнаружилась сбитая из толстых дубовых досок солидная дверь, углы которой укрепляли железные полосы. От толчка она даже не шелохнулась, пришлось надавить посильнее. Дверь подалась, и, переступив через высокий порог, я зашел в примыкавшую к кухне комнатку, посреди которой на табуретке сидел полный усатый мужичонка лет сорока в расстегнутом камзоле, из-под которого виднелась испачканная пятнами жира нательная рубаха. Батрака нигде видно не было, зато на придвинутой почти вплотную к печи колоде наряженный в поварской фартук парень длинным ножом разделывал куриную тушку.

— Чего тебе? — сморщив при моем появлении нос, поинтересовался усатый.

Не кем иным, кроме как хозяином этого теньями забытого заведения, он оказаться не мог, а потому я не стал тянуть кота за причинные места и сразу же перешел к делу.

— Нам бы комнату снять. — Мне почудилось, что откуда-то повеяло запахом навоза, но из-за кухонной гари с полной уверенностью об этом судить было нельзя. — На день или поболее.

— Платить есть чем? — с ног до головы осмотрел меня хозяин и, кажется, остался недоволен увиденным. — В такое время я меньше чем за серебряный шлем в день незнакомцев не пущу.

— Годится, — стиснув зубы, проглотил я неслыханно задранную цену.

— С каждого, — добавил, совершенно поразив меня своей наглостью, усач и, заметив промелькнувшую у меня по лицу гримасу, смиростивился: — С троих, так и быть, два возьму.

— Деваться некуда — заплатим, — пожал плечами я и потер костяшку большого пальца правой руки подушечкой указательного. — Мне бы тут одного человека в окрестностях найти хотелось...

— Об этом позже потолкуем, — усмехнулся оставивший без внимания мой жест хозяин. — Вы, я так понимаю, из Старого Перента драпаете?

— Мы мимо проезжали, да в город попасть не смогли, — насторожился я и немного приподнял правую руку.

— Да? А гарь драконьего зелья так в нос и шибает...

Прежде чем он договорил, позади послышался легкий шорох, и я инстинктивно отступил влево. С тихим гулом короткая дубинка промелькнула, шаркнув меня по правому плечу, и промахнувшийся батрак, который до этого таился за ширмой, невольно шагнул вперед.

Рукоять метательного ножа сама скользнула в ладонь. Зажав ее обратным хватом, я ткнул батрака острием в глаз и, выдернув лезвие, метнул клинок в повара, прыгнувшего ко мне с кухонным тесаком в руке.

Нож пробил тому горло, и парень рухнул под ноги вскочившему с табурета хозяину постоянного двора.

Прыжок вперед, и носок сапога угодил растерявшемуся усачу аккурат в низ живота. Запнувшись о стоявшую позади табуретку, он с воем растянулся на полу, а подняться уже не успел: переставив табурет ему на грудь, я уселся сверху. Судя по неподвижной позе слуг и растекавшимся по полу лужам крови, неожиданностей от них можно было не опасаться.

— Что ж ты, паскуда, такое вытворяешь-то? — пытаюсь отдышаться, зло прошипел я. — Жить надоело?

— Это тебе жить надоело, если ты на человека Кройда руку поднял! Сейчас его хлопцы вернутся и мигом из тебя потроха выпустят! — неожиданно заорал в ответ усач.

— Да ну? — Я качнулся назад, и перекладина табурета здорово прижала выпиравший животик извивавшегося на полу человека. — Это ты чертям в аду рассказывать будешь, чей ты человек. Пока твои головорезы вернутся, я тебя на лоскуты порежу, тварь. Тем более что Меченого я как раз и ищу. Будь добр, просвети, где его логово.

— Они... сейчас... вернутся... — просипел позеленевший хозяин. — Убери...

Отшвырнув в сторону табурет, я рывком поднял с пола стонущего мужика и со всей мочи врезал ему в солнечное сплетение. Тот ойкнул и, пытаюсь перевести дух, скрючился на полу.

— Арчи, у нас проблемы! — Времени, пока хозяин был в отрубке, хватило мне, чтобы, приоткрыв дверь, убедиться в отсутствии посторонних в обеденной зале и позвать здоровяка.

Резво соскочивший со стула Арчи мигом примчался на кухню и, выслушав рассказ о произошедшем, отправил меня перенести Бернарда в какую-нибудь комнату на втором этаже, а сам присел на корточки рядом с хозяином постоянного двора.

Когда я взмыленный, как лошадь, сбежал вниз, Арчи уже мыл под рукомыльником руки, а забившийся в угол усач прятал в ладонях окровавленное лицо.

— До вечера никто появиться не должен, так что пока остаемся здесь, — ответил на еще не высказанный мной вопрос здоровяк и выкинул на пол грязное полотенце. — Есть еще вопросы к этой твари?

— Есть парочка, как без того. — Я поставил на ножки так и валявшийся на полу табурет и уселся на него. — Дашь время?

— Приступай. — Здоровяк опустил на колени и начал затирать испачкавшие пол пятна крови. — Я сейчас трупы в погреб оттащу, ты, как

закончишь, гони туда этого недоноска. И переоденься — мало ли кто завернет.

— Не так давно люди Кройда отбили у егерей Ранлоу пленных красных кошек из торгового отряда эрла Майторна. — Я подошел к труп повара и вытащил из его шеи нож. — Ты что-нибудь об этом знаешь?

Хозяин постоянного двора только замотал головой, а Арчи перестал вытирать пол и с интересом уставился на меня.

— С ними была девушка, молодая, черноволосая. Зовут Катарина, — все так же монотонно, без эмоций в голосе продолжил рассказывать я, наблюдая за реакцией, если так можно выразиться, собеседника. — Если ты опять промолчишь, начну отрезать тебе что-нибудь совершенно ненужное: уши, например, или, пожалуй, нос.

— Не знаю, где они ее отбили, но девушку люди Кройда у меня на день оставляли, — шмыгнув сломанным носом, выдавил из себя хозяин. — Привезли под утро, а вечером в Йорк переправили. Больше ничего не знаю.

— Да ну? — подошел к нему я. — В самом деле? А куда конкретно ее переправили, тоже не знаешь?

— Нет, — промычал мужик и тут же взвыл, зажимая руками отбитую носком моего сапога коленку.

Худо-бедно закончив с полом, Арчи подхватил под мышки труп повара и выволок его с кухни. Станный он: сначала бы трупы из комнаты вытащил, потом бы уже чистоту наводил.

— Мой товарищ насчет подвала, как мне кажется, несколько поторопился, — добавив в голос откровенной скуки, лениво произнес я. — И пол он зря вытер. С такими ответами тебя в погреб по кускам относить придется.

— Да не знаю я! Правда, парни на следующий день трепались о поместье эрла Берингтона, но уж какого черта их туда занесло, даже словечком не обмолвились!

— Где это поместье находится?

— На самой границе, неподалеку от местечка Оаквуд.

— Давно дело было?

— Три или четыре дня назад.

— Подымайся. — Почувствовав, что больше ничего интересного выжать из этого слизня не получится, я решил поскорее отправить его в подвал и сменить свой слишком уж пообтрепавшийся наряд на что-нибудь более приличное. А то и верно, не ровен час, кто-нибудь на огонек завернет.

— Какие планы? — поинтересовался я у Арчи, поправляя немного не подходивший мне по размеру, траченный молью камзол из серой шерсти.

Впрочем, нормальную одежду удалось подобрать только Шутнику, который по сложению почти не отличался от хозяина. У Арчи и вовсе и штанины, и рукава найденной среди вещей зеленой фермерской куртки оказались короче, чем следовало бы, почти на ладонь.

— Шутник пошел телегу посмотреть. Сможем вытолкать, загрузим на нее припасов и дальше к границе поедем. Не получится — до полудня передохнем и своим ходом двинем. Нам бы только еще Бернарда в чувство привести.

— Он так и валяется?

— Ага, чистый мертвец, даром что дышит.

— С хозяином что делать станем? — задал я весьма немаловажный для меня вопрос.

— Видно будет, — помрачнел Арчи.

— Видно так видно, — ухмыльнулся я. — Запасы в подвале смотрел?

— Возьмем три бочонка кишкодера, колбас, рыбу копченую. Авось за возвращающихся с летних заработков батраков сойдем. — Арчи помешал черпаком доходивший на печи в котелке соус и принялся разрубать валявшуюся на колоде курицу. — Надо перекусить, пока возможность есть.

Хлопнула входная дверь, в обеденную залу влетел задыхающийся Шутник, на котором не было лица.

— Красные кошки! Дюжина легких кавалеристов! К нам с дороги свернули.

— О хозяине позаботься! Кейн, встречай гостей. Я наверх. — Арчи схватил котелок с желтым соусом и, вылетев из кухни, помчался на второй этаж.

— Позаботься — это как? Так? — Габриель чиркнул себе по горлу ребром ладони.

— Именно! — Засунув мечи меж пустых бочонков, от которых так и несло дешевым кишкодером, я бросился во двор и едва успел открыть ворота, прежде чем всадники в накидках кавалеристов Йорка решили спешиться, чтобы сделать это самостоятельно.

— Да где тебя черти носят? — Наградив меня несильным пинком по спине, седоусый капрал выпрыгнул из седла и бросил мне вожжи. — Позаботься. И не пои сразу, олух.

— Слушаюсь, господин, — склонился в низком поклоне я.

— Хозяин где?

— В погребе, сейчас поднимется.

— Пшел вон!

Кроме капрала, свою лошадь мне доверил только странный тип, длинные полы черного монашеского одеяния которого подметали землю. Сам не знаю почему, но мысль, что это настоящий монах, мне даже в голову не пришла. Остальные кавалеристы отвели скакунов на конюшню и разместили там их самостоятельно, строго-настрого приказав мне насыпать в кормушки отборного овса.

Я кивал, заверял солдат, что в точности исполню все их пожелания, а когда они отправились восвояси, поставил в стойла лошадей капрала и монаха и помчался к постоялому двору. Внутрь заходить не стал, вместо этого заглянул в щель закрывавших окно ставней.

Капрал распекал довольно убедительно игравшего роль хозяина Шутника, Арчи нигде видно не было. Должно быть, на кухне кашеварит. Наконец кавалеристы со своими скудными пожитками потянулись на второй этаж, и в обеденной зале остались только их командир и монах.

Тут я осторожно протиснулся в приоткрытую дверь и бочком прошмыгнул на кухню, где Арчи с совершенно дебильным выражением лица намазывал разрубленную на части курицу соусом, количество которого значительно уменьшилось. Увидев меня, он с облегчением расслабил затекшие мышцы лица. Я остановился у приоткрытой двери и прислушался к разговору в обеденной зале.

— И долго нам в этом свинарнике оставаться? — недовольно протянул с каким-то непонятным акцентом парень в монашеском балахоне. При этом он ни на минуту не оставался на месте и постоянно перемешался между столов.

— А мне здесь нравится! — явно назло ему хохотнул пожилой капрал.

— Оно и неудивительно, — послышалось мне.

— Сейчас выпьем, перекусим, а потом можно и снова в путь! — сделал вид, что не расслышал язвительного замечания, капрал.

— Надеюсь, мне не надо напоминать о недопустимости пьянства?

— Какое пьянство? — Вот это замечание, похоже, задело капрала за живое. — Парни всю ночь в седлах, если они пропустят стаканчик кишкодера, ничего страшного не случится. Все равно люди Кройда сюда только под вечер вернутся.

— Запретить вам пить я не могу, но помните: вы головой отвечаете за весь отряд. — Человек в монашеском одеянии развернулся и направился к лестнице.

— Да помню я, помню, — добродушно пробурчал ему в спину капрал, а когда тот уже не мог его услышать, гораздо более зло заметил: — Только

твоя ответственность побольше моей будет.

— Обедать когда изволите? — угодливо осведомился у него Шутник.

— Если через час на столах ничего не будет — можешь сам петлю на веревке завязывать.

— Эй, хозяин, чего у тебя на двери желтый крест намалеван? — заорал с лестницы один из кавалеристов. — Какая зараза у тебя там схоронилась?

— Не знаю, — начал весьма натурально заламывать руки Габриель, за свою жизнь успевший перевидать немало трактирщиков и содержателей прочих доходных мест. — Только заехал постоялец, как красной сыпью обнесло. Но он у нас даже покушать не успел, с собой заразу принес. Господом богом клянусь!

— Ну ежели кто из моих парней тоже в крапинку станет, ты не только узелок завяжешь и петлю на шею наденешь, но и с табуретки сам спрыгнешь, — без малейшей усмешки в голосе пообещал капрал.

— Господин капрал, нам бы с утреца за харчами съездить, — заискивающе заглянул ему в глаза Шутник. — А то гостей вечером кормить нечем будет.

— Еще чего! Смотрите у меня — со двора ни ногой! — гаркнул на Габриеля капрал и отправился на второй этаж. — Эй, Джонни, бегом на двор. Сэм, спускайся, внизу караулить будешь.

Я только подивился выдумке Арчи. Желтый косой крест — знак заразы. В здравом уме в комнату с Бернардом теперь никто не сунется. Главное, чтобы тот сам, очнувшись, не вышел.

— Арчи, — заскочил на кухню я, — ты дверь заколотить успел?

— Я клин под дверь засунул. Ты мне скажи лучше, что нам на стол подавать.

— А может, ну его? Бежать надо, — заскочил в дверь и сразу же подбежал к окну Габриель. — Когти рвать пора, не то, когда мятежники вернутся...

— Куда бежать? Нагонят. А не нагонят, своим весточку передадут, и нас на дороге прихватят, — перебил его Арчи. — Нам бы хоть трупы куда спрятать, так нет, никуда их из подвала не перетащить...

— Поздно дергаться, — поглядывая в обеденную залу через приоткрытую дверь, заявил я. — Красные кошки караульных выставили.

— И что делать? — прислонился к стене спавший с лица Шутник.

— Сейчас накормим их, может, отбредемся, — пожал плечами Арчи.

— Вы вот что — пока насчет обеда мозгуйте, а я приду сейчас. — Выскочив с кухни, я опрометью бросился во двор и заскочил в заросли крапивы, где утром мне привиделись цветки болиголова. Так и есть — вот

они! Наскоро обкорнав под самый корень стебли нескольких кустов, я с важным видом прошел через обеденный зал, куда уже начали подтягиваться проголодавшиеся кавалеристы.

— Помогай давай, — зашипел на меня Шутник, который выкладывал на разогретую сковородку шипевшие полоски раскромсанного окорока.

— Отвали, — послал его я, высматривая ступку или что-нибудь подобное. — Арчи, тащи сюда бочонок кишкодера.

— Это что у тебя? — уже принесся настоянный на травах самогон, поинтересовался здоровяк.

— Сюрприз для наших постояльцев, — растирая в кашицу цветки, ухмыльнулся я. — Самое большее часа через полтора подействует.

— Снотворное?

— Ага, чтоб вечным сном уснули.

— Отравление почувствовать успеют?

— Они ночь не спали, так что не должны. — Закончив с цветами, я, стараясь, чтобы стекающие в ступку капельки сока не попадали на кожу, занялся листьями и стеблями.

Арчи и Габриель принялись кашеварить, а я, набрав, как мне показалось, достаточное количество ядовитого сока, вылил его в бочонок кишкодера. Немного подумал и сыпанул щепоть измельченного чертова корня, который почти моментально растворился. Вообще-то никакой необходимости в нем не было, но дурманное зелье лишним не будет. Все не так быстро отравление почувствуют. Да и по крови яд быстрее разойдется.

Самогон, прямо скажем, отвратительный, посторонний привкус никто не почувствует. И не откажется ведь никто от дармовой выпивки — кого-кого, а трезвенников среди солдат считай что и нет. Вот с монахом придется что-то делать, этот поборник трезвости нам всю малину испортить может.

— Долго еще нам ждать, пока вы пожрать принести соизволите? — рявкнул заглянувший на кухню капрал, но, заметив уже приготовленный бочонок с кишкодером, сменил гнев на милость. — Давайте живее уже!

Арчи и Шутник кинулись накрывать на столы, я вынес бочонок самогона и вернулся на кухню за кружками. Пока все шло просто замечательно: зевавшие кавалеристы спустились на обед все как один, и только монаха не было видно. Надеюсь, этот тип и вовсе не появится — если кто и сможет учуять подвох, так только он.

Голодные солдаты мигом смели со столов, надо сказать, скудноватое угощение и в один присест расправились с бочонком кишкодера. Кто-то уже начал намекать на продолжение застолья, но капрал тут же разогнал всех отсыпаться, оставив лишь по караульному на первом этаже и на улице

у конюшни. Излишней самоуверенностью этот служака не страдал и хотел быть готовым к любым неожиданностям.

— И что теперь? — убирая со стола объедки, тихонько поинтересовался у меня Арчи.

— Час, самое большее два. — Выкатив из-под стола пустой бочонок, я пинком отправил его к кухонной двери. Осоловело уставившийся в открытое окно кавалерист, под рукой у которого лежал взведенный легкий арбалет, вздрогнул, оглянулся и вновь облокотился на широкий подоконник.

— А если неладное почуют? — забеспокоился Шутник.

— Будешь насчет заразного постояльца байки травить, — предположил я.

— Какая разница? Все равно вздернут, — скривился тот. — Когти рвать надо.

— Отстань, — отмахнулся я.

Минут через пятнадцать Арчи закончил протирать столы и присоединился к нам на кухне. Кавалерист к этому времени закрыл ставни и уселся рядом с входной дверью.

— Бежать надо отсюда, — повторил свое предложение Габриель. — Как бы потом поздно не оказалось. А ну еще кто нагрянет?

— Думаешь, тебя отсюда выпустят? — Арчи выглянул в приоткрытую кухонную дверь на широко зевнувшего караульного. — Без лошадей далеко не уйти. Придется ждать.

— Кейн, сколько ждать-то? — вновь пристал ко мне Шутник.

— Уже недолго осталось, — с большей уверенностью, чем испытывал сам, заявил я.

— Ну и как мы узнаем, что пора?

— А по вот этому караульному и узнаем, — кивнул я на боровшегося со сном кавалериста, и мы все втроем усталились на него.

А с ним действительно вскоре начало твориться что-то неладное: он постоянно вертелся на скамье и, несмотря на расстегнутый ворот колета, никак не мог отдышаться. Под конец солдат не выдержал и поднялся на ноги, но сразу же растянулся на полу. Вместо крика из его горла вырвался лишь хрип, и, как ни пытался караульный залезть обратно на скамью, отнявшиеся руки и ноги отказывались ему повиноваться.

Вытащив спрятанные меж бочонков самогона мечи, я подбежал к отравленному солдату. К этому времени он уже потерял сознание и из уголка его рта сочилась длинная струйка слюней, а каждый вздох давался со все большим трудом.

— Габриель, проверь, что на конюшне. — Ухватив тяжелую киянку, которой здесь, видимо, выбивали из бочек пробки, Арчи начал подниматься по лестнице. — Кейн, монах не пил.

— Да знаю я. — Высвободив из ножен мечи, я бросился вслед за ним.

Мы уже поднялись на второй этаж, когда распахнулась дверь напротив комнаты Бернарда и в коридор почти вывалился капрал кавалеристов, мундир которого оказался выпачкан свежими потеками рвоты. Из-за сильно расширенных зрачков он не сразу сумел заметить метнувшегося к нему Арчи, а в следующее мгновение здоровяк со всего размаху опустил ему на голову киянку. Сухо треснули шейные позвонки, и капрал замертво повалился на пол.

— Что здесь?.. — На шум падения тела из своей комнаты выскочил монах, но, прежде чем он успел поднять тревогу, я нанес ему два удара: один клинок уколол в горло, второй глубоко увяз в животе.

Больше никого способного держаться на ногах среди кавалеристов не оказалось: одни уже отошли в мир иной, другие только готовились закончить посреди луж рвоты свое брренное существование.

Наскоро обшарив их пожитки, мы с Арчи ссыпали все найденные монеты в один кошель. Несмотря на попытки здоровяка отговорить меня, я к тому же снял с шеи парня в монашеском одеянии золотую цепочку с совсем не подходящим для божьего человека украшением: в центре тонкого диска была выдавлена драконья голова. Да к тому же по его краю вилась весьма странная надпись, состоявшая большей частью из эльфийских рун, иногда перемежавшихся вовсе уж непонятными символами неизвестного мне алфавита.

— Плохая вещь, — буркнул Арчи. — Приметная слишком — никому не сдашь.

— Зато весит солидно, — остался я при своем мнении, и мы поспешно спустились на первый этаж. — На крайний случай оставлю.

Уже вернувшийся в обеденную залу Шутник сообщил, что карауливший конюшню кавалерист отдал богу душу и теперь никто не сможет помешать нам отсюда убраться. Впрочем, Арчи суетиться не стал, и сначала мы отправились вытаскивать увязшую в грязи телегу. На наше счастье, дорога к этому времени немного просохла, да и лошади кавалеристов оказались куда здоровей наших замученных коняг.

Подогнав телегу прямо к постоялому двору, мы сбегали за Бернардом, загрузили немного припасов и, подпалив на всякий случай дом, отправились в путь. Что же, надеюсь, наше дальнейшее путешествие не будет омрачено подобными происшествиями. А то и в самом деле начинается

закрадываться мысль о притаившемся за левым плечом черте.

Оаквуд и окрестности

Должно быть, нам просто повезло — в пришедшей на дорогу с наступлением дня неразберихе шансы благополучно добраться до границы с Йорком весьма существенно возросли. Думаю, уже к вечеру среди Йоркских командиров найдутся люди, на которых сгрузят тягомотную обязанность поддержания порядка и задержания всех подозрительных личностей, шляющихся по Долине Кедров без достаточных на то оснований. А пока в победной лихорадке один за другим мимо нас проходили на юг войска, сопровождаемые непременными обозами, маркитантками и мошенниками всех мастей.

Так вот и вышло, что почти до самой границы никому и в голову не пришло поинтересоваться, с какой целью отправились в путь четыре мужика, а несколько раз останавливавших нас красных кошек больше интересовала возможностью разжиться чем-нибудь съестным.

Обычные в таких случаях вопросы: кто? куда? зачем? что везете?

Обычные опять-таки ответы: батраки, домой, лето кончилось, припасов маленько, родным гостинцы.

Первый раз такое внимание стоило нам бочонка кишкодера, второй — двух кралек кровяной колбасы. На спящего тайнознатца внимания никто не обращал: перед выездом с постоянного двора мы догадались его переодеть, а заодно и облили новую одежду самогоном. Подумаешь, перебрал человек. С кем не бывает?

Впрочем, надо отметить, в своей поездке на север мы оказались отнюдь не одиноки: очень многие стремились убраться подальше от разгоравшейся войны и переждать лихое время у родни. Тем более что победу Йорка нельзя было считать окончательной: судя по мимоходом услышанным разговорам, хоть весь север Долины Кедров и оказался под контролем красных кошек, но у Нового Перента до сих пор продолжались бои, исход которых не решался пока предсказать никто.

Так что мы, не особо спеша, но и не устраивая остановок, тащились на север. Иногда приходилось съезжать с дороги и пропускать мчавшихся навстречу всадников и растянувшиеся армейские обозы, иногда помогать вытаскивать застрявшие впереди телеги. К счастью, прихваченных с постоянного двора запасов оказалось вполне достаточно для утоления голода, и единственное неудобство доставляла невозможность хоть немного выспаться: короткую соломинку вытащил Шутник, и именно он сейчас спокойно себе посапывал, растянувшись рядом с Бернардом.

Я помотал изрядно отяжелевшей головой и посмотрел на поднимающуюся вдалеке пелену дыма. Опять жгут чего-то. То ли интенданты армейские с неуступчивыми крестьянами общего языка не нашли, то ли дорвавшиеся до власти мятежники старые счета сводят. Тень бы с ними со всеми, мне б только до Оаквуда теперь добраться. А потом...

Очнулся я от сильного хлопка по спине. Арчи с укоризной покачал головой и отвернулся. Несколькими глубокими вздохами мне удалось прогнать подступившую дурноту, в глазах прояснилось, и вместо в который уже раз нахлынувшей серости мир вновь обрел свои первоначальные краски.

Как-то меня в этот раз совсем уж незаметно скрутило. Не к добру это. Ох не к добру. Как бы так до срока на встречу с тенью не отправиться.

— Подъезжаем, — пробурчал Арчи и, передав мне вожжи, растормошил Габриеля.

Тот заспанно протер глаза и выругался, увидев закопченные каменные глыбы, оставшиеся от крепости на нашем берегу Стылой. На противоположной стороне возвышался невредимый форт Йорка, который красные кошки поставили для защиты переправы через пограничную реку.

Очередь на мост выстроилась с двух сторон. Из Йорка шли в основном солдаты и обозы с припасами, когда мост хоть немного освобождался, на ту сторону пытались перебраться уже прошедшие проверку беженцы.

Вот тут нас, пожалуй, первый раз и прижали. Хорошо хоть солдаты с утра порядком вымотались и особо не зверствовали, откровенно халтурно досматривая наши пожитки. Можно сказать, и не досматривали вовсе, так что у них было не так уж и много шансов обнаружить заранее заготовленные тайники с деньгами и оружием.

Зато их командир, жутко разозленный неудачной попыткой выбить пару монет из возвращавшихся из паломничества к святым местам монахов-георгианцев, всю свою злость выместил на нас. Если бы не просто феноменальное спокойствие Арчи, на все вопросы реагирующего с невозмутимостью деревенского идиота, и изворотливость Шутника, нам бы пришлось лихо. А так допрос вскоре превратился в откровенную торговлю, которая закончилась для нас потерей трех серебряных шлемов. И это не считая въездной пошлины.

— Ничего не понимаю, — старательно скрывая облегчение, недовольно пробурчал Шутник. — Церковников спокойно пропустили, а нас чуть ли не наизнанку вывернули!

— Это не церковники, а монахи ордена Святого Георга, — поправил его Арчи.

— Да какая, к лешему, разница?

— Святой Георг — покровитель Йорка. Глава ордена больше к герцогу прислушивается, чем к Совету Семи^[35], — объяснил здоровяк. — Простому солдату монахов задирать себе дороже.

— Это раньше он был покровителем Йорка, — усмехнулся я. — Они ж его именем столько эльфийских лесов вырубili, что эльфам от одного вида их балахонов икаться должно. А ну как сейчас припомнят?

— Поживем — увидим, — рассудительно заметил Арчи и ткнул рукой в дорожный указатель, прибитый к вкопанному рядом со съездом с дороги столбу: «Оаквуд». — Скоро темнеть начнет — я считаю, надо в деревне заночевать.

— Бернарда лекарям покажем? — отвернувшись в сторону, спросил Шутник.

— Не здесь. Подальше от границы отъедем — покажем, — посмотрел на бледного как снег тайнознатца здоровяк.

Далеко в деревню мы проезжать не стали и остановили телегу у первого же попавшегося постоянного двора. Особенно нас привлекло его расположение: добротный двухэтажный дом, окруженный высоченным забором, был выстроен сразу за околицей. В случае чего не придется сквозь всю деревню бежать — через плетень перемахнул и в лес. Благо опушка с этой стороны почти к домам подходит.

Хорошо у них здесь, вольготно, вот люд и беспечный. Это дальше к северу, особенно к Старолесью ближе, все деревни и хутора частокколами обнесены. Да и вышки дозорные почти везде имеются. Там и беглеца какого, и незваного гостя без разговоров стрелами утыкают или собаками затравят.

— Кейн, — толкнул меня в бок Арчи, уже успевший сбегать осмотреть постоянный двор и вернуться. — Да что с тобой такое — на ходу засыпаешь?

— Устал, видимо, — потряс головой я, пытаюсь понять, что происходит. Вроде вот только по сторонам смотрел — и как волной серой накрыло.

— Сейчас телегу во двор загоним, ты ее, Габриель, сторожить оставайся. Я с хозяином пойду о ночлеге договарюсь, а Кейн пока среди обслуги потолкается. У него для этого внешность самая подходящая. — Остановив лошадей неподалеку от конюшни, Арчи передал вожжи Шутнику. — Кейн, пошли. И постарайся никого не зарезать, лады?

— Уж будь уверен. — На ватных ногах спрыгнув на землю, я перекинул на плечо свою дорожную суму и пошел через двор.

— Зачем взял? Оставил бы в телеге, — удивился нагнавший меня Арчи.

— Мечи у меня там, — поправил ремень сумки я. — Да и вдруг что понадобится?

— У тебя Йоркского патента нет — не забыл? Смотри, не подведи нас всех под монастырь, — распахнув входную дверь, предупредил меня здоровяк и шагнул внутрь.

Арчи тут же убежал на второй этаж, а я рассеянно оглядел занимавшую почти половину дома трапезную. Посетителей сейчас не было, и стулья ножками вверх выставили на столы. Молодой парнишка в заношенной хламиде, изредка макая тряпку в ведро с мутной водой, старательно размазывал по доскам пола нанесенную ногами постояльцев грязь.

— А у вас немногочленно, — присел я на угол стола.

— Не время пока. Вишь, прибираемся. — Вытерев рукавом вспотевший лоб, парнишка оторвал взгляд от пола и посмотрел на меня. — Вечером не протолкнуться.

— Сюда, поди, на постояльцев поглазеть и местные заглядывают. — Я потер зачесавшийся подбородок и широко зевнул.

— Как без этого, ходют, — подтвердил мое предположение работник.

— А скажи-ка, уважаемый, — говорят, в поместье Берингтонов работники разные требуются.

— Они вроде со стороны никого не берут, — задумавшись, нахмурился парнишка. — Да и нету никого, кроме сторожей, в поместье сейчас — господу ко двору его светлости уехали.

— Жаль, — соскочил со стола я, и от резкого движения в голове зашумела кровь. — А где поместье это вообще находится, если нелегкая еще в ваши края занесет?

— Гору, лесом поросшую, с той стороны дороги видел? Вот там их усадьба и стоит.

— Благодарствую. — Я щелчком отправил парню медяк и направился к выходу во двор.

Тут мне делать, похоже, уже нечего.

Безмятежно распахнув входную дверь, я замер как вкопанный: телегу с посмурневшим Шутником окружила полудюжина солдат. И, что самое поганое, в его сторону посматривали три остановившихся у ворот всадника: два обычных кавалериста, а третий наряжен в черный балахон, как две капли воды похожий на одеяние зарезанного мной в «Приюте скитальцев» монаха.

— Тащите его сюда! — крикнул судя по украшенному золотым шитьем мундиру занимавший в войсковой табели о рангах вовсе не последнюю строчку кавалерийский офицер. — И дом обыщите.

И что делать? Вон двое солдат уже мечи обнажили!

«Бежать, бежать немедленно!» — мелькнула в голове мысль, и я подался в глубь помещения.

Бежать? А как же Шутник? И Арчи не след в этой передрыге оставлять. Не по-людски это. Но зато шансов незаметно улизнуть куда больше.

Только вот когда я Габриелю про деление всех людей на своих и чужих рассказывал — душой ничуть не кривил. Есть такое дело, никуда от него не деться. На чужих плевать. А вот если своих начать предавать, то какой смысл дальше-то жить? Ну протянешь за чужой счет пару годков, толку-то? Так и так в край теней отправляться и твой черед когда-нибудь придет. Неужто лучше в одиночестве под забором сдохнуть?

Нет, друзей надо держаться. У меня, прямо скажем, не слишком много тех, кого действительно можно назвать «своими». И, как ни крути, не отнести к ним Арчи и Шутника я не могу. Не по совести это будет.

А, твою тень!

Помирать, так с музыкой.

Нашарив в суме холодную, будто отлитую из металла шишку, я ногтем нащупал острый край чешуйки и спокойно вышел на крыльцо.

Заметив меня, уже слезший с телеги Габриель округлил глаза, но, когда, сверкнув в воздухе, серебристая шишка плюхнулась в грязь рядом с солдатами, сообразил, в чем дело, и одним махом метнулся обратно.

Веером разошедшиеся осколки взметнули в воздух грязь и расшвыряли в разные стороны не догадавшихся разбежаться пехотинцев. Уцелел только один — тот, который в момент взрыва находился с другой стороны телеги. Ошалело стерев со лба чужую кровь, он начал поднимать меч, но выхвативший из-под кучи наваленных на дно дерюг цеп Шутник первым делом с размаху впечатал шипованный шар в его побледневшее лицо и только потом рванул ко мне.

Придерживая входную дверь открытой, я отступил внутрь дома, но в этот момент выпущенный одним из кавалеристов арбалетный болт угодил Габриелю в затылок, и он безжизненной куклой повалился на землю.

— Арчи! — во всю глотку заорал я и, задвинув щеколду входной двери, бросился на кухню. — Дёру!

Полотер непонятно для чего загородил мне дорогу, и я не особо сильным ударом в челюсть отшвырнул его в сторону. Во входную дверь заехали чем-то тяжелым, но засов пока выдержал.

Не дожидаясь буквально скатившегося по лестнице здоровяка, я промчался через кухню и выпрыгнул в открытое окно. Увернуться от копыт несшегося прямо на меня всадника удалось только чудом. Солдат замахнулся длинной саблей, но выскочивший вслед за мной из окна кухни Арчи ухватил его за ногу и вышвырнул из седла. Прийти в себя после падения кавалеристу уже не довелось — я воткнул засапожный нож ему в горло чуть выше кольчужного ворота.

— Шутник?! — отпрыгивая от вставшей на дыбы лошади, проорал Арчи.

— Мертв! — выкрикнул я и бросился к забору.

О Бернарде мы даже не вспомнили — нам бы самим ноги унести, его уж точно из этой переделки не вытащить.

Все шло удачно до того момента, как мы перемахнули через ограждавший деревню невысокий плетень. Увязавшийся за нами второй кавалерист появился именно в тот момент, когда Арчи уже закинул ногу на забор, и арбалетный болт, слегка зацепив бедро, оставил длинную кровоточащую рану.

Зарывав от боли, здоровяк тем не менее нашел в себе силы добежать до опушки леса, а там нога начала отниматься, и мне пришлось помогать ему продираться сквозь густой подлесок. Наспех затянутый на бедре жгут ситуацию не спас, и, когда нам удалось переправиться через лесной ручей с каменистым дном и быстрым течением, я закинул Арчи на закорки и потащил дальше. Время от времени здоровяк пробовал передвигаться самостоятельно, но все это кончалось тем, что он обхватывал меня за шею и мы плелись дальше. Уж не знаю, откуда взялись силы, но обессиленно я рухнул на землю, лишь когда мы убрались от деревни на довольно приличное расстояние.

Худо мне: в глазах мелькают светящиеся точки, легкие разрываются от боли, а ноги просто больше не разгибаются. Плеснув в лицо студеной воды из протекавшего по дну глубокого оврага ручейка, я напился и замер, прислонившись спиной к стволу вырванного с корнем вяза.

— Найдут нас здесь? — немного отдышавшись, поинтересовался я у неподвижно растянувшегося на земле Арчи.

— Егеря б нашли, да только их первым делом в Долину Кедров отправить должны были, — ответил тот после долгого раздумья. — Простые пехотинцы не найдут, даже если с собаками искать будут. Кровь я давно остановил, да еще по ручьям сколько отмахали. Нет, не найдут.

— А монахи эти странные?

— Монахи действительно странные, — вздохнул Арчи, припоминая

участвовавшего в погоне человека в черном балахоне. — Только на лесовиков-тайнознатцев они ни капельки не походят. А по моей крови поисковое заклинание никому не сотворить: Захар Осока всю нашу дружину давным-давно зачаровал.

— Твоими бы устами, — вздохнул я. — Шутника жалко...

— Да, ни за что сгинул...

Я отполз от ствола и, растянувшись на сырой земле, оглядел приютивший нас овраг, крутые склоны которого заросли колючим кустарником и блеклой от недостатка солнечных лучей травой. Кроны деревьев сходились над головой, и, лишь когда легкий ветерок принимался трепать листья, сквозь них проглядывали голубовато-серые пятна вечернего неба.

Поваленный ствол оказался не единственным: дальше в лесу начинался настоящий бурелом. Да и деревья здесь росли не в пример гуще, чем на опушке. Пока через такую чащобу пролезешь, всю одежду издерешь. Хоть бы тропку какую найти.

— Дальше что делать будем? — Усевшийся на земле Арчи сорвал и отправил в рот несколько ярко-красных ягодок костяники. — Надо бы лесами уходить.

— Уходи, — рассеянно кивнул я. — А у меня еще дела здесь.

— В поместье Берингтонов? — высказал предположение прищурившийся здоровяк.

— Там, — не счел нужным врать я. — А может, уже и не там.

— Странные у тебя дела, Кейн. Бросил бы ты их, а? — неожиданно слишком уж серьезно предложил обхвативший руками колени Арчи. Штанину на левом бедре у него покрывала корка засохшей крови, но свежих пятен видно не было. — Тут до Северных княжеств — всего ничего. День-два, и уже дома будешь.

— А ты?

— А чего мне на севере делать? Я в Альме только с Габриелем за компанию шел.

— Чудной человек ты, Арчи, — покачав головой, присмотрелся к занявшемуся раной здоровяку я. — Непонятный.

— Сам, можно подумать, душа нараспашку, — скривился Арчи, отодрав присохшую тряпицу с бедра. — Всю Империю с севера на юг и обратно пробежал непонятно ради чего, а я чудной.

— Да ладно, чего там, — устало махнул рукой я.

— Нет, мне просто интересно: ради чего все это? Ты же, судя по повадкам, на севере как сыр в масле катался?

— Прямо, как сыр, — фыркнул я и неожиданно для самого себя разоткровенничался: — А, тень с тобой, хочешь, одну историю расскажу?

— А давай, — согласился здоровяк. — Я страсть как байки занимательные люблю. Да и время скоротаем.

— Ну тогда слушай. Жил да был на севере князь Конрад рода Лейми, и правил он в славном городе Тир-Ле-Конте. Единственный сын князя Патрик был не то чтобы непутевый, но окружающие не всегда мотивы его поступков понять могли.

— Только не говори, что ты — этот самый княжий сыночек, — хохотнул Арчи.

— Нет, не я. Тебе дальше рассказывать или сам придумаешь?

— Рассказывай.

— Князь своего наследника по давнему обычаю женил рано, и к третьему десятку лет родилось у того два сына. Вот только и овдовел Патрик рано — как раз в тот год, когда серая хворь из Ведьминой плеши вышла.

— Слушай, Кейн, а чего ты от сотворения мира свою байку травить не начал? — язвительно поинтересовался закончивший обрабатывать рану здоровяк.

— Не силен в истории — вот и не начал, — огрызнулся я. — Ты слушаешь, нет?

— Да слушаю я, слушаю.

— В один из своих приездов в Альме повстречал Патрик княгиню Диану рода Раухов, тоже к тому времени вдовую. Уж не знаю, какая там у них любовь была, да только отрекся он от отцовского трона в пользу старшего сына, а младшего с собой в Альме забрал.

— Подожди, подожди, — нахмурил лоб Арчи. — Теперешнего канцлера Альме именно Патриком зовут... Ты хочешь сказать — он из рода Лейми?!

— Долго до тебя доходило, — усмехнулся я. — Пожениться с княгиней они поженились, но у той от первого мужа дети остались — законные наследники, понятно дело, — да и Патрик на титул никогда не претендовал.

— Ты б еще запутанней рассказывал.

— Как я уже говорил, младшего сына он забрал с собой, и тому пришлось на новом месте весьма несладко. Рад ему в Альме особо никто не был, а у отца и так забот хватало, чтобы еще сыну сопلي вытирать. Вот он — да какого лешего! — я, да, я, — чего ты так на меня уставился? — и связался с не совсем подобающей компанией.

— С тенями? — как-то уж слишком быстро свыкся с моим происхождением Арчи.

— Кто-то из них потом стал тенью, кто-то до срока отправился в край теней. Некоторые так и вовсе непонятно куда сгинули, — пожал я плечами. — Ну и дурные привычки я приобрел соответствующие. Как без этого? Родня на меня рукой давно махнула, но...

— Что «но»? — поторопил меня недовольный затянувшимся молчанием здоровяк.

— Что-что, — скривился я. — Влюбился я.

— Взаимно?

— Не то слово. — Я потер шею и тяжело вздохнул. — Ее представили ко двору как дочь какого-то лендлорда из всеми тенями забытой марки северного Полесья, а это даже по нашим меркам жуткая глушь. Так что все начиналось как небольшое увлечение, так — романчик. Но оказалось, что в этот раз я влип, как никогда...

— Она была так хороша?

— Не то слово, — мечтательно улыбнулся я, вспоминая Катарину. — Вот только, к сожалению, не совсем человек.

— Полукровка? — без особого удивления принял мои слова Арчи.

— Вампир. Одна из немногих, которым не страшно солнце. Одна из тех, в ком можно распознать кровососа слишком поздно.

— Я ж говорю — полукровка, — словно найдя подтверждение каким-то своим мыслям, кивнул здоровяк. — И что ты сделал?

— Ничего. Я был влюблен в нее по уши, — признался я.

— Не очень осмотрительно, — выговорил мне Арчи.

— Тогда меня это не волновало. А потом я без нее уже не мог. Не мог отказаться от полных огня поцелуев, от... И от всего остального тоже.

— И от укусов? — печально посмотрел на меня здоровяк.

— Особенно от них, — улыбнулся я в ответ. — Ты не представляешь, какое это удовольствие... просто не представляешь. Куда там ведьминой паутине или настойке дурман-травы! Это наслаждение в чистом виде. И это затягивает. Каждый раз зарекался, но седмицы не проходило, чтобы на коленях у нее прощения не вымаливал и шею сам добровольно не подставлял. Я теперь, знаешь ли, прекрасно тех бедолаг, что в тени Кровавого Утеса живут, понимаю. Точно тебе говорю: никто их там силой не держит. И защищать своих хозяев они будут до последней капли крови. Крови, да...

— Ты и кровавой горячкой, поди, не один раз переболел? — пропустил мимо ушей мои откровения Арчи.

— А как без этого. Что было, то было. — Рассказывать про до сих пор продолжавшиеся приступы я не стал.

— Ее разоблачили?

— Тень с тобой, в Альме до сих пор никто ни о чем не догадывается, — рассмеялся над наивностью собеседника я.

— Что же тогда произошло?

— Да ничего особенного, просто я слишком долго отучал себя доверять хоть кому-либо, чтобы это прошло бесследно. Кое-какие мелочи меня настораживали с самого начала: странные знакомые, подозрительные встречи, обрывки на первый взгляд бессмысленных фраз. Но что до того влюбленному дураку? — Горло пересохло, и мне пришлось напиться, зачерпнув холодную воду из ручья ладонями. — А потом стало ясно, что меня не собираются делать равным.

Арчи молча кивнул.

— Я все больше оказывался в чужой власти, и мою любимую это вполне устраивало. Медленно, день за днем она убивала мою волю, старательно превращая в безвольного раба! Марионетку, которую можно дергать за невидимые постороннему наблюдателю ниточки! Меня повязали собственной кровью! Я все мог простить, но только не такое откровенное неуважение! — Почувствовав вновь закипающую ненависть, я приложил немало усилий, чтобы взять себя в руки. — А впрочем, я простил и его... Смирился с тем, что не игрок, а всего лишь игральная кость.

— Зачем она это затеяла?

— Хотел бы я знать. Думаешь, не спрашивал? Она клялась, что любит, а у меня не хватало духу выдавить из нее правду. — В глазах посерело, и я глубоко и размеренно задышал, успокаивая сбившееся от волнения дыхание.

— И все же?

— А чего тут гадать? Мой отец обладает немалой властью в Альме, но, выплыви на свет эта история, боюсь, его положение серьезно бы пошатнулось. Вот кто-то и решил разыграть мою карту.

— А то, что его сын водит знакомства с тенями, никого до этого не волновало?

— Это другое. Ты не знаешь, но у нас на севере слишком серьезно относятся к одержимости. Этого бы отцу не простили.

— Или шантаж, или смена канцлера... — тихонько пробормотал себе под нос Арчи. — А могли бы и от законных наследников попытаться избавиться.

— Какая теперь разница? — вяло махнул рукой я. — Главное — я смог

вырваться.

— Не думал, что это возможно без посторонней помощи.

— Все намного проще, чем тебе кажется. — Прикрыв глаза, я погрузился в воспоминания. — Она в тот день устраивала прием для особо близких друзей, мне на публике велела не показываться и ждать ее в спальне. Прием затягивался, вино кончилось, я нервничал — скуку никогда терпеть не мог. Ну и вспомнил про заначенный мешочек с порошком чертова корня. Одно время на этой дряни плотно сидел, с тех пор и остался.

— Для вампиров чертов корень — смертельный яд. И для их кровных тоже.

— А то я теперь не знаю! Сам понять не могу, почему не сдох тогда, — рассмеялся я. — Век той боли не забуду. Даже умишком тронулся ненадолго.

— Дальше что?

— Да вот, собственно, и все. Очухался весь в блевотине, в голове будто костер горит, не соображаю толком ничего. И вдруг понимаю — все перегорело. Ничего меня больше здесь не держит. Снова сам себе хозяин. Минут пять, наверное, как безумный по комнате скакал.

— А потом чертов корень отпускать начал...

— Точно! Чувствую — опять на меня это наваждение накатывает, ну, пока решимость оставалась, я остатки порошка и употребил. А там дозы три было, не меньше...

Я замолчал, пытаюсь отогнать подступившие воспоминания. Это теперь они казались полузабытым кошмаром, а первые дни спать не мог — настолько было жутко. С криком в холодном поту просыпался.

— В общем, прием тот преждевременно закончился. Я-то хотел только подругу свою порешить, да набежали там всякие защитнички благородные... А как соображаешь под чертовым корнем, сам, наверное, знаешь. Ну и поквитался я со всеми и за все сразу. Правда, до Катарины так и не дотянулся...

— Сбежала?

— Сбежала. И из Альме в тот же день исчезла. А я перехватить не смог — у теней прятался: родня погибших за мой скальп весьма достойную награду объявила.

— И тени не выдали? — удивился Арчи. — Надо же, какие они у вас правильные! Или отца испугались?

— Отец руки умыл, а вот брат скупиться не стал и такую же награду за скальп моего убийцы назначить пообещал. Все знали: он человек резкий, пообещал — назначит. Назначил бы...

— Хорошо такого брата иметь, — усмехнулся Арчи.

— Не то слово. — Я изо всех сил сжал левый кулак, средний палец которого обжег нестерпимый холод на мгновение появившегося черного перстня. — Так что разузнал я, на какой корабль моя любовь села, да и отплыл следом. Вот только в Анаджио ее застать не успел. Ну а дальше ты уже сам все знаешь...

— Ты зачем ее ищешь-то вообще?

— А вот это уже мое дело, — решительно заявил я и не стал отвечать на вопрос, который и сам себе в последнее время боялся задать.

— Все еще ее любишь?

— Все еще люблю.

Я стянул свой серый камзол и старательно принялся замазывать его перетертой травой. На нем и так чистых пятен было немного, а тут он и вовсе стал почти неотличим по цвету от блекло-зеленой листвы.

— Занятная история. — Арчи попробовал подняться на ноги, но побледнел и опустился на землю. — Рассказал бы кто другой — не поверил.

— Надо же, какое доверие! — усмехнулся я. — Пора укрытие на ночь искать.

— Что? А, да, пора, — рассеянно кивнул Арчи. — Сейчас передохну еще чуток, и двинем.

— Ну раз время есть, у меня к тебе тоже вопросик имеется, — прищурился я. — Даже два.

— Валяй, — перевернулся на другой бок Арчи, чтобы оказаться ко мне лицом.

— Зачем ты мне короткую соломинку подсунул? Ну в кабаке, когда решали, кто с обозником драться будет?

— А зачем ты Леха Зарницу отравил? — глядя прямо в глаза, вопросом на вопрос ответил здоровяк.

— Леха гоблины убили, — не стал ни в чем признаваться я, понимая теперь, кто подговорил обозника выбить из меня дух.

— Перестань. Заходил я на ярмарке к лекарю одному, он сразу про «Поцелуй тьмы» вспомнил. Я только до сих пор понять не могу — зачем?

— А было бы лучше, если б Лех напрасно умер? Не уйти ему было от гоблинов! И Дубрава прекрасно понимал, что на верную смерть его отправляет. Я — понимаешь? — я всю дружину спас. И Зарнице не дал напрасной смертью умереть тоже я.

— А почему нельзя было все по-честному рассказать? Он сам имел право выбирать!

— А что, самоубийство — это теперь и не грех вовсе? — ледяным тоном спросил я.

Вообще-то об этом я тогда меньше всего задумывался, но аргумент железный.

— Он имел право знать, — медленно проговаривая слова, заявил Арчи. — А впрочем, тебе не понять. Забудь. Лейтенант Эмерсон — тоже твоя работа?

— Я, по-твоему, и с ним неправильно поступил?

— Бог тебе судья, Кейн. Но честно скажу: каких только подонков мне встречать не доводилось, но ты самый изворотливый из всех, — отвернувшись в сторону, фыркнул здоровяк.

— Ты тоже не святоша, — парировал я.

— Что есть, то есть. Второй вопрос задавать будешь?

— Какой у тебя ко мне интерес? — Я уселся поудобней.

— Что? — округлил глаза Арчи.

— Да перестань ты. Просто не бывает так, что сегодня ты человека подговариваешь меня в край теней отправить, а назавтра уже в компаньоны набиваешься. И шкуру мою, кстати, неоднократно спасаешь. С Шутником все ясно, но ты за какой тенью на север поперся?

— У меня к тебе никакого интереса нет...

Думаю, только раненая нога помешала Арчи исполнить задуманное, хоть я и ловил каждое его движение. А так — мой палец ткнул его в шею за мгновение до того, как здоровяк навалился сверху и прижал к земле. Вывернувшись из железной хватки потерявшего сознание Арчи, я наскоро обыскал его вещи, но не нашел ничего, что могло бы пролить свет на последний вопрос. Быстро собрав пожитки и не дожидаясь, пока придет в себя мой слишком уж нервный компаньон, я вскарабкался по склону оврага наверх и отправился к поместью Берингтонов.

Пора уже заканчивать эту подзатынувшуюся историю.

К горе, на склоне которой была выстроена усадьба Берингтонов, удалось выйти уже глубокой ночью. Свет нарождающейся луны почти не разгонял густого лесного сумрака, но теперь мне это было только на руку: блуждания по чащобе закончились, а пробираться в наверняка хорошо охраняемое поместье лучше всего впотьмах.

Не думаю, что у сторожей есть амулеты, позволяющие видеть в полной темноте, — слишком уж они дороги и ненадежны. Да и собак тоже можно не опасаться: Катарина их на дух не переносила. Самое страшное, что может меня ожидать, — это наведенные тайнознатцами-охранителями

сигнальные чары. Ну и сами тайнознатцы, само собой.

Растянувшись под деревьями неподалеку от утыканного поверху железными штырями высокого забора усадьбы, я вытащил из сапога запрятанный там смоляной шарик с «Ветром севера» и, положив его в рот, слегка надкусил. Катышек начал медленно растворяться, и через какое-то время меня передернуло от пронзительно-кислого привкуса зелья. Казалось, гаже ничего и придумать невозможно, но это ощущение почти сразу же пропало, оставив после себя странную легкость и пробежавшую по всему телу дрожь.

Сердце забилося медленно, и с каждым его ударом понемногу изменялся окружающий меня мир. Сначала поблекли и исчезли густые тени деревьев, потом съежилась и испуганно умчалась прочь полумночная тьма, а на ее место пришел блекло-бесцветный полумрак, и при желании я даже на расстоянии нескольких шагов мог рассмотреть каждую травинку, листочек и трещинку коры. Еще миг, и мой нос защекотали доступные только лесному зверью оттенки ночных ароматов, но тут сменивший направление ветер подул от поместья. Сморщившись от вони конской мочи и потных человеческих тел, я потер пальцами нос. Промелькнуло там еще что-то неуловимое, почти на грани донельзя обострившегося обоняния, но странный запах пощекотал ноздри и пропал, а ветер вновь сменился на северный.

В этот момент смоляной шарик лопнул, и на языке расцвел обжигающе-холодный цветок «Ветра севера». Тело заморозил пронесшийся по жилам ураган боевого зелья, и, плавно поднявшись на ноги, я бесшумно побежал к забору усадьбы. Одного прыжка хватило, чтобы зацепиться за штыри и перемахнуть на ту сторону. Едва различимое колебание воздуха предупредило о протянувшейся у земли нити сторожевого заклинания, и, успев среагировать, я сумел перепрыгнуть через опасное место.

Потом я еще несколько раз петлял, обходя пахнувшие непонятными эликсирами места и притаившихся на оборудованных в зарослях секретов сторожей. Караульных, к моему глубочайшему удивлению, оказалось явно недостаточно для охраны столь обширного поместья. Должно быть, хозяева слишком полагались на наведенные чары.

Некоторое время спустя на фоне деревьев проступила крыша трехэтажного охотничьего домика, верхний этаж которого опоясывала открытая терраса. Насколько мне удалось разглядеть, обойдя вокруг всего дома, ни в одном из окон свет не горел. Странно это все, очень странно. И ведь точно не все его обитатели уже ко сну отошли: обострившийся слух

выхватывал скрип половиц и дверных петель, едва различимые обрывки фраз, шорох осторожных шагов.

Проскользнув по темной тропинке, я прижался к стене дома и прислушался. Тишина летней ночью никогда не бывает полной, но сейчас создавалось впечатление, что округу покинули все беспокойные обитатели ночного леса. Не было слышно даже скрипа сверчков и уханья сов. Тишина. Комары и те не звенят.

По спине побежали мурашки, да еще откуда-то вновь долетел непонятный, но почему-то казавшийся знакомым запах. И теперь у меня уже не осталось сомнений в том, что это — запах человека. Но где мы могли с ним раньше встречаться? Кто, тень его заberi, это такой? Уж точно не Катарина — аромат ее духов будет преследовать меня до самой смерти.

«Кейн, любимый...» — зазвенели серебряные колокольчики девичьего смеха, и я потряс головой, прогоняя нахлынувшее наваждение.

Ладно, все равно в дом забираться, так стоит для начала с этим запахом разобраться. Если не ошибаюсь, он откуда-то с верхних этажей доносится.

Полыхавшее в груди ледяное пламя боевого зелья вновь погнало меня вперед, и, уцепившись за резную панель, я начал карабкаться по стене — окна первого этажа были забраны решетками, а ломиться в дом через дверь показалось мне не слишком удачной идеей. Массивные ставни окон этажом выше запирались на обычные крючки, но я не дал обмануть себя этой простоте — от толстых досок ставень доносился смешанный с терпкими благовониями запах колдовских зелий, а железные петли казались несколько теплее, чем им полагалось быть ночью.

Добравшись до проходившей на уровне третьего этажа открытой террасы, я перемахнул через ее ограждение и присел у стены — из приоткрытой двери тянуло гарью свечей и ароматом плавящегося воска. Осторожно подкравшись поближе, с показавшимся мне самому ужасным скрипом обнажил мечи и, вытряхнув на ладонь из пакетика пыль черного корня, жадно вдохнул последние крохи зелья. Ух-х-х...

— Они примут наши условия, не могут не принять. — Властный голос уже немолодого человека звучал весьма уверенно, но все впечатление испортил разразившийся следом приступ сухого кашля.

— Должны принять, — мягко поправил его собеседник и, наливая вино, звякнул горлышком графина о бокал. Этому десятка три от роду — не больше. — Они весьма недовольны тем, что пришлось пересечь весь Йорк.

— Они сами не раз заявляли, что земли Йорка по праву принадлежат им! Вот и сподобились наконец собственные владения посетить! — хрипло

расхохотался старик над собственной шуткой. — Вечно ты, Грегор, не о том думаешь.

— Они считают, весь мир принадлежит им. И вдобавок в любой момент могут нас покинуть, — спокойно отметил пригубивший вино мужчина. — Но, пожалуй, вы правы, наши условия им принять все же придется.

— Наши условия?! — издевательски заметил человек, чье присутствие до этого выдавало лишь шумное дыхание. — С каких пор они стали нашими?

— С тех пор, уважаемый Дитрих, как вы подписали договор. — Звонкий девичий голосок в этой комнате казался неуместным, но я чуть не вскрикнул от неожиданности: уж голос-то Катарины ни с каким другим мне не спутать. — Хотя вдобавок к Ронли, возможно, придется уступить Тир-Ле-Конт.

— Договор — такая штука: сегодня подписали, завтра разорвали... — не испугался сквозившего в словах моей любимой предупреждения Дитрих.

— Перестань! Берингтон ясно сказал... — повысил голос старик, но в этот момент в комнату проскользнул я.

Стоявший ко мне спиной Дитрих умер первым — один из клинков перерубил ему шею, а мгновением спустя второй вонзился в сердце выронившего бокал Грегора. Грузный старик со свисавшей на грудь золотой баронской цепью только разинул рот, когда я проткнул ему горло.

Окровавленные клинки лязгнули по полу, а я повернулся к мгновенно отпрыгнувшей к двери девушке в мужском охотничьем костюме, развел руки в стороны и улыбнулся:

— Здравствуй, любимая. Безумно рад тебя видеть.

— Здравствуй, Кейн. Учитывая обстоятельства, — сверкнув своими зелеными глазищами, Катарина взглянула на валявшиеся на полу тела, — не могу сказать того же о тебе.

И никаких отзвуков серебряных колокольчиков. Обычный приятный, но немного усталый женский голос. Память снова сыграла со мной злую шутку. Или раньше все было не так? Должно быть. Вот и постоянные переезды наложили на мою любимую свой пыльный отпечаток. Теперь она больше не казалась юной девушкой. Легкие морщинки у глаз и уголков губ разом накинули ей полдюжины лет. Но потускнела ли от этого ее красота? Ни в коем случае. Просто это было нечто новое. Новое, но не менее притягательное для меня, чем прежде.

— Ты сменила духи? — шагнув вбок, переступая через труп старика,

поинтересовался я. Кровь кипела от охватившего меня напряжения, но пока мне удавалось сдерживать свои эмоции.

— Не всем они по душе, Кейн. — Скрестившая руки на груди девушка на миг стала прежней беззаботной Катариной, но маска отчуждения сразу же вернулась на ее лицо. — Зато ты, вижу, своих привычек не меняешь?

— А мне плевать, что там кому не нравится, — усмехнувшись, я вытер тыльной стороной ладони кончик испачканного пылью чертового корня носа. — Ты же меня знаешь...

— Знаю, — кивнула девушка, по привычке проведя пальцами по крупному бриллианту в кольце на правой руке. Старых серег на ней сегодня не было. — И я рассчитывала, что после той сцены, которую ты устроил в Альме, мы расстались навсегда!

— Я так и собирался. — Мне едва удалось сдержаться, чтобы не прыгнуть к ней и вместо этого сделать крошечный шаг вперед.

Бурлившая энергия «Ветра севера» и разъедающая сознание отравя чертова корня требовали выхода, и бездействие буквально разрывало меня на части.

— И что же тебе помешало? — приподняла брови, изображая удивление, Катарина.

— Я люблю тебя, — неожиданно для самого себя сказал я вовсе не те слова, которые собирался произнести.

— Это не смешно.

— Но я действительно люблю тебя, Катарина! — Я вновь шагнул вперед. Она вновь не сдвинулась с места.

— Будь так — ты бы вел себя по-другому!

— Можно начать все заново! — Я с удивлением осознал, что на глазах у меня выступили слезы. — Я хочу быть с тобой!

— Слишком поздно, — печально покачала головой девушка. — Слишком поздно для нас с тобой...

— Ты же сама говорила: мы будем жить вечно! — закричал я, чувствуя, как начинает подкрадываться безумие от близости той, что еще недавно была самым дорогим и желанным существом на свете. — Как мне доказать свою любовь?!

— Уже никак. — Голос Катарины помертвел, а жилка на шее забилась куда быстрее, чем в начале разговора.

— Прости меня за все. Хочешь, я встану на колени? — Я немного согнул ноги, дожидаясь ответа и борясь с самим собой, чтобы не плюхнуться на колени прямо сейчас. Голова закружилась, тени по углам комнаты сгустились и принялись, кривляясь, строить жуткие рожи. —

Прости...

— Поздно...

Не думаю, чтобы сторонний наблюдатель смог уловить мой прыжок — слишком сильно напряжены были мышцы, слишком ярко полыхала внутри злая сила боевого зелья. Нож с черным от осевшего дьявольского корня лезвием сам собой появился в руке, но, прежде чем он вонзился в горло Катарине, та совсем уж неуловимым движением оказалась в другом углу комнаты. Лезвие воткнулось в дверной косяк и надломилось.

Выкинув бесполезную рукоять, я медленно развернулся к неподвижно застывшей девушке и приложил руку к пытавшемуся вырваться из груди сердцу.

Вот и все, вот и все...

— Ты за этим сюда явился?

В голосе Катаринины не было удивления, в нем больше не было никаких эмоций вообще. Даже злости. Даже разочарования. Одна лишь усталость. И, как мне хотелось надеяться, — капелька тоски.

— Да, — не стал лукавить и вымаливать прощение я.

Обычный человек никогда не сравнится ни в скорости, ни в силе с вампиром. Не дано это людям, нечего и пытаться. Даже защищенные зачарованными доспехами ветераны уступали в рукопашных схватках в пещерах под Кровавым Утесом быстрым и ловким детям ночи. Вот только меня давно уже нельзя было причислить к обычным людям.

И все же я немного опоздал. Катарина размазанной тенью метнулась вперед, и какая-то крупинка драгоценного времени ушла на борьбу с самим собой — мне вдруг нестерпимо захотелось опуститься на колени и задрать подбородок, открывая горло. Это потом уже где-то глубоко внутри проснулся дремавший до поры до времени зверь, и жажда жизни метнула мое тело вбок.

Длинные острые когти не задели шею и вместо этого полоснули по левой стороне груди. Меня закружило на месте и с силой взявшего разбег рыцарского скакуна швырнуло назад. Выбив оказавшуюся незапертой дверь, я спиной вперед вылетел в коридор и, врезавшись поясницей в балюстраду, перекувыркнулся через нее и полетел вниз.

На мое счастье, приземлился я на ноги, и падение с третьего этажа на каменный пол холла не выбило из меня дух. Ну почти не выбило. Вот только левая рука обвисла как плеть. А времени перевести дыхание уже не осталось — по лестнице стремительной дробью понеслись легкие шаги, со стороны главного входа тоже уже спешила охрана.

Вылетевший из коридора солдат даже не понял, что произошло: в один

момент я оказался рядом и засапожным ножом перехватил ему горло. Бедолага еще падал, когда второй охранник в длинном выпаде попытался разрубить меня ударом тяжелого полесского меча, но слишком поторопился и сам заполучил укол в незащищенную кольчугой подмышку.

Понимая, что скрыться от набегавших со всех сторон мечников мне не успеть, я отпрыгнул к стене и тут же почувствовал тупой удар в бок. Скосив глаза, заметил торчащее под ребрами древко короткой стрелы с серебристым оперением, а уже в следующий миг, покачнувшись, ушел из-под ног пол, и, оставляя кровавый след, я сполз по стене.

Боли не было: «Ветер севера» еще гнал по жилам кровь и пытался затянуть раны, вот только возможности уползти отсюда и отлежаться мне не дадут.

Заслышав властный голос, окружившие меня охранники раздались в сторону, и, ничуть не торопясь, ко мне подошли трое: спокойная и бледная, как сама смерть, Катарина, дородный бородач в богато украшенном парадном одеянии с вышитым золотом гербом Берингтонов и — тут я не поверил своим глазам — эльф.

Эльф! На узком лице — презрение, в бездонных янтарных глазах — скука. И только тонкие бесцветно-розовые губы кривятся в каком-то подобии улыбки. А чего б ему не скалиться? Это он меня подстрелил, а не наоборот. И наконечник наложенной на тетиву короткого лука новой стрелы уже смотрит мне в сердце.

В глазах у меня начало расплываться, но заплетенную в одну из прядей распущенных серебристых волос нелюди черно-синюю ленту разглядеть я успел.

Черное с синим — цвета клана Полночной воды. Но у эльфов среди чужаков с непокрытыми волосами только старейшины появляться могут! Неужели это...

— Вам нужна его кровь? — видимо, на правах хозяина дома поинтересовался у Катарины бородач.

Эльф заметил безмолвную мольбу в моих глазах, и у его улыбки немного поменялось выражение. Презрение? Жалость? Или все та же скука? Да кто этих нелюдей разберет.

— Нет, — покачала головой девушка.

Будь у меня силы — я бы в голос выругался, но «Ветер севера» уже не справлялся с накатывавшей волнами болью, и мне осталось лишь смотреть, как эльф медленно натягивает лук.

И тут парадная дверь исчезла в ослепительной вспышке. Мгновением позже уши заложило от оглушительного грохота, а по полу забарабанили

щепки разлетевшихся на сотни кусков толстенных дубовых створок.

Крутнувшийся на месте эльф выпустил стрелу в метнувшиеся с улицы фигуры, но это был лишь отвлекающий маневр — основная часть нападавших проникла внутрь через черный ход. Слишком поздно понявшие, в каком плачевном положении оказались, хозяева попытались организовать оборону, но люди в темных балахонах уже перекрыли все выходы. Срывавшиеся с их рук разряды черных молний, от мощи которых трещало и расползалось по швам пространство, одинаково хорошо рассекали и тяжелые доспехи охранников, и заговоренные куртки эльфов. Что уж говорить о хрупкой человеческой плоти? Или даже вампира?

Все было закончено через сущие мгновения, и люди в темных балахонах бросились добивать подранков и обыскивать верхние этажи. Я протер правой рукой слезившиеся от стоявшей в воздухе едкой гари глаза и только тут понял, что весь этот разгром устроили вовсе не приятели убитого мной на постоялом дворе странного монаха, а полтора десятка георгианцев. Или все же выдававших себя за них самозванцев?!

Я перевел взгляд на подкатившуюся к моей ноге отрубленную голову эльфа, лента в волосах которой стала черно-багровой от крови. Не надо было тебе свои леса покидать, выродок. И сам бы жив остался, и у меня шкура целее была бы.

— Живой? — Рядом со мной остановился здоровенный монах, двуручный меч в руках которого смотрелся на редкость неуместно.

— Ты, Арчи, никак, новую игрушку нашел? — закашлялся я и почувствовал во рту острый привкус крови и желчи. — По мою душу заявился?

— А она у тебя есть, душа-то? — Арчи скинул с головы капюшон и оглядел залитый кровью холл. — Давно, поди, дьяволу уже продал.

— В цене не сошлись. — Боль на миг отпустила, и я перекатился с бока на колени.

— Далеко собрался? — даже не попытался помочь мне здоровяк.

— Нет, уже нет... — Оставляя за собой кровавый след, я подполз к телу лежавшей навзничь Катарины, на долю которой пришлось никак не меньше четырех смертоносных заклятий. Без содрогания смотреть на нее теперь было невозможно, но, как ни удивительно, лицо совершенно не пострадало.

Усевшись рядом, я устроил ее голову у себя на коленях и погладил длинные черные волосы. В широко раскрытых глазах больше не было жизни, а тонкие губы приобрели блеклый оттенок воска.

— Прости и прощай.

А потом я прикоснулся к своему рассеченному плечу и провел окровавленными пальцами по мертвенно-бледным губам Катарины:

— Дадут тени, на том свете свидимся.

Молча топтавшийся рядом Арчи не выдержал и, приставив свой новый меч к стене, присел пол.

— Неужели ты ее до сих пор любишь? — Ухватив меня за подбородок, он заставил посмотреть себе в глаза.

— Люблю.

— Почему тогда пытался убить?

— Потому что не могу жить с ошейником на шее! — усмехнулся я и, почувствовав, что начинаю терять сознание, поспешил выговориться: — И подышать не хотел, и вещью ее становиться не собирался. Но ты же должен знать, Арчи, кровавая горячка рано или поздно всех ломает. А я не хотел. Хотел быть равным. Хотел...

Поднявшийся с колен Арчи накинуд мне на шею какой-то амулет на длинной серебряной цепочке, и сознание начало медленно проясняться, а в раны закололи длинные ледяные иглы.

— На третьем этаже три трупа. Все из окружения Берингтона, — подошел к Арчи спустившийся по лестнице монах, и гореть мне в аду, если донесшийся из-под капюшона голос не принадлежал старшине обозников Мартину.

— Выходит, никто не ушел, — удовлетворенно кивнул здоровяк и наклонился ко мне. — Ну что, страдалец, хочешь, мы тебе огненную тризну организуем? Сгоришь в очищающем пламени вместе с возлюбленной, да и воссоединитесь где-нибудь на небесах?

— Не богохульствуй! — пробасил один из монахов, ножом с коротким кривым лезвием снимавший скальп с эльфа. — А то епитимью наложу.

— Напугал, — хмыкнул Арчи и потормошил меня за правое плечо. — Ну ты как, остаешься?

— Что здесь вообще происходит, можешь мне объяснить? — Я даже не попытался встать на ноги, по-прежнему прижимая к груди голову Катарины.

— Тебе какая разница? Меньше знаешь, крепче спишь, — вновь влез в наш разговор монах и убрал окровавленный скальп в специально приготовленный для этого мешок. — И ты, Арчибальд, тоже об этом не забывай.

— Заговор, что ж еще? — не обратил внимания на предостережение здоровяк. — Кровососы с эльфами Северные княжества к рукам прибрать хотели, ну и Йорк в долю взяли. Да только сам знаешь, как оно бывает —

тут засветились, там прокололись, так и пошли слухи... Тебя вот тоже предвидеть никак не могли. Ну мы им перышки немножечко и пообщипали...

— Мы — это кто? — оглядел спускавшихся на первый этаж монахов я. — Только не говори, что орден Святого Георга, — не поверю.

— А сам не понял еще? — Арчи подхватил свой меч и вытер заляпанную в крови подошву ботинка о гобелен. — Так ты остаешься или как?

Я молча оглядел уже собравшихся в холле полтора десятка монахов, еще недавно так лихо кидавших во все стороны смертоносные чары, и только тихонько вздохнул. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы узнать излюбленный стиль Инквизиции — насколько возможно сделать работу чужими руками и только в конце нанести завершающий удар. Вот ведь... слуги божьи.

— Нечего мне здесь делать больше. — Я осторожно опустил голову Катарины на пол и посмотрел на торчащую из бока стрелу, камзол вокруг которой давно пропитался кровью. — Только тебе тащить меня придется. И за мечами моими на третий этаж пусть сбегают.

— Да не волнуйся ты. — Арчи передал двуручный меч одному из монахов и, осторожно обхватив меня, поднял на руки. — И вынесем, и подлечим. Но только ты, ваша светлость, князь Кейн рода Лейми, не обессудь — с тебя причитаться будет. И отдать придется с резами^[36].

— Ага, разбежался. — Усмешка у меня вышла кривоватой, да еще в простреленном боку заворочалась боль, и сознание ухнуло в бездонную черную яму.

Но перед тем как меня окончательно закружил хоровод теней, в средний палец левой руки впился холод черного княжеского перстня рода Лейми.

Да еще кто-то мерзко хихикнул за левым плечом...

История третья.
КРОВНЫЕ УЗЫ

Пролог

Никогда не стоит забывать о вежливости. Никогда и ни при каких обстоятельствах.

В детстве наставники вбивали эту нехитрую истину, не жалея розог, и, надо сказать, в итоге их усилия принесли свои плоды. Быть может, мои манеры иной раз и оставляли желать лучшего, но никто не мог назвать меня грубияном. И никто меня так не называл.

Подонком и выродком — случалось, грубияном — никогда.

Мной двигал простой расчёт: будь вежлив с людьми, и люди будут вежливы с тобой. И даже если нет... Лично ты ведь постарался, чтобы сегодня все вернулись домой, верно?

Итак, я о вежливости никогда не забывал и потому сказал:

— Благодарю, Свин, ты мне очень помог.

— Буль... — ответил Свин. — Буль, грах, краа...

Я провёл по плащу сначала одной стороной ножа, затем другой и на серой потрёпанной ткани осталось две тёмных полосы. Толстяк с завязанными за спиной руками немного ещё посучил ногами, но очень скоро затих, лишь продолжала растекаться по грязному полу плескавшая из его перерезанного горла кровь.

— Весь секрет в том, чтобы не перерезать артерию, — громко произнёс я. — Иначе забрызгает с ног до головы.

Миг спустя в дверях возникла тень.

— Ты обещал оставить его мне! — в приглушённом голосе прозвучала неподдельная обида.

Я распрямился и подтвердил:

— Обещал.

— Ты дал слово!

— И что с того?

— У нас была сделка!

— Вовсе нет, — возразил я. — Обещание — это не сделка. У сделки две стороны. А я пообещал и передумал. Улавливаешь разницу?

Тень зашипела от злости.

— Ты обещал кое-что ещё! — напомнила она. — Передумаешь — убью!

— Вот! — выставил я перед собой указательный палец. — Теперь это сделка. А сделка — это святое. Не волнуйся, я не передумаю.

— Уж лучше бы так! — выдала тень и скрылась в коридоре заброшенного дома.

— Не передумаю, — повторил я.

«Или мне придётся убить тебя первым»... — но вслух этого я произносить не стал. У некоторых людей исключительно острый слух, а тени не склонны расценивать обещание отправить их на тот свет пустой болтовнёй.

Шаги стихли, и тогда я перестал прятать руку с ножом за спиной и убрал его в чехол на поясе.

— С огнём играешь, — прозвучало из дальнего угла.

В выломанное окно на противоположной стене проникало серебристое сияние луны, но до верзилы с коротким ёжиком тёмных волос оно не доставало, его силуэт терялся во мраке.

— Вовсе нет, — усмехнулся я. — Вовсе нет.

— На кой ляд тебе понадобилось его убивать? — с некоторой даже ленцой поинтересовался громила.

— Я обещал лёгкую смерть, если он ответит на мои вопросы. Он ответил.

— Твои обещания не стоят выеденного яйца! — объявил верзила. — И не заливай о человеколюбии, плевать тебе на всех остальных.

— В чём-то ты, без сомнения, прав, — со смешком подтвердил я и всё же счёл нужным пояснить свой поступок: — Мертвецы не преподносят сюрпризов, друг мой, а от живых никогда не знаешь, чего ожидать. Так спокойней.

— Боялся, местные узнают о твоём интересе? — догадался громила. — Думаешь, они всё же причастны? Этот ничего не знал...

— Неважно! — резко бросил я. — Это не их дело. И не твоё. Вздумаешь вмешаться, сделке конец. И виноват в этом будешь ты и только ты.

— Если ты ведёшь какую-то игру...

— Веду, разумеется! Но вас это не касается. Мы заключили соглашение, его и будем придерживаться.

От запаха крови сделалось не по себе, начало мутить, внутренности затянуло узлом. Очень быстро боль растеклась по всему телу, во рту появился металлический привкус. Я подкинул щепы в почти угасший костерок посреди комнаты и принялся раскалять над неровным пламенем клинок ножа.

Громила смерил меня задумчивым взглядом и раздражённо спросил:

— Ты бы мог не дымить этой дрянью при мне?

— Не мог, — спокойно ответил я и посыпал на раскалённый нож мелко-мелко настроганный чёртов корень.

Дерево зашипело и закурилось лёгким дымком, я сделал глубокий вдох, втягивая в себя дурман, и на миг словно провалился в бездонную яму. Сразу стало легко, по спине побежали мурашки. Миг спустя оцепенение отпустило, и вместе с ним оставили боль и омерзительное желание упасть на четвереньки и напиться из лужи натёкшей на пол крови.

Хорошо! Чертовски хорошо вновь почувствовать себя человеком!

А потом воздух рассёк лёгкий шелест, что-то ударило меня в грудь и сбilo с ног. Звякнула сталь, рёбра обожгло болью, и я скорчился на полу. Но сразу пересилил себя и откатился к стене, под окна. Посреди комнаты осталась валяться короткая стрела с широким листообразным наконечником.

Бугай даже с места не сдвинулся, продолжая оставаться в тени.

— Проклятье! — прохрипел я. — Чего ты стоишь? Помоги!

— Кольчуга не пробита, ведь так? — резонно отметил верзила, осторожно смещаясь к двери. — Соберись, чёрт тебя дери!

Я со стоном поднялся сначала на колени, а потом и на ноги, прижался спиной к стене и высвободил из-под плаща короткий, лишь немногим длиннее локтя, обоюдоострый меч.

— А если сломаны рёбра?

— Брось! Эльф выбрал неправильный наконечник.

— Эльф? — переспросил я, присмотрелся к оперению стрелы и озадаченно протянул: — Эльф!

— И это неплохо, — проворчал верзила, выглядывая в коридор. — Тени попытались бы добить, а остроухий давно удрал. Уж поверь, звон стальных конец он не расслышать не мог.

— И, значит, постарается повторить попытку. — Я осторожно наполнил лёгкие воздухом и поморщился от боли в отбитых рёбрах. — Это плохо. Это очень плохо.

— Кейн, с какой стати эльфам открывать охоту... на тебя?

— Понятия не имею, — ответил я чистую правду и шагнул в коридор. — Идём, Арчи! Надо убираться отсюда...

Глава 1

1

По имперским меркам Тир-Ле-Конт — жуткое захолустье.

По местным меркам всё не столь плохо; по крайней мере, всегда есть возможность с кривой ухмылкой кивнуть на нашего северного соседа, княжество Ронли.

Мол, вот уж дыра дырой.

А если вздумает важничать кто-то из Арли, так одно упоминание Болотной башни мигом собьёт с наглеца всякую спесь. Лишь теньям ведомо, как далеко продвинулась бы Ведьмина плешь на юг, не упрись она в нашу крепость.

Но вообще — зубоскалу можно просто двинуть в морду. Местные обычно так и поступали. Крепкий дубовый табурет куда более весомый аргумент в споре, нежели рассказы о славной истории княжества.

К Тир-Ле-Конту мы подъехали вечером. Укутанный осенней непогодой город в тусклых лучах заходящего солнца казался на редкость хмурым и неказистым, но Арчи смотрел по сторонам так, словно ему доводилось бывать в местах несравненно более убогих.

И ему доводилось, о да! В какую только глухомань не заводит служба в инквизиции!

— Летом здесь лучше, — всё же счёл нужным отметить я.

Арчи кивнул и оспаривать моё утверждение не стал.

— Нисколько не сомневаюсь, — только и произнёс он в ответ.

Я попытался отыскать на открытом лице высоченного широкоплечего парня хотя бы тень саркастической ухмылки, но тот казался совершенно серьёзным. Таланта лицедейства ему было не занимать.

Копыта лошадей чавкали по раскисшей дороге, грязь летела на покосившиеся заборы и замызганные стены домов. Столицу княжества со всех сторон окружали деревянные хибары, выстроенные безо всякого порядка. Гавкали цепные псы, шелестел по черепице косой холодный дождь, хлопали на ветру ставни, журчали в канавах мутные ручьи.

Арчи с невозмутимым видом поглядывал по сторонам и что-то тихонько насвистывал себе под нос.

Захотелось отвесить ему подзатыльник.

Стражники на воротах останавливать нас не стали, только проводили пристальными взглядами. Подковы зацокали по брусчатке, тогда Арчибальд придержал лошадь и повернулся ко мне.

— И куда теперь, Кейн?

— Прямо, — коротко ответил я.

Арчи приподнял с лица край обвисшего капюшона и впервые за последнее время позволил себе проявить хоть какие-то эмоции.

— Сразу во дворец? — удивился он.

Выстроенный на холме княжеский замок нависал над городом зловещей громадой. Обветшалым и мрачным он выглядел при любой погоде — неважно, светило солнце или шёл дождь. А промозглым вечером зрелище нам открылось и вовсе безрадостное. Частые зубцы мощных стен, чёрные прорехи бойниц, не слишком высокие и ровные угловые башни. Сплошь мокрый камень и серые тени.

Я посмотрел на своё родовое гнездо и криво ухмыльнулся.

— Нет, не в замок.

Спутник косо глянул на меня и негромко проронил:

— Загадками говоришь.

Ответа он не дождался. Узкая улочка вывернула на засыпанную палой листвой площадь, и я выбрался из седла у коновязи втиснутой между двумя соседними зданиями таверны «Печеное яблоко». Было в той три этажа, и островерхая крыша с кирпичными дымовыми трубами уверенно возвышалась над округой.

— Вот наш замок на сегодня, — усмехнулся я, затянул на бревне поводья и первым вошёл в зал, полутёмный и весьма задымлённый. А только откинул с головы капюшон, чтобы оглядеться, и сразу невесть откуда появился дородный хозяин.

— Поднимайтесь наверх, милорд, — указал он на боковую лестницу, отправив мальчишку позаботиться о наших лошадях.

Арчибальд посмотрел по сторонам и предложил:

— Можем перекусить прямо здесь.

Посетителей в таверне и в самом деле было немного, но хозяин и слушать ничего не стал.

— Поднимайтесь наверх! — повторил он. — Поднимайтесь!

Я похлопал здоровяка по спине и первым направился к лестнице. Арчибальд потопал следом и недовольно проворчал:

— Не нравится мне это.

— Расслабься! — только и рассмеялся я, бросая мокрый плащ прямо

на пол.

Круглый стол посреди небольшой залы окружали удобные на вид кресла, в люстре под потолком горели свечи, а в камине потрескивали поленья, было тепло и уютно. Но Арчи успокоиться не пожелал.

Сначала он распахнул одну дверь — за ней оказался длинный тёмный коридор, затем проверил две других, те вели в свободные комнаты.

— Удивляюсь я тебе, Кейн, — проворчал после этого здоровяк. — Ты же знаешь, что стоит на кону!

— Знаю, — подтвердил я, ослабляя шнуровку колета. — Я знаю, ты знаешь. А больше не знает никто.

— Святая простота!

Я пожал плечами и расстегнул оружейный ремень с коротким мечом и кинжалом.

— Видишь ли, Арчибальд, — усмехнулся я, отложив их на плащ, — «Печёное яблоко» принадлежит кому-то из родни Кевина Свори, а мы здесь по его приглашению.

Кевин Свори стал регентом после неожиданной смерти Бенедикта, поскольку беременная вдова брата не могла претендовать на престол и кто-то должен был позаботиться о правах ещё не родившегося наследника. Старый рыцарь подходил на эту роль просто идеально. Впрочем, подозреваю, глава княжеской стражи был обязан избранию вовсе не своей принципиальности, болезненной щепетильности и авторитету, а преклонным годам.

Вся грызня за власть ещё впереди.

— Ты так доверяешь старику? — спросил здоровяк, скинул с плеча дорожный мешок и расстегнул фибулу плаща.

— Доверяю, — кивнул я. — К тому же если Кевин решит нас прижать, из города не сбежать в любом случае.

— Успокоил! — фыркнул здоровяк, кинул плащ на свободное кресло и протянул к камину озябшие ладони.

Мне холодно не было. Последнее время все мои ощущения сводились к жару и жажде. В груди словно развели костёр, и потушить его не могли ни вода, ни пиво.

И хоть верное средство было прекрасно известно, прибегать к нему я не собирался. Хотя бы из чистого упрямства. Слишком много крови пролил, пытаюсь избежать подобного исхода, чтобы в результате взять и пойти на попятную.

Голова закружилась, едва-едва зажившую рану в боку прострелила острая боль, и я ухватился за высокую спинку кресла, чтобы устоять на

ногах.

Из общего зала поднялась разносчица — полноватая и не слишком красивая, но для меня она словно сияла внутренним светом, алым и ярким как артериальная кровь.

Глаза уловили биение жилки на шее, и я поспешил зажмуриться, да так и простоял с закрытыми глазами, пока девица не выставила с подноса на стол две глиняных кружки с подогретым красным вином и не ушла вниз.

— Ты в порядке? — забеспокоился Арчи.

— Устал, — ответил я, потирая шею.

Здоровяк взял одну из кружек и выжидающе посмотрел на меня.

— Ну?

Я пригубил подогретого со специями вина, подержал его во рту и лишь после этого проглотил. На языке осталось приятное послевкусие лесных ягод.

— Можешь пить, отравы нет.

Арчибальд сделал несколько глотков, вытер губы тыльной стороной ладони и зачем-то уточнил:

— Уверен?

— Поздно уже, — хмыкнул я, усаживаясь за стол. — Но да — я уверен.

Во всяческих ядах и дурманах я разбирался просто превосходно. Опыт, чтоб его...

В груди жгло всё сильнее; я вытряхнул на стол из кошелья брусок чёртова корня и принялся строгать деревяшку заточенным до бритвенной остроты ножом.

— О, нет! — простонал Арчи. — Можешь хоть немного не дымить?

— Могу, — кивнул я. — А ты готов принять последствия?

Арчи к такому готов не был и потому молча отвернулся, а я аккуратно собрал стружку на широкий клинок, перешёл к камину и принялся нагревать нож над огнём. Вскоре начал куриться лёгкий дымок, и я нетерпеливо втянул его в себя. Дурманивший запах защекотал нос, из глаз потекли слёзы, в голове зашумело, а тело словно одеревенело, но уже на втором вдохе меня отпустило, и чем дальше глотал дурман, тем быстрее уходила ноющая боль.

Выпрямился я немного более человеком, нежели вошёл в эту комнату.

Чёртов корень обладал способностью блокировать проявления магии крови — именно благодаря пристрастию к этому дурману мне в своё время и удалось избежать превращения в вампира. Но панацеей чёртов корень вовсе не был, он просто замедлял развитие... болезни, а не исцелял от неё.

Я вернулся за стол, хлебнул вина, и глоток провалился мягким убаюкивающим теплом. Стало хорошо.

Тут же распахнулась внутренняя дверь, и стремительной, вовсе не стариковской походкой к нам прошел седой дед в наброшенном поверх кольчужной безрукавки плаще. Морщинистое его лицо было худым и жёстким, запавшие глаза в неярком мерцании свечей казались двумя чёрными провалами.

Арчибальд положил ладонь на рукоять кинжала, но Кевин Свори на него даже не взглянул.

— Покажи! — сходу потребовал регент.

Я выставил перед собой левую руку, сосредоточился и на среднем пальце соткался из теней фамильный перстень чёрного серебра. Княжеский перстень, который передал мне своей посмертной волей Бенедикт.

При виде перстня Кевин Свори будто постарел на десяток лет, но сразу взял себя в руки и пригладил вислые седые усы.

— Так значит, это правда, — обречённо пробормотал он.

Я не стал попрекать старика неверием и кивнул.

— Увы, это так. У нас всё в силе?

Кевин странно посмотрел на меня и улыбнулся уголком рта.

— Твой отец здесь.

От неожиданности я хлопнул кружкой по столу и расплескал вино.

— Какие тени его сюда принесли?!

Старый рыцарь рассмеялся.

— Намеревается представить совету баронов кандидатуру нового регента.

— Кого-то из Мальтори? — предположил я.

Это семейство пользовалось большим влиянием в княжестве. Пока правил дед, они были верной опорой трону, а вот Бенедикт им не доверял.

— Нет, не Мальтори, — ответил Кевин, и по его губам скользнула непонятная улыбка. — Он привёз Людвига, твоего брата.

Моего младшего брата. Сводного брата.

Нестерпимо захотелось ухватить кресло и вынести им окно, но старый рыцарь следил за мной с нескрываемым интересом, и я не стал горячиться. Лишь пальцы мёртвой хваткой стиснули подлокотники, да вырвался недобрый смешок.

— Сколько сейчас Людвигу? — спросил я. — Лет десять?

— Десять, — кивнул Кевин.

Овдовев, отец отрёкся от всех прав на престол в пользу старшего сына и уехал в Альме, где женился на вдовой княгине Диане из рода Раухов.

Меня он забрал с собой, но отношения с новой семьёй, так скажем... не задались.

— Десятилетний регент? — протянул я, поднимаясь на ноги. — О-хо-хо...

Арчибальд глядел на нас с нескрываемым недоумением. Подобного поворота ни он, ни пославшие его люди предусмотреть не могли.

— И что ты будешь делать, Кевин? — спросил я. — Просто отойдешь в сторону?

— Вопрос в том, что будешь делать ты, Кейн, — прямо ответил старый рыцарь. — Княжеский перстень у тебя. Тебе и решать.

— Это ничего не значит.

— Значит.

— Что ты будешь делать, Кевин? — повторил я свой вопрос.

Старик недолго помолчал, затем произнёс:

— Мой долг — стоять на страже интересов ещё не родившегося наследника престола. Патрик не станет действовать во вред собственному внуку или внучке, поэтому да, Кейн, я просто отойду в сторону.

— Посмотрим, — зло прорычал я и схватил не успевший просохнуть плащ. — Отец в замке?

— Да.

— Тогда самое время с ним поговорить! — Я направился к двери и жестом остановил уже приподнявшегося из кресла Арчибальда. — Позже. Мы поговорим позже...

Инквизитор недовольно поморщился, но спорить не стал и с тяжёлым вздохом опустил на место.

Тронный зал был мрачен.

Даже ясными летними деньками в нём не бывало светло и уютно, а осенним ненастным вечером просторное помещение с высоким потолком и узкими прорезями окон и вовсе напоминало храм какого-то недоброго божества. Тусклые отблески редких светильников это ощущение лишь усиливали.

Стоило только пройти в зал, и тени немедленно закружились вокруг, сбивая с толку. Злыми шепотками зазвучали в голове их голоса, и от неожиданности я едва не сбился с шага, но быстро взял себя в руки и направился к трону, на деревянной лавочке у подножия которого сидел

мальчишка с пепельными волосами и пронзительно синими глазами.

— Встань! — резко потребовал я и Людвиг, мой сводный брат, быстро соскочил с сидения регента.

Отец отвлёкся от созерцания фамильных портретов и развернулся ко мне.

— Кейн?! — удивился он и с укоризной посмотрел на Кевина Свори.

Седой рыцарь и глазом не повёл.

— Что-то не так, папа? — улыбнулся я.

Патрик Отрёкшийся, как за глаза называли его в княжестве, лишь покачал головой.

— Просто не ожидал встретить тебя здесь. Давно не виделись.

Я стянул перчатки и потребовал объяснений:

— Что за игру ты затеял?

Отец вновь посмотрел на Кевина, затем перевёл взгляд на меня.

— Кейн, тебя это не касается, — заявил он после едва заметной заминки.

— Касается, раз я здесь, — отрезал я и указал на сводного брата. — Ты хочешь протолкнуть его в регенты? Какая тень тебя укусила?

— Так будет лучше для всех.

— Сомневаюсь.

— Твоё мнение никого не интересует.

Я рассмеялся.

— А вот тут ты заблуждаешься. Помнишь, говорил, что от меня одни неприятности? Разве нам нужны неприятности?

Патрик вздохнул.

— При всём уважении, но Кевин слишком стар для этого поста.

— А Людвиг слишком молод.

— У него всё впереди.

— Что именно? О чём ты недоговариваешь?

— Ребёнок Бенедикта ещё даже не родился, — прямо заявил отец. — Если с ним что-то случится, кто-то должен будет занять трон. Ты согласен, Кевин?

— Согласен, — подтвердил седой рыцарь.

— Совет баронов тоже не станет возражать.

— Стой! — рявкнул я. — Людвиг претендует на трон? Какого чёрта?! Ты же отказался от прав наследования! Отказался за себя и своих детей!

Отец улыбнулся.

— Не всё так просто, Кейн. Не всё так просто. Я подписал отказ за себя, тебя и всех будущих детей. Но, видишь ли, на тот момент Людвиг уже

жил в чреве своей матери. Можешь проверить даты. Поэтому прекрати истерику, всё решено. Бароны утвердят его регентом на следующем совете.

Я закрыл глаза, несколько раз глубоко вдохнул, прогоняя дурманящую разум ярость и уже совершенно спокойно произнёс:

— Что ж, если речь зашла о формальностях, то я отказ от прав не подписывал. Ты не имел права решать за меня.

Отец пожал плечами.

— И что с того?

— Если созовёшь совет, я приду на него.

— И что ты скажешь?

Вместо ответа я выставил перед собой руку и стиснул пальцы в кулак, демонстрируя княжеский перстень. Царившие в тронном зале тени, так и затрепетали вокруг розы чёрного серебра.

Глаза отца опасно сузились, он шагнул ко мне, но сразу остановился и спросил:

— Откуда он у тебя?

Я тряхнул рукой, и перстень исчез, оставив после себя один лишь холод.

— Неважно. Главное, что он у меня. Созовёшь совет, я потребую утвердить регентом себя.

— Тебя никто не поддержит! Здесь все наслышаны о твоих похождениях!

— А тебя прозвали Отрёкшимся! — в сердцах выпалил я, мысленно обругал себя за несдержанность и махнул рукой: — Ладно, ближе к делу! Мой отказ от поста регента в обмен на сохранение статус-кво — как думаешь, насколько хорошей сделкой это покажется баронам? Станут они раскачивать лодку? Скольких ты сумеешь перетянуть на свою сторону?

Отец нахмурился и спросил:

— Зачем ты здесь?

Я лукавить не стал и ответил чистую правду:

— Чтобы отыскать убийцу Бенедикта.

— Он просто умер. Умёр и всё! Никто его не убивал!

— Я в это не верю.

— Ясно, — хмыкнул Патрик, немного поколебался, но ничего больше говорить не стал и направился на выход. — Людвиг, идём! — позвал он сына и вышел за дверь.

Я тихонько рассмеялся, но на сердце было беспокойно.

— Он этого так не оставит, — предупредил Кевин Свори.

Мог бы и не говорить. Лично у меня сомнений в этом не было ни

малейших.

После разговора с отцом я не стал возвращаться на постоянный двор, вместо этого попросил Кевина осмотреть покои брата.

— Что ты хочешь там увидеть? — удивился Свори. — Столько времени прошло!

— Просто осматрюсь, — пожал я плечами, бездумно прокручивая на пальце обжигавший холодом перстень.

— Ты и в самом деле считаешь, что его убили? — нахмурился седой рыцарь. — Кейн! Он просто заснул и не проснулся! Такое случается!

— Не в двадцать пять. Сколько на твоей памяти людей его возраста просто... — сделал я акцент на этом слове, — не просыпалось?

Старик промолчал и крытой галереей повёл меня в старое крыло, где располагались княжеские покои.

— Бенедикт не злоупотреблял... северными травами? — спросил я некоторое время спустя.

— Он даже вином не злоупотреблял, — глухо ответил Кевин и начал подниматься по крутой винтовой лестнице, но сразу остановился и обернулся. — Он умер и его не вернуть, Кейн. Просто умер. Господин Улыбчивый не нашёл ни яда, ни магии.

Улыбчивым прозвали колдуна, нашедшего приют в замке ещё во времена правления деда. Подобно многим своим коллегам он бежал на север из-за устроенных церковниками чисток, и не приходилось сомневаться ни в его преданности, ни в знаниях.

— Значит, это был не яд, — только и сказал я. — И не магия.

Кевин Смит досадливо крикнул и продолжил подъём.

Княжеские покои встретили тишиной и темнотой. В них давно не топили, было холодно и сыро, пахло пылью и почему-то свечным дымом. Не иначе натянуло сквозняком.

— Я подожду тебя здесь, — заявил седой рыцарь в гостиной.

— Хорошо, — кивнул я и зашагал через комнату, но сразу заметил полоску света под дверью и положил ладонь на рукоять меча. — Кевин, кто здесь может быть?

— Должно быть, это Густав, — предположил регент, ухватил меня за руку и слегка стиснул предплечье своими худыми, но очень цепкими

пальцами. — Прекрати, Кейн! Густав был при Бенедикте кем-то вроде компаньона. Они дружили с детства. Да ты его помнишь!

Я высвободил руку, но послушал рыцаря и за оружие хвататься не стал. Распахнул дверь — та вела в библиотеку. Вдоль стен стояли высоченные шкафы, их полки прогибались под тяжестью увесистых томов. Всё терялось в темноте, только на заваленном книгами столе трепетал одинокий огонёк свечи.

— Кто здесь?! — раздался встревоженный голос, и под скрип половиц из тёмного прохода меж стеллажами к нам вышел высокий молодой человек с нездорово-бледной кожей и глазами книжного червя, красными и припухшими. — О, господин Свори, это вы...

— Здравствуй, Густав, — поприветствовал его регент. — Наводишь порядок?

— Так и есть. Бенедикт терпеть не мог, когда трогали книги, с которыми он работал.

— Вот уж не знал, что Бенедикт увлекался чтением! — не сдержал я удивления.

Библиотекарь озадаченно заморгал, и Кевин Свори представил меня, отвечая на явственно читавшийся в его взоре вопрос:

— Это Кейн, — сообщил седой рыцарь. — Брат Бенедикта.

— Милорд! — встрепенулся Густав. — Столько лет прошло! Столько лет!

Я подошёл к столу и с интересом оглядел громоздившиеся на нём солидные тома в потёртых кожаных переплётах.

— Так Бенедикт увлёкся чтением?

— Не слишком. Его интересовали сочинения по истории Северных земель и генеалогии княжеских родов, — ответил Густав.

— Удивительно, — хмыкнул я и обернулся к Кевину. — Идём?

— Княжеская спальня этажом выше, — указал старый рыцарь на очередную винтовую лестницу.

В спальне я сразу отодвинул с окон тяжёлые занавеси, но светлее не стало. Пришлось отправить за свечами увязавшегося за нами библиотекаря. В их отсветах я оглядел аскетичную обстановку комнаты, немалую часть которой занимала огромная кровать, и спросил:

— Здесь его нашли?

— Да, — подтвердил Кевин Свори.

Я прислушался к своим ощущениям и не уловил ровным счётом ничего особенного. Наивной надежде, будто меня посетит некое наитие, стоит только очутиться на месте гибели брата, сбыться оказалось не

суждено.

А лишь вытянул перед собой левую руку в попытке уловить остатки чужеродной магии, и сразу шумно втянул в себя воздух стоявший за спиной библиотекарь.

Я обернулся и наткнулся на ошеломлённый взгляд парня.

— Княжеский перстень! — прошептал Густав. — Он у вас!

— Так и есть, — нехотя подтвердил я, потрянул кистью и массивный перстень с розой чёрного серебра истаял, растворился в тенях опочивальни.

Кевин Свори досадливо поморщился и многозначительно заявил:

— Надеюсь, ты не станешь об этом распространяться, Густав?

— Нем как могила, — уверил нас библиотекарь. — Просто перстень пропал сразу после смерти Бенедикта...

— Как видишь, не пропал, — отмахнулся я, прошёлся по комнате и спросил: — Густав, мой брат не был чем-то обеспокоен в последние дни?

— Нет, — быстро ответил парень. — А что? Полагаете, его смерть не случайна?

— Просто хочу во всём разобраться, — пожал я плечами.

Библиотекарь покачал головой.

— Нет, всё было как обычно. Мы должны были ехать в Ведьмину плешь на следующий день.

При этих словах на меня накатили детские воспоминания, и я невольно рассмеялся.

— Он так и навевался в гости к демонам?

Ответил Кевин Свори, с тяжёлым вздохом признав:

— Каждый месяц, всегда перед полной луной. Я этого не одобрял, но он не желал ничего слушать.

Ведьминой плешью называли проклятые земли в самом центре северных княжеств, откуда в наш мир проникали всяческие потусторонние твари. Растения там перерождались в нечто невообразимое, и с каждым годом, с каждым днём проклятие понемногу расширяло свои владения. Сдерживать его удавалось с превеликим трудом.

Бенедикта с самого детства манили тайны смертоносной пустоши. Мой брат умудрялся пробираться в такие места, где любого другого поработили бы населявшие те места бесы, но даже ему не удалось разгадать тайну возникновения этой противоестественной аномалии.

— Значит, ничего необычного? — без особой надежды уточнил я напоследок.

Библиотекарь покачал головой.

— Думаете, смерть Бенедикта не случайна? — вновь спросил он.

Я только развёл руками, и мы спустились в библиотеку.

— Нам сюда, — потянул седой рыцарь меня в глубину помещения.

По крытому переходу мы перешли в соседнюю башню, и там я не выдержал:

— Куда мы идём?

— Ты идёшь засвидетельствовать почтение вдове брата, а я тебя сопровождаю.

Я замер на месте.

— Нет!

Кевин Свори вздохнул.

— Сам посуди, Кейн, твоё присутствие в замке уже не тайна. Интерес к обстоятельствам смерти брата тоже долго в секрете не продержится. Если ты не наведишь его вдову, люди сделают неправильные выводы. Ты точно хочешь этого?

Я беззлобно выругался и махнул рукой.

— Веди!

Встреча с вдовствующей княгиней оставила ощущение тягостного недоумения. Точнее — впечатление тягостного недоумения оставила она сама.

Вдова брата оказалась юной девицей с не слишком привлекательным лицом, одутловатость которого при всём желании нельзя было списать исключительно на одну только беременность. Лишь ярко-рыжие волосы и пронзительно-жёлтые глаза не позволяли счесть её серой мышкой.

Но волосы были редкими, а глаза сонными, поэтому на вдову брата я лишний раз старался не смотреть и всю беседу украдкой изучал стоявшую за её спиной парочку.

Командовать охраной, как предупредил Свори, княгиня поручила собственному кузену, а от стройной платиновой блондинки столь явственно веяло зноем летнего полдня, что никем иным кроме как огненной ведьмой она оказаться не могла.

Ничего удивительного в этом не было. Гербом княжеского рода Ронли издревле являлся огненный мак, и многие колдуны дома Огня нашли там приют, как укрылись от гнева Церквы в Альме повелители стихии воды.

Под конец аудиенции я поинтересовался, не был ли Бенедикт чем-то озабочен в последние дни, но княгиня лишь покачала головой.

— Покойный супруг с головой ушёл в какие-то исторические исследования, — сообщила она, промокая платочком выступивший на лице пот, — но со мной он это не обсуждал. Не считал нужным. А у меня были

другие заботы.

Вдова брата говорила очень медленно и размеренно, многозначительно положив ладонь на округлившийся живот, и я не стал её больше ни о чём расспрашивать. Поспешил раскланяться и в компании Кевина Свори отправился к задним воротам замка.

— Бенедикт столь сильно нуждался в деньгах? — спросил я, когда нас никто не мог услышать. — Сколько приданного ему посулили?

Седой рыцарь подёргал себя за вислый ус и покачал головой:

— Кейн, князь Ронли был против брака. Бенедикт выкрал её, дело чуть до войны не дошло.

Я замер на месте с разинутым ртом.

— Что?! Из-за этой...

— Больше уважения, когда говоришь о матери нашего будущего князя! — резко осадил меня Кевин, вздохнул и уже мягче добавил: — Или княгини...

— Ты ведь не будешь спорить, что она далеко не красавица!

— Любовь зла.

— Воистину так! — согласился я и прищёлкнул пальцами. — Постой, а что с престолонаследием в Ронли?

— Она лишена всяких прав на престол.

— Лишена? Уже после побега?

— Пустая формальность. Не так-то просто обойти двух старших братьев и сестру.

— Ничего не понимаю! — признался я, потёр начавший ныть бок и уточнил: — Эта парочка, ведьма и кузен, они здесь с самого начала?

— Да, помогали устроить побег.

— Какая-то комедия абсурда! — фыркнул я и зашагал к воротам. — Ладно, не стоит заставлять моего спутника ждать. А то он ещё вообразит себе невесть что...

Когда мы вернулись в «Печеное яблоко» на краю стола уже громоздилось несколько пустых блюд, а ослабивший ремень Арчибальд откинулся на спинку кресла и пил яблочное бренди. После плотной трапезы он казался ословелым, но взгляд имел острый и ясный. Рука лежала у рукояти кинжала.

— Как всё прошло? — спросил инквизитор.

В несколько глотков я допил своё успевшее остыть вино и пожал плечами.

— Отбились.

Кевин Свори хмыкнул, кинул плащ на пустое кресло и уселся за стол.

— Всё только начинается, — заявил он, разминая сухие запястья.

Я оторвал от запечённой с яблоками утки лапу, откусил, без всякого аппетита прожевал и решил прояснить ситуацию:

— Каков расклад сил в совете? С кем успел договориться отец? На общую поддержку Лейми он рассчитывать не может, значит — Мальтори?

Седой рыцарь кивнул.

— Хватит у них влияния протащить нужное решение?

— Нет, не думаю, — покачал головой Кевин. — Не с твоим перстнем. К тому же барон Далькири на нашей стороне.

Мне это имя ничего не говорило, и я вопросительно посмотрел на старика.

— Карл Далькири, — пояснил регент. — Твой брат ему благоволил. В юности они вечно устраивали какие-то совместные авантюры.

Точно! Я прищёлкнул пальцами, припомнив долговязого паренька, неперменного спутника моего брата.

Бенедикт, Густав и Карл, три неразлучных друга.

При воспоминании о брате защемило сердце.

— После смерти старого барона Карл стал главой клана, — сообщил седой рыцарь, наливая себе вина. — Иногда он сопровождал Бенедикта в Ведьмну плешь, а в остальное время околачивался со своими людьми на севере.

— Ходил за скальпами? — уточнил я, имея в виду набеги на приграничные поселения эльфов.

— Не думаю, — покачал головой Кевин. — Раз, может — да. Не больше. Прodelывай он это постоянно, я бы знал. В любом случае, сейчас под рукой Карла дюжина рыцарей и под две сотни бойцов. Дрянь людишки, наёмники большей частью, но они ему верны.

— Серьёзная сила, — произнёс Арчибальд. — Хорошо, что они на нашей стороне.

— Мечами людей не накормишь! — резко обернулся к нему регент. — Неурожай! Не случись летом засуха, я бы и слушать вас не стал! Люди не любят церковников, будет непросто убедить их принять восстановление монастыря!

— Зерно поможет им смириться с этим, — резонно отметил здоровяк и спросил: — Вы просмотрели бумаги?

Кевин Свори страдальчески поморщился, потом кивнул.

— Посмотрел.

— И?

Регент сунул руку под плащ, вытянул листы и кинул их на стол.

— Я вынужден принять ваши условия, но даже не думайте получить что-то сверх этого! — предупредил рыцарь, допил вино и поднялся из-за стола. — Пусть приезжает настоятель, я всё организую. Только обойдитесь без лишней помпы! Людям понадобится время, чтобы свыкнуться с возвращением церковников в Тир-Ле-Конт.

Он покинул комнату, и Арчибальд остро взглянул на меня.

— Чего добивается твой отец?

— Власти, чего же ещё, — усмехнулся я и принялся обглаживать утиную ногу.

Арчи вдруг встрепнулся, приложил палец к губам и необычайно ловко и бесшумно для человека столь мощного сложения скользнул из стола за ширму у лестницы.

Я недоумённо хмыкнул, но остался сидеть на месте, лишь незаметно нашарил рукоять кинжала. Какое-то время ничего не происходило, и мне уже начало казаться, что инквизитор всполошился напрасно, но тут с первого этажа поднялся жуликоватого вида паренёк, весь какой-то скользкий и вертлявый. Незванный гость воровато огляделся, расплылся в щербатой улыбке и шагнул к столу.

— Мастер Кейн! — обратился он ко мне, изрядно раздосадовав своей осведомлённостью, и провёл пальцем от кончика носа до уха.

— Говори! — разрешил я, никак не отреагировав на условный знак, принятый в среде местных теней.

— Всякая тень, прибыв в новое место, обязана явиться к старшему...

— Я не тень!

— В Альме вы связали себя обязательствами, — заявил жулик. — Мы так же связаны обязательствами с Альме, поэтому...

У меня и в самом деле были определённые связи в воровской среде, но сам я никогда не относил себя к ним и потому резко потребовал:

— Умолкни!

Посыльный от удивления даже перестал коситься на стол, но моему требованию не внял.

— Это неправильно!

— Если ваш старший ходит под теньями Альме — это его проблемы и заботы. Я под ними не хожу.

Жулик полез под куртку, но Арчи моментально оказался у него за

спиной, одной рукой обхватил, другой стиснул шею.

— Пикнешь, голову сверну, — предупредил он.

Посыльный захрипел.

— Что такое? — прорычал ему на ухо инквизитор.

— Карман...

Я поднялся из-за стола, охлопал промокшую от дождя куртку и вытянул из потайного кармашка имперский серебряный щит. По краям монеты шли глубокие зарубки.

— Что это? — спросил Арчи.

— Послание доставлено, — быстро произнёс жулик.

— Послание? — хмыкнул я, пряча монету в карман. — Что ж, у меня тоже есть послание.

— Поищи другого посыльного! — нагло скривился паренёк и немедленно получил от державшего его здоровяка открытой ладонью по уху.

Пока он тряс головой, я достал нож.

— Для такого послания, — улыбнулся я, — сгодится не каждый. Но не волнуйся, ты подойдёшь в самый раз.

Жулик взглянул хищное лезвие без всякого страха. Не иначе папа изрядно преувеличил мою известность среди северян.

Но вот Арчи знал меня достаточно хорошо.

— Что ты собрался делать? — забеспокоился он.

— Просто поддержи его, пока я буду вырезать глаз.

— Нет!

— Почему?

— У меня новые штаны! Не хочу отстирывать кровь! — объявил инквизитор, зажал своей лапищей рот посыльного и предложил: — Давай я просто сверну ему шею?

Парень задёргался, но безуспешно.

— Не нужно, — остановил я инквизитора. — Нет в этом, как бы тебе объяснить... Изящества? Точно, изящества! Вот если он принесёт старшему собственный глаз, это заставит относиться ко мне всерьёз.

Лезвие легонько скользнуло по лицу посыльного, из разреза на коже выступила капелька крови. Скатилась по скуле, капнула на воротник, и тут же набухла ещё одна.

— Слушай меня внимательно, — произнёс я тогда. — Запомни сам и Расскажи остальным: это мой город. Мой! Понял? И вы будете ходить на поклон ко мне, а никак не наоборот. Следующего, кто встанет на мою тень, я заставлю сожрать собственные яйца! Или глаза. Или то и другое! Уяснил?

Парень лихорадочно закивал, тогда Арчи развернул его лицом к лестнице и пинком под зад спустил на первый этаж. Снизу послышался шум недовольных голосов, но вскоре всё затихло, наверх никто не поднялся.

— Вечно у тебя всё не просто так, — проворчал здоровяк, взяв со стола кружку с вином.

Я спрятал нож, накинул плащ и позвал Арчи за собой.

— Пройдёмся, покажу тебе город.

— В такое время?

— Время самое подходящее...

5

«Печеное яблоко» мы покинули через заднюю дверь. Дождь к этому времени стих, но облака не рассеялись, и полная луна проглядывала через их пелену размазанным жёлтым пятном.

— Брр, — поёжился Арчи, кутаясь в тёплый плащ. — И чего тебе только в трактире не сиделось? В такую погоду хозяин из дома собаку не выгонит!

Я не обратил на ворчание инквизитора никакого внимания и свернул на узенькую боковую улочку. Под ногами влажно зачавкала грязь, но память не подвела, и долго блуждать по ночному городу не пришлось. Вскоре мы спустились в погребок с настезь распахнутыми окнами под потолком. Из-за этого внутри было прохладно, но иначе сквозняк попросту не смог бы выносить наружу дым и чад.

— Ну и дыра, — вздохнул Арчибальд, с мрачной миной озирая полутёмное помещение и его не слишком презентабельных посетителей. — Надеюсь, мы пришли сюда не просто так? Есть какая-то цель?

Я ничего не ответил, кинул на стойку мелкую серебряную монету и велел налить пару кружек осеннего портера.

— Да ты просто издеваешься, Кейн! — прошипел здоровяк у меня за спиной. — Мы будем здесь пить?

— Будем, — подтвердил я, взял кружки с чёрным пивом, на поверхности которого плавала тоненькая плёнка липкой пены, и ушёл в дальний угол, где загодя приметил свободный стол.

Колченогий табурет зашатался и заскрипел под моим весом, но не развалился. Арчи навис над столом и с укором спросил:

— Что мы здесь забыли?

Возмущение его было вполне объяснимо: больше всего заведение походило на воровской притон, и публика здесь подобралась соответствующая. Битая жизнью, резаная собутыльниками, беспокойная и резкая.

Впрочем, мы с Арчи на общем фоне несколько не выделялись, и если поначалу завсегдатаи ещё кидали на нас пристальные взгляды, то после заказа портера потеряли всякий интерес. Сошли за своих, полагаю.

Я взял одну из кружек, глотнул пива и расплылся в блаженной улыбке.

— Вино у вас на юге, конечно, неплохое, но хорошего пива днём с огнём не сыскать.

— Мы пришли сюда пить пиво?

— Лучшее пиво в городе, между прочим. А значит, во всех Северных княжествах.

Арчибальд оглядел посетителей и покачал головой.

— По публике так и не скажешь.

Вместо ответа я указал на вторую кружку. Здоровяк приложился к ней, потом вытер губы и одобрительно хмыкнул.

— Неплохо. Ничего выдающегося, но очень даже неплохо.

Он тут же сделал новый глоток, и я понимающе улыбнулся. Ничего выдающегося, ну да...

Поняв, что мы здесь надолго, Арчи подтянул скамью от соседнего стола, уселся на её край и вновь глотнул портера.

— Согревает! — удивился он.

— Ты ещё зимний не пробовал, — улыбнулся я, осушил кружку и передвинул её инквизитору. — Давай ещё по одной. Только не плати, я дал достаточно.

Инквизитор сходил за пивом, вернулся и спросил:

— Ну и что было в замке?

— Тебе какая разница?

— Просто интересно.

Я криво ухмыльнулся, но запираяться не стал и сказал, как есть:

— Пока ничего не узнал.

— Но от своего не отступишься?

— А чем ещё прикажешь заниматься?

Арчи задумчиво провёл ладонью по шершавой каменной стене и честно признал:

— Сейчас твоя одержимость нам только на руку. Без тебя никак не обойтись, и если бы ты решил податься в бега...

— Я держу слово.

На открытой физиономии здоровяка отразилось явственное сомнение. Он достаточно хорошо успел меня изучить, чтобы не принимать подобные заявления всерьёз.

— Рад, что наши интересы совпадают, — усмехнулся инквизитор, влил в себя остатки пива и многозначительно заметил: — Не хотелось бы привлекать тебя к ответу за срыв сделки. Она очень важна для нас.

Церковь давно не имела никакого влияния в Северных княжествах, и едва ли восстановление одного-единственного монастыря могло хоть как-то переломить ситуацию. Вот только за этой затеей стояли конкретные люди, по ним и ударит провал. А они ударят по мне. Ничего личного, просто никому не хочется оставаться крайним.

Арчи тяжело поднялся из-за стола, взял пустые кружки и ушёл к стойке. Обратно он вернулся с пивом и копчёными рёбрышками.

— Твой старик толковал о неурожае, а мясо недорогое.

— Кормить скот нечем, вот и режут. Скоро всё изменится. Княжеская казна не в том состоянии, чтобы закупать провизию для горожан. К середине зимы начнётся голод.

— Бесплатная пайка — отличный стимул вернуться в лоно Церкви, — цинично заметил здоровяк.

Я отпил пива и кивнул. Пока всё складывалось для церковников вполне удачно.

Вот только отец... Он легко мог нас переиграть.

От этой мысли по спине у меня побежали колющие мурашки.

Кабак я покинул в изрядном подпитии.

— Как думаешь, регент не передумает? — спросил Арчибальд, когда мы мочились в сточную канаву неподалёку.

В голове у меня приятно шумело, поэтому я не понял приятеля, икнул и спросил:

— О чём ты?

— Старик не пойдёт на сделку с твоим отцом?

Я только посмеялся.

— Нет, не пойдёт. Он на него зол.

— А что так?

— Папа разозлил деда своим отречением. Не знаю, что тогда между ними произошло, но с тех пор они не общались. А Кевин уважал деда, как не уважает больше никого.

— Личная неприязнь? — задумчиво протянул Арчи. — Что ж, иной раз играет свою роль и это.

Я подтянул штаны и первым зашагал по улице, поэтому шагнувшую навстречу тень заметил тоже первым. Заметил и без колебаний выдернул из ножен кинжал.

Незнакомец со скрытым глубоким капюшоном лицом поспешил выставить перед собой открытые ладони.

— Мастер Кейн, — прошелестел едва слышный шёпот, — я просто хочу поговорить.

Голос был слишком тихий, чтобы различить, принадлежит он мужчине или женщине, а стоило только Арчибальду шагнуть вперёд, и тень немедленно попятилась назад.

— Прошу, не приближайтесь. Это лишнее.

— Стой! — остановил я инквизитора, не понаслышке зная, сколь легко затеряться ночью на извилистых улочках города, и потребовал: — Говори!

— Теням приказано выставить вас из города.

— Приказано? — не поверил я. — С чего бы это?

— Старший ссылается на Альме.

Я хмыкнул и как бы невзначай огляделся по сторонам, но улица была пуста.

— Никто в Альме не может знать о моём приезде в Тир-Ле-Конт, — заявил я после этого и тут же понял, что одному человеку из Альме известно об этом доподлинно.

Моему отцу.

Но говорить об этом таинственному собеседнику я не стал. Впрочем, того мой резкий ответ несколько не смутил.

— Неважно, кто что знает, а кто чего не знает, — прошелестел едва слышный ответ. — Важно, что говорит старший.

И с этим утверждением было не поспорить.

— Так понимаю, речь о том, что наша проблема он и только он? — напрямую спросил Арчибальд.

— Именно.

— Но нельзя просто взять и убить старшего, — вздохнул я. — На нас ополчатся тени всех Северных земель!

— Не придётся никого убивать, — уверила нас тень. — Ходят упорные слухи, что в общий котёл от нас уходит куда меньше, чем положено. Если это вскроется, старший не жилец. В Альме такое не простят.

— И как это может вскрыться? — заинтересовался я.

— Счётные книги ведёт Джаспер Мори по прозвищу Свин. Вам это интересно?

Мы с Арчи переглянулись, и здоровяк кивнул.

Разговор затянулся до рассвета. Мы вновь вернулись в подвальчик и заняли там самый тёмный угол, только на пиво уже не налегали, заказав по кружке только для виду. Всю беседу я пытался разглядеть скрытое густой тенью лицо собеседника, но тот не стал полагаться на один лишь капюшон: поднятый шарф оставлял открытыми только глаза. Именно из-за плотной ткани голос и казался столь безликим и приглушённым.

Тень ушла первой, мы с Арчи задержались допить портер, а когда поднялись на улицу, там уже никого не было. Светать ещё толком не начало, но непроглядным мрак не казался: тучи рассеялись и город заливала своим призрачным светом полная луна, висевшая, казалось, над самыми крышами домов.

— Что скажешь? — повернулся тогда ко мне инквизитор.

— А что я могу сказать? Это ты у нас людей насквозь видишь.

— А ты общаешься со всяким отребьем.

— Резонно, — усмехнулся я и зашагал по улице, потом сказал: — Ненависть.

— Ненависть?

— Ненависть. Её не спрячешь. Она прорывается меж слов, будто шило из мешка. Дело не в деньгах или власти. Ненависть много глубже.

— Согласен, — кивнул Арчибальд. — Но кто истинная цель? Старший или этот Свин? Нас могут втянуть в чужую вендетту.

— Могут, — признал я. — Не будем спешить. Посмотрим, как поведут себя тени.

Арчи сплюнул под ноги, и мы отправились к «Печёному яблоку», но у заднего двора трактира я придержал инквизитора за руку и прошептал:

— Постой!

Что-то было не так. Что-то было неправильно.

Лошади! Неподалёку беспокойно ржали лошади, и не в стойлах, не в конюшне. Ржание доносилось с улицы.

Я вытянул из ножен кинжал, укрыл его под полый плаща и двинулся вдоль забора. Здоровяк не стал приставать с расспросами, пригнулся и молча двинулся следом. В его руке бесшумно возник зачернённый клинок.

— Тише! — придержал я инквизитора и осторожно выглянул из тёмной подворотни на улицу.

У таверны напротив постоянного двора стояла телега; запряжённые в неё коняги беспокойно фыркали и били копытами о мостовую. Рядом топтались три крепыша в мундирах городской стражи.

— Что происходит? — заинтересовался Арчи.

— Понятия не имею, — сознался я, но тут входная дверь распахнулась, и на улицу вышел высокий седой старик в сопровождении двух гвардейцев, звеневших при каждом шаге длинными кольчугами.

— Он-то что здесь забыл? — удивился инквизитор, узнав Кевина Свори.

Я убрал кинжал в ножны и спокойно зашагал к телеге.

— Стой! — прошипел в спину здоровяк; я только отмахнулся.

Арчи немного помялся, а потом спрятал клинок под плащ и не без опаски, но всё же двинулся следом.

При нашем приближении один из стражников выдвинулся навстречу, загораживая дорогу, и тогда Кевин Свори требовательно прищёлкнул пальцами.

— Пропустить! — распорядился он.

Мы подступили к высокому крыльцу, и я с интересом глянул на оставленную распахнутой дверь.

— Что там?

— Убийство, — коротко ответил седой рыцарь и велел своим спутникам: — Выносите тела!

Я двинулся было вслед за ними, но регент придержал меня за руку.

— Не стоит.

Подобная таинственность меня изрядно заинтриговала. Убийства в кабаках вовсе не редкость, но мало какая из пьяных поножовщин привлекает внимание первого лица княжества.

— В самом деле?

— Не мешай людям работать.

— У стены постою.

Кевин Свори сдался и разжал пальцы. Я вошёл в обеденную залу, Арчибальд проследовал за мной.

Вопреки опасениям крови не было. Вообще. Ни капли. Да и на мертвецов сидевшие за круглым столом картёжники нисколько не походили. Они просто неподвижно замерли на месте, словно время остановило для них свой бег, превратив людей в безжизненные статуи.

Гвардейцы ухватили одного из покойников под руки, вытащили из-за стола и поволокли на выход.

— Что за дела, Кевин? — повернулся я к седому рыцарю.

Тот досадливо поморщился.

— Не распространяйся об этом. С тобой это никак не связано.

— Да неужели? — проворчал Арчи, разглядывая закаменевшие тела. — Мы приехали в город и вдруг такое... совпадение?

— Такое совпадение случается каждое полнолуние, — с неохотой просветил нас Свори и указал на выход. — Идёмте!

Мы перешли через дорогу, дождались, когда заспанный слуга отперёт дверь постоянного двора, и поднялись на второй этаж. Там я сразу взял со стола кувшин и напился колодезной воды.

— Какая-то ушлая тварь из Ведьминой плечи умудрилась проникнуть в город, — сообщил Кевин Свори, тяжело опускаясь в кресло. — Она убивает каждое полнолуние. Не помогают ни усиленные патрули, ни обереги господина Улыбчивого. Люди напуганы. Мы просто пытаемся предотвратить слухи.

— К утру окажется, что те парни просто повздорили за игрой в карты и перебили друг друга? — догадался Арчи. — Так вы это представите?

— Так, — кивнул седой рыцарь.

— Бенедикт умер в полнолуние? — резко спросил я.

— Нет, — покачал головой регент. — За несколько дней до полной луны.

— А убийства случаются только в полнолуния? — уточнил Арчибальд.

— Только в полнолуния.

— И то полнолуние не стало исключением?

Кевин Свори тяжело вздохнул.

— Семья из пяти человек.

— Давно это началось? — спросил тогда я.

— С год назад.

— И до сих пор нет предположений, что это за тварь?

— Ни малейших, — ответил Кевин и хлопнул ладонью по колену. — Но волноваться тебе стоит совсем о другом. Один надёжный человек по секрету сообщил, что Мальтори намереваются созвать совет баронов.

Я невесело рассмеялся.

— Отец добрался до него!

— А были сомнения?

— Ни малейших.

Арчи посмотрел сначала на меня, затем перевёл взгляд на регента и спросил:

— И что мы предпримем в ответ?

Кевин Свори тяжело поднялся из-за стола и пожал плечами.

— У Мальтори не хватит влияния сместить меня. Патрику придётся перетащить на свою сторону кого-то ещё.

— Он постарается, — вздохнул я.

— Надо встретиться с Карлом Далькири, — решил седоусый рыцарь. — Он себе на уме, но слово держит. В альянсе с ним мы удержим совет под контролем.

Я кивнул. Вся эта политическая возня мало занимала меня, но если отцу удастся сместить Кевина Свори, на расследовании смерти Бенедикта можно будет поставить жирный крест. Никто не позволит ворошить прошлое.

7

Утро навалилось тошнотой. Я в несколько длинных глотков влил в себя воду из стоявшего у кровати глиняного кувшина, но лучше не стало. И дело было не только в осеннем портере, скорее даже совсем не в нём.

Ненавижу просыпаться. Просто ненавижу.

Кое-как разлепив глаза, я выбрался из постели, куда завалился уже под утро полностью одетым, натянул сапоги и доковылял до окна. Слегка приоткрыл штору, и глаза немедленно резанул невыносимо-яркий дневной свет.

На самом деле был он по-осеннему тусклым, но мне хватило и этого; из глаз потекли слёзы.

Я прошипел проклятие, вышел из своей комнаты в общую залу, где на столе со вчерашнего дня так и громоздились грязные блюда, и заглянул в уборную. Облегчился в ведро с водой, умылся у ручейника и почувствовал, что начинаю возвращаться к жизни.

То ещё ощущение, на самом деле.

Когда я спустился на первый этаж, там царила гробовая тишина. Людей со стороны не было, постояльцы молча завтракали и украдкой посматривали в окно на таверну, где вчера разыгралась трагедия. То ли все хорошо знали погибших картёжников, то ли кто-то из прислуги не удержал языка за зубами, но атмосфера была самая гнетущая.

Я остановил молодую разносчицу с покрасневшими от слёз глазами, попросил принести травяного чая и напомнил о неубранном столе на втором этаже. Та шмыгнула носом и убежала, но о моей просьбе не забыла и вскоре вернулась с чайником.

Пока я осторожно потягивал горячий настой трав, вниз спустился

Арчи. Он кружкой подогретого вина ограничиваться не стал и плотно позавтракал яичницей с беконом и жареной кровяной колбасой.

— Как думаешь, что это была за тварь? — спросил после этого инквизитор, задумчиво поглядывая на остатки колбасы.

— Не знаю, — покачал я головой. — Никогда с таким не сталкивался.

Неведомое существо словно вытянуло из людей жизнь и тепло. И вытянуло в один-единственный миг. Вот ещё только они играли в карты, пили вино и ругались из-за проигрышей, и вдруг превратились в тронутые трупным окоченением тела, холодные и застывшие.

— Демонов в Ведьминой плешу превеликое множество, — произнёс я больше для себя самого.

Хотелось верить, что ниточка приведёт к убийце Бенедикта, но я прекрасно осознавал, сколь ничтожно мала вероятность этого. С тем же успехом можно было в качестве одной из версий рассматривать месть владельца Ронли за нанесённое ему похищением дочери оскорбление.

Арчибальд поднялся из-за стола, подошёл к окну и выглянул на улицу.

— Скоро полдень, — сообщил он, вернувшись за стол. — И где твой старик?

— Приедет, — отмахнулся я, и точно: не успел ещё инквизитор толком прожевать последний кусок колбасы, дверь распахнулась и на пороге возник гвардеец, один из тех, что вывозил вчера из таверны трупы.

Служивый обвёл внимательным взглядом постояльцев, незаметно кивнул нам и скрылся на улице.

— Пойдём, — поторопил я приятеля, взял плащ и направился на выход.

Арчибальд затопал следом.

— Что ты можешь сказать об этом бароне? — спросил он, нагнав меня у двери.

Я лишь отмахнулся, накинул на голову капюшон и шагнул на улицу. Неяркий свет осеннего утра резанул по глазам, но я пересилил себя и не юркнул обратно в уютный полумрак харчевни, а вместо этого сделал глубокий вдох и спустился с крыльца.

Гвардеец неспешно удалялся по улице, мы двинулись вслед за ним.

— Так чего нам ждать от барона? — напомнил Арчи о своём вопросе.

Я только пожал плечами.

Когда последний раз я видел Карла, он на пару с Бенедиктом выдумывал всяческие проказы, доставалось за которые обыкновенно невезучему Густаву. Полагаю, тот предпочёл бы протирать штаны в библиотеке, но дружба с наследником престола не оставляет места для

собственных желаний. Зато теперь все книги в его распоряжении...

Я зло сплюнул под ноги и ускорил шаг.

— Немного от тебя пользы, — проворчал шумно сопевший за спиной Арчибальд.

— Карл резкий и скорый на решения. Я бы поостерегся ему доверять, но мы и не собираемся, так? Просто заключим сделку. А то, что он был дружен с Бенедиктом, нам только на руку. К слову, отец его терпеть не мог.

— Уже кое-что, — кивнул Арчи, принимая мои слова к сведению. — Как, по-твоему, пара сотен бойцов для не слишком многочисленного клана — это не перебор?

— Полагаю, Бенедикт желал иметь рычаг влияния на совет баронов.

— Да, но откуда деньги на их содержание?

Ответа на этот вопрос я не знал, не стал даже гадать. Свернул за гвардейцем и забрался в стоявшую за углом карету к уже ожидавшемуся нас Кевину Свори. Арчибальд влез следом и прикрыл дверцу, тогда кучер взмахом вожжей заставил лошадей тронуться с места. Сзади пристроились два верховых стражника.

— Плохо выглядишь, Кейн, — отметил седоусый рыцарь.

Я стянул перчатки, размял пальцами занемевшее лицо и растянул губы в фальшивой улыбке.

— Пройдёт.

Регент кивнул и с расспросами приставать не стал. А вот я решил не отмалчиваться и задал вопрос, который следовало задать ещё вчера:

— Говоришь, Бенедикт любил жену, раз похитил её из отцовского замка, так? А она? Она любила его?

Кевин Свори посмотрел на меня с нескрываемым укором.

— Всё случилось по обоюдному согласию, — уверенно заявил рыцарь.

Я задумался, о чем ещё могу спросить, но в тряской карете вновь вернулась тошнота, поэтому просто уставился в боковое окошко и принялся бездумно смотреть на вымоченные осенним дождём дома.

Очень скоро карета выехала за городские ворота и начала расплёскивать скрипучими колёсами жидкую дорожную грязь. На выезде нас дожидался ещё десяток бойцов, и теперь эскорт стал представлять немалую силу.

— В этом есть необходимость? — удивился я. — Могут перехватить по дороге?

— Нет! — хрипло рассмеялся Кевин Свори. — Но ты же помнишь Карла! Он ценит силу, и сочтёт неуважением отсутствие надлежащей охраны.

Арчи озадаченно взглянул на меня; я лишь пожал плечами.
Карл всегда был задирой, что есть, то есть.

Резиденция клана Далькири была выстроена на городской окраине. После смерти старого барона у клана случилось несколько тяжёлых лет, и большинство окрестных земель распродали, чтобы хоть как-то удержаться на плаву. Вскоре склады, мастерские и покосившиеся дома расступились, и мы выехали к высокой каменной ограде, за которой пожухлую листву деревьев трепали резкие порывы студёного ветра. Особняка из-за крон высоких клёнов и дубов видно не было.

При нашем приближении от караульной будки отошёл хмурый охранник. Он перекинулся парой слов с кучером и велел открывать ворота. Карета проехала на территорию усадьбы, миновала небольшой парк и остановилась у трёхэтажного особняка, сложенного из серого песчаника. Нижний ряд окон представлял собой узкие прорези бойниц, и вкупе с грубой кладкой стен это создавало впечатление осаждённой крепости.

Арчибальд оценивающе огляделся и усмехнулся.

— Мрачновато.

— Идёмте! — заторопился Свори, и мы двинулись следом.

Карл Далькири принял нас в рабочем кабинете.

— Кевин! — радостно улыбнулся широкоплечий крепкосбитый мужчина с аккуратно-подстриженной бородкой и чёрной копной непослушных волос. На груди его, будто напоминание всем и вся о статусе владельца, желтела золотом баронская цепь. — Рад видеть вас в добром здравии! Представьте своих спутников?

— Это Кейн, брат Бенедикта, — указал на меня седоусый рыцарь. — Уверен, ты его помнишь.

— Кейн! — округлил глаза Карл. — Сколько лет, сколько зим! Мои соболезнования в связи со смертью брата.

Я коротко кивнул, отвечая на рукопожатие, и тогда барон Далькири обратил своё внимание на ничуть не уступавшего ему ни сложением, ни ростом инквизитора.

— Арчибальд Гровер, негоциант, — представился здоровяк и добавил: — С юга.

— Оно и видно! — рассмеялся барон и указал на стол, где дымились кружки с подогретым вином. — Прошу...

Мы с благодарностью приняли столь уместное для промозглого осеннего утра угощение, но я пить не стал и тихонько выскользнул из кабинета, как только Кевин Свори завёл разговор о грядущем совете.

Охранники за дверью недоумённо посмотрели на меня, но препятствовать не стали, и я спокойно прошествовал в зал с потемневшими портретами баронов. Там гуляли сквозняки, поэтому я перетащил кресло к разожжённому камину, уселся в него и настрогал чёртова корня. Трясущимися пальцами быстро ссыпал опилки на клинок ножа, раскалил его над огнём и втянул дым.

Боль сразу отступила, прояснилась голова. И я не стал подниматься из кресла, а просто сидел и смотрел на танец оранжевых лепестков.

Мы те, кто мы есть, и другими уже не станем.

Эта глубокая мысль какое-то время крутилась в моей голове, а потом в коридоре послышались голоса, я встрепенулся и поймал осуждающий взгляд Кевина Свори. Впрочем, судя по спокойствию Арчибальда и блуждавшей на лице Карла улыбке, переговоры завершились наилучшим образом.

Барон Далькири потянул носом воздух и ухмыльнулся, вне всякого сомнения узнав витавший в воздухе аромат, но ничего говорить не стал. Мы попрощались с ним, и уже в карете седоусый рыцарь не сдержал возмущения:

— Куда ты пропал, Кейн?!

— Подумаешь, отлучился на пять минут! Не думал, что вы так быстро управитесь.

— Мы общались почти час!

— И что с того? — усмехнулся я. — Карл с нами?

— Да, совета не будет, — потребовал регент.

— Он не соскочит с крючка? — продолжил допытываться я. — Что вы ему предложили?

— Зерно по крайне привлекательной цене, — сообщил Арчибальд. — Не так много, чтобы заработать на перепродаже, но более чем достаточно для небольшого клана.

— Зерна ещё нет! — немедленно напомнил Кевин Свори.

— Первый обоз пересечёт границу с Арли уже завтра, — уверил нас представитель инквизиции.

— Провизию стоит везти сразу в замок! — потребовал регент.

Арчи хмуро взглянул в ответ и безапелляционно заявил:

— Этого не будет! Либо мы восстанавливаем монастырь и обустроиваем хранилище там, либо сделке конец. Нам нужны гарантии.

Кевин Свори ответил инквизитору взглядом ничуть не менее мрачным.

— Если случится голодный бунт, монастырь сровняют с землёй.

— Надеюсь, до этого не дойдёт.

Регент при этих словах возмущённо фыркнул и посмотрел на меня, словно в ожидании поддержки, но я промолчал. Мне было всё равно. Я надеялся убраться отсюда, прежде чем ситуация окончательно выйдет из-под контроля.

От резиденции клана Далькири карета покатила напрямик в замок, только пришлось остановиться и высадить у городских ворот Арчибальда, который покинул нас под предлогом размять ноги. Именно под предлогом — на деле он собирался встретиться с местным резидентом инквизиции и расспросить того о Джаспере Мори по прозвищу Свин. Действовать наобум по непроверенной наводке мы не собирались.

Во дворце я сразу распрощался с регентом и отправился в княжескую библиотеку. На этот раз там никого не оказалось, дверь пришлось отпирать полученным у кастеляна ключом.

Шторы с окон я отдёргивать не стал, вместо этого разжёг свечи и в их неярком мерцании принялся перебирать лежавшие на столе книги. Кожаная обложка верхнего в стопке тома была покрыта густым слоем пыли; вероятно, после смерти брата до них ни у кого не доходили руки.

Книга оказалась «Сказаниями о пяти княжествах Севера» и мало того, что стиль изложения автора был на редкость витиеватым, так ещё переписчик имел почерк, далёкий от каллиграфического. Невнятное изложение, неровные выцветшие строчки — у меня чуть кровь из глаз не потекла, пока пытался вникнуть в смысл сего сочинения. Так и не смог.

И на кой чёрт Бенедикт только забивал себе голову такой мутью?

Я прямо из кувшина хлебнул принесённого с собой пива и отложил книгу в сторону. Следующие пять томов оказались описаниями генеалогических древ княжеских родов, и меж их страниц хватало закладок с невнятными пометками, сделанными рукой Бенедикта.

Разложив книги перед собой, я попытался отыскать хоть какую-то систему в заметках, но на отмеченных страницах ничего необычного не было, лишь шло скучное перечисление дат бракосочетаний многочисленных княжеских отпрысков, имена их супругов и народившихся впоследствии детей.

Скукота!

Неожиданно скрипнула дверь, и в библиотеку проскользнула женская фигура.

— О, милорд! — удивилась компаньонка княгини. — Простите, я не знала, что вы здесь.

Белые волосы ведьмы светились в полумраке помещения едва ли не ярче свечей, тугой корсет вызывающе приподнимал груди, а на губах играла милая улыбка, но я в ответ спросил предельно сухо:

— Чем могу помочь?

— Меня зовут Лаура, я...

— Мы встречались вчера, я помню.

Ведьма шагнула к столу, и стало видно, как мелькают пылинки в исходящем от неё свечении. Но прежде чем удалось понять, намеревается компаньонка княгини сотворить какую-то волшбу или так проявлялся её огненный дар, палец обжог холод чёрного серебра и сияние померкло.

— Я беру здесь книги. Ваш брат разрешал мне, — сообщила Лаура, зябко ёжась. — А вы милорд? Вы не против?

С ответом я торопиться не стал и в итоге прибегнул к весьма расплывчатой формулировке.

— Если вам разрешено пользоваться библиотекой, я ни в малейшей степени не стану ограничивать вас в этом праве.

— Благодарю, — коротко ответила девушка, недолго побродила среди стеллажей и покинула библиотеку с каким-то потрёпанным томиком.

Я вновь занялся изучением лежавших на столе книг, но мысли путались и сосредоточиться на чтении никак не получалось, а потом незнакомый слуга сообщил, что меня спрашивает у ворот некий Арчибальд Гровер.

С тоской оглядев громоздившиеся на столе стопки книг, я решительно поднялся на ноги и задул свечи.

— Передай, сейчас спущусь.

Слуга скрылся в коридоре; я направился следом и уже в дверях столкнулся с Густавом. Отёкшее лицо с узкими щёлками покрасневших глаз явственно намекало на бессонную ночь, но перегаром при этом от библиотекаря не пахло. Не иначе засиделся за книгами.

— Ты-то мне и нужен, Густав! — обрадовался я.

— В самом деле?

— Да! — Я вернулся к столу и указал на торчавшие из книг закладки. — Здесь совершенно точно есть какая-то система, не знаешь, что так заинтересовало Бенедикта в генеалогии княжеских родов?

Густав покачал головой.

— Нет, Бенедикт со мной это не обсуждал.

— А с кем обсуждал, с супругой?

У библиотекаря вырвался невольный смешок.

— Скорее уж с её компаньонкой! — сказал он, но сразу посерьёзnel и предположил: — Возможно, что-то может знать господин Улыбчивый. Они много времени проводили вместе.

С колдуном я собирался переговорить в любом случае, поэтому бросил ещё один пробный шар:

— А барон Далькири?

— Карл? — удивился библиотекарь. — Нет, не думаю. В последнее время они мало общались.

— В самом деле? Раньше они были не разлей вода.

— Не могу сказать, что между ними пробежала чёрная кошка. Вовсе нет! Просто Карлу пришлось больше времени уделять делам. У клана обширные владения на севере, в Тир-Ле-Конте он теперь гость нечастый. Бывает здесь в основном проездом по дороге в Арли.

— Ясно. — Я направился на выход, а уже в дверях обернулся и задал последний вопрос: — Кстати, а что Бенедикт думал об убийствах в полнолуние?

Густав явственно вздрогнул, но ответил без малейшей запинки:

— Ваш брат не проявлял к ним особо интереса. Он поручил разобраться с этим господину Улыбчивому.

Я кивнул и покинул библиотеку. Стоило бы навестить колдуна прямо сейчас, но я решил не заставлять ждать Арчибальда дольше необходимого и отправился напрямик к воротам.

Мог бы не торопиться: представитель инквизиции прекрасно проводил время, играя с караульными в кости. При моём появлении вскочившие на ноги гвардейцы шустро загородили стол, но и так я успел заметить среди россыпи медяков несколько серебряных монет. Похоже, Арчи время попусту не терял и налаживал контакты, где только мог.

— Подкуп княжеских гвардейцев карается повешеньем, — как бы между прочим заметил я, когда мы начали спускаться по змеившейся на склоне замкового холма дороге.

— Неудачный подкуп, — отшутился Арчи и подмигнул. — Ещё немного и эти прохвосты вконец обчистили бы мои карманы.

— Они у тебя бездонные.

Арчи рассмеялся.

— Вовсе нет, — покачал он головой. — Вовсе нет.

Пообедать мы зашли в первую попавшуюся на глаза харчевню у подножия холма. Взяли по миске гороховой похлёбки с копчёной грудинкой, и здешние расценки заставили Арчи озадаченно почесать

бритый затылок.

— Недёшево, — проворчал он и отпил пива. Поперхнулся, сделал ещё один глоток и уставился на меня. — И здесь такое пьют?

— А что ты хотел? — усмехнулся я, отпив лёгкого яблочного вина. — Это же имперский крепкий эль, любимое пойло работяг во всех портах западного побережья!

— Сюда везут пиво из Империи?

— Нет, — с усмешкой покачал я головой. — Наоборот, это пиво варят специально для Империи. Оно горькое от хмеля и крепкое, чтобы не портилось в дороге.

Арчибальд покачал головой, но от эля отказываться не стал, вновь приложился к кружке и принялся дуть на горячую похлёбку.

— Что-то удалось узнать? — поинтересовался я.

— Интересный человек этот Свин, — задумчиво протянул инквизитор, взяв деревянную ложку. — Держит торговую контору, ведёт дела с Альме. Что-то покупает, что-то продаёт, но никому о его делах ничего доподлинно не известно.

— С Альме, значит? — хмыкнул я.

— С Альме, — подтвердил здоровяк. — Сам туда выбирается редко, но помощников отправляет с завидным постоянством.

— Это многое объясняет. Теням вести бухгалтерию резона нет, но когда деньги уходят в другое княжество, без расписок не обойтись. Полагаю, часть средств не доходит до общей кассы и вкладывается в разные доходные дела.

— Вот и расспросим Свина. Неплохо бы прижать здешних теней, как думаешь?

Я задумчиво посмотрел на собеседника, потом кивнул.

— Неплохо бы, да.

И дело было вовсе не в стремлении жуликов выставить меня из города, просто эти проныры знали всё и обо всем; их содействие могло помочь церковникам закрепиться на Севере.

Доев похлёбку, я взял кружку с остатками вина и опрокинул её в себя.

— Полагаю, Свина неплохо охраняют.

Арчибальд пожал плечами, допил пиво и поднялся из-за стола.

— Один... человек взялся мне помочь. Завтра-послезавтра он разнюхает о Свине. А пока советую тебе вернуться в замок и носу оттуда не казать.

Я кивнул, не став оспаривать этот совет. Меньше всего мне хотелось очнуться по дороге в Альме со связанными руками и ногами и кляпом во

рту.

Мы покинул харчевню, и я поспешил накинуть на голову капюшон. Слишком уж болезненно резанули по глазам отсветы зависшего над крышами домов северного солнца.

Арчибальд отстал, счищая налипшую на сапоги грязь. Я обернулся поторопить его и едва успел крикнуть:

— Сзади! — когда выскользнувший из подворотни человек с замотанным шарфом лицом двинул инквизитору по затылку дубинкой.

Арчи втянул голову в плечи и сгорбился, принимая удар на спину. Лязгнула звеньями поддетая под куртку кольчуга, но даже так здоровяк не удержался на ногах и упал на колени.

А мне уже было не до него. Откуда-то сбоку выскочил ещё один головорез; я резко согнулся, уходя от замаха дубинкой, и выкинул навстречу долговязому парню правый локоть. Палка промелькнула над головой, а дылда со всего разгона врезался в меня, перекувыркнулся и рухнул на мостовую.

Через забор перескочил третий налётчик; я резво отскочил в сторону и за краткий миг передышки успел выдернуть из ножен на поясе меч. Отмахнулся им от нового преследователя, но тот оказался не лыком шит и встретил клинок окованной железом дубинкой. Столкновение болью отозвалось в плече, меч со звоном отскочил в сторону.

Некстати заворочался сбитый на мостовую паренёк; я пинком опрокинул его обратно и вновь протянул клинком поджарого дядьку с дубинкой.

На этот раз лезвие прихватило пальцы, и в грязь полетели отсечённые фаланги. Раненый головорез не удержал оружие, но не растерялся и одним проворным прыжком преодолел разделявшую нас дистанцию. Мы сцепились, не устояли на ногах и покатались по земле. Орудовать в такой ситуации мечом, пусть даже коротким, не было никакой возможности; пришлось бросить его и выдернуть из ножен кинжал.

Оседлавший меня дядька врезал правой и сразу добавил левой. Первый удар в лицо я пропустил, под второй подставил лоб и сразу пырнул противника в бок. С протяжным стоном жулик свалился с меня и попытался отползти, но я навалился сверху и по самую рукоять всадил кинжал меж лопаток.

Сбоку мелькнула тень; я выдрал клинок из раны и откатился в сторону от долговязого паренька, который поднялся на ноги с моим собственным мечом в руке.

— Брось! — потребовал я, вставая с земли.

Каланча лишь оскалился, и тогда возникший у него за спиной Арчи одной рукой перехватил руку с мечом, а другой свернул тощую шею.

— А расспросить? — шумно выдохнул я.

— А смысл? — фыркнул инквизитор, рассечённая бровь которого заливала кровью левый глаз. Напавший на него в самом начале схватки головорез безжизненно привалился к стене. Из груди у мертвеца торчала рукоять всаженного меж рёбер ножа.

— И то верно, — сплюнул я на землю кровавую слюну. — Нет смысла.

И так было совершенно ясно и понятно, что взять нас в оборот попытались местные тени. И хотели вовсе не убить — нет, скорее просто превратить в отбивную и заставить убираться из города.

Арчибальд быстро обошёл мертвецов и спросил:

— Идти можешь?

Я выпрямился и кивнул.

— Могу.

В голове и в самом деле прояснилось и ничего толком не болело, лишь набухла на лбу здоровенная шишка.

— Тогда давай убираться отсюда!

Так мы и поступили. Собрали оружие и поспешили прочь, стремясь поскорее укрыться в лабиринте запутанных улочек.

— Где твоя кольчуга? — спросил Арчи некоторое время спустя.

— В вещах.

— Принесу. Сам из замка ни ногой. Понял?

— Понял.

— Я серьёзно!

— Представляешь, я тоже!

Арчибальд выругался, и мы отправились в замок.

При виде моей разбитой физиономии Кевин Свори только досадливо поморщился и с расспросами приставать не стал. Но у комнаты — той самой, которую я занимал в детстве, — выставить караул не преминул. Просто так, на всякий случай.

— Не хочу хоронить второго Лейми за полгода, — угрюмо заявил седоусый рыцарь, пообещав прислать лекаря.

Я обречённо вздохнул и спорить с регентом не стал. Молча запер дверь, кинул дорожный мешок на пол, стянул грязные сапоги и без сил

повалился на кровать. Потом оглядел обстановку, но как ни удивительно, никаких детских воспоминаний на меня не нахлынуло. Перегорело всё давно. Одна злость и досада осталась, ничего более.

Встав с кровати, я налил из стоявшего на столе кувшина привозного вина, полюбовался его рубиновым отсветом выпил, не чувствуя вкуса. Затем отшил лекаря, подпоясался оружейным ремнём и вышел за дверь.

Гвардейцы двинулись следом, будто привязанные. Пытаться избавиться от них не стал даже пробовать и отправился напрямик в подвал. Впрочем, напрямик — это громко сказано, в поисках колдуна пришлось изрядно побродить по мрачным подземельям. И вот тут от караульных вышла польза: нашлось кому показывать дорогу и нести плевавшие горячей смолой факелы.

Обиталище колдуна оказалось на редкость... обыденным.

Никаких фолиантов в обложках из человеческой кожи на полках, чучел экзотических животных под потолком, препарированных демонов, сушёных жаб и пентаклей на полу. Завалящего черепа на рабочем столе и того не было.

Да и сам господин Улыбчивый смотрелся слишком уж умиротворённым и безмятежным, будто лекарь, а не колдун. Разве что доходящая до пола роба была чёрной, а осунувшееся лицо выглядело из-за постоянного нахождения впотьмах противоестественно бледным. Как бы то ни было, улыбка не сходила с него ни на миг. Всегда разная — понимающая, ироничная или саркастическая — она блуждала по тонким бескровным губам колдуна беспрестанно.

При моём появлении хозяин подземелья оторвался от чтения самой обычной на вид книги и озадаченно улыбнулся.

— Милорд? Чем обязан визиту?

Я прикрыл за собой дверь и прошёлся по просторному и почти пустому помещению с гулким и каким-то очень уж тревожным эхом.

— Вы меня помните?

На этот раз колдун улыбнулся с явственной укоризной.

— Ну разумеется, милорд. У меня немало болезней, но старческий маразм, слабоумие и склероз не из их числа.

— Зовите меня Кейном, — попросил я, ёжась из-за царившего в кабинете холода. Камина в подвале не оказалось, освещала комнату пара свечей на рабочем столе колдуна.

— Как скажете, Кейн, — кивнул господин Улыбчивый, пряча сухие старческие кисти в просторные рукава балахона. — Так чем обязан?

— Я хочу узнать, как умер мой брат.

— Это случилось во сне.

— Меня интересует причина.

Колдун лишь покачал головой.

— Я не знаю.

— Бенедикт говорил, вы знаете всё! — Я прошёлся по комнате, разглядывая голые каменные стены с пыльной паутиной в углах. Никак не оставляло ощущение, будто в подzemелье присутствует нечто, скрытое от моего взгляда.

— Мне известно многое, но далеко не всё.

— И что же вам известно о его смерти?

Выражение лица колдуна не изменилось, лишь слегка опустились уголки рта, сделав улыбку раздражённой и недоброй.

— Я могу сказать, от чего он точно не умирал, — после недолгих раздумий произнёс господин Улыбчивый. — Это не был яд или последствие болезни. И его не задушили. Никаких признаков насильственной смерти обнаружить не удалось, как не удалось почувствовать никаких отголосков известной магии. Жизнь просто покинула его, он перестал дышать.

— Ваше мнение?

— Ох, Кейн, — невесело рассмеялся колдун, — частное мнение — штука ненадёжная. За лесом догадок зачастую теряется истина. Я предпочитаю оперировать знанием. Мне известно, что Бенедикт играл со смертью, поэтому его смерти я не удивлён.

Я прищурился.

— Что вы имеете в виду?

— Каждый месяц в преддверии полной луны Бенедикт отправлялся в Ведьмину плешь. Это лучшее время для моих оберегов. Они ни разу не подвели, но кто знает, с чем довелось столкнуться вашему брату в свою последнюю вылазку?

— Что искал там Бенедикт? Он говорил об этом?

— Бенедикт был не из тех, кто делится своими догадками. Он просто приходил и говорил, что ему нужно, а я как верный слуга выполнял распоряжения своего князя. Только и всего.

Я кивнул. Ведьмина плешь манила Бенедикта с самого детства. Я несколько раз выбирался вместе с ним, но всегда полагал, что брата влекло в проклятые земли банальное любопытство и стремление досадить отцу.

— Ваши амулеты надёжны?

— Абсолютно, — уверил меня колдун. — Насколько вообще могут

быть надёжны амулеты.

— Хорошо, — вздохнул я, потирая шишку на лбу. — А генеалогия княжеских родов? Почему она интересовала Бенедикта?

— Не знаю, — коротко ответил господин Улыбчивый.

Я ещё раз кивнул и направился на выход.

— Благодарю за уделённое время.

— Кейн! — окликнул вдруг меня колдун. — На вас клеймо...

Я неуютно передернул плечами, словно это нехитрое действие могло избавить от выжженного на лопатке единорога Ранлоу.

— А на клейме заклатье, — продолжил господин Улыбчивый.

— Так и есть.

— Могу избавить вас от него.

— Не стоит беспокойства, — покачал я головой и шагнул за дверь.

Церковники уже сняли волшбу армейских магов Ранлоу, заменив их защитой от потусторонних сил, и мне не хотелось ни расставаться с ними, ни раскрывать колдуну своих тайных союзников.

Следующие несколько дней пришлось безвылазно проторчать в замке, но нашим планам это никакого ущерба не нанесло. Всё шло своим чередом. Первый караван с продовольствием уже пересёк границу княжества и прибывшие вместе с подводами мастера начали восстанавливать заброшенный монастырь. По уму с этим стоило немного повременить, но церковники упёрлись рогом, желая перекрыть кровлю до первого снега.

К тому же Арчи, в отличие от меня, времени зря не терял. Незримой тенью он следовал по пятам за Джаспером Мори, да только того всюду сопровождали четверо крепких охранников. Выкрасть счетовода, не устраивая кровавой бойни, возможности не представилось ни разу.

— А если его просто задержать? — предложил я в итоге.

— Он добропорядочный торговец, — вздохнул Арчибальд. — Задержать ты его можешь, но никто не даст его потрошить, а сам он ни в чём предосудительном не сознается. К тому же в случае ареста счётные книги либо уничтожат, либо перепрячут.

Я кивнул, хлебнул вина из глиняного кувшина и передал его собеседнику. Мы сидели на крыше среди каменных химер и горгулий, прячась от студёного северного ветра за дымовой трубой. У себя в комнате принимать инквизитора я не решался, опасаясь лишних ушей.

— И что будем делать? — спросил я, забирая кувшин обратно.

— Поговаривают, наш друг большой любитель молоденьких девочек, — сказал Арчи и многозначительно добавил: — Совсем

молоденьких...

— Шантаж?

— Не выйдет, — с сожалением покачал головой здоровяк и потёр заросший чёрной щетиной подбородок. — Но свои визиты в весёлый дом он не афиширует. Если прихватим его на выходе, у нас будет несколько часов, чтобы выбить ответы и забрать книги.

— Годится.

— Тогда ждём подходящего случая.

Мы спустились с крыши, и Арчи спросил:

— Как продвигается твоё расследование?

Я только отмахнулся. Никаких подвижек у меня не было.

Арчибальд отправился в город, а я вернулся к заметкам брата, но те были на редкость обрывистыми и лаконичными. Наблюдавший за моими мучениями Густав под конец попросту перестал появляться в библиотеке и правильно сделал: нервы у меня были ни к чёрту, жутко хотелось кого-нибудь убить.

Впрочем, за этим дело не стало...

Бордель располагался на самой окраине города, в мрачном районе с множеством заброшенных домов. По пустынным улочкам там спешили редкие горожане, никакой празднующейся публики не было и в помине. Добропорядочным обывателям требовался крайне весомый повод, чтобы на ночь глядя заявиться в столь неприветливое место.

Тень дожидалась нас на повороте к веселому дому. Закутанная в длинный плащ с головы до ног фигура сидела на загнанной в соседний двор телеге.

— Кейн! — толкнул меня локтем в бок Арчибальд и спросил: — Ты в кольчуге?

— В кольчуге.

Мы приблизились к телеге, и соскочившая с неё на землю тень по своему обыкновению тихим шёпотом сообщила:

— Свин внутри. Охранники во дворе. Двое.

Арчи скинул плащ на телегу и ладонью пригладил короткий ёжик тёмных волос.

— Жди под окнами.

Когда инквизитор нетвёрдой походкой завязатого выпивохи прошёл в ворота весёлого дома, два крепких парня, один с курительной трубкой, другой с глиняным кувшином, проводили его пристальными взглядами, но цепляться не стали.

— Отсюда ни ногой! — предупредил я сообщника, продрался через заросли высоченной крапивы к загодя подломленной в заборе доске и залез на задний двор. Там схоронился в густой тени, где сильно пахло застарелой мочой.

Со второго этажа доносились вскрики, шлепки и стоны; нижние окна выходили в задний коридор, там было тихо и темно. И лишь, когда я уже изрядно продрог, в доме мелькнул отблеск свечи.

Высокий дородный мужчина средних лет с подсвечником в руке спустился на первый этаж, и тут же из-под лестницы вынырнула серая тень. Арчи в один миг оказался позади торговца, зажал ему рот, стиснул шею. Свин дёрнулся и выронил подсвечник, вновь стало темно. Несколько мгновений ничего не происходило, а потом с предательским скрипом распахнулась разошедшаяся оконная рама и на улицу свесилось переваленное через подоконник тело.

Я принял торговца, поднатужился и спустил его на землю. Выпрямился, с шумом перевёл дух и вдруг услышал приближающиеся голоса. Кто-то шёл на задний двор!

Сердце так и ёкнуло!

Дотащить пленника до забора и уволочь на улицу я никак не успевал, а потому бросил его валяться в грязи и поспешил навстречу случайным свидетелям. Как на грех это некстати приспичило облегчиться охранникам торговца. Один прямо на ходу возился с завязками штанов, другой запрокинул голову, вливая в себя из кувшина последние капли пива. Меня они не заметили. Просто не успели.

Нож полоснул по кадыку выпивохи, и острое лезвие легко рассекло гортань; рука уловила лишь мимолётное сопротивление. Напарник убитого замешкался со спущенными штанами; я толкнул его к стене дома и резким тычком вколотил клинок в солнечное сплетение. Крепыш выпучил глаза, засипел и сполз на землю.

Я выдернул нож и бросился к Свину. Успел дотащить его до забора, прежде чем откуда-то сбоку вынырнул Арчи.

— Кейн, ты что творишь? — прошипел взбешённый инквизитор.

— Иди к чёрту! — выругался я, затаскивая пленника в дыру.

Мы выбрались со двора и прямо через заросли крапивы поволокли торговца к ожидавшей нас телеге.

— Что мне ещё оставалось? — с натугой прохрипел я по дороге. — Их сам чёрт принёс!

— Забудь! — только и ответил Арчибальд, а когда мы погрузили пленника на телегу, спеленали его по рукам и ногам и укрыли дерюгой,

попросил тень: — Дай знать, когда начнётся переполох. Мы наследили.

Тень протестовать не стала, но неожиданно цепко ухватила меня за рукав и попросила:

— Оставь его мне.

— Зачем ещё?

— Это так важно?

Я задумался и покачал головой.

— Да нет.

— Так он мой? Ты даёшь слово?

— Ну, разумеется! — Я выдернул руку и взобрался на телегу. — Всё, погнали!

Телега немного поплутала по окрестным улочкам, но далеко мы уезжать не стали, и вскоре Арчи направил лошадь во двор какого-то заброшенного особняка с пустыми провалами окон и прохудившейся крышей.

— Здесь никого, ты проверял? — уточнил я, положив ладонь на рукоять меча.

— Да, чисто, — подтвердил здоровяк, и мы в четыре руки заволокли торговца в дом. Бросили его посреди просторной комнаты, и Арчи сразу отступил в угол, не желая мешать, а я прошёлся вдоль выломанных окон, размышляя, с чего начать допрос.

Ни тратить время на душевные беседы, ни мотать пленнику кишки не хотелось.

Хотелось всё сделать быстро и чисто.

Вот только шансов на это было немного.

И с обречённым вздохом я достал нож. Сдерживаться не стал и ногу Свина кольнул от души. Просто выбрал место с внешней стороны бедра, чтобы, не дай тени, наш пленник не истёк кровью раньше отмеренного ему срока.

Торговец встрепенулся, задёргался и замычал, но кляп не позволил распугать истошными воплями окрестных обитателей.

— Не суетись, — похлопал я его по щеке. — У нас к тебе есть пара вопросов. Просто поговори с нами, и не придётся выбивать их из тебя силой. Вырезать точнее...

Но Свин голосу разума не внял и принялся яростно вращать глазами и жевать кляп, стремясь избавиться от запиханной в рот тряпки.

— С таким каши не сваришь, — сказал из тёмноты Арчи и устало опустил на какую-то рухлядь.

Я с ним спорить не стал, вместо этого молча настрогал лучин из ножки

разломанного стула, достал кремень, кресало и трут и развёл небольшой костерок у ног пленника. Тот попытался отползти, пришлось навалиться на него и упереться коленом в спину. Свин застонал, я врезал ему по почкам и стянул сначала один сапог, затем другой.

— Ненавижу вонь горелого мяса, — проворчал Арчибальд, когда я принялся подкидывать в костерок обломки стула.

— Да? А как же ведьм на кострах жечь?

— С этим не ко мне.

— Ну да, ну да! — покивал я и достал из потайного кармашка колета свёрток провощенной ткани.

— Что это? — заинтересовался Арчибальд.

— В основном дурман-трава и смолотый в труху чёртов корень. Ещё самая малость ведьминой паутины и щёпоть споров северных мухоморов. Жуткая дрянь, скажу тебе.

— Так может, не стоит её курить? — в голосе инквизитора послышалось явственное неодобрение.

— Всецело с тобой согласен, — усмехнулся я, ухватил Свина за шею и сунул свёрток ему под нос. Торговец заёрзал, но долго не продержался, втянул в себя пыль и оглушительно чихнул.

Я ещё немного подержал его, потом отпустил.

— С ним всё в порядке? — спросил Арчи.

— Говорить он может, если тебя это интересует, — ответил я, выдёргивая кляп.

Свин хрипло задышал, жадно разевая рот будто выброшенная на берег рыба. По лбу и щекам его катились крупные капли пота.

— Не закричит? — забеспокоился инквизитор.

Свин не закричал; просто был не в состоянии. Дурман превратил мышцы в желе, и любое усилие давалось ему сейчас с превеликим трудом. Пленник мог лишь лежать, хлопать глазами и дышать. Ещё говорить, но очень-очень негромко.

— Что вам надо? — едва слышно просипел он. — Я заплачу...

— К теням твои деньги! — отмахнулся я. — Ответишь на вопросы, умрёшь спокойно, даже почувствовать ничего не успеешь. Будешь упрячиться — у нас вся ночь впереди. Как тебе такая сделка?

— В задницу...

Я опечаленно покачал головой.

— Пожалуй, одной ночью тебе не отделаться. На тебя тут очередь, представляешь? Меня настоятельно просили не убивать тебя. Как думаешь, почему?

У торговца задёргался глаз. Чем дальше, тем больше дурман подавлял его волю, и тем сильнее становилась боль в порезанном бедре и стянутых грубой верёвкой запястьях и лодыжках. Наркотик не просто ослаблял мышцы, но и многократно усиливал чувствительность человека, превращая лёгкое касание в игру на оголённых нервах.

Пресыщенная золотая молодёжь Альме использовала эту смесь в любовных утехх, вот только Свину пришлось вдохнуть куда больше, чем кто-либо в здравом уме принимал за один раз. Ему было... нехорошо.

Уверен, вскоре он рассказал бы нам обо всём и сам, но я не собирался терять время попусту и, ухватив пленника за ноги, подтянул его чуть ближе к костерку.

— Тебе когда-нибудь поджаривали пятки? — спросил я после этого.

— Нет! — хрипло выдохнул Свин. — Не надо! Прошу вас!

Я протащил его ещё немного и рассмеялся:

— Чувствуешь, как подгорают?

Торговец забился, но мне не составило никакого труда удержать его на месте.

— О, мясо шипит...

— Нет! — завыл одурманенный пленник. — Не надо! Я всё скажу!

Арчи недоумённо хмыкнул, а я сделал вид, будто оттаскиваю Свина от огня, до которого ещё оставалось никак не меньше двух ладоней, и спросил:

— Деньги теней уходят в Альме через тебя?

— Да... — тихо выдохнул Свин, которого трясла мелкая дрожь.

— До общей кассы доходит не всё, так?

— Так...

И я сразу перешёл к делу.

— Где учётные книги?

Свин залился слезами, но всё же рассказал о тайнике в подвале конторы.

— Закругляйся, Кейн, — распорядился тогда Арчи.

Я его проигнорировал и склонился к торговцу.

— Что говорят тени о смерти князя?

Пленник невнятно хрюкнул и заелозил на полу, доведённый действием дурмана до полного изнеможения.

— Что говорят тени о смерти князя? — повторил я свой вопрос.

— Ничего! Он просто умер!

— Кто причастен к этому?

— Никто! Я ничего не знаю!

— Никаких слухов?

— Никаких!

— А Далькири? — поинтересовался я тогда. — Что за дела у них на севере? Скальпы?

Свин шумно задышал и начал терять сознание, пришлось похлопать его по щекам.

— Они продают эльфийские скальпы? — повысил я голос.

— Мы не знаем! — хрипло выдохнул Свин. — Тех, кто лез в их дела, замела стража! У них какие-то дела за рекой!

За рекой? Выходит, всё дело в набегах на эльфийские земли? Пусть Карл и пользовался покровительством моего брата, деньги на содержание его бойцов точно шли не из княжеской казны. Интересно, как относился к этому Бенедикт...

— Кейн! — вновь повысил голос Арчибальд.

Я вздохнул и задал последний вопрос:

— Ладно, у кого в городе лучший чёртов корень?

— Брайан... Брайан Морги. Трактир «Горелый пёс»!

Ни имя торговца, ни название корчмы мне ни о чём не говорило, но тратить время на дальнейшие расспросы я не стал и достал нож.

— Благодарю, Свин, ты мне очень помог.

— Буль, грах, краа... — заклокотал в ответ пленник перерезанным горлом.

Я провёл по плащу сначала одной стороной ножа, затем другой и на серой потрёпанной ткани осталось две тёмных полосы. Толстяк с завязанными за спиной руками немного ещё посучил ногами, но очень скоро затих, лишь продолжала растекаться по грязному полу плескавшая из его перерезанного горла кровь. Меня от её запаха неожиданно сильно замутило.

— Весь секрет в том, чтобы не перерезать артерию, — громко произнёс я. — Иначе забрызгает с ног до головы.

Сказал не себе или Арчи, а возникшей в дверях тени.

— Ты обещал оставить его мне! — в приглушённом голосе прозвучала неподдельная обида.

Я выпрямился и подтвердил:

— Обещал.

— Ты дал слово!

— И что с того?

— У нас была сделка!

— Вовсе нет, — возразил я. — Обещание — это не сделка. У сделки

две стороны. А я пообещал и передумал. Улавливаешь разницу?

Тень зашипела от злости.

— Ты обещал кое-что ещё! — напомнила она. — Передумаешь — убью!

— Вот! — выставил я перед собой указательный палец. — Теперь это сделка. А сделка — это святое. Не волнуйся, я не передумаю.

— Уж лучше бы так! — выдала тень и скрылась в коридоре заброшенного дома.

— Не передумаю, — повторил я.

«Или мне придётся убить тебя первым»... — но вслух этого я произносить не стал. У некоторых людей исключительно острый слух, а тени не склонны расценивать обещание отправить их на тот свет пустой болтовнёй.

Шаги стихли, и я перестал прятать руку с ножом за спиной и убрал его в чехол на поясе.

— С огнём играешь, — предупредил Арчи из своего угла.

В выломанное окно на противоположной стене проникало серебристое сияние полной луны, но до верзилы оно не доставало, его силуэт терялся в темноте.

— Вовсе нет, — усмехнулся я. — Вовсе нет.

— На кой ляд тебе было его убивать? — с некоторой ленцой поинтересовался громила.

— Я обещал лёгкую смерть, если он ответит на мои вопросы. Он ответил.

— Твои обещания не стоят выеденного яйца! — объявил верзила. — И не заливай о человеколюбии, плевать тебе на всех остальных.

— В чём-то ты, без сомнения, прав, — со смешком признал я и судорожно сглотнул из-за подступившей вдруг тошноты. От запаха крови сделалось не по себе, внутренности затянуло узлом. Очень быстро боль растеклась по всему телу, во рту появился металлический привкус.

Арчи продолжал что-то говорить, я бездумно отвечал, а попутно подкинул щепы в почти угасший костерок и принялся раскалять над неровным пламенем клинок ножа. Затем посыпал на раскалённый нож мелко-мелко наструганный чёртов корень, и дерево зашипело и закурилось лёгким дымком. Я вдохнул дурман, сразу стало легко, по спине побежали мурашки. Миг спустя оцепенение отпустило, и вместе с ним оставили боль и омерзительное желание упасть на четвереньки и напиться из лужи натёкшей на пол крови.

Хорошо! Чертовски хорошо вновь почувствовать себя человеком!

А потом воздух рассёк лёгкий шелест, что-то ударило меня в грудь и сбило с ног. Звякнула сталь, рёбра обожгло болью, и я скорчился на полу, но сразу пересилил себя и откатился к стене, под окна. Посреди комнаты осталась валяться короткая стрела с широким листообразным наконечником.

Арчи даже с места не сдвинулся, продолжив оставаться в тени.

— Проклятье! — прохрипел я. — Чего ты стоишь? Помоги!

— Кольчуга не пробита, ведь так? — резонно отметил инквизитор, осторожно смещаясь к двери. — Соберись, Кейн, чёрт тебя дери!

Я со стоном поднялся, высвободил из ножен короткий меч и простонал:

— А если у меня сломаны рёбра?

— Брось! Эльф выбрал неправильный наконечник.

— Эльф? — переспросил я, присмотрелся к оперению стрелы и озадаченно протянул: — Эльф!

— И это неплохо, — проворчал верзила, выглядывая в коридор. — Тени попытались бы добить, а остроухий давно удрал. Уж поверь, звон стальных коней он не слышать не мог.

— И, значит, постарается повторить попытку. — Я осторожно наполнил лёгкие воздухом и поморщился от боли в отбитых рёбрах. — Это плохо. Это очень плохо.

— Кейн, с какой стати эльфам открывать охоту... на тебя?

— Понятия не имею, — ответил я чистую правду и шагнул в коридор. — Идём, Арчи! Надо убираться отсюда! Ещё вскрывать этот клятый тайник...

Глава 2

1

Стрела с широким листообразным наконечником и чёрно-синим оперением со стуком вонзилась в стену и глубоко засела в деревянной панели.

Я подошёл, выдернул её и вернулся к столу. Новый бросок — и вновь импровизированный дротик воткнулся в намеченное место. И ещё раз. И снова.

С каждым новым ударом возившийся с книгами Густав всё сильнее втягивал голову в плечи, но заявлять о недопустимости подобного поведения в библиотеке не решался.

И правильно делал. Я думал.

А подумать было о чём.

Эльфийский стрелок действовал сам по себе, сомневаться в этом не приходилось. С момента убийства Свина прошло две недели, а тени так до сих пор и терялись в догадках, кто именно отправил его на тот свет. Суетились, задавали вопросы, нервничали и напоминали курицу, бегающую с отрубленной головой. Просто пока ещё не осознали этого.

Ничего, скоро до них дойдёт.

С другой стороны, сам по себе эльф не продержался бы в городе и пары дней. Кто-то укрывал его, кто-то снабжал едой.

Я взглянул на оперение чёрно-синей расцветки и в раздражении кинул стрелу на стол.

Чёрное с синим — цвет клана Бегущей воды. Этот клан был замешан в недавнем сговоре с вампирами, сговоре неудачном: всю верхушку заговорщиков перебили инквизиторы.

И хоть голову их старейшине снёс Арчибальд, эльфы отчего-то ополчились именно против меня. Объяснение этому могло быть лишь одно: я где-то наследил, и клан Бегущей воды посчитал меня причастным к смерти старейшины.

Я вновь взялся за стрелу, но тут распахнулась дверь, и заглянувший в библиотеку слуга передал приглашение Кевина Свори отобедать с ним.

Стол накрыли в малом зале, который использовался только после

наступления холодов. В камине гудело пламя, а свечи в канделябре не горели, и в углах комнаты сгустились тени.

Я с благодарностью принял у служанки кружку подогретого с южными специями вина, сделал осторожный глоток и вдруг обратил внимание, что стол сервируют на три персоны.

Но долго гадать о личности второго гостя не пришлось: вслед за регентом в зал вальяжно прошествовал Арчибальд. Представитель инквизиции с беспечной улыбкой кивнул мне, взял подогретое вино и нейтрально поинтересовался:

— Как дела, милорд?

— Ровно, — односложно ответил я.

Слуги покинул зал, Кевин Свори первым опустился за стол и пригласил нас присоединиться к себе.

— Присаживайтесь, господа!

Арчи без промедления подтянул блюдо с жареной уткой, подцепил двузубой вилкой бедро и спросил:

— И всё же, как продвигается твоё расследование, Кейн?

Я только поморщился в ответ, а Кевин прочистил горло и предложил:

— Если не возражаете, мастер Арчибальд, предлагаю обсудить более насущные дела.

— Опять проблемы? — вздохнул я.

Восстановление монастыря шло полным ходом, и скрывать эти работы уже не было никакой возможности. Учитывая не самое лучшее отношение северян к Империи в целом и Церкви в частности, ничем хорошим это закончиться не могло.

Я это знал, и Кевин Свори знал это не хуже моего. Арчи и тот неплохо успел разобраться в местных реалиях, но Церкви понадобился форпост в Северных землях, и оставалось лишь плясать под чужую дудку.

— Опять барон Мальтори мутит воду? — предположил я, наблюдая за помрачневшим лицом регента.

Рыцарь дёрнул себя за седой ус, переглянулся с представителем инквизиции и вздохнул.

— Барон грозитя собрать совет, но пока наши позиции в нём сильны. Дело в слухах.

— В слухах?

Арчи кивнул, прожевал и сообщил:

— Тени подбивают горожан на бунт, распуская слухи о несметных запасах съестного, свезённых со всего княжества в монастырь.

— Ситуация ухудшается с каждым днём, — поморщился Кевин

Свори. — Цены на продовольствие растут, склады понемногу пустеют. У соседей положение немногим лучше, на поставки зерна рассчитывать не приходится. В казне просто нет на это золота.

— И чего вы хотите от меня? — поставил я вопрос ребром.

— Надо уговорить теней! — прямо заявил регент.

— Если перетянем их на свою сторону, то заткнём рты провокаторам, — поддержал рыцаря Арчибальд.

Я выудил из потайного кармашка крупную монету и повертел её меж пальцев. Аверс имперского шлема был зачернён, реверс блистал серебром, а гурт украшала замысловатая засечка. Располагались прорезы в нарочитом беспорядке, но принять их за попытку сточить драгоценный металл могли только непосвящённые.

— Сегодня? — вздохнул я.

— Сегодня, — подтвердил Арчи.

Я выругался, поднялся из-за стола и покинул зал, даже не притронувшись к еде.

В библиотеку я вернулся далеко не в лучшем расположении духа. Сразу взял со стола стрелу и со всех сил метнул её в стену, заставив в очередной раз вздрогнуть Густава.

— Что-то случилось? — спросил напуганный вспышкой моего гнева библиотекарь.

— Нет, — покачал я головой, выдёргнул стрелу и спросил: — Какие у нас отношения с эльфами?

— Неплохие, — осторожно произнёс Густав и улыбнулся. — Пожалуй, лучше они и быть не могут. Эльфы на своём берегу реки, мы на своём.

— И никаких приграничных стычек?

— Бенедикт навёл порядок на границе, — ответил библиотекарь и вострепнулся: — А что, полагаете, эльфы причастны к его смерти?

Я взвесил в руке стрелу и признал:

— Нет, не думаю.

— Есть какие-то предположения?

— Господин Улыбчивый полагает, что отгадка кроется в Ведьминой плещи.

Густав покачал головой.

— Не мне оспаривать слова колдуна... — Он потёр бледное лицо с тёмными мешками под глазами. — Я не должен этого говорить, я дал слово вашему брату... Бенедикт заставил меня поклясться...

— О чём ты? — насторожился я.

Библиотекарь поёжился и вдруг быстро произнёс:

— Однажды я застал компаньонку княгини, выходящей поутру из спальни Бенедикта. Он велел забыть об этом, но я всё думаю — а вдруг это как-то связано с его кончиной?

— Это была Лаура? — прищурился я. — Беловолосая ведьма?

Густав весь как-то поник и прижал к груди увесистый фолиант, закрываясь им словно щитом, но отказываться от своих слов не стал и кивнул.

— Она.

— Очень интересно...

Я кинул стрелу на стол и направился на выход, а библиотекарь так и остался стоять с прижатой к груди книгой. Вид у него был откровенно напуганный.

Люди честные и правильные зачастую в своих поступках излишне прямолинейны и резки. Они попросту не считают нужным скрывать своего отношения к окружающим. Другое дело — обаятельные подлецы. Улыбчивы, вежливы, обходительны. Но ровно до тех пор, пока не становятся хозяевами положения. А там — скандалы, выкручивание рук, унижения и плевки в лицо. Такие уж это люди.

Я предпочитал улыбаться до конца, до кинжала в спине собеседника, до щепотки яда в его вине. Именно поэтому Густав совершенно напрасно опасался грядущего скандала. Меньше всего мне хотелось оборвать наметившуюся ниточку, дав волю чувствам.

В апартаменты княгини я проходить не стал, вместо этого через охрану пригласил её компаньонку в коридор. А когда та появилась, протянул руку и повёл на одну из смотровых галерей.

— Милорд? — удивилась Лаура. — Решили обсудить книги?

Распущенные волосы ведьмы светились в полумраке замка лунным серебром, пахло разогретыми летним зноем луговыми травами, веяло согревающим и снимающим усталость теплом.

И как-то сразу пропали всякие сомнения в словах Густава. Ведьма была не просто молода и хороша собой, в ней чувствовалась сила. Бенедикт вполне мог изменить с ней своей невыразительной супруге, а где измена, там и ревность, интриги и...

Убийство? А почему бы и нет?

— Милорд? — забеспокоилась Лаура. — Куда мы идём?

— Зовите меня Кейн. И мы уже пришли, — ответил я, открывая тугую дверь. Порыв ворвавшегося с улицы осеннего ветра враз разметал

исходящую от ведьмы ауру тепла и умиротворения, но, надо признать, менее привлекательной девушка от этого не стала.

Я первым вышел на широкий балкон замка и окинул взглядом открывавшийся с высоты вид на город.

— Как вам панорама, Лаура?

Компаньонка княгини встала рядом и как бы невзначай прижалась своим плечом к моему.

— Хорошо, — сказала она после небольшой заминки. — Но... свежо.

Я вздохнул.

— Ситуация слишком деликатная, поэтому, если не возражаете, Лаура, я начну с самого начала.

Девушка немного помолчала, потом разрешила:

— Говорите.

— Мне кажется подозрительной смерть брата, из-за этого я здесь.

— Есть основания подозревать убийство? — слегка отстранилась от меня ведьма.

Я вытянул руку и усилием воли заставил проявиться княжеский перстень. Лаура отпрянула от закружившихся вокруг него теней, словно от острых клинков.

— Ах, вот оно что! — понимающе протянула она после этого. — А мне всё не давало покоя ваше сходство с братом! А это не только кровь, но и сила...

— Неважно, — покачал я головой. — Это не важно. Просто я собираюсь вмешаться в дела других людей и не хочу показаться при этом излишне... назойливым.

— Чего вы хотите от меня? — перешла к делу ведьма.

— Вы были близки с Бенедиктом?

— Кто вам сказал?! — вскинулась Лаура, но сразу рассмеялась. — А, пламя! К чему эти игры! Да, была. Это делает меня подозреваемой?

— Возможно, — кивнул я. — Ревность — серьёзный мотив.

— Ревность? — прыснула от смеха ведьма. — Мы просто проводили время вместе, о ревности не могло быть и речи!

— А княгиня? Она ради Бенедикта сбежала из дома, и что в итоге? Муж изменил ей! От любви до ненависти один шаг! Разве нет?

Лаура была ниже меня, но глянула будто сверху вниз.

— Любовь? — фыркнула она. — Какая ещё любовь? Всё это было игрой, мистификацией. Желанием досадить отцу! Никакой любви не было и в помине!

Я склонил голову набок.

— Вы не можете знать этого наверняка!

— Думаете? Да Бенедикт провёл свою первую брачную ночь со мной! Со мной! Понимаете, милорд?

— Кейн. Зовите меня Кейн, — попросил я и вздохнул: — Значит, сговор? Но зачем?

— Моя госпожа просто сбежала от родительской опеки, а Бенедикт никогда не распространялся о своих делах.

Я глубоко вздохнул и стиснул кулак так, что серебро княжеского перстня до боли врезалось в кожу. Луиза отодвинулась ещё дальше. Кольцо её откровенно пугало.

— И всё же фиктивным брак не был, — произнёс я после недолгого молчания. — В конце концов, княгиня понесла от Бенедикта!

Ведьма зябко передёрнула плечами.

— Эта беременность и для меня загадка, — признала она.

Я не стал больше держать её на холоде и распахнул дверь.

— Идёмте, Лаура.

— Надеюсь, этот разговор останется между нами?

— Хотел просить вас о том же.

Ведьма неожиданно поднялась на цыпочки и поцеловала меня в щёку, а потом быстро зашагала прочь по коридору. Так и не оглянувшись ни разу.

Оно и к лучшему.

Я потёр нывший бок и отправился готовиться к вечернему выходу в город.

2

Трактир «Горелый пёс» располагался неподалёку от городской стены. Я добрался до него уже в густых осенних сумерках, толчком распахнул дверь и на миг замер на пороге, внимательно изучая собравшихся в питейном заведении людей.

В один миг стало жарко, заломило виски, фигуры посетителей засветились в полумраке обеденного зала мягким розовым сиянием. Кровь. Я видел, как течёт в их жилах кровь.

Мотнув головой, я прогнал наваждение и двинулся напрямик к Брайану Морги. Определить торговца чёртовым корнем не составило никакого труда; к нему привело до предела обострившееся обоняние. Дурманом от сидевшего в одиночестве за дальним столом парня лет двадцати несло так, что у меня заломило скулы и наполнился слюной рот.

— Не нуждаюсь в компании, — нахмурился Брайан Морги, стоило опуститься напротив.

— А в деньгах? — спросил я, поставил ребром на стол золотой шлем и щелчком ногтя закрутил монету на месте.

— Я тебя не знаю, — ответил торговец дурью и потребовал: — Уходи!

— Даже не спросишь, что мне нужно?

Парень достал засапожный нож и принялся демонстративно втыкать острие меж растопыренных пальцев, понемногу увеличивая темп.

Отвлекать занятого столь рискованной игрой человека не стоило, ну я и не стал. Просто облапил одной ладонью руку Брайана с ножом, другой прижал к столу его левое запястье и уже сам принялся направлять клинок меж растопыренных пальцев.

— Какого чёрта?! — взвизгнул торговец чёртовым корнем и попытался отвести нож в сторону, но нисколько в этом не преуспел.

Я продолжил всё быстрее и быстрее бить клинком в стол. Наугад, глядя в расширенные от испуга глаза Брайана.

В таких условиях ранение было лишь делом времени, и торговец лихорадочно зачистил:

— Чего тебе?! Говори! Да говори уже!

— Чёртов корень. У тебя лучший в городе, так?

— Да! У меня...

Парень взвизгнул от боли и задёргался; я почувствовал, как нож угодил во что-то мягкое, а потом ещё раз и ещё, и лишь после этого отпустил жулика. Примолкшие посетители вновь вернулись к своим разговорам, на подмогу торговцу дурманом никто не кинулся.

Брайан прижал порезанную кисть к груди и застонал. Я бросил ему полотенце, потом передвинул через стол золотую монету.

— Чёртов корень! — потребовал я после этого. — И не вздумай предлагать труху.

Постанывая, торговец дурью замотал руку полотенцем и вытряхнул из кошелька на стол несколько матерчатых свертков.

— Забирай! — простонал он, скрипя зубами от боли.

— Нет-нет-нет, — покачал я головой. — Это не ограбление, у нас сделка.

Я выбрал свёрток побольше, развернул его и поскрёб бурую деревяшку. На той остались глубокие царапины.

— Свежий, — признал я.

— Лучший в княжестве, — простонал Брайан и потребовал: — Убирайся!

Без лишней спешки я откромсал от деревяшки кусок с ноготь мизинца величиной и отошёл к камину. Клинок нож моментально раскалился над огнём, сырой корень зашипел и задымился.

Я сделал глубокий вдох и уселся рядом с камином прямо на пол.

Отпустило.

Мои собственные запасы чёртового корня подошли к концу ещё несколько дней назад, но из-за угрозы со стороны теней и клятого эльфийского стрелка никак не получалось выбраться в город и навестить торговца дурманом.

Едва не сорвался...

Корень на клинке превратился в пепел и перестал дымить, тогда я поднялся с пола и вернулся к Брайану Морги, который возился с покалеченной рукой.

— В расчёте? — уточнил я, забирая три свёртка из пяти.

— Да, чёрт тебя дери!

Я сунул раскалённый клинок в кружку с пивом, вытер остуженный нож и спрятал в чехол на поясе.

— До новых встреч, — сказал напоследок торговцу дурманом и отправился на выход.

А только вышел за дверь, навстречу сразу шагнули три крепких парня. Сзади подступили ещё двое громил, подпиравших до того стену трактира. Тени. Эту публику сразу видно, никакие условные знаки не нужны.

— Мастер Кейн! — обратился ко мне высокий жулик с ножевым шрамом на щеке. — Вы пойдете с нами по своей воле или вас потащат!

Больше он ничего сказать не успел. Парень справа быстрым движением завернул ему руку за спину, подельник слева несколько раз ударил ножом в бок и толкнул в сточную канаву. Истечёт жертва кровью или захлебнётся в нечистотах, теней нисколько не интересовало.

— Какое бескультурье, — покачал я головой, наблюдая за тщетными попытками жулика выбраться из мутной воды. — Потащат, подумать только! Куда катится этот мир?

Страхнувший с ножа кровь парень прочистил горло, привлекая к себе внимание, и со всем почтением произнёс:

— Карета ждёт, мастер.

Мы зашагали по переулку, и с соседней улицы на перекрёсток выехала коляска с поднятым кожаным верхом. Один из теней уселся на козлы к кучеру, другой забрался на лавку вслед за мной, а парочка громил устроилась на запятках, но они не столько ехали, сколько толкали нас, когда скрипучие колёса начинали вязнуть в дорожной грязи.

Сборище теней проходило в заброшенной церкви неподалёку от городских ворот. Ехали мы туда никак не меньше десяти минут, но за всё это время мой спутник не произнёс ни слова, даже ни разу не ругнулся на возницу, когда колёса попадали в глубокие ямы и нас кидало из стороны в сторону.

Впрочем, никакой необходимости в словах уже не было. Все роли расписали заранее, и оставалось лишь уповать, что моё участие в спектакле завершится не столь плачевно, как у скинутой в канаву тени, одного из доверенных лиц местного заправилы.

Заброшенная церковь была наследием тех времён, когда Империя ещё имела влияние на Севере. Огромное угрюмое сооружение терялось в ночном мраке, но внутри, к моему немалому удивлению, оказалось вовсе не так темно, как ожидалось при взгляде со стороны. Свет проникал через выбитые витражи и дыры в частично обрушившейся кровле.

Левый неф сохранился лучше всего, именно там тени и устроили сходку. У входа скамей почти не осталось, большинство уцелевших лавок сдвинули к помосту. Тут и там на них темнели фигуры закутанных в плащи людей. Одни жулики скрывались под глубокими капюшонами, другие использовали шарфы, открытыми лица оставили только тени на центральном возвышении.

В массивном кресле с облезшей позолотой сидел мужчина с неприметной внешностью скучного обывателя. Позади него стояла молодая девица с собранными в пучок тёмными волосами и седой старик.

Старший, его любовница и советник.

Все в сборе...

— Мастер Кейн! — обрадовался моему появлению заправила. — Наконец-то вы почтили нас своим визитом!

Я ничего не ответил и в сопровождении жуликов зашагал по центральному проходу.

— Такая честь для нас! — продолжил издеваться главарь. — Нас посетил отпрыск княжеского рода! — Он замолчал, подался вперёд и оскалился: — Или же вам просто не оставили иного выхода, мастер Кейн? А?

На скамьях слышались смешки и шепотки, но я не обратил на них ровным счётом никакого внимания и остановился прямо напротив помоста.

— Ваше любезное приглашение пришлось как нельзя более кстати, — вернул я старшему улыбку ничуть не менее недобрую, чем его собственная.

— В самом деле? — осклабился главарь, упиваясь моментом.

— Именно так, — подтвердил я, достал монету и повертел, чтобы все

тени увидели обе стороны: зачернённую и блиставшую серебром. — У меня... так скажем, послание.

Старший требовательно протянул руку, и я щелчком большого пальца отправил монету, но не ему, а стоявшему сбоку старику. Тот неожиданно уверенным движением перехватил серебряный шлем и принялся водить узловатыми пальцами по засечкам, разбирая послание.

— Это из Альме, — почти сразу произнёс советник, и главарь едва не подскочил в своём кресле.

— Дай сюда! — потребовал он.

Но старик его словно не услышал.

— Низложен, — медленно, едва ли не по буквам произнёс он, и в нефе в один миг воцарилась гробовая тишина.

Первым опомнился главарь.

— Дай сюда, болван! — рявкнул жулик, вскакивая на ноги, и тогда девица за креслом запустила руку в его длинные волосы, дёрнула обратно и решительным движением перерезала горло.

Ударил тугая струя крови, главарь на миг замер, не веря в происходящее, а затем вывалился из кресла и распластался ниц на грязном полу.

— Вену! Не артерию... — досадливо пробормотал я, вытирая с лица долетевшие до меня брызги.

Жулики из первого ряда бросились к девице с ножами в руках, но таившиеся на хорах стрелки тут же привстали над ограждением и разрядили в них свои арбалеты.

На миг в нефе воцарился суший хаос. Кто-то бросился к выходу, кого-то стянули с лавки и резали в тёмном углу. Крики, стоны, влажное чавканье входящих в живую плоть кинжалов.

И так же быстро всё завершилось. Большинство теней не сдвинулись со своих мест, и когда девица вскинула над головой руку с окровавленным ножом и призвала всех к спокойствию, в нефе вновь наступила тишина. Правда, кто-то ещё надсадно хрипел в центральном проходе, но его почти сразу добились.

— Продолжайте, мастер! — попросила убийца, и советник принялся водить пальцами по зажатой в руке монете, а затем почтительно склонил голову перед новой главой теней Тир-Ле-Конта.

Я с облегчением перевёл дух и уселся на освободившееся место в первом ряду, дожидаясь, пока девчонке принесут присягу остальные жулики.

Добиться низложения прежнего главы теней не составило особого

труда: никто не любит, когда запускают руку в его карман. Другое дело — утверждение нужного человека! С этим пришлось попотеть и хотелось верить, что усилия окупят себя сторицей...

Тени разошлись уже за полночь. В нефе остались лишь я, мертвецы и усевшаяся в кресло девица, которая без церемоний устроила ноги на спине валявшегося на полу предшественника. Да еще невесть из какого угла выбрался Арчи. Верные жулики перекрыли входы в неф, но сам разговор происходил с глазу на глаз.

— Я сдержал своё слово? — спросил я, желая первым делом покончить с неприятными формальностями.

— Сдержали, мастер Кейн, — подтвердила девчонка, которая и заварила всю эту кашу. — Чем-то могу быть полезна?

— Можешь, — кивнул я, разглядывая валявшихся тут и там мертвецов, которых, впрочем, оказалось не столь уж и много. Сильно пахло кровь, но сейчас этот запах нисколько не трогал меня. Свежий чёртов корень был действительно хорош.

— И чем же? — уточнила девица, подпуская в свой голос малую толику нетерпения и раздражения.

— Не тяни тень за хвост, Кейн, — поторопил меня усевшийся на скамью Арчибалд. — У меня тоже есть вопросы, а время уже за полночь!

Я вздохнул и начал перечислять:

— Где-то в городе скрывается эльф из клана Бегущей воды. Его надо взять живым, но не получится, так и тень с ним. Пусть зарежут.

Здоровяк за моей спиной проворчал нечто одобрительное.

— Эльф, — кивнула девица. — Дальше.

— Я хочу знать, что говорят о нашей княгине у неё на родине. В первую очередь, что подтолкнуло её к бегству из родительского замка.

Тень лишь усмехнулась и предложила свою версию:

— Любовь? — спросила она.

— К чёрту любовь, нужно разузнать истинную причину!

Девица кивнула, согнула второй палец и произнесла:

— Княгиня.

— И наконец, меня интересует источник процветания клана Далькири.

Тень ненадолго задумалась, потом произнесла:

— Если дело нечисто, мне об этом расскажут. Что-то ещё?

— Это всё. — Я направился на выход, сразу обернулся и обвёл рукой валявшихся на полу мертвецов. — Так понимаю, это что-то личное?

Девица поджала губы и ответила вопросом на вопрос:

— Помнишь заведение, куда наведывался Свин?

Я кивнул.

— Девочки оттуда ничего не забывают, — туманно произнесла тень. — Ничего!

Я пожал плечами и зашагал по проходу, а мне на смену пришёл Арчибальд.

— Нужно прекратить слухи о монастыре, — потребовал инквизитор. — И пусть никто из ваших туда не суётся...

Под сапогом влажно чавкнула кровь, я беззвучно выругался и поспешил покинуть неф. С одной проблемой удалось разобраться, но пока успех ни на пядь не приблизил меня к разгадке гибели брата. И это выводило из себя почище крутившей суставы боли...

3

Первая служба в часовне при восстановленном монастыре состоялась на самом излёте осени. Было промозгло, с хмурого неба сыпался мокрый снег, дороги окончательно развезло, колёса телег и карет вязли в холодной липкой грязи.

Покидать натопленную комнату в такую погоду не хотелось, но отсидеться в замке не вышло: на службу созвали весь свет княжества, исключение сделали лишь для находившейся в положении княгини.

— Ты не можешь не пойти, Кейн, — прямо заявил Арчибальд. — Слишком много зависит от того, насколько всё гладко сегодня пройдёт.

Кевин Свори оказался с инквизитором всецело согласен.

— Люди должны тебя видеть, — скрипучим голосом произнёс седоусый рыцарь. — Ты для барона Мальтори нож у горла. Если он скovyрнёт меня, все шансы стать регентом именно у тебя. При таком раскладе барон не рискнёт доставить нам неприятности.

Я только вздохнул.

— Что говорят в городе?

Арчи пожал плечами и поправил застёжку плаща.

— Поговаривают, будто при монастыре откроется бесплатная харчевня, и нуждающимся станут раздавать продукты. Тени разносят слухи, будто блохи чуму, и открытие церкви больше не кажется людям такой уж дурной затеей.

— А еду действительно станут раздавать всем нуждающимся? — прищурился я.

— Поживём, увидим, — флегматично ответил Арчибальд и спросил: — Ты готов?

— Да! Едем!

В часовне оказалось холодно и многолюдно. Мало кто стоял с непокрытой головой, большинство собравшихся и не подумало снять капюшоны и шапки, а приглушённые голоса сливалось в неразборчивый гул, от которого у меня очень скоро разыгралась мигрень. Когда за кафедру встал настоятель монастыря, высокий и худой, с жёстким лицом аскета, и внимание всех присутствующих обратилось к нему, я незаметно подался назад и тихонько выскользнул из часовни. На улице отыскал закуток, где с неба не сыпался мокрый снег, и прислонился к стене.

Всё бы ничего, да только промозглый воздух очень быстро забрался под плащ, стало холодно и неудобно. Я уже всерьёз начал подумывать о том, чтобы отправиться на поиски вина или уйти в сторожку и сжечь в очаге немного чёртова корня, но тут появилась тень.

Молодая девица с невыразительным лицом и заплетёнными в косу чёрными волосами хлебнула из пузатой бутылки зелёного стекла и протянула её мне. Яблочный бренди оказался очень даже неплох и в столь мерзкую погоду пришёлся весьма кстати.

— Что-то удалось узнать? — спросил я, возвращая бутылку.

— Ещё жду ответа из Ронли, — ответила тень, затыкая горлышко деревянной пробкой.

— А в остальном?

— Твой эльф будто в воду канул, — сообщила девица. — Никаких следов. Если он в городе, его кто-то скрывает. Кто-то не из наших.

— Понятно. А что с Далькири?

Тень неудобно поёжилась.

— Те, кто лезут в их дела, сами роют себе могилу, — произнесла она после явственной заминки.

— Не надо лезть в их дела, — улыбнулся я, забрал бутылку и хлебнул бренди. — Надо рассказать о них мне, — продолжил, возвратив выпивку.

Девица раздражённо сверкнула глазами.

— В нашем случае это одно и то же!

— У Далькири больше нет княжеского покровительства.

— Зато есть пара сотен бойцов!

Я кивнул.

— Вот именно. И мне нужно знать, откуда берутся деньги на их содержание.

— Контрабанда, — сообщила тень.

— В самом деле? — удивился я.

Тир-Ле-Конт находился в центре Северных земель, и вся торговля с внешним миром шла либо морским путём через порт Альме, либо посуху через Арли. Нам от этого пирога было не откусить при всём желании.

Но тень моё недоверие нисколько не смутило.

— Раз в месяц клан собирает обоз и отправляет его на юг, — заявила она.

— Что везут?

— Сушёные травы, грибы, орехи, — перечислила девушка с непонятной улыбкой. — Так они говорят. Но если проявить к товарам чрезмерное любопытство, можно запросто очутиться в придорожной канаве с проломленным черепом.

— Даже так? — хмыкнул я и предположил: — Везут дурь?

Тень хлебнула бренди и поёжилась, будто от забравшегося под одежду ветерка.

— Этим никого не удивить, — усмехнулась она. — Вопрос в том, откуда она берётся. Обоз в месяц — это совсем немало, пусть даже основной груз там для отвода глаз. И где они достают товар зимой?

— За рекой? — предположил я, поскольку лишь эльфы могли снабжать дурманом своих покупателей круглый год.

Моя собеседница только пожала плечами.

— Я этого не говорила. И не скажу. Просто не знаю.

Я задумчиво кивнул, повернулся к часовне, из которой после окончания службы начали расходиться люди, и сказал:

— Тебе пора.

Тень не заставила просить себя дважды и отправилась восвояси, а моё внимание привлёк спор двух баронов. Высокий и грузный, но ещё окончательно не растерявший былой мощи Джером Мальтори что-то вполголоса выговаривал скрестившему на груди руки Карлу Далькири. Разговор был точно не из приятных, на лице Карла так и ходили желваки.

Вскоре он развернулся и зашагал прочь, а барон Мальтори раздражённо огляделся и во всеуслышание объявил:

— Я этого так не оставлю! Я не продам сам и не дам продать княжество!

Вокруг него начали собираться люди, и я вернулся в часовню. У кафедры там вели разговор настоятель монастыря, Кевин Свори и Арчибальд.

— Ваша позиция оттолкнёт многих людей, — угрюмо проговорил

седой рыцарь.

Настоятель только фыркнул.

— Им придётся выбирать! — объявил он. — Церковь несёт ответственность лишь за прихожан! Только те, кто вернётся в её лоно...

— На севере длинная память! — перебил его регент. — Весной люди припомнят ваши слова.

— Лучше пусть помнят наши дела! — последовал резкий ответ. — Мы поможем заблудшим овцам, но никак не козлицам!

Я выжидающе посмотрел на Арчибальда, но здоровяк едва заметно покачал головой. Вмешиваться в спор он не желал. Кевин Свори заметил наш обмен взглядами и шумно засопел, лицо его покраснело от злости.

— Хотите раздавать еду всем подряд? — произнёс тогда настоятель. — Что ж, это ваше право. Раздавайте! Но из своих запасов.

— Княжеская доля не безмерна! — напомнил регент.

— Желаете получить что-то сверх оговоренного? Дайте что-то взамен!

— Хочу напомнить, — оскалился седоусый рыцарь, — что не только мы зависим от вас, но и вы от нас!

Церковник снисходительно улыбнулся.

— Мы вовсе не пытаемся втянуть вас в кабалу. Хотите получать больше зерна? Отлично! Что насчёт заброшенной церкви у южных ворот?

Кевин Свори мрачно глянул на собеседника и медленно кивнул.

— Подумаю насчёт этого, — произнёс он скрипучим голосом, развернулся и зашагал на выход.

Я поспешил за ним и уже на улице спросил у Арчи:

— Какого чёрта ты не вправил этому святоше мозги?

Здоровяк только вздохнул.

— У меня нет на это полномочий.

Я в ответ сплюнул в дорожную грязь и поспешил к карете.

Внутри меня всё так и зудело от предчувствия скорых неприятностей.

По дороге до замка я обдумывал услышанное.

Действительно ли барон Далькири торгует с эльфами? И если торгует, то в самом ли деле везёт из-за реки именно дурман?

А самое главное: не могла ли угроза разоблачения стать мотивом для убийства Бенедикта?

Ответов на эти вопросы у меня не было.

И это выводило из себя.

Возвращаясь в Тир-Ле-Конт, я был уверен — найти убийцу брата не составит особого труда. И неважно, придёт на помощь чутьё или поможет отыскать разгадку княжеский перстень, очень скоро я воздам преступнику по заслугам. Но всё оказалось совсем не так просто, и большую часть времени я провёл за разбором записей Бенедикта. И провёл, надо сказать, впустую.

У кого-то другого от этого могли опуститься руки, у кого-то другого, но только не у меня. После возвращения в замок я отправился напрямик в библиотеку и продолжил составлять генеалогические древа всех княжеских родов.

На эту мысль меня натолкнули слова Лауры.

«Игра», — сказала она. — «Мистификация».

«Желание досадить отцу».

Её госпожа желала досадить отцу, но кого способен расстроить брак младшей дочери с главой соседнего государства? Между нами не было кровной вражды, не было войны. Так в чём же дело?

И вдруг я понял, что не могу припомнить браков между представителями княжеских родов за исключением женитьбы отца. Наскоро просмотрел родословные, но с ходу не смог отыскать ни одного примера и там. И это было чрезвычайно странно.

Густав подошёл, когда я стоял перед стеной, полностью испещрённой меловыми линиями и пытался отследить связи между княжескими родами Северных земель. Безрезультатно. Подобных браков не случалось как минимум несколько последних столетий.

— Бенедикт рисовал нечто подобное, — сообщил библиотекарь. — Стену потом отмывали целый день.

Я резко обернулся и спросил:

— Зачем? Зачем он это делал?!

Густав лишь развёл руками.

— Со мной он это не обсуждал.

— А с кем обсуждал?

Библиотекарь задумчиво потёр пальцами бледное лицо и неуверенно произнёс:

— Господин Улыбчивый... — Он встрепнулся и кивнул. — Да! Несколько раз я видел, как они правили ту схему...

— Отлично! — обрадовался я и хлопнул собеседника, но, как видно, слишком сильно. Библиотекаря явственно перекосило. — Благодарю! Ты мне очень помог!

Густав растерянно улыбнулся, а я отправился на поиски колдуна, не желая откладывать это дело в долгий ящик. Но стоило только спуститься в подвал, и моя решительность тотчас ослабла. Уж не знаю, сказался подобным образом вид заплесневелых стен или промозглый воздух подземелья, но разговор с господином Улыбчивым враз перестал казаться такой уж хорошей идеей.

Если Бенедикта погубила магия, никто в замке кроме колдуна не смог бы этого определить. Так откуда мне знать, что в прошлый раз старик был полностью откровенен со мной? Вдруг он уловил отголоски смертоносной волшбы, но никому об этом не сказал?

Вдруг сам наложил её?

Мысль об этом заставила остановиться и положить руку на рукоять меча. Колдуны умирают ровно так же как обычные люди, и сейчас я не отказался бы от зачарованного клинка, способного пробивать защитные чары.

Пустое! Магического оружия у меня не было. Если только...

Усилием воли я заставил проявиться на пальце тяжёлый княжеский перстень и закутался в трепетавшие вокруг него тени. Подземелье посерело, мрак рассеялся, огни редких факелов задрожали цветками бесцветного огня.

Неуверенность оставила меня, я беззвучно рассмеялся и зашагал к обиталищу колдуна. Тени что-то нашёптывали, подбадривая и подгоняя. Но различить слова никак не получалось; стоило только прислушаться, и голоса оборачивались неразборчивым шумом.

Входная дверь в логово колдуна распахнулась совершенно бесшумно, и всё же неожиданностью моё появление для господина Улыбчивого не стало. Только я переступил через порог и сразу наткнулся на его понимающий взгляд. Колдун сидел за своим рабочим столом и по своему обыкновению улыбался.

— Надо поговорить! — с ходу заявил я, и хоть мой голос прошелестел тихой тенью, господин Улыбчивый досадливо поморщился и покрутил пальцем в левом ухе, словно его оглушило криком.

— И о чём же вы желаете поговорить? — спросил колдун с печальной усмешкой.

— О Бенедикте, его интересах и смерти. В прошлый раз вы были не до конца откровенны со мной.

Господин Улыбчивый иронично выгнул левую бровь.

— В самом деле? Что натолкнуло вас на такую мысль?

— Добрые люди подсказали.

Улыбка колдуна враз потеряло всякую теплоту.

— Ох, уж мне эти добренькие... — выдал он. — Вечно от них одни неприятности!

Я подступил к заваленному пергаменами столу и потребовал объяснений:

— Что за исследования вёл мой брат?

Господин Улыбчивый поднялся на ноги и враз оказался выше меня едва ли не на голову.

— Во многих знаниях многие горести!

— Плевать! — отмахнулся я. — Мне нужна правда!

Окружавшие меня тени потекли к старику, но только коснулись, сразу посерели и развеялись.

— Княжеский перстень — это не игрушка, — предупредил господин Улыбчивый. — Осторожней с ним, Кейн. Осторожней. Оно налагает определённые... ограничения.

— И какие же? — спросил я, опуская руку к поясу.

— Его владелец не может причинить мне вред, — объявил колдун, — как я не могу причинить вред его владельцу. Это часть договора. И нет, я не причастен к смерти Бенедикта. Я не убивал его ни магией, ни любым другим образом. Никаким действием или бездействием. На самом деле мы с ним отлично ладили. И я ничего не знаю о его смерти за исключением того, что он умер. В этом я не сказал ни слова неправды. Остальное тебя не касается.

— С чего мне верить тебе?

Господин Улыбчивый закрыл ладонью глаза, а потом медленно повёл руку вниз, стирая собственное лицо.

— Скажи, желай я причинить тебе вред и обладай возможностью навредить, вышел бы ты живым из этой комнаты? А, Кейн?

Я шумно выдохнул нечто вроде сдавленного «пум-пурум» и огляделся по сторонам.

— Полагаю, выпивки здесь нет? — спросил после этого.

Заполнявшие комнату тени рассеялись, вдоль стен проявились скрытые до того иллюзиями шкафы. На одной из полок стояла пыльная бутылка, уже початая, и бокал.

— Красное крепкое из Норлинга, — сообщил колдун. — Бенедикт его любил.

Я выдул пыль из хрустального бокала, наполнил его вином, выпил. Сладкий крепкий напиток оставил на языке послевкусие винограда и южных ягод, мягким огнём провалился в желудок и сразу ударил в голову.

Он прогнал неуютный холодок, что поселился в груди, помог собраться с решительностью и вновь посмотреть на колдуна.

Лицо господина Улыбчивого превратилось в неживую маску, в его пустых глазницах клубилась тьма, губы перехватывали и растягивали в неизменной улыбке стежки нитей.

Не живой и не мёртвый.

Неживой. Немёртвый.

Нечто среднее.

И никаких иллюзий. Всё так и было на самом деле. Я знал это наверняка.

— Дом Мёртвых? — предположил я, имея в виду имперскую школу некромантов.

Колдун слегка поклонился, приложив руку к груди.

Я вздохнул. Выйти победителем из противостояния с подобным существом нечего было и рассчитывать, не помогла бы даже магия княжеского перстня. Оставалось лишь поверить некроманту на слово.

— Бернард знал? — спросил я, выливая из бутылки в бокал остатки вина.

— Все прошлые князья знали и все грядущие князья будут знать, — сообщил господин Улыбчивый. — Таков уговор.

— Да уж, — протянул я, заставил себя собраться с мыслями и нахмурился. — Смерть — ваша вотчина. Ты действительно не знаешь, что убило Бенедикта?

Господин Улыбчивый покачал головой.

— Не знаю, — подтвердил он. — Но твой брат слишком много времени проводил в Ведьминой плеши, он весь пропитался магией. Допускаю, что я мог упустить какую-то мелочь. Но... сомневаюсь.

— Что Бенедикт искал? Что он искал в Ведьминой плеши?

— Во многих знаниях многие горести, — вновь повторил колдун.

— Плевать! — резко выдал я и в несколько глотков влил в себя креплёное вино. — Почему княжеские рода не связаны родственными узами? Почему Бенедикта заинтересовал этот факт?

После выпитого стало тепло, неприятная стылость отступила. Я уселся на табурет и закинул ногу на ногу в ожидании ответа.

— Бенедикт был одержим, так же как был одержим когда-то и ты, — произнёс господин Улыбчивый некоторое время спустя. — Но ты обрёл новую страсть, а его страсть осталась неизменной.

Я стиснул кулаки так, что побелели от напряжения пальцы.

Одержимость!

Да, я был одержим. Одержим Ведьминой плешью и демонами населявшими её.

Я желал уничтожить их всех и непременно собственными руками. И даже страстная любовь к Катарине не сумела вытравить былую ненависть из меня до конца. Она никуда не делась, просто затаилась в глубине души и дожидалась своего часа.

Я ощущал её. Ощущал до сих пор.

— Что хотел узнать Бенедикт? — поторопил я замолчавшего колдуна.

— Узнать? — рассмеялся тот. — О, нет. Знания были для него лишь инструментом. Твой брат намеревался уничтожить Ведьмину плешь, выжечь её из нашего мира. Но он находился в самом начале длинного пути.

При этих словах я вскочил с табурета и шагнул к колдуну.

— Это реально? Это действительно можно сделать?

Господин Улыбчивый указал на своё лицо.

— Посмотри на меня, Кейн. Просто посмотри на меня. Как думаешь, после этого есть в нашем мире хоть что-то невозможное?

Колдун разговаривал со мной, несмотря на сшитые губы, более того — он жил так долгие годы. Точнее — существовал. Но я его понял.

С помощью магии можно перекроить реальность, подогнать её под свои желания, навязать свою волю.

— Бенедикт искал тайные знания? — догадался я.

— У него не было дара, — уверил меня господин Улыбчивый. — В поисках ему помогал лишь ясный ум.

Мне надоело ходить вокруг да около, и я спросил напрямую:

— Как с его поисками связана родословная княжеских родов?

Колдун сгорбился, и хоть тема была ему откровенно неприятна, отмалчиваться не стал.

— Что тебе известно о возникновении Ведьминой плешки? — поинтересовался он.

— Она возникла, — просто ответил я.

— И это всё?

— Это случилось около пятисот лет назад, — привёл я общеизвестный факт.

Господин Улыбчивый закатил глаза, и в неровном свете его лицо показалось деревянной маской.

— А что было с Северными землями до того?

Я лишь пожал плечами.

— Они были.

Колдун хрипло рассмеялся.

— В логике тебе не откажешь! — выдал он и зажмурился, словно собираясь с мыслями. — Северные земли никогда не интересовали Империю. Достаточно было уже того, что вы с эльфами режете друг друга. Эльфы тогда были в силе.

— И что с того?

— Люди уступали, помощи с юга не было. У каждого клана имелся свой тотем, все они враждовали друг с другом и не упускали случая ударить в спину недавним союзникам.

— Времена были тяжёлые, — усмехнулся я.

— Именно, — подтвердил господин Улыбчивый. — И в один момент стало ясно — если не объединиться, победы над эльфами не видать. Они не остановятся, пока не заберут все земли, которые полагают своими.

— К чему эти сказки? — не выдержал я.

— Старейшины северных кланов собрались в окрестностях небольшого городка Вельн, — будто не услышав меня, произнёс колдун. — В церкви. Три дюжины человек вошли туда, и только пятеро вышли. Догадаешься, кто это были?

— Будущие князя?

— Они самые. А церковь сгорела. От неё остались лишь горелая плешь, где даже не росла трава.

— О, моя тень! — выдохнул я. — Ведьмина плешь пошла именно оттуда?

— Ничего в этом мире не даётся даром. Ничего. Князя получили силы, объединили кланы и дали отпор эльфам. Но за всё приходится платить.

— Какую сделку они заключили?

— Не знаю, — покачал головой господин Улыбчивый. — Это всё, что удалось отыскать в хрониках.

— Пять веков княжеские рода не заключали браков меж собой, не желая делиться силой, — задумчиво проговорил я. — Что изменилось теперь? Сначала мой отец, затем Бенедикт...

— Вырождение, — прямо ответил колдун. — Каждому новому князю достаётся всё меньше и меньше силы. С каждым годом Ведьмина плешь расширяет свои владения. Не знаю, что двигало твоим отцом, Бенедикт просто пошёл по его стопам.

— Чёрт! — выругался я и заходил от стены к стене, пытаясь собраться с мыслями.

Прежде чем заключить второй брак, отцу пришлось отказаться от прав на княжеский перстень, поэтому едва ли от союза тени и воды мог выйти

какой-то прок. Но Бенедикт был князем. Тени и пламя, кто знает, какими силами будет обладать его наследник?

Я посмотрел на колдуна и прищурился.

— Княгиня понесла, и сразу умер Бенедикт. Умер своей смертью, просто перестал дышать. Мог ещё не родившийся ребёнок забрать его силу?

— С твоим отцом подобного не произошло, — напомнил господин Улыбчивый.

— Он не был князем! — отрезал я. — Так что скажешь?

Колдун развёл руками.

— Мне ничего не известно о природе вашей силы, — признал он, замолчал, задумчиво потирая подбородок, потом нехотя признал: — Патрик был против этого брака. Он требовал у Бенедикта одуматься.

— Тени! — выдохнул я и пинком отправил стул к противоположной стене. — Дранные тени!

Неужели не было никакого убийцы и Бенедикт просто заигрался, желая во всём подражать отцу? Неужели моя сделка с церковью оказалась лишена всякого смысла? Что если так?

Я неровно задышал, достал свёрток с чёртовым корнем и опустил его у камина.

— Это убьёт тебя, — предупредил господин Улыбчивый.

— Это не даёт мне умереть! — возразил я.

— И одновременно убивает твой мозг, — постучал колдун указательным пальцем по виску. — Пока ещё ты остаёшься человеком, но природу не обмануть. В итоге ты либо изменишься, либо умрёшь. Третьего не дано.

— Что ты знаешь об этом? — вскинулся я.

— Что я знаю о смерти? — рассмеялся господин Улыбчивый. — Кейн, ты действительно сомневаешься в моих словах? В самом деле?

Сомневаться в познаниях некроманта не приходилось, поэтому я заставил себя успокоиться и спросил:

— Что ты знаешь об этой... болезни?

— Тебя обратили, — прямо сказал колдун. — Процесс превращения в вампира необычайно затянулся, но даже с чёртовым корнем больше чем полгода тебе не протянуть. И это если дурман не прикончит тебя раньше.

— Церковники обещали помочь.

— Вздор! — в голос рассмеялся господин Улыбчивый. — Это не в их власти! Смерть или обращение — иного не дано. И выбор, на самом деле, вовсе не очевиден. Новообращённый вампир существо подневольное,

свободу от старших приходится выгрызать годами, а то и веками. Да и не все способны на такое.

Я только фыркнул.

— Надо мной не будет мастера. Обративший меня уже мёртв.

— А его мастер? — спросил колдун. — Кто знает, как далеко вверх по цепочке придётся зайти, чтобы разорвать кровные узы? Кровь не вода, Кейн. Совсем не вода.

У меня вырвалось крепкое ругательство, и я развернул свёрток с чёртовым корнем.

Рабство — не для меня.

— Не торопись, — попросил господин Улыбчивый, вышел из-за стола и принялся рыться в одном из ящичков. — Вот, держи, — протянул он мне курительную трубку и склянку с плотно притёртой крышкой. Заполнена та была тёмно-серым мелким порошком. На вид он казался слегка влажным.

— Что это? — удивился я.

— Молотый чёртов корень, — ответил некромант.

Я выдернул пробку и принюхался. Пах порошок странно.

— Чёртов корень и пережжённую ведьмину паутину могу разобрать. Что ещё?

— Сок мёртвых ягод.

— Никогда о таких не слышал.

— И не услышишь, — уверил меня господин Улыбчивый. — Всего ингредиентов больше десятка, но это основные. Приготовил специально для тебя, просто не знал, как начать разговор.

— И стоит ли его начинать, — понимающе усмехнулся я.

Колдун мою реплику проигнорировал и предупредил:

— В день выкуривать не более ногтя смеси. И о выпивке тебе придётся забыть.

— Почему так?

— В сочетании с алкоголем это смертельный яд.

Я взвесил в руке склянку и предположил:

— Это полугодовой запас?

— До лета должно хватить.

— А потом?

Господни Улыбчивый пожал плечами.

— Если дотянешь до лета, приготовлю ещё. Повторяю — чёртов корень может лишь приостановить процесс, но не остановить и не обернуть его вспять.

Я начал набивать трубку, но господин Улыбчивый меня одёрнул.

— Не сейчас! Не после вина! — напомнил он, а затем провёл ладонью по лицу, возвращая себе привычный вид улыбчивого пожилого господина. Только глаза остались холодными и колючими, мёртвыми.

Я с сомнением поглядел на некроманта, но спорить не стал и убрал трубку в кошель.

— Не сейчас, так не сейчас.

— И не дыми при людях, особенно в кабаках. Перетравишь всех.

Я только посмеялся.

— Не буду.

Колдун тяжело вздохнул и кинул мне увитую разноцветными нитками палочку толщиной в палец и раза в два длиннее мизинца. Я едва успел перехватить сучок.

— Это ещё что?

— Слышал, ты решил поохотиться на демона? — проявил господин Улыбчивый осведомлённость о моих планах на сегодняшнюю ночь. — Если вдруг отыщешь его, просто сломай. Это уложит любую тварь.

— А можно как-то отыскать его логово?

— Не в моих силах, — покачал головой некромант.

Я кивнул и покинул подвал.

5

К ночи подморозило, под сапогами хрустел лёд луж и ломкое крошево выплеснутых на дорогу, застывших и припорошенных снегом помоев. По улице гулял пронзительный ветерок, выдувая из-под плаща последние крохи тепла.

Я несколько раз сжал и разжал кулаки, разминая замёрзшие пальцы. Кожа перчаток не лучшим образом защищала от холода осенней ночи.

— Дурацкая затея! — проворчал Арчибальд, в очередной раз возвращая на голову сдёрнутый ветром капюшон плаща.

Я только посмеялся в ответ и посильнее натянул на уши шапку.

Особых надежд на удачный исход охоты я не питал, но после безвылазного пребывания в пыльной библиотеке, хотелось действовать.

Хотелось бежать и ловить.

Хотелось кого-нибудь убить.

И выбравшийся из Ведьминой плешки демон годился для этого просто идеально.

Жёлтый медяк луны завис над крышами домов и заливал город своим

призрачным свечением. Не успевший растаять днём снег отражал его, и ночь была необычайно светлой. Тени жались по узким переулкам и глухим подворотням, в одной из которых мы сейчас и стояли.

По улице, скользя на застывших лужах и матерно ругаясь при этом, протопал патруль городской стражи. Время от времени старший сиплым и простуженным голосом предупреждал всех и каждого о своём приближении. Случайная встреча с ночным убийцей не входила в планы бравых стражей порядка, и я не мог их за это винить.

Арчибальд выдернул пробку из бутылки креплёного вина, сделал добрый глоток и воткнул её обратно.

— Почему именно здесь? — спросил он, убирая выпивку в котомку.

Я пожал плечами.

— Просто расспросил людей насчёт предыдущих мест преступлений. С каждым разом эта тварь подбирается к замку всё ближе и ближе.

Здоровяк кивнул и глянул на возвышавшуюся над городом громаду княжеского дворца. В небе плыли рваные обрывки облаков и помаргивали зелёные звёзды, не слишком яркие из-за свечения полной луны.

Мы стояли неподалёку от места, где соседняя улочка начинала взбираться по склону холма к замку. Демон нанесёт следующий удар поблизости — в этом сомнений не было ни малейших. От ожидания скорой схватки слегка потряхивало, и нестерпимо хотелось втянуть дыма чёртового корня или, на худой конец, глотнуть вина, но останавливало предупреждение некроманта.

Ничего, перетерплю.

— Пока утром не найдут тела, ничего мы не узнаем. Только зря задницы морозим, — проворчал Арчи, поднял с земли увесистый молот на короткой ручке и на пробу подкинул его в воздух.

— Не согласен, — покачал я головой, прошёлся по двору, разминая ноги, а затем выглянул на улицу.

Тишина и спокойствие.

— И почему же?

— Бродяг с улиц разогнали стражники, а значит, демону придётся вломиться в какой-нибудь дом.

Здоровяк презрительно фыркнул, не принимая в расчёт этот аргумент.

— В прошлый раз труда ему это не составило, — напомнил инквизитор и передёрнул плечами. — И даже если выследим тварь, что дальше? Что ты будешь делать?

— Убью.

— Уверен, что справишься?

Я кивнул.

— Просто прикрой меня.

Арчибальд выдохнул беззвучное проклятие, и оно растворилось в морозной ночи облачком белого пара.

— Ждём до полуночи и закругляемся, — объявил он.

Не став вступать в пустые пререкания, я повернулся к нему спиной и высвободил из ножен кинжал. По хищному узкому клинку серебрилась затейливая вязь направленных против демонов рун. На один лишь амулет некроманта я полагаться не стал. Впрочем, его тоже держал наготове.

— Чёртов холод, — протянул Арчи и закашлялся.

— Не ной! — оборвал я его. — Скажи лучше, как у нас дела.

— Дела ни к чёрту, — признал здоровяк и сплюнул под ноги. — Сразу после открытия часовни пошли слухи, будто регент проданся церковникам. Это не к добру.

— Барон Мальтори никак не угомонится, — усмехнулся я, прекрасно отдавая себе отчёт, что дело не в нём, а в отце.

Папа всерьёз вознамерился усадить на трон моего сводного братца, и лишь испорченные отношения с роднёй не позволяли ему протолкнуть это решение через совет баронов.

Отказ от прав на престолонаследие и переезд в Альме ему не простили. Это север, здесь у людей долгая память.

С другой стороны, если убить барона Мальтори, — это не изменит ровным счётом ничего. Разве что прибавит проблем с кровниками.

Отступить?

Я лишь покачал головой. Нет, не отступлю.

Я ещё не разобрался с гибелью Бенедикта, не отыскал и не покарал его убийцу. И пусть велика вероятность, что никто моего брата не убивал, я не покину Тир-Ле-Конт, пока не отмечу все остальные версии.

Демон. Сегодня я рассчитывал разобраться с демоном.

Несколькими глубокими вздохами я заставил себя успокоиться и вдруг насторожился, заслышав непонятный стук.

— Арчи?

Здоровяк скинул с головы капюшон, замер так на миг, а потом покачал головой.

Инквизитор ничего подозрительного не уловил, но я доверял своему чутью, поэтому вышел со двора, взмахом руки велел Арчибальду идти следом. Вновь донёсся непонятный скрежет, и прозвучал он где-то совсем неподалёку, будто бы даже за углом. И сразу — вскрик!

Я заставил княжеский перстень окружить меня пологом теней и

рванул на соседнюю улицу, на ходу вытягивая из ножен кинжал.

Чутьё не подвело. Два городских стражника уже валялись на дороге, на ногах оставался лишь сержант. Выставив перед собой меч, он пятился от изготовившейся к прыжку тёмной фигуры.

Повезло!

С зачарованным кинжалом в одной руке и амулетом некроманта в другой я со всех ног припустил к демону, но бесовское отродье словно шилом в спину ткнули. Завеса теней превращала меня в сущего невидимку, и всё же оно резко отпрянуло от жертвы и стремительным прыжком сигануло прочь.

Вывернувший вслед за мной Арчи шумно выдохнул и мощным замахом метнул свой молот. Страшное орудие буквально на ладонь разминулось с головой беглеца и впустую вышибло каменную крошку из стены дома, а демон лёгким прыжком перемахнул через забор и скрылся в соседнем дворе.

Когда я подбежал к воротам, закатился под них и привстал на одном колене с отведённым в сторону кинжалом, там уже никого не было.

И — тишина. Только постанывал на улице раненый стражник.

Быстрым шагом я пересёк двор и выглянул из-за забора, но переулок оказался пуст. Ничего и никого.

Пришлось возвращаться к Арчи, который отпаивал вином трясшегося в ознобе сержанта.

— Лицо разглядел? — спросил инквизитор, забирая бутылку.

— Не было у него лица, — выстукивая зубами звонкую дробь, ответил насмерть перепуганный стражник. — Жизнью клянусь, не было!

Я раздосадованно выругался и стряхнул с шапки скатившийся со ската крыши снег.

Снег?

Запрокинув голову, я заметил смазанное движение, и сразу раздался тугой щелчок. На этот раз эльфийский стрелок решил не рисковать и выстрелил практически в упор, как, наверное, не раз стрелял с деревьев в крадущихся по земле людей. Промахнуться он попросту не мог, спас княжеский перстень.

Сверкнул в лунном свете наконечник, но стрела на миг завязла в окружившем меня пологе теней. Я выхватил её прямо из воздуха и сразу шагнул к стене дома, укрываясь под навесом крыши. За спиной звонко лязгнула о заледенелую брусчатку вторая стрела, а потом что-то прошуршало на черепице с другой стороны дома.

Не сговариваясь, мы с Арчи бросились в погоню. Я первым свернул за

угол и перекатом проскочил открытое пространство, но эльф к этому времени уже бесследно растворился в ночи.

— Чёрт! — в сердцах выругался я, отряхивая с плаща снег. — Ушёл!

— Надо с этим что-то делать, — проворчал Арчибальд, благоразумно оставаясь под прикрытием стены.

— Надо! — согласился я. — Ещё как надо...

Глава 3

1

Разбудил стук в дверь.

И это было воистину странно: за последнее время такого не случилось ни разу. Обитатели дворца предпочитали лишний раз меня не беспокоить, а лучше — не замечать вовсе.

Неужто пожар?

Откинув одеяло, я уселся на кровати и вытянул из ножен короткий клинок меча.

— Да! — крикнул после этого, и не думая подходить к двери.

— Милорд, господин регент желает вас видеть! — сообщили из коридора.

— Сейчас буду! — откликнулся я и зажал ладонями лицо.

Вчера в замок я вернулся уже под утро, потратив остаток ночи на безрезультатные поиски демона и эльфа, поэтому откровенно не выспался, и голова была просто чугунной.

Но раз Кевин Свори послал за мной в столь ранний час, медлить не стоит. Явно стряслась какая-то беда.

Босиком прошлёпав по холодному полу, я отдёрнул с окна шторы и с болезненным шипением отступил вглубь комнаты. Солнечный свет не просто резанул по глазам; неяркие лучи опалили кожу почище огня.

— Вот гадство! — не сдержался я.

Чудодейственная смесь господина Улыбчивого на деле помогала куда хуже чистого чёрного корня.

Кстати о чёртовом корне...

И тут вновь постучали в дверь.

— Милорд, это срочно!

Я беззвучно выругался, отложил курительную трубку и принялся одеваться.

Когда я спустился в малую гостиную, за накрытым столом помимо Кевина Свори сидел невыспавшийся Арчибальд. На еду ни тот, ни другой не смотрели, напряжённо буравя друг друга недобрыми взглядами.

Мне как-то сразу стало нехорошо. Очень уж красноречивым было

сгустившееся в комнате напряжение.

— И что теперь? — постарался я разрядить обстановку. — Это по поводу вчерашнего? Из-за демона? Мы самую малость опоздали, ничего не попишешь...

— Нет! — едва ли не прорычал седоусый рыцарь. — Это не из-за демона!

Я с трудом подавил обречённый вздох, уселся за стол и собственноручно налил себе крепкого травяного чая. Аппетита не было, а вот горло изрядно пересохло.

— Что ещё у вас стряслось? — поинтересовался я, сделав осторожный глоток горячего напитка.

— Не у нас, Кейн! — потемнел лицом Кевин Свори. — Мы все теперь в одной лодке! — И он ткнул узловатым пальцем в инквизитора. — Излагай!

Арчибальду такое обращение по нраву не пришлось, он набычился, но всё же взял себя в руки и хрустнул костяшками сцепленных пальцев.

— Настоятель... — с непонятной интонацией произнёс здоровяк. — Кто-то донёс ему о ведьме...

— И что с того? — беспечно усмехнулся я, поливая ломтик поджаренного хлеба кленовым сиропом. — Требуется задержать её? Разберитесь. Устройте судилище в конце-то концов!

— Он ничего не требует! — прорычал Кевин Свори. — Ведьму уже схватили и собираются сжечь!

Я с недоумением уставился на регента.

— На каком основании? Здесь не империя! Церковники не имеют власти вершить правосудие!

Седоусый рыцарь вскочил из-за стола, раздражённо оттолкнув от себя стул.

— И я о том же!

Арчибальд втянул голову в плечи, но сразу переборол нерешительность и принять невозмутимый вид.

— Ведьмы вне закона...

— Князь решает, кто вне закона! — грохнул кулаком по столу Кевин Свори. — Если ведьму сожгут, горожане возьмут монастырь штурмом! Они перебьют всех, кто только под руку попадётся!

— В ваших интересах этого не допустить! — упрямо произнёс инквизитор.

— Бунт нужен? — обернулся к нему регент. — Бунт, да?

— Обожди, Кевин! — остановил я рыцаря и спросил: — Насчёт

ведьмы — так всё и задумывалось? Это позиция Церкви?

Здоровяк поморщился и признал:

— Нет, это инициатива настоятеля. Кто-то из новообращённых донёс о колдунье, и он не смог оставить этого без вмешательства.

— Она хоть ведьма? — вздохнул я.

— Да какая разница? — нахмурился Кевин Свори. — Мы не можем допустить её сожжения! Даже если уговорим потом горожан, барон Мальтори такого шанса не упустит!

— Она ведьма? — повторил я свой вопрос.

Седой рыцарь скривился.

— Знахарка. Обслуживала залётных девиц. Но это ничего не меняет!

Я кивнул и вновь обратился к Арчибальду.

— Ведьму сжигать нельзя, Арчи. Просто нельзя. Начнутся беспорядки — о монастыре можете забыть. Ты способен донести это до настоятеля?

Инквизитор сцепил пальцы и мрачно глянул в ответ.

— Как человек истово верующий и посвятивший жизнь искоренению скверы, он не станет меня слушать.

— Так прикажи!

— У меня нет таких полномочий.

Я выругался и кинул тост обратно на блюдо.

— А что в твоих полномочиях, а? Что, Арчи?

— Я отправлю послание, но пройдёт не меньше недели, прежде чем получу какой-либо ответ.

Кевин Свори шумно выдохнул и спросил:

— Неужели этот святоша не может поступиться принципами ради интересов дела?

Арчи покачал головой, и я недобро прищурился.

— Он ведь понимает, что не уцелеет, если толпа возьмёт штурмом монастырь?

— Этого нельзя допустить! — отрезал инквизитор.

— Он понимает это, так? Желает стать мучеником?

— Я поговорю с ним! — вскочил на ноги взбешённый Арчибальд. — Поговорю! Ты доволен?

— Нет, — ответил я и откусил от тоста.

— Мы все с ним поговорим, — решил Кевин Свори. — Возможно, тогда он прислушается к голосу разума.

— А если не прислушается, — усмехнулся я, — мученическую смерть я ему обеспечу.

— Кейн! — взъярился Арчибальд. — Если хоть волос упадёт с головы настоятеля, сделке конец! Ты понимаешь это? Если он отравится пивом, упадёт с лестницы, сгорит вместе с монастырём, спросят за это с меня и с тебя.

— В самом деле?

— Даже не думай об этом! Он один из нас, понимаешь? Нельзя просто взять и убить священника!

— В самом деле? — прищурился я.

— Его покровителям это не понравится.

Я пожал плечами.

— Тогда убеди его отпустить ведьму, Арчи. Сделай это и в крайних мерах не возникнет нужды.

— Я постараюсь, — пообещал инквизитор. — А вы обеспечьте порядок в городе!

Регент что-то неразборчиво пробурчал себе под нос и толчком распахнул дверь.

— Идёмте! — позвал он нас за собой. — Ещё не хватало, чтобы этот фанатик спалил ведьму, пока мы здесь мотаем друг другу кишки.

Я только посмеялся.

— Ну уж нет. Сами.

Кевин Свори обернулся и ожёг меня недобрым взглядом.

— Ты всё это заварил, Кейн! Тебе и расхлёбывать!

— Ну если так, — вздохнул я и несравненно тише добавил: — Потом не жалуйтесь...

В монастырь пришлось заезжать с задов, поскольку главные ворота блокировала взбудораженная толпа. Собравшиеся на площади горожане разделились на две группы: одни с гневными криками рвались к монастырю, другие с не меньшим усердием теснили их назад. Защитники церковной обители были куда малочисленней возмутителей спокойствия, но пока сдерживали натиск без особого труда. До драк дело не доходило, да и оружие никто на виду не держал, и, тем не менее, ситуация могла выйти из-под контроля в любой момент.

Погром — это плохо, но несравненно хуже уличные бои между противниками и сторонниками Церкви. Настоятель знал, что делал, когда распорядился выдавать провизию только среди паствы: в голодный год за

лишнюю пайку люди мать родную продадут...

Настоятель встретил нас во дворе, он был спокоен и собран и нашему визиту нисколько не удивился.

— Какого чёрта вы творите?! — прорычал на него из седла Кевин Свори.

— Не понимаю вас...

— Ведьма! По какому праву вы схватили её?!

Церковник и взглядом не моргнул.

— Предназначение Церкви — бороться за чистоту душ...

Дальше я слушать не стал, легонько стиснул сапогами бока лошади и проехался по монастырскому двору, разглядывая высокие стены и восстановленные амбары. Нечего было и рассчитывать проникнуть сюда ночью и вытащить ведьму, не переполошив при этом многочисленную охрану. Расстановкой караулов занимался кто-то толковый; только сунься — мигом утыкают арбалетными болтами.

Я сделал ещё несколько кругов, затем вернулся к настоятелю, который так и остался при своём мнении. Ни Кевин Свори, ни Арчибальд переубедить его не смогли.

— Чего вы хотите? — спросил я, нависая над церковником.

— Простите?

— Чего вы хотите добиться, спалив ведьму?

Настоятель смерил меня пристальным взглядом.

— Стремление избавить этот мир от зла не кажется вам достаточным поводом действовать?

Я покачал головой.

— Не кажется. Инквизиция сжигает чернокнижников без лишней помпы, вы же устраиваете из этого настоящее представление.

— Ничего подобного!

— Сжигать людей — занятие не из приятных, — продолжил я. — Кевин не даст соврать. Это крики, вонь палёного мяса. Нужен весомый повод, чтобы решиться на подобное. Особенно когда это сулит в дальнейшем сплошные неприятности.

Глаза церковника опасно сощурились.

— Вы угрожаете?

— Говорю как есть, — не смутился я. — Сожжёте ведьму, начнутся беспорядки.

— Я не боюсь пострадать за веру!

— Начнутся беспорядки — совет баронов назначит нового регента.

Тогда сделке конец. Вы будете виновны в этом, вы и никто другой. И уверяю, новый регент с вами даже разговаривать не станет. Наверняка кто-то из его людей о ведьме и донёс...

Настоятель поджал губы, но сразу решительно тряхнул головой и объявил:

— Чему быть, того не миновать! Я не поступлюсь своей верой...

— И не надо! — перебил я его. — Просто отложите казнь. А взамен мы отдадим заброшенную церковь у южных ворот.

— Мне не нужны подачки!

— Так будет лучше для всех, — подключился Арчибальд.

— И ведьму будут судить, — выдвинул дополнительное условие Кевин Свори. — Никого не сожгут без княжеского суда!

Настоятель оглядел нас и позволил себе улыбку, отстранённую и холодную.

— Никого не сожгут без суда, — подтвердил он. Слово «княжеский» при этом не прозвучало.

Монастырь мы покинули четверть часа спустя. Арчибальд задержался переговорить с настоятелем с глазу на глаза, а Кевин Свори повернулся ко мне и сказал со всей возможной прямоотой:

— Мы ещё хлебнём с ним лиха.

Я кивнул, но прежде чем успел хоть что-то добавить, на взмыленной лошади прискакал посыльный из замка.

— Ваша милость! Срочное послание!

Регент сломал сургучную печать, развернул свиток и тут же скомкал его.

— Что случилось? — забеспокоился я.

— Совет баронов. Собирается завтра, — парой рубленых фраз ответил седоусый рыцарь.

— Барон Мальтори решил воспользоваться ситуацией?

Кевин Свори посмотрел на меня и покачал головой.

— Нет. Это Далькири.

— Что?! — охнул я.

— Совет созывает Карл Далькири.

— Вот сволочь! — выругался я. — Шкуру с него спущу!

— Это ничего не изменит, — вздохнул регент. — Всё подстроено заранее. Вчера мне доложили, что Карл уехал в охотничий домик сразу после открытия монастырской часовни. О ведьме тогда ещё никто не знал.

— Я видел его с бароном Мальтори, — припомнил я.

— Одно к одному, — невесело усмехнулся Кевин Свори. — Я в замок, ты со мной?

— Нет, не думаю...

3

Охотничий домик барона Далькири находился в часе езды от города, в заболоченном краю, где топи переходили в густые непролазные леса. Выстроен двухэтажный каменный особняк был на небольшом островке, к нему вела насыпная гать. С противоположной стороны к лесу уходил шаткий мосток.

Пока ехал, изрядно продрог. Разгулявшийся на болотах ветер пригибал к земле сухой камыш и срывал с ветвей деревьев редкие листья, обжигал холодом лицо и морозил пальцы, а его резкие порывы заставляли слезиться и без того воспалённые глаза.

И простор. Кругом одна лишь пустошь, залитая светом тусклого осеннего солнца.

Не люблю.

И я посильнее натянул на голову капюшон.

На гати было хуже всего. С обеих её сторон меж сухого камыша и полянок пожухлой травы серебрилась вода, и не было никакой возможности свернуть ни вправо, ни влево. Только вперёд. И кто знает — не ждёт ли там меня арбалетный болт?..

Но назад я не повернул.

Вскоре потянуло дымом костерка, и дорога привела меня к двум шалашам, у которых зяб на холодном ветру десяток бойцов. Подъезжая к ним, я придержал коня и скинул с головы капюшон плаща.

— К барону! — коротко объявил после этого, но никто из охранников и не подумал выспрашивать подробностей.

— Его милость в доме! — простуженным голосом объявил мечник в подбитом мехом плаще, не отрываясь от помешивания кипевшего в котелке над костром варева.

Недоумённо хмыкнув, я направил коня дальше, и очень скоро поведение охраны перестало казаться вопиющей небрежностью: караульные на острове попадались буквально на каждом шагу.

К тому же встретивший меня у охотничьего домика рыцарь в наброшенном поверх доспехов плаще прекрасно знал, кто пожаловал к ним в гости.

— Позвольте, милорд, — с явственным южным акцентом произнёс он, протягивая руку к поводьям.

Я кинул их ему, прыгнул из седла и поднялся на крыльцо. В небольшую прихожую набилось сразу три бойца, и один из них, с извиняющимися нотками, но без малейшего заискивания, попросил оставить оружие.

— Всем известен ваш крутой нрав, милорд, — пояснил он своё требование.

С кривой усмешкой я расстегнул оружейный ремень, кинул его на стол и распахнул внутреннюю дверь. Охотничий дом был невелик, и большую часть первого этажа занимал общий зал с развешенными по стенам рогатинами и порубленными щитами, головами зверей и связками эльфийских скальпов. Камин нещадно дымил, и в воздухе витали клубы дыма, но зато было тепло.

Я прошёл к огромному дубовому столу, во главе которого сидел Карл Далькири, скинул на пол плащ и уселся на свободное место. Между мной и бароном располагались четыре рыцаря, по два напротив друг друга.

— Я всё гадал, кого они пришлют! — пьяно проглатывая окончания слов, произнёс Карл, хоть пьяным несколько не казался. Да, наверное, и не был подвыпившим. Скорее просто отходил от вчерашней попойки. — А они прислали малыша Кейна! Чудны дела творятся!

Я пропустил мимо ушей фамильярное обращение «малыш» и принялся стаскивать с занемевших от холода пальцев перчатки.

Не дождавшись от меня никакого ответа, барон хлебнул из высокого кубка вина и предложил:

— Выпьешь?

— Не стоит, — отказался я, выкладывая перед собой курительную трубку и склянку с молотым чёртовым корнем.

— И верно, — кивнул Карл.

Я спокойно забил трубку, сходил к чадающему камину и прикурил её от горящей ветки. Потом затаился, выдохнул длинную струю дыма и только после этого вернулся за стол. Это действие неким непонятным образом успокоило свиту барона; рыцари взяли за бокалы и стали посматривать на меня уже не столь пристально, как прежде.

— Что привело тебя сюда, Кейн? — спросил Карл, отставив кубок. — Путь неблизкий.

Очередная затяжка уняла грызущую суставы боль, но сознание осталось до омерзения ясным; я выдохнул к потолку дым, досадливо поморщился и напомнил:

— У нас была сделка.

— Обстоятельства изменились, — развёл руками барон без малейшей тени смущения.

Я откинулся на высокую спинку стула и раздражённо постучал трубкой о край стола.

— Вами были приняты определённые обязательства.

— Повторяю: обстоятельства изменились! Мне, право, жаль, что был проделан такой путь, но ничего другого я не скажу. Обстоятельства изменились! На этом всё.

— Едва ли барон Мальтори мог предложить цену выше, — произнёс я, отметив, как вспыхнуло при этих словах лицо собеседника. — А если и мог, то это не стоило нарушенного слова...

Карл невольно кивнул.

— Чем он угрожал? — резко подался я вперёд.

Рыцари напряжённо переглянулись, но барон только рассмеялся и вновь отпил вина.

— К чему эти расспросы, Кейн? Ничего уже не изменить. Ничего.

Я затаился дымом чёртового корня, подсыпал в трубку ещё пару щепоток адской смеси и задумчиво посмотрел на танцевавшее в камине пламя.

— Грозил прикрыть контрабанду? — предположил я. — Не здесь, не в княжестве. Здесь тебя защитит Кевин. А вот в Арли...

Барон ничего не сказал, но в словах никакой необходимости не было. Ответ легко читался в его глазах.

— Не думаю, что у клана Мальтори такие уж хорошие связи в Арли, — продолжил я, набивая трубку, — но ты ему поверил. Значит, без моего отца дело точно не обошлось и через Альме товар тоже не отправить...

Карл вытер вспотевшее лицо салфеткой и бросил её под ноги.

— О чём ты толкуешь, Кейн?

— О торговле с эльфами, — прямо ответил я. — Думаю, это была идея Бенедикта. Уверен, и договаривался с остроухими тоже он сам. Сколько ты отдавал моему братцу: половину? Две трети?

Рыцари вновь переглянулись и как бы невзначай развернулись так, чтобы контролировать каждое моё движение.

— Кейн, ты забываешься! — угрожающе набычился Карл, но было видно, что догадка угодила точно в цель. — Следи за словами!

— Брось! — легкомысленно отмахнулся я, затаился и закашлялся из-за прордавшего горло дыма. — Меня не волнуют твои шашни с эльфами. Я

здесь не за этим.

— Ты ничего не докажешь! А завтра назначат нового регента! Вот и всё! — Барон буквально выкрикнул это, рванул ворот и надолго приложился к кубку.

Я дождался, пока он напьётся вина и повторил:

— Я здесь не за тем, чтобы давить на тебя. Вся эта грызня за власть меня нисколько не волнует. Дело в Бенедикте. Точнее — в его смерти.

Карл хмуро уставился на меня и спросил:

— Что с ней не так? Он просто умер и всё!

— Ничего в этом мире не случается просто так, — парировал я, уводя разговор в нужную мне сторону. — Взять хотя бы тебя. Ты от смерти Бенедикта только выиграл. Теперь не нужно с ним делиться. Так?

Барон вскочил из-за стола, опрокинув кубок с вином.

— Да ты! Ты! — Он подавился словами от злости, но сразу взял себя в руки и уже спокойно произнёс: — Мы были с ним как братья! А ты не появлялся здесь несколько лет и смеешь разбрасываться такими обвинениями? Смешно!

— Я никого ни в чём не обвиняю. Просто хочу знать, что произошло.

— Не знаю! — резко бросил Карл, но вино развязало ему язык и ограничиться одним лишь этим утверждением он не смог. — Я меньше других был заинтересован в его смерти! Да, приходилось делиться, но я был за Бенедиктом как за каменной стеной! А теперь я могу потерять всё! Всё, понимаешь ты это?! И друга я уже потерял...

Я кивнул, соглашаясь с его словами.

— Хорошо, — вновь кивнул я, не без труда подавив тяжёлый вздох. — Хорошо. Ещё два вопроса, и я уйду.

— Убирайся, Кейн, — устало плюхнулся в кресло барон. — Видеть тебя не могу.

— Два вопроса, — повторил я. — Ответь на них, и я гарантирую, что тебя больше никто не побеспокоит.

— Слово? — нахмурился Карл.

— Слово, — подтвердил я.

— Спрашивай.

— С каким кланом договорился Бенедикт на той стороне реки?

Барон замялся, переглянулся с рыцарями, но всё же ответил:

— С кланом Бегущей воды.

Я кивнул и улыбнулся.

— Где прячется их посланник?

Карл шумно засопел, раздувая крылья носа; рыцари начали понемногу

выдвигаться из-за стола.

— Давайте не будем всё усложнять, — прищурился я, ловя каждое их движение.

Хоть меч с кинжалом и пришлось сдать караульным на входе, но княжеский перстень и нож в сапоге остались при мне, а убойная доза чёртового корня наполнила тело необычайной лёгкостью. Мир стал чётким и понятным; казалось, я мог предугадать любое событие, прежде чем оно произойдёт.

И действительно — мог.

Барон выдохнул и поднял руку, призывая всех оставаться на своих местах.

— Зачем тебе это? — спросил он, не отрицая прибытия в город эльфа.

— Хочу спросить, что знают о смерти Бенедикта длинноухие, — легко соврал я.

— Откуда им знать?

Я пожал плечами.

— Ты ведь в любом случае ничего не теряешь, ведь так? Они отправили посланника на свой страх и риск. Правильно?

— Эльф так важен для тебя, что ты готов удержать на поводке Свори?

— Поверь, он тебя больше не побеспокоит.

Карл какое-то время взвешивал «за» и «против», потом поморщился и махнул рукой.

— Заброшенная мельница на Перекатном ручье. Эльф там.

— Благодарю. — Я последний раз затянулся, взглянул на погасшую трубку и поморщился. — Ну что за дрянь? Совсем не цепляет!

Трубка отправилась в камин, туда же я зашвырнул склянку с измельчённым чёртовым корнем, и по комнате немедленно распространился густой запах дурмана. Никто не обратил на это никакого внимания; взгляды всех присутствующих были прикованы ко мне.

Я не стал испытывать терпение рыцарей, встал и едва не уселся обратно, когда закружилась голова. Но всё же пересилил себя и, неестественно чётко печатая шаг, отправился на выход. Поначалу ждал окрика или удара в спину, а на улице долго ёжился в ожидании шелеста стрелы или резкого щелчка арбалетной тетивы, но ничего не произошло.

А потом свежий воздух прочистил голову, и я рассмеялся над собственными страхами.

Убивать меня? На кой чёрт?

Угрозы я для барона не представлял, а папа, как бы мы ни относились друг к другу, вряд ли обрадуется известию о безвременной кончине ещё

одного сына.

Мне хотелось в это верить...

Вывернуло меня в получасе езды от охотничьего домика. Тошнота подкатила как-то вдруг; я буквально вывалился из седла и скорчился на обочине. Рвало желчью, но цвет был подозрительно-красный, будто с кровью.

Сразу закружилась голова, зазвенело в ушах, прошиб горячий пот. От слабости задрожали руки и ноги; я отполз подальше от лужицы рвоты и уселся на мёрзлую землю, вдох за вдохом проталкивая в лёгкие морозный осенний воздух.

Какое-то время я балансировал на грани беспамятства, а потом организм переборол дурман, и мне удалось забраться в седло. Поначалу пустил лошадь шагом, опасаясь свалиться на землю, но чем дальше, тем уверенней становились движения.

Курительная смесь господина Улыбчивого не смогла прикончить меня.

Но то — меня...

Я недобро рассмеялся и остановил лошадь у попавшегося на пути ручья. Взломал намёрзшую у берега корку льда и напился воды — такой холодной, что немедленно заломило зубы. Потом умылся, насухо вытер ладони и натянул перчатки.

Бушевавшее внутри пламя угасло, стало зябко.

И всё же менять планы я не стал, лишь глянул в затянутое облаками небо, уже начинавшее понемногу темнеть на востоке, и продолжил свой путь к заброшенной мельнице в надежде, что барон не соврал и эльф укрывается именно там.

Лошадь я оставил в небольшом лесочке неподалёку от мельницы, просто свёл с запорошенной снегом тропы и намотал поводья на сухой сук узловатого вяза. Сразу выискивать лучника не пошёл, решив дожидаться наступления темноты. На мою удачу с севера дул ровный ветер, и не приходилось опасаться того, что чуткий нюх эльфа уловит намертво вьевшийся в одежду запах чёртова корня или лошадиного пота.

К тому времени, когда солнце окончательно утонуло в тёмной туче на горизонте, я изрядно озяб, хоть и старался беспрестанно двигаться, разминая руки и ноги. Наконец землю утопили густые сумерки; я скинул

плащ и настороженно двинулся к заброшенной мельнице, выстроенной на берегу быстрого ручья с разрушенной запрудой.

Княжеский перстень привычно окутал пологом теней; тенью я и стал — бесшумной и неуловимой. Быстро пересёк открытое пространство, забрался во двор через провал в покосившемся заборе и там на миг замер, прижимаясь к холодной шершавой стене мельницы. Но внутрь заходить не стал, вместо этого прокрался к амбару, сложенному из солидных брёвен.

Представлялось вполне разумным начать поиски эльфа именно оттуда. Человек, вне всякого сомнения, обустроил бы убежище на мельнице, но лесные обитатели недолюбливали холодный камень, отдавая предпочтение тёплому дереву.

Пока пробирался вдоль глухой стены под моими ногами не хрустнул ни один сучок, и всё же застать эльфа врасплох не удалось. Стремительным прыжком он выскочил из-за угла и сходу, без малейшей заминки махнул изогнутым кинжалом. К счастью созданные княжеским перстнем тени слились с осенними сумерками в единое нераздельное целое, бил длинноухий наугад, и зловеющий клинок лишь впустую рассёк воздух.

Я перехватил руку с кинжалом, дёрнул на себя и приложил противника коленом в пах. Эльф сдавленно выдохнул, но ловко извернуться, вырываясь из хватки. Капюшон слетел с его головы, открыв наголо обритую макушку.

Ух ты! Кровник! Кровник и смертник!

Изумление едва не стоило мне жизни, лучник вновь ринулся в атаку и рубанул кинжалом по широкой дуге — раз! другой! третий! — стремясь зацепить едва заметную тень.

Пришлось пятиться и выгадывать подходящий момент для контратаки, но длинноухий очень быстро набрал темп и принялся уверенно теснить меня в угол двора. Избегать ранений позволяла только дарованная перстнем невидимость. Впрочем, от неё уже было немного толку: шумное дыхание выдавало моё расположение не хуже сиявшего в ночи маяка. Эльф даже зажмурился, ориентируясь в схватке исключительно на слух.

Это его и подвело.

Когда я подался назад и подхватил с земли увесистую жердь, он среагировать на это не успел и получил палкой в живот. Резкий удар заставил остроухого согнуться, и тогда я резко крутанул шест и со всего маху врезал по голове. В самый последний миг лучник начал распрямляться, конец жерди вместо макушки угодил в лицо, и по двору разлетелись брызги крови и выбитые зубы.

Эльф как подрубленный рухнул на заляпанный алыми пятнами снег, попытался подняться, но сразу получил палкой по затылку и обмяк. Не

теряя времени, я обыскал его, связал верёвкой запястья и уволок в амбар. Там подвесил лучника на вбитый в стену крюк и для верности стянул ноги его собственной тетивой.

Так, на всякий случай. Очень уж шустрым оказался гадёныш.

Шумно выдохнув проклятие, я стянул с левой ладони прорезанную перчатку. К счастью эльфийский кинжал зацепил руку лишь самым кончиком острия, и царапина оказалась пустяковой.

Лизнув ранку, я поморщился от металлического вкуса крови, сплюнул под ноги и несильно ткнул под рёбра безвольно свисавшего с крюка пленника. Тот встрепенулся, с ненавистью глянул на меня и вдруг резко изогнулся дугой, но высвободиться не сумел и вновь обмяк.

— Ты чего, ушастый, ко мне прицепился? — спросил я с добродушной улыбкой.

Эльф ответил длинной тирадой на своём певучем языке, слегка шепелявя при этом из-за выбитых зубов.

Ругался, полагаю.

Я рассмеялся, поднял с земли эльфийский кинжал и начал рассуждать:

— Бритый — значит, пришёл убивать и готов умереть. Это, к гадалке не ходи, кровная месть. А оперение на стрелах чёрно-синее. Но вот что интересно — никого из клана Бегущей воды я не трогал. Так за что?

Эльф продолжил ругаться и плевать кровью, и поскольку слушать его щебетание не было ни времени, ни желания, я поставил вопрос ребром:

— Не начнёшь говорить, я отрежу тебе пальцы и перебью колени, а потом заплачу контрабандистам за доставку на тот берег. У эльфов долгая жизнь, хочешь провести её калекой, не сумевшим выполнить волю старейшин?

Убийца заткнулся.

— Или ты можешь рассказать, почему пытался меня убить. И тогда — даю слово, твои пальцы останутся при тебе. Самое большее — зарежу.

Эльф продолжил молчать.

С обречённым вздохом я покачал головой и перетащил к пленнику какой-то рассохшийся ящик, но прежде чем взгромоздился на него, убийца скривил разбитый рот, харкнул кровью и соизволил ответить:

— На твоих руках кровь нашего старейшины, военного вождя клана.

Больше он не сказал ничего, полагая, со своей стороны сделку выполненной, но для меня этого было слишком мало.

— Военный вождь? — хмыкнул я и предположил: — Дело было в Йорке, так? Пару месяцев назад?

Эльф промолчал.

Я усмехнулся и продолжил выстраивать логическую цепочку.

— Старейшина погиб. Тебе поручили покарать убийцу. Ты выискивал и вынюхивал, напал на мой след. Узнал, что я был в ту ночь в том доме. Так?

Ответа не последовало, и я задал новый вопрос:

— Мне ещё не доводилось слышать о слепых лучниках. А тебе?

Эльф с ненавистью глянул на меня, на кинжал в моей руке и признал:

— Всё так.

— Лопух! — негромко рассмеялся я. — Ты выследил не того! Вашему старейшине срубили башку одним ударом. Чистым ударом, заметь. Представляешь, какой выучкой для этого надо обладать? А меня никогда не учили обращаться с двуручным мечом!

Лучник прикрыл глаза, напряжённо размышляя над услышанным, а я продолжил подливать масла в огонь.

— Тебе поручили найти убийцу, и первым делом ты обратился к вампирам. Они тоже потеряли там своего человека. И эти клыкастые выродки рассказали обо мне. Решить проблему чужими руками — что может быть лучше? Но правда в том, что я не убивал вашего вождя.

— Пустые слова!

— Да не убивал я его! Не убивал! Но знаю, кто сделал это. Я знаю, а ты нет.

Эльфа будто ножом под рёбра ткнули, так он дёрнулся. Даже вбитый в стену крюк закрипел.

— Ты лжёшь!

Я рассмеялся.

— Там ведь были ещё церковники, так? По глазам вижу, ты знаешь о них. Не можешь не знать. Но тебе указали на меня. Меня можно убить и явиться в клан героем. И никто не узнает, что истинный убийца не понёс заслуженного наказания.

— Это не так! — яростно выкрикнул эльф, задетый выпадом за живое.

— Вашего старейшину убили церковники, и ты можешь потратить остаток жизни, но так и не узнаешь, кто именно нанёс тот удар мечом. Я готов тебе помочь в этом. Этот человек сейчас в городе. Я укажу на него, а взамен ты вернёшься за реку и позабудешь обо мне.

— Ты лжёшь!

Я поднял левую руку, заставляя проявиться чёрный княжеский перстень.

— Знаешь, что это?

Эльф промолчал, тогда я взобрался на ящик и провёл ладонью у лица

пленника. Тени затрепетали, на бледной коже остался набухавший капельками крови след, а лучник забился на крюке, пытаясь отодвинуться в сторону.

— Хватит! — взвыл он от боли.

— Ты знаешь, что это?

— Княжеский перстень! Твой брат клялся на нём, когда заключал сделку!

Я спрыгнул с ящика, стиснул руку в кулак и выставил его перед собой.

— Клянусь этим кольцом, клянусь силой предков, клянусь тенями, — начал я и перстень превратился в сгусток чистой энергии, — что не убивал вашего старейшину. Клянусь, что видел собственными глазами, кто именно отрубил ему голову. Клянусь, что это человек сейчас в Тир-Ле-Конте. Теперь веришь мне?

— Верю!

С кривой ухмылкой я потряс рукой, заставляя перстень развеяться, и предложил:

— Я укажу убийцу, а ты забудешь обо мне. Согласен?

И эльф, чистая душа, хрипло выдохнул:

— Да!

В замок я вернулся ещё ночью, но до утра глаз так и не сомкнул. Меня морозило и трясло, травяной чай нисколько не помогал, выданная господином Улыбчивым микстура — тоже. Лишь на рассвете я забылся беспокойной полудрёмой, но вскоре был разбужен стуком в дверь.

— Убирайтесь! — прохрипел я пересохшей глоткой.

— Кейн! — послышался голос Кевина Свори. — Открой немедленно!

Я поднялся с кровати, отодвинул засов, вернулся к столу и сделал несколько глотков остывшего травяного настоя.

— Спал одетым? — удивился седоусый рыцарь, проходя в комнату.

— Ты это пришёл обсудить?

— Нет! — нахмурился регент. — Вчера ты ездил в охотничий домик барона Далькири. Зачем?

Я уселся на кровати, зажал голову в ладонях и посидел так какое-то время, затем ответил:

— Хотел вразумить его.

— Получилось?

— Нет.

— Что было дальше? — продолжил расспросы Кевин Свори.

— Немного перебрал там чёртового корня и заплутал на обратном

пути, поэтому вернулся в город уже ночью. — Я выпрямился и посмотрел на регента. — А что случилось? К чему эти расспросы?

— Карл Далькири мёртв.

Я поднялся с кровати, налил в кружку травяного настоя, выпил. Тело было словно чужое, а голова кружилась, но никакого впечатления на меня это известие не произвело.

— Туда ему и дорога.

Кевин Свори шагнул ко мне и спросил:

— Ты как-то причастен к этому?

— А что говорят его люди? — ответил я вопросом на вопрос.

Регент подёргал себя за седой ус и задумчиво произнёс:

— Говорят об отравлении.

— И, конечно же, обвиняют в этом меня! — невесело рассмеялся я.

— Вовсе нет! По их словам что-то подмешали в вино. У тебя не было возможности отравить его.

Я с недоумением уставился на собеседника.

— Почему именно вино?

— При Карле неотлучно находилось четыре рыцаря. Двое из них пили вместе с ним, двое ограничивались водой. Вместе с Карлом умерли те, кто пил вино.

— Да и чёрт с ними! — ругнулся я. — Какой теперь расклад сил?

— Неизвестно. Бароны соберутся уже после похорон. — Кевин Свори отошёл к двери, но сразу обернулся и предупредил: — Патрик в городе.

— Тени! — выругался я и без сил повалился на кровать.

Что я испытывал по поводу смерти Карла? Да ничего не испытывал.

Сам виноват. Не стоило ему нарушать данного слова, только и всего.

Куда больше беспокоил приезд отца...

Надо отдать должное настоятелю монастыря, хватка у него была воистину волчья. Несмотря на глухое недовольство баронов и неприятие горожан, Кевину Свори ничего не оставалось, кроме как исполнить обещание и передать заброшенный храм церковникам.

Единственное, что он сумел вытребовать взамен, — это участие в суде по делу ведьмы. Настоятель хотел оставить процесс в церковной юрисдикции, но тут уж регент был непреклонен. В вопросе, кто обложит её вязанками хвороста и бросит факел — церковный дьяк или городской

палач, он уступать не намеревался.

На следующий день Кевин Свори заявился ни свет, ни заря и объявил:

— В полдень состоится освящение церкви. Княгине... нездоровится, ты идёшь со мной. Люди должны видеть, что мы едины.

— Хорошо, — покладисто согласился я, тем самым изрядно удивил регента, уже готового к долгим спорам.

— В самом деле? — нахмурился он, дёргая себя за седой ус.

— Я буду, — подтвердил я.

Я и в самом деле не собирался пропускать грядущее действо. Ни за какие коврижки...

В церковь мы приехали в сопровождении многочисленной охраны. Атмосфера в городе царила нервная и резкая, и хоть ближайšie к церкви улицы были перекрыты гвардейцами, даже так до нас доносился гомон раздражённой толпы.

Выбравшись из кареты, я сразу заметил стоявшую за оцеплением тень, но когда та помахала рукой, лишь покачал в ответ головой и прошёл в церковь. Позволить себе опоздать на службу я попросту не мог. И не только из-за того, что представлял здесь княжеский род...

Арчибалд ждал нас уже внутри. Он пропустил вперёд хмурого Кевина Свори и зашагал по центральному проходу рядом со мной.

— Что в городе? — тихонько шепнул я ему.

— Сложно, — ответил здоровяк и замолчал, поймав раздражённый взгляд стоящего за кафедрой настоятеля.

Мы поднялись на помост; Кевин Свори занял место по левую руку от церковника, я встал справа. Арчи сгорбился позади.

— Не понимаю, зачем меня сюда вытащили, — с откровенной досадой проворчал он.

Я лишь улыбнулся уголком рта и ничего не ответил, внимательно разглядывая рассевающуюся на обновлённых скамьях публику. Знакомые лица на глаза почти не попадались, но в этом как раз ничего удивительного не было: сегодня приглашения получили те, кто сумел доказать свою преданность Церкви. Хватало и пустых мест, но до полудня оставалось ещё четверть часа, и люди продолжали подходить.

Арчи легонько толкнул меня локтем в бок и удивлённо прошептал:

— Ты в кольчуге? Ждёшь неприятностей?

— Я теперь без неё никуда, — тихонько ответил я, тем самым исчерпав терпение настоятеля.

Он выпрямился и, нависая над нами с кафедры, язвительно

поинтересовался:

— Ваш разговор не может подождать?

— Может, святой отец, — улыбнулся я и ухватил за широкий рукав вышитого золотом церемониального облачения. — Только один вопрос...

Церковник развернулся и сразу завалился на спину с торчащим из груди древком. Все на миг просто опешили от неожиданности, лишь я ринулся за кафедру. Вовремя! Сейчас же от стены со звоном отскочила вторая стрела, эта — с узким игольчатым наконечником!

Лысый ублюдок, решил подстрелить заодно и меня!

— Чего-то подобного я и ожидал, — шепнул я надсадно хрипевшему настоятелю, на губах которого пузырилась кровь. — Эльфы не умеют держать слово...

Церковник попытался приподняться, моргнул и умер.

Я посмотрел в его пустые глаза, и в душе у меня ничего не ворохнулось. Совсем ничего. Пусть и подставил его под выстрел мстителя, но все мы сами выбираем свою судьбу. Выбрал и он...

В церкви поднялась суматоха, кто-то в испуге бросился на выход, кто-то присел, укрываясь за спинками скамей. Телохранители увели регента в боковой проход, а гвардейцы ринулись на хоры, но эльф опередил их и ускользнул оттуда на крышу. Впрочем, далеко он не ушёл: вскоре раздался кроткий вскрик, за витражным окном мелькнула тень и послышался глухой удар о брусчатку.

Всё, отбегался.

Я потёр княжеский перстень и беззвучно рассмеялся. Ушастый выродок решил всех перехитрить, но в итоге сам остался в дураках. Я ведь не поклялся на перстне выдать ему убийцу, просто пообещал.

А чего в наше время стоят простые обещания? Да ничего.

И никогда ничего не стоили.

Прибежал Арчибальд, склонился над настоятелем, но сразу перевёл взгляд на меня.

— Твоих рук дело? — прямо спросил он.

Я поднялся на ноги и покачал головой.

— Нет, Арчи, это ведь ты снёс голову старейшине клана Бегущей воды, не я. И теперь ты можешь либо сообщить, что эльф просто промахнулся, метя в меня, либо дать Церкви нового мученика...

Здоровяк выругался, а я отошёл к окружённому охраной Кевину Свори и негромко посоветовал:

— Лучше придушить ведьму по-тихому, пока ещё есть такая возможность, — и, не слушая встревоженных гвардейцев, покинул церковь.

Эльф валялся на забрызганном кровью снегу, длинные уши нелепо топорщились на бритой наголо голове. Жалкое зрелище. Теперь понятно, почему волосы для них такой фетиш...

Небо было затянуто плотными тёмными облаками, солнце терялось за ними, не проглядывая даже тусклым пятном, но даже так я точно знал, где именно зависло оно на небосводе. И потому поёжился и накинул на голову капюшон плаща. А только двинулся к соседнему переулку и вновь заметил тень.

— В замок вернусь сам! — крикнул я начальнику княжеской охраны и зашагал по присыпанным снежной крупкой камням мостовой.

Встревоженная разлетевшимися по городу слухами толпа притихла, но людей на улицах только прибавилось. Самые яростные противники церкви уже расползались праздновать по окрестным кабакам, на смену им подходили любопытствующие зеваки.

Пробравшись через запруженный народом переулок, я направился к замку, и очень скоро меня нагнала тень. Верховодившая местными жуликами девица пристроилась рядом и негромко рассмеялась.

— Вы страшный человек, мастер Кейн. Люди вокруг вас мрут как мухи...

— Все мы смертны, — просто ответил я. — Ты что-то хотела?

— Ещё интересуют, слухи о княгине?

Я остановился.

— Удалось что-то узнать?

— У неё был роман с кузеном.

— Это точно? — прищурился я. — Или только слухи?

— Слухи. Но поговаривают, кузену пришлось бежать из Ронли, когда князь застукал их в постели.

— Бежать? — озадачился я. — Бежать...

Тень выразительно посмотрела на меня, и я отпустил её взмахом руки.

— Всё, иди!

Но девица не сдвинулась с места.

— Нам пришлось понести определённые затраты...

Я вдохнул морозного воздуха, медленно выпустил его сквозь стиснутые зубы и пообещал:

— Я компенсирую вам их. Но не сейчас. Сейчас мне надо подумать.

Тень склонила голову, принимая такое решение, развернулась и зашагала прочь по улице.

А я стиснул лицо в ладонях, постоял так какое-то время, потом решительно тряхнул головой и поспешил в замок.

У княгини был роман с кузеном. С кузеном, который возглавляет её охрану. А Бенедикт умер сразу после того, как супруга понесла наследника престола.

Совпадение? Вовсе не уверен...

Гвардейцы на входе в апартаменты княгини оказались незнакомы, но препятствий они чинить не стали и позволили пройти внутрь без всяких расспросов.

Гостиная встретила непривычной тишиной, не оказалось в ней ни деловитых лекарей, ни смешливых фрейлин. Только стоял у окна спиной ко мне человек средних лет, да подбрасывал в камин поленья светловолосый мальчишка.

— Сука... — невольно вырвалось у меня.

Отец обернулся и холодно улыбнулся.

— Я тоже рад видеть тебя, Кейн.

Ничего не ответив, я пересёк гостиную и толчком распахнул двери в покои княгини. Там никого не оказалось.

— Где они? — повернулся я к отцу. — Где они все?

— Сегодня утром княгиня покинула замок, — официальным тоном произнёс Патрик, — и в сопровождении нескольких доверенных лиц скрылась в неизвестном направлении. Вероятно, решила вернуться на родину.

— Это ты всё устроил! — сорвался я на крик.

— Я, — спокойно признал отец. — Это было неизбежно в любом случае, но ты вынудил меня ускорить события.

Отец был невероятно, просто невыносимо уверен в себе, и волей-неволей я заподозрил, что упускаю некий фрагмент головоломки, но сколько ни силился, так и не сумел понять — какой именно.

— Кузен сопровождает её? — спросил я, украдкой кинув взгляд в сторону входной двери.

Выпустят меня или придётся прорываться с боем?

— Остынь, Кейн, — попросил отец. — Ты запутался...

— Я запутался?! — немедленно вскинулся я. — А ты — нет? Как умер Бенедикт? А? Скажи мне!

Патрик поморщился и отвернулся к окну.

— Готов выслушать твои догадки.

— Догадки? Да его брак был фикцией с самого начала! Бенедикту нужен был ребёнок с кровью князей Ронли, но он не знал...

Отец повернулся, посмотрел на меня со снисходительной улыбкой и

поинтересовался:

— И чего же он не знал, Кейн? Того, что рождение этого ребёнка убьёт его, или о романе супруги и её недалёкого кузена? — Патрик усмехнулся. — Полагаю, ты уже раскопал ту древнюю историю с Вельном? Городком, откуда пошла Ведьмина плешь?

— Раскопал, — подтвердил я и прищурился. — Постой, ты говоришь...

Но отец меня словно не услышал. Он вновь уставился в окно и ссутулился.

— Бенедикт продвинулся в своих изысканиях куда дальше тебя, Кейн. Он узнал не только о старой тайне, но и о тех, кто все эти столетия хранил её от людей.

— И ты один из них?

— Бенедикт потребовал посвятить его в секреты общества. Сделать одним из нас. Но я не мог. Не я устанавливаю правила, не в моей власти их нарушать. — Патрик устало вздохнул, словно вспомнил о чём-то неприятном, и продолжил: — Твой брат был упрям, ничто не могло сбить его с пути. Он не стал слушать меня и решил прибегнуть к шантажу. Выкрал эту глупую девчонку, женился на ней, объявил о скором рождении наследника... У меня чуть сердце не остановилось, когда я узнал об этом!

— Это ребёнок забрал его силу?

— Ребёнок? — негромко рассмеялся отец. — Ты ещё не понял, Кейн? Бенедикт не собирался ставить на кон собственную жизнь, просто решил разворошить осиное гнездо. Ребёнок был не его.

Не знаю почему, но в искренности этих слов не возникло ни малейших сомнений.

— Ведьмина плешь наступает, князя больше не могут сдерживать её. Нужен тот, кто объединит в себе остатки их сил. Не сейчас, а через несколько поколений. Ребёнок Бенедикта ломал наш план, от него надо было избавиться. Мой внук не должен был родиться!

Видно было, что слова даются отцу нелегко, но он не умолкал, будто желая вывалить это знание на меня. Словно желая исповедаться.

— Бенедикт предложил сделку — посвящение в тайны в обмен на жизнь сына. Он надул меня. Он надул нас всех. Его жена понесла ребёнка от собственного кузена. В нём не было нашей крови, крови Лейми.

— Посвящение состоялось?

— Состоялось. И если тебя интересует — это не мы убили Бенедикта, он стал одним из нас. Против правил, но стал.

Я шумно выдохнул.

— А кузен княгини?

— Туп как пробка. Как, впрочем, и она. Никто из них не причастен к смерти твоего брата.

Я прошёлся по комнате, потом повернулся к отцу и потребовал объяснений:

— Зачем ты мне всё это рассказал?

— Тебе не интересны эти тайны, ведь так?

Я кивнул, признавая его правоту, и спросил:

— Что ещё?

Отец указал на мою руку.

— Княжеский перстень. Ты должен его отдать.

— Тебе? Ты не имеешь на него прав!

— Не мне, — покачал головой и кивнул на мальчишку у камина. —

Ему.

Моему сводному брату. Простому кирпичику в плане неведомых архитекторов.

Отчасти мне даже стало немного жалко пацана.

Но лишь отчасти.

Я поднял руку и посмотрел на охвативший средний палец перстень с княжеской розой чёрного серебра. Я успел к нему привыкнуть, а он признал меня хозяином.

Избавиться от него? Избавиться от такой силы?

Я негромко рассмеялся и предупредил:

— Два условия!

Отец поморщился и настороженно кивнул.

— Говори!

— Монастырь останется у церковников. О конкретных условиях договаривайся с ними сам, но сделка есть сделка.

Патрик задумчиво потёр подбородок, затем с нескрываемой усмешкой спросил:

— А они захотят остаться после сегодняшнего убийства?

— Их дело.

— Хорошо. Что ещё?

— Я пробуду здесь столько, сколько захочу. И буду задавать вопросы тем, кому захочу. И какие захочу.

— Это твой дом, — просто ответил отец. — Если решишь остаться, я буду только рад.

— И?

— И никто не станет чинить тебе препятствий, — подтвердил Патрик

и покачал головой. — Но зачем? Зачем тебе это?

— Бенедикта убили. Я найду убийцу.

— Нет никаких свидетельств...

— Он отправил мне перстень!

— Он отправил тебе перстень, чтобы дать хоть какую-то цель в жизни! — сорвался отец. — Неужели это так сложно понять? Да и кому ещё он мог его отправить?

— Думай, что хочешь, — пожал я плечами.

— Людвиг, подойди, — позвал Патрик моего сводного брата.

Я потянул с пальца княжеский перстень и болезненно поморщился. Холодный серебряный обруч будто уменьшился в размерах и цеплялся за кожу, трепетавшие вокруг него тени трескали и рвались, словно нервы или отростки жил. Было неприятно и больно, но власть никогда не манила меня. Я просто хотел, чтобы меня оставили в покое.

Что же касается боли... О боли я знал куда больше, чем мне того хотелось.

Наконец перстень подался; я стиснул его в кулаке, тяжело задышал и посмотрел на отца.

— Ты уверен?

Он молча кивнул.

— Людвиг, держи!

Я не стал передавать княжеский перстень из рук в руки, просто бросил его, как бросают безделушку, разом обрывая все тянувшиеся ко мне нити силы. Иначе не смог бы расстаться с ним, — я прекрасно отдавал себе в этом отчёт.

А ещё я немного боялся того, что случится дальше.

Людвиг поймал кольцо, и в тот же миг в него словно врезался выброшенный катапультой камень. Пацана отшвырнуло на диван за спиной, он развалился на подушках и обмяк, но перстня не выпустил. Тени закружились по комнате призрачным смерчем, на миг стало темно и холодно, а потом они втянулись в кольцо. Людвиг вздрогнул и открыл глаза, из его левой ноздри потекла тоненькая струйка крови.

— Папа... — прошептал он, и Патрик в один миг оказался у дивана.

— Как ты, сынок? — обеспокоенно спросил он.

Я только усмехнулся. Людвигу повезло, тени приняли его.

— Приставь к нему Кевина, — посоветовал я, покидая гостиную.

Никто из стоявших за дверью гвардейцев не сказал мне ни слова.

Я не пошёл к себе, слишком уж паскудным было настроение. Отправился в покои брата. Прошёлся по библиотеке, бездумно рассматривая пыльные тома, но ничего с полок доставать не стал и уселся в кресло у погасшего камина.

Посидел так какое-то время, затем поднялся в спальню. Ветер дул прямо в окно, было холодно. Не став звать прислугу, я разжег огонь и уселся на кровать, гадая, что именно стряслось здесь той роковой ночью.

Что?!

От нелёгких раздумий разболелась голова, да ещё начало ломить кости и крутить суставы. Стало тоскливо и одиноко.

А ещё — холодно и мёртво.

Я вытряхнул из кошелька мешочек с чёртовым корнем — нормальным, а не той гадостью, что потчевал меня господин Улыбчивый, потом заглянул внутрь в поисках курительной трубки, но на глаза попала лишь увитая разноцветными нитками палочка. Амулет некроманта был больше не нужен, я кинул его на кровать и досадливо прищёлкнул пальцами, вспомнив, как собственноручно разломал трубку в охотничьем домике барона Далькири. Пришлось перебираться к очагу.

Посыпанный стружкой чёртового корня нож очень скоро начал куриться ароматным дымком; я втянул его в себя и на какое-то время просто выпал из окружающей действительности, полностью позабыв обо всех тревогах и заботах.

Очнулся враз, неким наитием ощутив чей-то пристальный взгляд. Встрепенулся, огляделся, увидел Густава.

Библиотекарь стоял в дверях и смотрел на меня с непонятым выражением лица.

— Тут, значит... Это... — Я воткнул раскалённый нож в полено и несколькими резкими взмахами разогнал витавшие вокруг меня клубы дыма. — Неважно! Ты что-то хотел?

Густав облизнул губы и вдруг произнёс:

— Ваш перстень...

Голову по-прежнему заполнял уютный дурман, и я недоумённо взглянул на руку, силясь понять, каким именно образом библиотекарь угадал отсутствие кольца. То редко становилось видимым, обычно я просто ощущал тяжесть и холод серебра и не более того.

— Бенедикт, иногда снимал его, — отрешённо произнёс

библиотекарь. — Убирал, когда ждал ведьму...

Нечто в интонациях Густава заставило присмотреться к нему внимательней. И взгляд ввалившихся глаз показался каким-то слишком уж цепким и липким.

— В тот вечер он снял его...

И я понял, что так и не потрудился узнать, кто именно нашёл тело...

Густав сорвался с места; я швырнул в него подхваченное с пола полено и вскочил на ноги, но в тот же миг библиотекарь врезался в меня, не дав вытянуть из ножен кинжал с серебряными рунами на клинке.

Клинок отлетел в дальний угол, мы с Густавом сцепились и покатались по полу. Я врезал локтем ему по переносице, но жёсткий удар не произвёл никакого впечатления. Парень оказался невероятно силен. Сбросив мой захват, он навалился сверху и вцепился в горло. Я попытался извернуться, но помешала кровать.

— Я сказал тогда, что не поеду в Ведьмину плешь. Что не поеду туда больше никогда. Но Бенедикт лишь рассмеялся. Я не хотел его убивать! Просто не сдержался! Это было сильнее меня! Растущая луна, это всё она...

Густав бормотал словно безумный, и неожиданно я ощутил исходящий от него холод. Пронзительной болью вспыхнуло клеймо на лопатке, шею заморозило, сознание начало путать, и сколько ни бил я библиотекаря кулаками под рёбра, тот даже не поморщился, всё усиливая и усиливая хватку.

Жизнь начала покидать меня, а вот бледное лицо Густава, напротив, налилось румянцем.

— Бенедикту всё сходило с рук. Всё и всегда. А я был не столь удачлив. Однажды мне не повезло, во мне поселилась луна. А он этого даже не заметил! Никто не заметил!

Если б не доза чёртового корня, разогнавшего по жилам кровь, я бы уже потерял сознание, а так мне всё же удалось упереться ладонью под челюсть библиотекаря и заставить его запрокинуть голову. К несчастью, руки душителя были длиннее моих, сломать ему шею не вышло.

Последний проблеск сознания заставил меня пошарить по кровати в поисках амулета некроманта. Потерявшие всякую чувствительность пальцы нащупали палочку и стиснули, стремясь сломать, но соскользнули с ниток и едва не упустили.

Я зарычал и в бессильной ярости ударил Густава по лицу, острый конец амулета угодил точно в глаз, потекла кровь, и хватка библиотекаря на миг ослабла. Это придало сил, я напрягся...

И с лёгким хрустом переломили амулет!

Густава сорвало с меня и отшвырнуло к стене, со всего размаху впечатало в камни и размазало по ним!

Но так показалось лишь на миг. Залитый кровью библиотекарь с протяжным стоном отлип от стены и вновь шагнул ко мне. Слабость давила к полу жуткой тяжестью, и всё же я начал подниматься навстречу противнику, а когда он прыгнул, врезал попавшимся под руку поленом. Врезал раз, другой, третий. И ещё! И снова!

На шестом ударе библиотекарь упал на колени, полено с хрустом угодило в затылок, и парень безжизненно растянулся на полу. Впрочем — не безжизненно, это я погорячился. Приложенные к шее пальцы уловили редкое биение пульса.

Живучий выродок...

Я крепко-накрепко стянул завёрнутые за спину руки Густава его собственным ремнём, затем выпрямился и потёр шею, на которой остались чёрные отметины чужих пальцев. Ещё немного и это мне пришлось бы лежать на полу. Только уже без пульса...

Короткая стычка словно вытянула из меня все силы, я рухнул в кресло и щедро сыпанул в камин остатки наструганного чёртового корня. Жадно хватанул разошедшийся по комнате дым, расслабленно откинулся на спинку и задумался, где отыскать достаточно вместительный мешок, телегу и бочонок масла.

Да, без масла в такую погоду было не обойтись...

Закат я встречал на краю мира.

Сидел на телеге, хлебал из баклажки яблочное вино, успокаивающе цокал на нервно прядавшую ушами лошадь. Коняге было не по себе, да и мне, честно говоря, место это тоже несколько не нравилось.

Я находился на самом краю Ведьминой плещи.

Через дорогу, сразу за обочиной, снега уже не было — землю там, казалось, подогревал огонь преисподней. И он же уродовал и иссушал траву, кусты и деревья. Скукоженные, перекрученные, с чёрными зловещими листьями и острыми шипами они напоминали страшных монстров, тщетно пытающихся пробудиться от летаргического сна.

Густав висел на сухом дереве, примотанный к толстым ветвям и стволу крепко-накрепко, без всякого шанса освободиться.

Набрать хворост и обложить им лишённый коры ствол много времени не заняло, и я уже второй час сидел на телеге, хлебал вино, зябко ёжился да поглядывал в сторону заходящего солнца. А ещё изредка подкидывал дрова

в разведённый неподалёку от дерева костёр.

Густав был плох. Последний удар оказался слишком силен, компаньон брата то приходил в себя, то вновь впадал в забытие, но происходящее не осознавал даже в редкие минуты просветления.

Он говорил. Говорил, говорил и говорил. Без остановок.

А я сидел и слушал.

— Бенедикт и Карл, ты же помнишь, мы всегда держались вместе. Но они были удачливы, им всё с ходило в рук. Попадало всегда только мне. И зачем только Бенедикт потащил меня в Ведьмину плешь! Сам он был словно заговоренный, никто из демонов его даже не замечал, а меня поцеловала луна. Знаешь, какая она? Холодная! Холоднее льда, много-много холоднее. Она совсем заморозила меня, я просто хотел согреться! Первый раз всё вышло случайно. Служанка, кажется, это была служанка, осталась провести со мной ночь, а к утру она была мертва. И я не мог ничего с собой поделать! Я пытался! Честно, пытался! Я уходил от дворца, уходил из города. Не хотел, чтобы кто-нибудь пострадал. Но луна была сильнее. А мне было так холодно...

Густав посмотрел на меня единственным глазом.

— Ты знаешь, что такое настоящий холод, Кейн? Нет, ты не знаешь. И даже так я боролся. Я бы справился, да — справился! — но Бенедикт вновь и вновь тащил меня в Ведьмину плешь, и с каждым разом мне становилось всё хуже и хуже. Я хотел сознаться ему, но не мог. Умолял не брать с собой, а он только смеялся. «Ты нужен мне, Густав» — говорил он. — «Ты мой талисман». В полнолуние было хуже всего. Я терял над собой контроль, поутру почти ничего не помнил. С ужасом узнавал детали. Это было даже хуже холода. Я хотел покончить с собой! Правда, хотел! И не смог. А в тот вечер зашёл к Бенедикту сказать, что никуда не поеду. Но он опять рассмеялся. Он просто рассмеялся! Тогда на нём не было перстня, мерзкого перстня, резавшего меня своими теньями! И я не сдержался! Я лишь потянулся к нему, слегка дотронулся! А он умер! Я не виноват! Я не хотел!

— Ты не виноват, — подтвердил я и вновь хлебнул вина.

— Отпусти меня, Кейн, — попросил Густав и в голосе его слышались заискивающие нотки. — Отпусти. Мне холодно...

— Уже скоро. Скоро я отпущу тебя, но сначала хочу кое с кем поговорить.

— И с кем?

— Не с тобой.

Густав надолго замолчал, а потом чужим скрипучим голосом спросил:

— Ты ведь не отступишься, нет? Не пожалеешь простака? Не дашь

ему справиться с собственной слабостью?

Уцелевший глаз теперь сиял расплавленным серебром, только не раскалённым, а холодным. Лунным.

— Не отступлюсь и не дам, — подтвердил я, отложив баклажку с вином. — Что ты за тварь?

Овладевший душой Густава демон визгливо рассмеялся.

— Владыка луны! Зови меня так.

— Не думаю, — покачал я головой.

Демон задёргался, но не сумел высвободиться и зашипел:

— Что тебе в имени моём? Имя мне — легион! Скоро мы захватим этот мир и оставим от него лишь пыль, прах и страдания!

— Мечты, мечты...

— Мечты? — прохрипело глоткой библиотекаря потустороннее существо. — А как тебе шутка, которую я сыграл с твоим братом? Его защищало кольцо, но я затаился в этом простаке и не зря. О нет, совсем не зря. Жаль, не удалось сыграть такую шутку с тобой. Очень жаль...

Я соскочил с телеги и встал напротив демона.

— Думаю, я услышал всё, что хотел.

— Постой! — заторопился тот. — Постой, не спеши! Давай заключим сделку! Я расскажу тебе, что открыло нам дорогу в этот мир и ничего не утаю. Этого больше не знает никто!

— Так себе сделка, — фыркнул я, сбил крышку с бочонка масла и принялся поливать им хворост.

— Ты блефуешь! — оскалился демон. — Ты торгуешься! Тебе хочется сделки! Иначе ты не стал бы сидеть здесь на морозе!

— Я ждал, пока ты проявишь себя, тварь, — покачал я головой. — Ничего не имею против Густава, ему просто не повезло. Но тебя я спалю. Ты не вернёшься в ад. Ты исчезнешь здесь и сейчас. Навсегда!

— Нет! — завизжал демон, но я не стал его слушать.

Пылающая головня из костра упала в хворост, и в один миг пламя взвилось до самого неба.

Визг? Визг затих не скоро.

К этому времени я даже успел согреться.

На тлеющем дереве ещё дымилось обугленное тело, когда я уселся на телегу и взмахнул вожжами.

— Но! Пошла!

Коняга потрусила прочь, ей хотелось поскорее убраться отсюда. Мне тоже.

От вони горелой плоти мутило, и я с отвращением зашвырнул полупустую баклагу в кусты. Вина не хотелось.

Ничего больше не хотелось.

Я задумался, так ли был неправ отец, когда говорил об отсутствии у меня цели в жизни, но в итоге лишь рассмеялся.

Это у меня-то нет цели в жизни?

Вздор! Ещё как есть!

И неважно, сколько кровососов придётся отправить к праотцам, добиваясь своего. Совсем неважно. Свобода того стоила. Всё остальное — потом.

Я задумчиво взвесил в руке нож, вздохнул и принялся аккуратно обстругивать брусок чёртового корня. Какое-то время мне ещё нужно было оставаться человеком...

notes

Примечания

Анклав — заселенная гномами территория Синих гор к юго-западу от Империи. С юга и юго-востока граничит с Восточным Норлингом, с запада омывается Олькским морем.

Каратели — отряды численностью обычно в две-три дюжины человек, занимающиеся розыском преступников, ликвидацией банд, реже участием в подавлении бунтов. Состоят на службе у маршалов (на землях, находящихся под прямой юрисдикцией Церкви, подконтрольных Инквизиции).

Медяк — медная монета номиналом в щит. 10 щитов = 2 шлема = 1 корона. 1 золотой щит = 10 серебряных щитов = 500 медных щитов.

4

Шлем — здесь: номинал монеты.

Серебряк — серебряная монета номиналом в полщита.

Локоть — здесь около сорока сантиметров. Равен четырем ладоням или двадцати пальцам.

Восстание Серебряных плащей — вылившийся в вооруженное столкновение отказ вольного города Арген признать власть Церкви после смерти последнего императора — Карла Бездетного. Восставшие были поддержаны частью крупных землевладельцев и Гильдией тайнознатцев. Длившееся четыре года противостояние закончилось победой церковных войск, в результате чего лендлорды лишились части привилегий, Гильдия тайнознатцев была распущена, а Арген сровняли с землей.

Дружины — базирующиеся в Заозерье военизированные подразделения, основной задачей которых является отражение набегов степных орков и ответные рейды в степь. В свободное от службы время многие дружинники подрабатывают охраной торговых обозов, поимкой объявленных в розыск преступников, наймом на службу к лендлордам и т.д.

Тайнознатец — первоначально получивший классическое образование и вступивший в Гильдию тайнознатцев колдун. С роспуском Гильдии, которая была создана наиболее могущественными школами тайных искусств — Домами Волн, Искр, Тлена, Судьбы и Крови, — название распространилось на всех заклинателей.

Пыльца фей — пыльца эльфийского подорожника. Сама по себе — легкий галлюциноген, но обладает свойством усиливать токсикологический эффект других наркотиков растительного происхождения.

Дом Судьбы — школа тайнознатцев, специализировавшаяся на ясновидении и предсказаниях. За несколько дней до начала морской блокады Аргена большая часть тайнознатцев этой школы отплыла в Западный Норлинг.

Арк — официальная приставка к родовым именам нетитулованного дворянства в Империи.

Имеется в виду попытка вернуть в Империю распавшийся в ходе гражданской войны на Запад и Восток Норлинг.

Тени — общее название преступных сообществ людей, действующих как в Империи, так и за ее пределами.

Охотники за скальпами — первоначально лица, получавшие вознаграждение за добытые скальпы эльфов. После заключения с эльфами мирного договора были объявлены вне закона. Позднее название распространилось на всех убийц, работающих по найму.

Красные кошки — подданные герцога Йоркского, чье прозвище обязано красному коронованному льву на гербе сюзерена.

Камнееды — гномы.

Тан-Норльское ущелье — единственный ведущий из Империи в Западный Норлинг проход через Синие горы. Контролируется Анклавом.

Хозяева волн, Владыки глубин — разные специализации практикующих управление водной стихией заклинателей Дома Волн, который после роспуска Гильдии тайнознатцев сумел сохранить большую часть своего могущества, образовав с Гильдиями мореходов и рыбаков Морской союз.

Кишкoder — настоящий на травах самогон.

Наместник — избираемый Церковным советом глава Империи. Фактически власть Наместника распространяется лишь на Город-на-Озере и передаваемый в его личное владение Медвежий склон.

Родовые имена уроженцев Восточного Норлинга в большинстве своем начинаются с м-, Западного — с эн-.

Заболевание, начинающееся вследствие укуса вампира. Тяжесть протекания зависит от количества потерянной крови. В особо тяжелых случаях приводит к летальному исходу, но, вопреки распространенному заблуждению, превращение заболевшего в вампира не происходит. При неоднократном заражении между вампиром и человеком возникает постоянная связь, оборачивающаяся для последнего зависимостью, сродни наркотической.

Драконье зелье — изготавливаемая гномами зажигательная смесь.

Дядюшка Тук-Тук — герой детских сказок, постоянно попадающий впросак из-за своей доброты.

Дом Тлена — Школа тайнознатцев, специализировавшаяся на имеющих отношение к смерти и умерщвлению людей заклинаниях. Считается уничтоженной во время подавления восстания Серебряных плащей.

Господин мертвых — тайнознатец, управляющий мертвыми телами.

Слуга смерти — тайнознатец, изучающий различные заклинания, направленные на умерщвление людей.

Дом Искр — Школа тайнознатцев, специализировавшаяся на управлении стихией огня и иных наиболее мощных разрушительных чарах. После подавления восстания Серебряных плащей верхушка Дома Искр получила убежище в одном из Северных княжеств — Ронли.

Повелители пламени — тайнознатцы Дома Искр, управляющие стихией огня.

Одержимые огнем — люди, имеющие от рождения склонность к управлению огненной стихией, но по какой-либо причине не сумевшие закончить классическое обучение. Обычно в качестве направляющих потоки силы артефактов используют драгоценные камни, в первую очередь рубины.

В сражении у Аргенской заводи, в котором решающую роль сыграла примкнувшая к восставшим Гильдия тайнознатцев, церковные войска потерпели сокрушительное поражение.

Кровные — неоднократно переболевшие кровавой горячкой люди и в результате этого попавшие в зависимость от заразившего их вампира.

Дом Крови — специализирующаяся на врачевании школа тайнознатцев. После подавления восстания Серебряных плащей оставшиеся в живых заклинатели этой школы получили помилование Церкви и совместно с Гильдией лекарей основали Гильдию целителей.

Совет Семи — высший совет Церкви, в который входят архиепископы Приозерья, Полесья и северных земель, Заозерья, Западного побережья, Норлинга (в настоящий момент только Западного), а также Великий инквизитор и Гроссмейстер ордена «Пламенеющего меча».

Резы — прибыль, процент от денег, данных займа.